

**МАСС-МЕДИА, СЕКТОР БЕЗОПАСНОСТИ
И УПРАВЛЕНИЕ.
РОЛЬ НОВОСТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ В КОНТРОЛЕ И ПОДОТЧЕТНОСТИ
СЕКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ**

**МАСС-МЕДИА, СЕКТОР БЕЗОПАСНОСТИ
И УПРАВЛЕНИЕ.
РОЛЬ НОВОСТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ В КОНТРОЛЕ И ПОДОТЧЕТНОСТИ
СЕКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ**

Научное пособие

Киев

2005

УДК 070.1:351.746.1

ББК 76.0

М 32

М 32 Масс-медиа, сектор безопасности и управление. Роль новостных средств массовой информации в контроле и подотчетности сектора безопасности: Научное пособие / Под ред. М. Капарини. — К.: _____, 2005. — _с.

ISBN

В книге рассматриваются вопросы взаимодействия СМИ, сектора безопасности и управления. Главы книги отражают новейшие направления в изучении этой междисциплинарной области знания. На конкретном историческом материале анализируются причины, закономерности, взаимосвязи и значение мирового опыта демократического контроля и управления в секторе безопасности.

УДК 070.1:351.746.1

ББК 76.0

ISBN

© Коллектив авторов, 2005

© _____, 2005

*Памяти Георгия Гонгадзе
(1969 – 2000)*

Содержание

Благодарность

Предисловие

Теодор Х. Уинклер

Часть I. СМИ и управление сектором безопасности

Глава 1. СМИ и сектор безопасности: контроль и подотчетность

Марина Капарини

Глава 2. Безопасность и СМИ

Айдан Уайт

Глава 3. Пролиферация или плюрализм? СМИ в посткоммунистических обществах

Душан Рельик

Часть II. Законодательные рамки регулирования деятельности СМИ и этика

Глава 1. Этика СМИ и службы безопасности

Клод-Жан Бертран

Глава 2. Reporting the World: этические проблемы международных новостей

Джейк Линч

Глава 3. СМИ и сектор безопасности: изменения в способствующей среде и правовые рамки

Монро Е. Прайс

Глава 4. Этика глобальной журналистики: этика во время террора

Стивен Дж. Уард

Часть III. СМИ во время конфликтов и в постконфликтных условиях

Глава 1. Роль СМИ в военное время и в процессе миротворчества

Росс Ховард

Глава 2. Реакция Великобритании на войну в Боснии: очерчивание и определение проблемы

Грегори Кент

Глава 3. Роль сербских СМИ во время войны и миротворчества

Даниэль Сантер

Часть IV. СМИ и оборона

Глава 1. Взаимоотношения СМИ с вооруженными силами и оборонные структуры в Великобритании

Стивен Блэкуэл

Глава 2. Конфликт и конфликтующие культуры: вооруженные силы и СМИ

Филипп М. Тэйлор

Часть V. СМИ и полиция

Глава 1. СМИ, полиция и ответственность: американский опыт

Отвин Маренин

Глава 2. *Quis custodiet?* Полиция, СМИ и демократия

Доминик Уислер

Часть VI. СМИ и разведывательные службы

Глава 1. Соотношение национальной безопасности и общественного права быть информированным после 11 сентября

Эрик Д. Миллер

Глава 2. Сторожить «сторожевых псов»: роль СМИ в надзоре за разведывательной службой Германии

Антъе Фритц

Заключение

Душан Рельик

Благодарность

Главы книги отражают новейшие тенденции в области междисциплинарного изучения СМИ, управления и сектора безопасности. Издание состоялось благодаря готовности авторов поддержать откровенный диалог, переступив через дисциплинарные границы. Отдельная благодарность Камиле Вега, Михаэлю Чамиеку и Александре Талманн из Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами, старательно и охотно содействовавшим созданию и выходу в свет этой книги.

Предисловие

Новостные СМИ играют особую роль в надзоре за сектором безопасности. Это стройная и сложная система для установления и укрепления отношений со службами безопасности, которая основывается на разумном управлении путем демократического контроля, прозрачности и ответственности. СМИ функционируют как средство для информирования общественности и формирования её восприятия политических и социальных событий, а также как механизм для осуществления политической коммуникации между правящими и управляемыми. В идеале СМИ могут функционировать в качестве «сторожевого пса» демократии, предупреждая общественность о неэффективности действий, коррупции, неразумном управлении и злоупотреблениях властью со стороны правительственных организаций, которые служат общественным интересам. Реформирование сектора безопасности стало ключевой проблемой для развивающегося мира и зарождающихся демократий, с одной стороны, и для зрелых демократий, с другой стороны. Несмотря на высокие результаты, достигнутые в последнее время в разработке концептуальных основ реформирования, многое ещё предстоит сделать, особенно для понимания информационных механизмов надзора и контроля, осуществляемых СМИ и другими институтами гражданского общества.

DCAF фокусирует свою деятельность на систематическом сборе, анализе и развитии международных экспертных оценок демократического контроля и управления в секторе безопасности. Данное издание является результатом деятельности Группы по гражданскому обществу и представляет взгляды и мнения журналистов, медиа-экспертов и специалистов по сектору безопасности. Широкий круг вопросов и географическая представленность книги — пример подхода, который применяет DCAF для изучения многоаспектной и интердисциплинарной проблематики реформирования сектора безопасности. DCAF выражает благодарность всем, кто принял участие в создании и издании книги и без чьей помощи она не вышла бы в свет.

Доктор Теодор Х. Уинклер

ЧАСТЬ I

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И УПРАВЛЕНИЕ СЕКТОРОМ БЕЗОПАСНОСТИ

Глава 1

СМИ и сектор безопасности: контроль и подотчетность

Марина Капарини

Введение

Концепция СМИ как “четвертой власти” закреплена сегодня в качестве главного принципа западной теории демократии. Свободные и независимые СМИ выступают ключевым элементом демократии, в рамках которой они выполняют жизненно важную роль связующего звена между обществом и управленцами. Предоставляя разностороннюю и достоверную информацию, обеспечивая гласность множества взглядов и мнений, СМИ стимулируют обсуждение и критическую оценку действий правительства. Показывая то, что действительно происходит, СМИ выносят правительственные притязания и деятельность на суд общественности, делают политических и государственных деятелей более ответственными.

Демократический гражданский контроль вооруженных сил, полиции и других органов безопасности и их подотчетность сегодня также являются устойчивыми нормами демократической политики, и прогресс в этой сфере связан с процессом демократической консолидации. Из всех секторов публичной политики сектор безопасности доказал на практике наибольшую устойчивость к внешнему контролю и публичному вмешательству. Недостаточная прозрачность деятельности и низкий уровень гражданского контроля часто узаконены правительством и руководящей элитой сектора безопасности по причинам национальной безопасности. Даже при зрелой западной демократии национальная безопасность — а при тщательном рассмотрении институциональный аппарат существует для её обеспечения и контроля — традиционно относилась к прерогативе исполнительной власти. События 11 сентября 2001 года и осознание угрозы безопасности в различных регионах способствовали сокращению свободы доступа к информации, ее распространения и гражданского контроля в сфере безопасности.

Военные и полиция, признавая необходимость конструктивного регулирования своих отношений с журналистами, были вынуждены обратиться к специалистам по связям с общественностью. Тем не менее взаимодействие СМИ и служащих в сфере безопасности ведет к множеству потенциальных конфликтов. Журналисты сталкиваются со специфическими проблемами во время освещения темы безопасности, в том числе блокированием или сокращением доступа к информации с острой проблематикой, отсылкой к официальным источникам. Имеет место тенденция, когда новостные организации испытывают всё меньшее желание жертвовать своими ресурсами для освещения данного круга вопросов. Правительство и сотрудники безопасности могут блокировать или задержать распространение информации, манипулировать ею, могут воздействовать на журналистов различными средствами, от создания условий зависимости и потенциального кооптирования путем внедрения репортеров вместе с вооруженными силами в зоны конфликтов до запугивания и угроз.

Данная книга ставит целью изучить роль СМИ в государственном управлении и контроле сектора безопасности — области публичной политики, касающейся безопасности индивида, общества и государства. Согласно теории демократии те, кто правят от имени народа, должны отвечать за свои действия и за свою политику. Так как общественное благосостояние обеспечивается государством, безопасность должна быть предметом контроля и подотчетности как ни одна другая сфера политики. СМИ в демократических государствах играют важную роль в усилении публичного контроля правительства. Согласно англо-американской теории демократии СМИ — “четвертая власть” (или «четвертое сословие»), которая действует как дополнительное средство контроля над тремя ветвями власти — исполнительной, законодательной и судебной. СМИ играют роль контролирующей власти, предоставляя свободу взглядов и мнений, обеспечивая доступ общественности к информации, чтобы понять и критически оценить правительственные действия, включая изложение альтернативных взглядов и политических теорий, а также стимулирование общественных дебатов на актуальные темы.

Согласно концепции реформирования сектора безопасности безопасность — защита индивида, общества и государства от насилия — существенное условие для качественного развития. Состояние сектора безопасности страны, так же как и отдельных институтов (армии, гражданского общества, СМИ), должно быть тщательно изучено относительно вопросов управления, прозрачности

деятельности и подотчетности правительству. Основная цель реформирования сектора безопасности — это качественное и количественное его оснащение при демократическом контроле, ответственном управлении, сохранении демократии и соблюдении прав человека (Hendrickson and Karkoszka 2002; Born, Saragini and Fluri 2002). Начиная с конца 90-х годов (впервые — среди членов Британского общества развития) реформирование сектора безопасности получило поддержку Великобритании как в развитии и установлении демократии, так и в сфере безопасности. Тем не менее дискурс и основные сферы деятельности органов сектора безопасности оставались под безусловным влиянием западного опыта и западных моделей. Данная публикация рассматривает основные характеристики СМИ в секторе безопасности так, как их понимают в демократически развитых странах, с целью отождествить некоторые задачи, выполняемые СМИ, с ролью “сторожевого пса”, изучить положительный опыт такой роли, а также возникшие при её выполнении препятствия и проблемы. Во вводной части рассматриваются главные задачи и проблемы СМИ при выполнении роли “сторожевого пса” в демократических странах в соответствии с теорией демократии, данными специальной литературы по изучению СМИ и опытом развитых демократических стран.

Данная глава посвящена анализу взаимоотношений СМИ и сектора безопасности в разных аспектах, включая законодательные и нормативные ресурсы, профессиональный опыт и оценки экспертов. Институты безопасности, на которых сфокусировано внимание, — это вооруженные силы, полиция, разведывательные службы, а также гражданские структуры, созданные для контроля и наблюдения за вышеназванными службами безопасности, включая министерства, парламентские комитеты, институты омбудсмена и гражданские комитеты по пересмотру судебных дел.

Поскольку более детальное изучение сектора безопасности включало бы помимо вышеназванных подразделений таможенное и пограничное управления, судебную и карательную системы, мы ограничились исследованием роли журналистов и СМИ в контроле, подотчетности и разумном управлении — трёх наиболее существенных элементах деятельности сектора безопасности. Речь идет также о роли и влиянии СМИ на постконфликтных и посткоммунистических пространствах. СМИ в странах, находящихся на пути перехода от авторитаризма или социализма к демократии, стараются учитывать дополнительные препятствия при выполнении роли “сторожевого пса”, которые являются следствием недавнего опыта ограничения журналистской деятельности и свободы слова. Такие общества сталкиваются не только с задачей создания законных регулирующих условий для независимых и разнообразных СМИ, но и со сложной экономической ситуацией и культурными последствиями авторитарного режима, такими как нетерпимость политических лидеров и государственных чиновников к журналистским расследованиям, низкий престиж профессии журналиста, кооптация, манипуляция и запугивание со стороны политической или экономической элиты, ставшая нормой самоцензура журналистов и издателей, отсутствие культуры публичности информации у чиновников и недостаточная осведомленность граждан о своих правах доступа к информации о правительственной деятельности.

Так как существует негласный договор о важности роли СМИ в развитии и укреплении демократии, а также в содействии разумному управлению, были проведены небольшие систематические исследования, касающиеся роли СМИ в освещении деятельности сектора безопасности и усилении ответственности чиновников. Сравнительные исследования редки в этой области. В них сравниваются не только государства с различными уровнями демократического развития, но и отношения СМИ и государства, имеющие место в различных институтах сектора безопасности. Данная книга является исходным пунктом в исследовании отношений СМИ с сектором безопасности и правительством. Книга относится к академической и политической литературе по реформированию сектора безопасности и, если взглянуть шире, по развитию демократии. Мы надеемся, что она внесет свой вклад в исследование отношений СМИ и сектора безопасности и, что особенно важно, углубит понимание потенциала СМИ в публичном контроле, усилении правительственной ответственности и реформировании сектора безопасности.

СМИ и демократия

Свободные и независимые новостные СМИ — ключевой элемент демократической системы, где они играют жизненно важную роль, содействуя осведомленности управленцев и граждан о действиях

друг друга и поддержанию двусторонних контактов. Одной из базовых предпосылок демократии является то, что власть опирается на поддержку народа, и те, кому доверено управление, должны считаться со взглядами и предпочтениями простых граждан (Taras 2001, p. 29). Согласно теории демократии СМИ функционируют как проводник или связующее звено между обществом и управленцами. Так как СМИ тесно связаны с политической системой и общественной сферой, они играют двойную роль — репрезентации и формирования политического мнения. С одной стороны, СМИ сообщают информацию, которую позднее используют граждане для принятия обоснованных политических решений. С другой стороны, политики рассчитывают через СМИ распространить свои политические взгляды, изучить общественное мнение и установить контакт с обществом. Таким образом, СМИ формируют основу для отношений между обществом и правительством, сообщая информацию о намерениях, решениях, приоритетах и реакциях политических деятелей (Mughan and Gunther 2000, p. 1).

СМИ в демократическом обществе должны как минимум работать с разносторонней и достоверной информацией о политических и социальных процессах, чтобы рядовой гражданин мог принимать обоснованные решения и тем самым участвовать в политическом процессе. Информация и публичные решения и дебаты, освещаемые СМИ, обеспечивают гражданам возможность видеть и понимать, что происходит в политической и социальной сферах, и оценивать свои собственные позиции в политическом процессе, сравнивая их с другими взглядами и мнениями. Публичная коммуникация через СМИ должна осуществлять взаимодействие различных источников информации для создания так называемого «общественного мнения» (Neidhardt 1994 cited in Meyer 2002, p. 9). Эффективные и независимые СМИ могут функционировать в качестве «сторожевого пса» правительства, раскрывая суть правительственной деятельности для публичного контроля, вынуждая таким образом правительства к большей ответственности за управление в публичной сфере. Во время журналистских расследований возможно выявление фактов коррупции, правонарушений и злоупотреблений властью правительственными должностными лицами. Наряду с другими составляющими гражданского общества, такими как неправительственные организации, исследовательские институты и группы интересов, СМИ осведомляют граждан в области национальной и общественной безопасности, помогают глубже обосновать позиции в политических дебатах и информируют об обсуждении политических альтернатив. Таким образом, СМИ являются одновременно и активным участником, и механизмом обеспечения правительственной ответственности.

Свободные СМИ опираются на частично закрепленные в законодательстве гарантии прав граждан на доступ к информации о деятельности правительства. Свободные СМИ существуют, когда они защищены от произвола властей и когда плюрализм СМИ узаконен. Свободное сосуществование информированности и состязательности среди государственных и коммерческих СМИ порождает (часто под давлением закона) множество политических точек зрения, что повышает осведомленность общества и позволяет принимать аргументированные решения, в частности во время выборов (Mughan and Gunther 2000, p. 5).

Более чем просто обозревая и сообщая факты, журналисты вносят свой вклад в ход критических обсуждений и диалогов в рамках своих обществ, тем самым выявляя актуальные общественные и политические проблемы. Это соответствует той точке зрения, что новостные СМИ — институт, находящийся в центре демократической жизни, и предполагает их функционирование не только в целях получения прибыли, но и в целях соблюдения интересов общества. В контексте политики безопасности это означает как мониторинг правительственной политики и её реализации, так и изучение альтернатив существующей политике безопасности. Имея возможность прояснить политическую ситуацию, СМИ стремятся повлиять на неё прежде, чем будут приняты окончательные политические решения. СМИ могут влиять на ответственность политических деятелей, правительств и международных организаций, оглашая (будучи очевидцами событий) то, что они видят и слышат, публично сопоставляя ранее сделанные заявления с последними комментариями (Moeller 2002). Эффективный контроль, осуществляемый гражданским обществом, — это результат их компетентности и способности беспрепятственно оценивать, критиковать или поддерживать правительственные решения, касающиеся обороны и общественной безопасности. СМИ могут усилить ответственность политических и государственных деятелей, показывая аудитории происходящее в действительности

(последнее может сильно отличаться от того, что первоначально утверждали политики или дипломаты).

Требования прозрачности деятельности оказывают благотворное воздействие на правительства в демократических странах. Так, заинтересованным гражданам не придется разыскивать информацию, на доступ к которой они имеют право и которая, однако, не была доведена до их сведения. А среди хорошо информированных граждан имеют место широкие дискуссии о политике и политических альтернативах. Ключевую роль при этом могут сыграть структуры гражданского общества, например специализированные неправительственные организации, которые могут стимулировать и фокусирование общественного внимания на политических проблемах, и их обсуждение. Активные граждане и институты гражданского общества также могут содействовать появлению более концентрированной и проанализированной информации об общественной политике, предоставляя уже конкретные возможности для политического участия в самом совещательном процессе (Curtin 2003, p. 115). Для функционирования в качестве «четвертого сословия» в США, например, прессе были предоставлены специальные права, как-то: освобождение от клятвы при даче свидетельских показаний при определенных обстоятельствах, право на сокрытие источника информации, защита от многочисленных обвинений в клевете и доступ к официальной информации. Это было сделано для того, чтобы позволить журналистам работать от имени граждан, контролируя по сути коррумпированное правительство (Carey 2002, p. 80). Во время повышенной угрозы безопасности американская пресса была патриотична и активна. Между тем репортер в основном выполнял роль обозревателя, стоящего по другую сторону альтернативной политики (Carey 2002, p. 81).

Отношения СМИ и правительств часто характеризуются через конфликты по поводу безопасности, особенно если это касается острых вопросов, например национальной безопасности или закона и порядка. Правительства могут скрывать информацию, если считают, что она может повредить общественным интересам. Но они могут это сделать и по субъективным причинам, в частности если информация может препятствовать их деятельности. Sadler (2001, p. 254) отмечает, что чем дольше правительство остается у власти, тем вероятнее, что его политические интересы тождественны национальным интересам, и ещё более вероятно, что оно чаще прибегает к сокрытию информации, которая может повредить этим интересам. Соответственно напряженность в отношениях со СМИ может возникнуть, когда СМИ подозревают правительство в использовании национальной безопасности как повода для утаивания информации, которая может создать затруднения в дальнейшей деятельности или вызвать скандал на почве коррупции и злоупотребления властью.

Частные СМИ и телерадиовещание

Существуют различные категории СМИ для различной аудитории. В данном исследовании внимание уделено «серьезным» выпускам новостей, и в частности общественным новостям, которые считаются сердцевинной серьезной журналистики. Общественные новости публикуются ведущими изданиями страны (например New York Times или Washington Post в США, The Guardian, The Independent, Financial Times, Telegraph и The Time в Великобритании). «Мягкие новости», или бульварная пресса, специализируются на развлечениях и праздничных мероприятиях с явно выраженным акцентом на сенсуализм.

Серьезные СМИ в демократическом обществе ответственны за «поддержание демократического диалога» и открытость общества множеству новых идей, но они делят эту ответственность с другими субъектами, такими как политики, редакторы, владельцы частных СМИ и граждане (Taras 2001, p. 27). В соответствии с тем, что называют «попечительской» моделью СМИ («trusteeship»), СМИ функционируют как публичный форум и публичное место встречи. Они представляют собой не только прибыльные компании, служащие интересам инвесторов, — они служат ещё и публичным интересам. Общественностью для СМИ, следовательно, являются и покупатели, и граждане. Ответственность журналистов, так же как и владельцев частных СМИ, заключается в служении общественным интересам через предоставление гражданам информации и обсуждение происходящего в обществе, в выполнении роли «сторожевого пса» правительственных действий и в избегании заинтересованности коммерческого или другого рода (Taras 2001, p. 3).

СМИ являются ключевой составляющей демократической системы, не подвергаясь при этом проверкам или давлению, как другие институты. Хотя новостные СМИ могут играть и играют важную роль в поддержании ответственности публичных институтов и правительств, следует признать, что сами СМИ не ответственны ни перед кем. Пока, получая всё более широкое распространение, этические нормы и новостные омбудсмены являются индикаторами успехов СМИ в самокритике и самоанализе, СМИ остаются конкурентоспособными, стремятся увеличить объем тиражей, доходов и количество читателей и это не всегда или не обязательно гармонируют с неформальной ролью «сторожевого пса» демократии. Если СМИ являются основным пространством для общества, где идеи могут обсуждаться, то они должны оставаться открытыми для противоречивых взглядов и непопулярных идей. СМИ должны формировать и защищать рынок идей.

То мнение, что СМИ могут функционировать как механизм, усиливающий ответственность государства, основывается на утверждении о существовании независимых СМИ или хотя бы отдельных новостных компаний, которые не имеют тесных политических или экономических связей с государством. Это не касается стран, которые установили формальную демократическую систему, но до сих пор укрепляют демократические процессы и структуры. В странах Южной Америки, например, исторически сложившиеся близкие отношения прессы с экономическими и политическими властями и неспособность получить независимость препятствуют журналистским расследованиям правонарушений в деятельности бизнесменов и политиков (Waisbord 2000, p. 5). Теле- и радиоканалы, финансируемые из бюджета, более осторожны в использовании публикаций как средств для достижения цели и предпочитают воздерживаться от критических репортажей. Подтвержденная документально тенденция к такой концентрации владельцев частных СМИ в США и западных странах, в которой незначительное количество транснациональных конгломератов доминирует над бесчисленными секторами СМИ (например кино, телевидение, радио, книжные, журнальные, газетные издательства), также может оказать негативное воздействие на свободу слова и плюрализм в демократических культурах. Поскольку конгломераты СМИ получили контроль над пространством СМИ, то они могут коммерческими способами удовлетворить общество и получить максимальную прибыль, а также выпускать качественную продукцию, отвечающую интересам общества.

Согласно McChesney and Nichols (2002, pp. 58—59), новый мир корпоративной журналистики проявляет себя различными способами. Основной эффект от объединенного корпоративного контроля — серьёзное сокращение штатов одновременно со стремлением сделать материал с меньшими затратами и при этом более правдиво. Новости часто похожи на заранее заготовленные криминальные репортажи, которые вызывают необоснованные и ненужные страхи. Существует надежный способ простого уклонения от недобросовестной журналистики, которая может впутать СМИ в столкновения с корпорациями и правительственными агентами.

С одной стороны, страны, где создаются общественные вещательные компании, могут попытаться протестовать и выражать свои общественные интересы путем поддержки тех СМИ, которые достаточно далеки от состязательности и императивности в коммерческой сфере. Однако такие компании могут испытывать определенные трудности, которые ограничивают их свободу в изучении и освещении острых вопросов. Например, в Канаде репортажи довольно скользкой тематики квебекского сепаратизма и Канадского национального объединения стали предметом политического давления, обвинений в предубеждении и предоставлении ложной информации. Телекомпания CBC была обвинена в предвзятости репортажей на данную тему. Из-за высокой эмоциональности (возможное отделение Квебека от Канады, а значит, распад Канады) и географически различных перспектив (в английской Канаде подавляющее большинство настроено в пользу целостности Канады, Квебек расколот между сепаратистами и федералистами) объективное освещение событий почти невозможно. Попытки объяснить сепаратистские перспективы для английской Канады вызвали бы отчуждение аудитории, но и в Квебеке журналисты должны были осветить обе стороны событий. В результате телекомпания подверглась тщательной проверке, что, однако, защитило её от агрессивных критических нападок (Tagas 2001, p. 141).

Другим примером может послужить недавний конфликт в Великобритании между корпорацией BBC и правительством Т. Блэра, возникший из-за подозрения правительства в манипулировании информацией разведывательных служб. В основе конфликта лежит репортаж журналиста BBC А.

Галлигана о том, что по распоряжению директора по общественным связям А. Кэмпбэлла, входившего тогда в правительство Т. Блэра, было составлено досье о поддержке решения о вступлении в войну с Ираком, основанное на предъявленной Ираку претензии по поводу обладания оружием массового уничтожения. Правительство утверждало, что BBC продемонстрировала антивоенные политические настроения, низкий уровень профессионализма, и обвинило её в бульварщине. BBC, в свою очередь, обвинила правительство в политическом буллинге и создании угрозы её независимости, ссылаясь на возможные последствия восстановления своих прав и репутации (Hall and Wells 2003). Инцидент касался стремления телекомпании привлечь внимание к упущениям правительства при попытке оправдать участие в войне с Ираком и к убеждению правительства в том, что деятельность телекомпаний не должна подрывать авторитет правительства.

Таким образом, и частные, и общественные СМИ сталкиваются с существенными систематическими препятствиями при выполнении роли «четвертой власти» в обществе и содействии публичным интересам, как и гласит теория демократии. Следующий раздел рассматривает более детально функцию СМИ как «сторожевого пса» и её применение в методологии и практике журналистики.

Журналистские расследования

Журналистское расследование, определяемое как активное и продолжительное исследование журналистом возможного злоупотребления властью, видится одним из наиболее эффективных средств для изобличения правительственных правонарушений. Авторитет журналистских расследований возрос после разоблачений Уодуорда и Уотергейта. Несмотря на в целом благоприятную почву для таких расследований, три условия всё же должны учитываться. Во-первых, должна существовать хорошая управленческая структура, обеспечивающая существование и развитие независимых и плюралистических СМИ, что означает также закрепление свободы слова в Конституции. Во-вторых, журналистам необходим доступ к различным источникам информации. Это достигается главным образом через такую информационную систему, которая гарантировала бы журналистам и прочим гражданам доступ к информации, предоставляемой государством, о правительстве и его деятельности. Кроме того, СМИ должны быть свободны в публикации результатов журналистских расследований, свободны от цензуры и репрессий, включая такие узаконенные средства воздействия, как клевета, оскорбления, необоснованные судебные обвинения, а также угрозы и применение насилия. Другими словами, то, что при существующих ограничениях позволено публиковать, должно быть тщательно определено (Article 19 2003).

Даже в странах с развитой демократией свободы СМИ могут быть, и обычно бывают, ограничены в своей деятельности законодательством по причинам национальной безопасности. Международное право признает национальную безопасность как основание для законного ограничения свободы слова и информации. Власти часто закономерно допускают ограничение свободы СМИ и доступа к официальной информации по причинам национальной безопасности или охраны общественного порядка, как в мирное время, так и во время чрезвычайных ситуаций. Например, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах (ICCPR) свобода слова может быть ограничена для защиты национальной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или морали, а также прав и репутации других граждан. Такие ограничения должны быть узаконены¹. Исходя из вышеуказанных терминов, дать четкое определение национальной безопасности сложно, учитывая контекст и возможные интерпретации обстоятельств таких исключительных случаев, как национальная безопасность, охрана публичного порядка и общественная безопасность. Речь также идет о необходимости для властей в отдельных случаях, когда такие исключения способствуют пресечению свободы СМИ, оглашать свои заключения по поводу того, что национальная безопасность или публичные интересы под угрозой. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах стремятся найти точное определение легитимным интересам национальной безопасности. Согласно им ограничение основных

1 Ст. 19 (3), *Международный пакт о гражданских и политических правах* (ICCPR), доступен на URL: <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/a_ccpr.htm>.

свобод, таких как свобода слова и информации, может быть допущено с целью защиты национальной безопасности, когда их действие или их последствия способны подрвать территориальную целостность или политическую независимость государства и являются реальной угрозой безопасности населения через применение или угрозу применения силы (United Nations 1985). Тем не менее такая формулировка может восприниматься как слишком сдерживающая при использовании её властями, не желающими связывать себе руки перед лицом угрозы безопасности.

Хотя ни Йоханнесбургские принципы национальной безопасности, свободы самовыражения и доступа к информации (The Johannesburg Principles on National Security, Freedom of Expression and Access to Information), ни Сиракузские принципы не являются международными соглашениями и не приняты ЕС в качестве неоговоренных стандартов, они отражают высокий уровень уважения к свободе слова и информации и имеют, в частности, значение при рассмотрении претензий на защиту национальной безопасности. Сформулированные академиком и экспертами по правам человека, они преследуют цель найти «квинтэссенцию существующих стандартов среди множества источников международного и сравнительного права» и представляют собой «краеугольный камень международных стандартов, основанных на законодательстве и практике демократических стран» (Mendel 2003, p. 9).

Факторы, препятствующие СМИ исполнять роль «сторожевого пса»

Некоторые эксперты СМИ утверждают, что влияние СМИ на решения внешней политики зависит и от того, насколько ясно определяется и осуществляется политика. Скоординированная и твердо проводимая политика менее чувствительна к изменениям, вызванным критикой СМИ (Power 2002). СМИ могут сыграть важную роль в выявлении проблематики национальных дебатов и в сокращении времени, за которое должны быть приняты политические решения. Это особенно касается случаев войны и кризисных ситуаций.

Сегодня в США и некоторых других странах заметны тенденции, которые заставили обозревателей задуматься об эффективности контролирующей роли СМИ. Наиболее актуальная из них — установление атмосферы секретности, что явилось результатом террористических атак 11 сентября 2001 года в США. Влияние на СМИ и журналистику стало прямым, о чем свидетельствует недавняя политика внедрения журналистов вместе с союзническими силами для освещения в 2003 году вторжения в Ирак (Franks 2003), возобновленный акцент на государственной секретности, попытка сокращения количества информации, разрешенной для публикации, из-за предполагаемой остроты проблематики (Schmitz 2003), обвинение Администрацией Буша главных чиновников в допущении утечки информации, остракизм выявленных в администрации оппонентов политики США (Confessore 2002), с высокой вероятностью того, что эффект охлаждения зародился в США.

Вторая долгосрочная тенденция — усиливающийся акцент на зрелищность при оценке реального и информационного контекста новостей, иногда означающий упрощение новостей, что снижает роль в обществе серьезной журналистики. Особенно на телевидении имеет место заметный сдвиг от политических новостей к развлекательным программам. Во многих западных демократических странах тенденцией стала направленность на информационно-развлекательный стиль политического освещения избирательных компаний, это напоминает комментирование скачек, когда малую толику внимания уделяют важным моментам и акцентируют его на промахах кандидатов (Mughan and Gunther 2000). Когда менее существенная информация постоянно на устах, способность граждан оценивать демократические и общественные последствия итогов выборов прежде, чем они будут затушеваны, уменьшается. Более того, для большинства населения США и некоторых других развитых стран телевидение стало основным источником новостей. И это влияет на сжатость репортажей о комплексных мероприятиях внешней политики, таких как война или участие в миротворческих операциях, так как стандартный репортаж в телевизионных новостях занимает три минуты эфирного времени. Одно из последствий признания телевидения как новостного ресурса — минимализированное обсуждение контекста и предпосылок того или иного события.

Третья тенденция, которая влияет на ограничение роли СМИ как «сторожевого пса», — это появление крупных корпоративных конгломератов, которые включают в свой состав и новостные компании, что ведет к злоупотреблению их контролем над прессой, например через намеренную

политическую предвзятость. Такие конгломераты участвуют в создании монополий среди владельцев частных СМИ, в сокращении многообразия перспектив для СМИ и связывают свои интересы со СМИ, часто формируя тесные связи с определенной политической элитой. Западные страны приходят к пониманию того, что основные СМИ теперь тесно связаны с центральными политическими и экономическими властями через такие конгломераты, что ограничивает независимую и критическую журналистскую деятельность и сокращает спектр освещаемых событий, особенно жизненно важных для общества. Современное слияние компаний СМИ ведет к возникновению огромных сверхприбыльных конгломератов, которые часто сотрудничают в одной области, конкурируя в других. Как следствие — ненормально высокая концентрация политической власти у конгломератов (Taras 2001). Два главных вопроса, касающиеся роли СМИ как «сторожевого пса» в расширенном контексте информационных конгломератов, таковы: сдерживают ли конгломераты состоятельность и получают ли граждане необходимые новости. Решают ли владельцы частных СМИ, какие новости печатать или транслировать, и предоставляют ли сами журналисты на суд общественности альтернативные перспективы? Рост конгломератов СМИ поднимает серьезные проблемы ответственности, разносторонности и независимости; один из медиа-экспертов прокомментировал ситуацию так: «Сегодня более, чем когда-либо, большой потенциал влияния частных СМИ на общественную повестку дня, спрятанный за маской объективности, подвергает опасности политическую демократию» (Hackett and Zhao 1998, p. 5).

Проблема объективности в журналистике является предметом ожесточенных дискуссий в сфере массовых коммуникаций. Долго вырабатываемая на основе беспристрастности и баланса, будучи одним из фундаментальных принципов профессиональной журналистики, особенно в англо-американской традиции, объективность была раскритикована за то, что она превращает журналистов скорее в «пассивных реципиентов новостей, чем в активных аналитиков и толкователей» (Cunningham 2003). От говорящего зависит, какой смысл будет вложен в термин «объективность». Более того, стремление к объективности, как было заявлено, укрепляет тенденцию среди журналистов полагаться единственно на официальный источник. Заявленная ими «правда» — это по сути, «официальная правда», мнение государственных деятелей и чиновников. Культура новостей, свойственная той или иной стране, может также отдавать привилегию официальным новостям, оставляя меньше возможностей альтернативным взглядам. Кратко говоря, старые привычки самоцензуры являются остатком прошлого, когда авторитарные методы использовались для подавления критицизма среди СМИ и общества.

Ссылка на официальные источники особенно заметна в репортажах на темы безопасности. Наиболее ярко это было продемонстрировано на практике внедрения журналистов вместе с союзническими силами в Ирак во время американо-британской войны, а также в регулярных репортажах о делах обороны и безопасности повсеместно на Западе. Одним из последствий слепого доверия официальным источникам является то, что стало сложнее информировать об альтернативных перспективах и критике. Если репортажи, критикующие решения или политику президента, министра, начальника полиции или начальника Генерального штаба, расцениваются как политическое предубеждение, журналист рискует в дальнейшем лишиться доступа к официальной информации (Cunningham 2003). Это было хорошо продемонстрировано во время войны в Ираке через исключение журналистов, которые были критически настроены во время пресс-конференций с чиновниками администрации Буша. Более того, зависимость от официальных источников вынуждает издателей и журналистов поднимать те проблемы, которые не рассматриваются официально, что сокращает способность СМИ влиять на общественную повестку дня.

Слишком сильное доверие официальным источникам также увеличивает шансы того, что журналисты некритически воспринимают «spin» — это аккуратно сделанный и «сшитый» вариант официального заявления, которое выражает позицию правительства по тому или иному вопросу. Другими словами, более вероятно, что в данной ситуации история будет освещена журналистами не так, как она действительно происходила, а так, как она была преподнесена, читай — придумана (Woodward cited Cunningham 2003). Большинство исследователей в последнее время критически относятся к освещению СМИ проблемы оружия массового уничтожения, в процессе которого не было уделено должного внимания различию видов такого оружия и программам по его применению,

некритически было воспринято уравнивание Администрацией Буша международного терроризма с обвинением в хранении оружия массового уничтожения. «Многие репортажи стенографически передают взгляды должностных лиц администрации на проблему оружия массового уничтожения, не стремясь критически проанализировать, под каким углом политики рассматривают события и политическую обстановку. В погоне за самой важной информацией и за самыми важными участниками происходящего СМИ США придают большое значение мнению должностных лиц из администрации о проблемах оружия массового уничтожения в ущерб альтернативным точкам зрения» (Moeller 2004, p. 3). Данный пример подчеркивает обязанность СМИ не только информировать, но и учить воспринимать информацию, особенно в областях, которые попадают в сферу публичного интереса, но которые в то же время могут быть специализированными и слишком закрытыми для масс.

В Северной Америке растет критика политической журналистики по поводу предвзятости и необъективности. Репортеры, корреспонденты и ведущие более не преподносят факты, а интерпретируют их и предопределяют их влияние и последствия. Крайне субъективные и спекулятивные комментарии последних событий также являются проявлением тенденции к более развлекательному телевидению, включая создание «армии» знаменитостей среди журналистов (Nachten 1998, p. 109).

Другую преграду при выполнении роли «сторожевого пса» СМИ встречают в лице косвенных последствий феномена «уважения к суду». Специфические законы, защищающие свободу СМИ, доступ к информационным ресурсам и четкое определение понятия национальной безопасности, помогают защитить независимость СМИ. Тем не менее по соображениям национальной безопасности суды получают право определять, являются ли национальная безопасность или сохранение публичного порядка законными основаниями для ограничения свободы СМИ в отдельных случаях. Во многих странах судебная власть чаще видит себя партнером исполнительной власти, чем отдельной и автономной ветвью власти (Kanyongolo 1996). Суды также часто становятся на сторону исполнительной власти в делах, касающихся национальной безопасности. В странах, где имеет место общественная судебная защита, судам не свойственно защищать независимые СМИ от правительственных претензий касательно сохранения национальной безопасности.

В конечном итоге можно отметить, что сегодня журналисты стремятся сосредоточиться более на персоналиях, чем на проводимой политике. Такой акцент на межличностных конфликтах приводит ко всё большему противостоянию между СМИ и героями репортажей. В особенности когда поставлено на карту что-то более важное и весомое, чем индивидуальные решения и поступки, внимание акцентируется на более существенных взаимоотношениях и культуре.

СМИ и сектор безопасности

Отношения между СМИ и представителями государственных институтов безопасности, будь то военные, полиция или разведывательные службы, являются уже по своей сути напряженными из-за глубоко различных институциональных культур, ценностей и функций. Военные и службы безопасности бюрократически построены на жесткой иерархии и подчинены авторитарной дисциплине. Их задачи и условия для деятельности строго определены, и участники придерживаются более консервативных ценностей и взглядов, чем остальные члены общества. СМИ, наоборот, саморегулируемы и разбиты на огромное количество конкурирующих частей. Журналисты ставят под вопрос авторитетность и провозглашают открытость, они отличаются индивидуализмом и скептицизмом и одной из своих целей ставят выявление злоупотреблений властью. В то время как органы безопасности полагаются на официальную информацию и часто нуждаются в сокрытии острых углов своей деятельности, особенно если информация такого рода может политически повредить данному институту, СМИ добиваются прозрачности и разоблачений. Далее, цели СМИ и структур безопасности отличаются в корне. Журналисты рассчитывают на сюжет, который может быть напечатан (показан) и вызовет публичный интерес, пока занятые в сфере безопасности пытаются защитить национальную или общественную безопасность в соответствии с задачами и политикой своих политических лидеров.

И всё-таки СМИ и сфера безопасности зависимы друг от друга. Институты безопасности, подобно правительствам, нуждаются в общественном признании для пополнения своего бюджета и для поддержки своей активности. В демократических странах СМИ ответственны за выставление

политических лидеров и элиты сектора безопасности на обозрение общественности для ответа за свою политику. Важно, что СМИ и сфера безопасности сотрудничают, чтобы информировать общество, дать ему возможность задавать вопросы правительству и призывать лидеров к ответственности.

Независимые и аккуратно работающие СМИ укрепляют демократическое правительство и способствуют ответственности, прозрачности деятельности и разумному управлению в публичном секторе. СМИ могут помочь выявить нарушения, определить политические альтернативы и содействовать обществу в обоснованном выборе. СМИ сталкиваются с препятствиями при выполнении этих функций в лице сектора безопасности даже в развитых демократических странах.

Концептуальное понимание роли СМИ в разумном государственном управлении усвоено не до конца. Оно подразумевает демократический контроль и ответственность сектора безопасности, наличие регулярных официальных заявлений на тему политики безопасности. Одно из главных препятствий для эффективного надзора за сектором безопасности — это недостаток прозрачности деятельности и ограничения, накладываемые на освещение тем его деятельности, бюджета, расходов на чиновничий аппарат. СМИ, наряду с независимыми общественными деятелями, играют жизненно важную роль в мониторинге институтов безопасности с целью убедиться в эффективности их деятельности и соблюдении должной ответственности. Они создают необходимую почву для общественных дебатов на тему политики безопасности и для принятия решений. СМИ могут помочь массам лучше понимать и оценивать политику. Однако тут необходимо соблюдать баланс. Поверхностное освещение политических событий приведет граждан к плохо продуманным действиям, но, употребляя специальную терминологию и привлекая слишком большое количество экспертов, СМИ рискуют потерять часть своей аудитории.

Ещё один момент отношений СМИ и сектора безопасности — это предполагаемое и реальное влияние общественного мнения на политику. Согласно Pierre Martin общественное мнение, как правило, не воспринимается всерьез органами безопасности и обороны в Канаде. Несмотря на небольшую заинтересованность в общественном мнении, Канадский департамент обороны пытался на практике определить степень общественной поддержки различных аспектов, касающихся безопасности и обороны. Он отметил: «Даже если кто-то не надеется привлечь на свою сторону и заручиться поддержкой тридцати миллионов экспертов во внешней политике безопасности в текущие годы, не следует обходить вниманием общественное мнение, считая его капризами или сиюминутным настроением граждан. На политических деятелях и должностных лицах, занимающихся политикой безопасности, лежит обязанность поддерживать диалог с обществом и использовать доступные каналы коммуникации — включая, конечно, и СМИ, — чтобы объяснить соотношение целей политики, которая соответствует интересам граждан, и средств для достижения этих целей, которые и являются часто темами длительных дебатов» (Pierre Martin, 2001).

На это влияют два важных фактора. Первый — тенденция СМИ рассчитывать на официальные источники во избежание упреков в необъективности в обычных условиях. А также обращение к экспертам из влиятельных политических кругов. В случае 11 сентября большинство экспертов принадлежало к военным и разведывательным службам. С тех пор дебаты среди элиты стали распространенным явлением. Это, однако, не соответствует демократическим стандартам. Второй — отход от объективности и профессиональной беспристрастности во время трагедий, опасности или угрозы национальной безопасности. Таким образом, оба фактора связаны с сектором безопасности.

Имея дело с такими специфическими темами, как вооруженные силы и оборона, разведывательные службы и национальная безопасность, правовое поле и общественная безопасность, журналисты в идеале должны получать соответствующие знания о предмете. И это даже несмотря на то, что журналисты всё чаще посещают такие курсы и уровень профессионализма растет. Во многих небольших информационных компаниях журналистам предстоит осветить широкий круг тем. За исключением таких крупных информационных агентств, как BBC, ведущих американских вещательных сетей, национальных газет и информационных каналов, лишь немногие газеты и локальные телеканалы имеют штатных экспертов в области военных или разведывательных вопросов.

В некоторых обществах с хорошо развитым информационным сектором противоречия могут возникнуть между комментаторами СМИ и правительством, если важные политические решения были приняты без публичного обсуждения. При отсутствии предоставляемой государством информации о

политических событиях и их масштабах и без озвучивания вопросов, подготовленных политической оппозицией, СМИ могут заполнить пустоту, полностью сфокусировавшись на проводимой политике (Porch 2001).

Другая проблема возникает, когда институты безопасности уделяют внимание только положительным событиям, пытаясь предоставлять «санированные» новости. Пример этому — Канадский департамент обороны, следивший за развитием кризиса в Сомали и за общественной критикой своей деятельности. Когда этот правительственный департамент установил «фильтр» (bunker mentality), старательно контролируя любую появляющуюся информацию, начал перерабатывать её и умело преподносить каждое публичное заявление в лучшем свете, он стал терять доверие журналистов и общественности (Hobson 2000).

В последующих разделах более подробно рассматриваются отношения между СМИ и тремя специфическими компонентами сектора безопасности: вооруженными силами, полицией и разведывательной службой, а также выявляются различия и сходства этих отношений.

Отношения СМИ с военным сектором

В данном разделе исследуются взаимоотношения вооруженных сил и СМИ в мирное время, а также вклад СМИ в демократический контроль над вооруженными силами и ответственностью военных должностных лиц. Роль новостных компаний в установлении общественных предпочтений, понимания и мнения, касающихся вооруженных сил, обороны и политики национальной безопасности, значительна. В то время как поп-культура оказывает влияние через книги, фильмы и др., новостные СМИ предлагают ряд сюжетов и отдельных мнений по поводу тем, которые периодически возникают во время войн, кризисов или скандалов. СМИ также обращаются за ответной реакцией к правительству на тему политики безопасности, в особенности промахов в проведении такой политики. Данный раздел рассматривает попытки чиновников сектора безопасности поставить СМИ на службу себе, ограничить доступ к правительственной информации, использовать и злоупотреблять средствами массовой информации в собственных корпоративных интересах.

Существование симбиозных взаимоотношений СМИ и государственного сектора безопасности особенно очевидно, когда речь заходит о вооруженных силах. Независимые и критические репортажи журналистов необходимы для напоминания военным и политическим лидерам об их ответственности. В мирное время большинство журналистов зависит от военных должностных лиц как единственного источника информации. СМИ также необходимы для помощи в создании общественной поддержки вооруженных сил и оборонных мероприятий, в частности в то время, когда угроза национальной безопасности во многих западных странах стала размытой и потеряла свой военный характер. Как ни один другой общественный институт, вооруженные силы — это национальный актив, который должен отвечать за свою деятельность и осознавать её общественную значимость. Для того чтобы дать понять это и обществу, военный сектор должен информировать общественность достаточно часто и регулярно.

Необходимость эффективной коммуникации с общественностью привела к росту публичности современных военных структур. Эффективная связь с общественностью основывается на понимании как военными, так и мирными жителями роли вооруженных сил. И чтобы получить общественную поддержку, военные структуры должны разъяснять населению, что они делают и почему это важно. Более того, от военно-гражданского взаимодействия зависит и эффективность, с которой вооруженные силы собираются защищать национальные интересы и своих союзников (Johnson 2001). Многие демократические страны полагаются на независимые СМИ как на основное средство распространения новостей о вооруженных силах, так как они воспринимаются как наиболее правдивый и заслуживающий доверие источник благодаря своей независимости. Подход, который базируется на связях с общественностью, ставит перед собой задачу, чтобы точная информация была предоставлена вовремя. Если этого не произойдет, то, возможно, информация будет предоставлена другим источником, или эта информация будет неточная и неполная. В таких случаях вооруженные силы обязаны попытаться исправить или скорректировать информацию. Общественный подход предполагает, что более эффективно с самого начала получать верную информацию о военных событиях, чем позднее корректировать ее и исправлять негативный имидж.

Контроль со стороны СМИ признан важным элементом демократического контроля над вооруженными силами. Свободные и независимые СМИ служат публичному интересу, добываясь сведений о деятельности, операциях вооруженных сил, о военном управлении. Некоторые американцы утверждают, что сокращение количества обсуждений американской внешней политики среди политических представителей вынудило СМИ инициировать такое обсуждение (Porch 2001). С другой стороны, американцы часто жалуются на «адвокатскую журналистику», когда пресса воспринимается как сознательно стремящаяся руководить внешней политикой, например через репортажи о человеческих катастрофах².

Литература, касающаяся отношений СМИ и вооруженных сил, часто сосредоточивает своё внимание на опыте США. А какой опыт в других демократических странах? В Канаде Акт о доступе к информации сделал Департамент национальной обороны ещё более открытым для контроля СМИ, чем ранее. Прозрачность его деятельности бросает вызов «противоречиям между организациями, которые всегда выступали за осторожность (кто-то скажет — секретность) и стремлениями СМИ к открытости» (Martin 2001). С точки зрения Ш. Хобсон, культуры вооруженных сил и СМИ различны и, естественно, во время контактов приводят к трениям. В то время как вооруженные силы консервативны, корпоративны и замкнуты, СМИ более либеральны, публичны и открыты. Вооруженные силы ожидают общественной поддержки для того, чтобы заявить о законности и правомерности своих действий и задач, в то время как СМИ стремятся информировать общественность не только о военной политике, но и о политических, этических и юридических аспектах военных структур. Это в корне разграничивает понятие репортажа и сообщений военных, даже если речь идет о кризисном времени. Тем не менее, как отмечает Hobson (2000), «если военные не будут говорить от своего имени, репортеры найдут тех (а это обычно критики), кто будет говорить от имени военных». Военные структуры не могут игнорировать СМИ. Они должны быть более активны в предоставлении информации и не должны рассматривать СМИ в качестве врага. Это в их интересах сообщать ту информацию, которую они хотят сообщить, обществу и таким образом получать общественную поддержку. По иронии, военные структуры были более открыты для СМИ во время холодной войны, чем во время её завершения, когда угрозы были уже нечеткими, а издержки обороны поставлены под вопрос. Отношения военных и СМИ стали даже хуже в период конфликта в Сомали, и военные структуры попали под атаку прессы и общественности. Когда люди не доверяют предоставляемой им информации или ее источнику, они требуют доступа к информации.

В делах национальной безопасности иногда возникает конфликт между СМИ, которые хотели опубликовать полученную информацию, и правительством, которое желало бы ее скрыть по причинам национальной безопасности. Открытость действий правительства граничит с публичным интересом к раскрытию неполной информации. Великобритания, а ранее Австралия, создали и развили D-Notice-систему, основанную на добровольном самоограничении или самоцензуре прессы в деликатных вопросах национальной безопасности. Такой системой управлял комитет, состоящий из представителей СМИ и членов государственных департаментов. Однако из-за отсутствия в составе независимых членов и присутствия только заинтересованных лиц никто объективно не стоял на стороне общественных интересов (Sadler 2001). Трудность состоит в том, чтобы построить систему на балансе интересов свободы слова и национальной безопасности, которая бы ограничивала распространение информации только в случаях реальной угрозы национальной безопасности. Однако такая система опасна тем, что правительство может использовать её для сокрытия фактов коррупции, злоупотреблений властью или погрешностей проводимой политики.

СМИ и военные структуры в период вооруженных конфликтов

Решение начать войну — одно из наиболее важных решений, принимаемых в любом обществе. При демократическом режиме такое решение должно быть принято только с согласия общества,

2 Комментарий С. Топпинга к докладу А. Тирского на конференции «Журналисты о конфликтах: нормы поведения, Комиссия Карнеги по предотвращению чрезвычайных конфликтов», 28 апреля 1999 г. Доклад доступен на <http://www.caionet.org/conf/ccp01/ccp01b.html>.

проинформированного о потенциальных человеческих потерях, высокой политической и экономической цене военных действий, включая снижение уровня жизни, сокращение социального обеспечения и ограничение гражданских прав. Более того, общественность должна получать своевременную и точную информацию о военных действиях. Во время войны СМИ являются важным фильтром при сообщении о военных планах и внешней политике государства обществу, содействуя общественному осознанию и поддержке военных миссий. СМИ — инструмент укрепления и поддержания законности при решении вопроса о вступлении в войну.

Из-за неизбежно тяжелых последствий войны задача СМИ — следить за тем, чтобы правительство оставалось ответственным в таком тяжелом испытании. И как никогда в другое время, СМИ должны выполнять роль «сторожевого пса» правительства. Пресса, теле- и радиовещание должны постоянно задавать вопросы, оценивать препятствия, рассматривать различные точки зрения. В целях защиты общественных интересов усилия не должны быть потрачены на полное и глубокое исследование альтернатив или оправданий (Winter 2001).

Военный корреспондент — это особый тип зарубежного корреспондента. В освещении войны часто сталкивается с ограничениями и цензурой со стороны правительства и вооруженных сил. Это говорит об особых условиях и препятствиях для журналистики во время войны. Журналист продолжает добывать сюжеты и информировать общественность, но это становится уже более рискованным и повышает вероятность нанести ущерб оперативной деятельности или даже человеческим жизням, разглашая секретные сведения. Журналисты сообщаемой информацией также потенциально могут подорвать общественную поддержку войны. Согласно Taylor: «Журналист ограничен тем, чем он является: «Журналисты — не историки, не социологи, они смотрят более на детали, чем на общую картину. Согласно той роли, которую они играют для новостных компаний, они предоставляют общественности больше экстраординарного, чем типичного, больше важного, чем банального. Однако давление конкуренции вынуждает их фокусироваться на том, что они принимают за «новости», достойные громких заголовков и больших тиражей. Но возможно, основная причина того, что военные репортажи обращаются к захватывающим ситуациям или выступлениям, касающимся освещаемого сюжета, — это контекст, в рамках которого работают журналисты» (Taylor 1992).

Существует несколько подходов, которые пытались представить связующим звеном в отношениях между СМИ и военными структурами в военное время. Один из них — создание «пресс-пулов» (press pools) — определенных групп журналистов, которых выбрали главные новостные компании для обмена репортажами о конфликте при подчинении нормам безопасности. Согласно концепции Министерства обороны США, созданной для преследования плохого обращения военных с журналистами во время вторжения в Гренаду в 1983 году, данная группа должна была быть срочно направлена в точку локализации военных действий и оставаться там даже после отъезда остальных журналистов. В будущем новостной вакуум, такой, как существовал во время Фолклендской войны или американского вторжения в Гренаду, будет заполняться он-лайн журналистами, неправительственными организациями и другими сотрудниками СМИ и теми, кто желает повлиять на общественное мнение (Porch 2001). Все это вынуждает военные структуры сотрудничать со СМИ.

Отношения американских военных и СМИ были плохо налажены во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Военные создали пресс-пулы, аккредитованные журналисты которых, доставленные на военные позиции, были согласны терпеть информационные ограничения и получали сообщения от командиров. Большинство новостных организаций согласилось на условия, когда репортажи, фотоснимки и факты, полученные пресс-пулами, передавались и обычным журналистам. Такая система столкнулась с несколькими проблемами. Во-первых, военный контроль пресс-пулов создал им репутацию подверженных цензуре и манипуляции. Военные структуры установили строгий контроль над передвижением журналистов, ограничили доступ на поля сражений и не всегда шли навстречу обычным потребностям СМИ. Подавляющее большинство журналистов, посланных освещать военные события, никогда фактически не видели войны, и только менее 10 % из них входили в пресс-пулы. Более того, система пресс-пулов была антиэтична по отношению к культуре журналистики в целом. В конечном итоге критики СМИ утверждают, что эффективность действий пресс-пулов была в основном посредственной (Porch 2001). The US Defence Department's National Media Pool (DODNMP) завершил работу в конце 2001 года после того, как пресс-пулы не были использованы для

освещения событий в начале войны в Афганистане в октябре 2001 года и секретных операций, информация о которых могла быть доступна только малому количеству представителей прессы (Thompson 2002).

Другой подход к отношениям между СМИ и военными структурами — система «внедрения» журналистов. Такая практика имела место во время американо-британского вторжения в Ирак в 2003 году, а впервые была применена после холодной войны во время американской интервенции на Гаити в 1994 году, а также имела место и во время Второй мировой войны, и войны во Вьетнаме. Следствием внедрения журналистов в войска видится создание помех для ведения боевых действий и взаимное недоверие между СМИ и военными. Получив разрешение участвовать в военных операциях и сталкиваясь с теми же трудностями, какие испытывают солдаты, журналисты, публикуя свои репортажи, заслуживают уважение военных. Препятствием для работы журналистов могут стать близкие отношения, возникшие между журналистом и членом той военной структуры, в которую он (или она) внедрен; они могут привести к субъективности и пристрастности (Hess and Kalb 2003).

Тем не менее, даже если журналист не внедрен в военные структуры, на него в военное время оказывается давление, чтобы он предоставлял те факты, которые хочет услышать аудитория. А общественность в основном хочет слышать обнадеживающую и позитивную информацию о своих солдатах, которые находятся вдали от дома. Этот патриотический аспект, безусловно, выгоден правительству и армии и теоретически должен вести к более тесному сотрудничеству военных и СМИ во время военных конфликтов (Porch 2001).

Другая конфликтная ситуация, в которой взаимодействуют СМИ и военные структуры, — это мирные операции (гуманитарные миссии, миротворческие акции). В то время как процент участия военных в таких операциях все ниже и журналисты все менее сосредоточены на действиях военных, напряжение во взаимоотношениях все же присутствует. Больше участников вовлечено в миротворческие операции, включая международные структуры, неправительственные (NGOs) и другие организации, которые в условиях катастроф или постконфликтных ситуаций часто пытаются повлиять на официальную политику. К тому же они могут анализировать, собирать статистику, документальные свидетельства и другой аналитический материал, чтобы помочь склонить общество и политических деятелей к цели государства. Некоторые обозреватели утверждают, что представители неправительственных организаций появлялись на территориях, терпящих бедствия, без соответствующих мер предосторожности и сами оказывались в небезопасных ситуациях, что, в общем, и привело к активности западных военных с целью стабилизировать работу миротворцев (Porch 2001). Однако всё чаще причиной этому служит то, что СМИ по большей части фокусируют внимание на действиях военного контингента, исключая из поля зрения неправительственные организации (Moskos 2000).

В США, которые посылали свои вооруженные силы в другие страны около 70 раз начиная с 1945 года, большинство из таких решений были приняты без ведома американских граждан (McChesney 2002, p. 92). В каждой из войн, в которые были вовлечены США, как показывают исторические источники, СМИ служили средством милитаристской пропаганды (McChesney 2002, p. 93). В США журналистика во время войны эволюционирует. Во Второй мировой войне репортажи оказали «очень важную услугу», и правительство, как и сами журналисты, видело в них ещё одно орудие войны. В Корейской войне репортеры вместе с армией ЕС получали информацию с условием не критиковать вооруженные силы. Во Вьетнаме в военное время журналисты проявили уважение к военной власти и взяли курс на профессиональную беспристрастность. С тех пор американские журналисты добились максимального доступа к информации и минимального контроля информации (Schudson 2002, p. 44).

Сегодня в США как в наиболее либеральной из демократических стран СМИ стали крайне патриотичны. Последствия атак 11 сентября показали это. Во время освещения того, что происходило, никто не задавал вопросов о роли, которую США собираются сыграть в глобальной войне против терроризма. Не было и вопросов о планах военных. Военно-промышленный комплекс США получил значительную прибыль от такой войны, и это после серьезного падения, которое имело место после окончания холодной войны. Война против терроризма вызвала массовое увеличение ресурсов полиции и разведывательных служб наряду с меньшей прозрачностью в действиях Конгресса. Журналистика после 11 сентября стала пропагандой. Например, CNN имеет две версии освещения войны в

Афганистане: одну критическую — для международных зрителей, и одну, поддерживающую политику администрации Буша, — для американских зрителей (McChesney 2002, p. 94). Структурная слабость профессиональной журналистики в США заключается в следующем: чтобы избежать появления противников, журналистский профессионализм использует официальные достоверные источники в качестве основы для своих репортажей. И когда журналист делает репортаж на основе того, что говорится или обсуждается в официальных источниках, журналистика воспринимается как профессиональная. Официальные источники легитимируют новости. Журналисты усвоили эту роль «стенографов официальной власти». По мнению одного из экспертов СМИ, «более профессиональной журналистика становится тогда, когда официальные источники обсуждаются с различных сторон, что предоставляет журналистам значительное пространство для расследования» (McChesney 2002, p. 95). В международной политике официальный источник равнозначен элите. В сегодняшней войне против терроризма освещение прессой таково, каким было в авторитарных государствах. Многие журналисты не согласятся, заявив, что ссылка на официальные источники вполне демократична, так как официальные источники избираются народом и ответственны пред ним.

Однако McChesney (2002, pp. 95—96) утверждает, что базовая посылка теории современной прессы такова: даже избранные народом лидеры нуждаются в строгом мониторинге, степень которого не может определяться исключительно оппозицией. Иначе у граждан не будет выхода из такого статуса-кво, не будет возможности критиковать политическую культуру в целом. Если такая функция «сторожевого пса» культивирует смуту, начинает расти коррупция, и электоральная система разрушается. Если к журналистике, выходящей за рамки мнений политической элиты, станут относиться как к непрофессиональной или предвзятой и, следовательно, ее будут игнорировать, СМИ просто попадают в порочный круг, из которого нет выхода. Когда журналистам необходимы официальные источники, чтобы продолжать делать репортажи, люди во власти получают возможность наложить вето на осуществление демократии.

Отношения СМИ и полиции

Общественная безопасность касается ответственности полиции за безопасность и благополучие отдельных индивидов или групп. Основной институт, отвечающий за безопасность общества, — это полиция, как на локальном, так и на региональном или национальном уровнях. На Западе власть полиции частично совпадает с механизмами контроля, включая законодательные и конституционные ограничения, контроль исполнительной, законодательной и судебной власти, группы интересов и СМИ. Многие либеральные демократические страны выработали нормы «демократической полиции», которые включают ответственность полиции перед потребностями общества, соответствующие механизмы контроля и публичной ответственности полиции, а также деятельность полиции в рамках закона и во имя закона.

Отношения СМИ и полиции взаимозависимы и часто двойственны, что характеризуется наличием и сотрудничества, и конфликтных ситуаций. СМИ играют важную роль при определении позиций граждан по отношению к правоохранительным органам. Тематика многих популярных телевизионных шоу сосредоточена на полиции и других структурах, вовлеченных в систему правосудия, программы, основанные на реальных событиях, освещают полицейские погони и аресты подозреваемых. Сообщая и распространяя новости, СМИ стремятся дать полную картину уголовных преступлений. Многочисленные обозреватели критиковали нереалистичный портрет полицейской деятельности, нарисованный журналистами, и тенденцию новостных СМИ играть на чувственных аспектах в своих репортажах, например при описании преступлений с применением насилия. Одним из последствий такого освещения событий является преувеличение в представлении граждан количества таких преступлений. Другим последствием является широкое распространение ироничного общественного восприятия полиции касательно ее правоприменительной и защитной деятельности. На самом деле роль полиции расширяется и включает в себя поддержание порядка, предотвращение преступлений, предоставление специального образования, помощь больным и выполнение административных функций, например управление транспортом или предоставление лицензий (Simmons 1999).

Сегодня полиция — одна из наиболее контролируемых государственных организаций, что является следствием прямого влияния полиции на права и свободы граждан в повседневной жизни, а также изменений в технологиях и общественных ожиданиях. Средний гражданин охотнее пойдет на контакт с полицейским, чем с любым другим представителем органов безопасности, полиция может эффективно и незамедлительно влиять на безопасность и свободу граждан. Таким образом, способность полиции влиять на индивидуумов и общество в целом в демократических странах расширяется и тем самым привлекает внимание и интерес общества больше, чем другие государственные органы безопасности, такие как разведывательные службы. Технологическое развитие, в частности распространение видеокамер как для любительской съемки, так и для видеонаблюдения, также повлияло на уровень общественного внимания к полиции.

СМИ собирают и сообщают гражданам информацию о преступлениях, угрозе безопасности индивидов и общества и иногда о мерах, принимаемых полицией для поддержания порядка. Теоретически СМИ также предупреждают общественность о случаях полицейского насилия, злоупотребления властными полномочиями, коррупции и жестокого обращения со стороны полицейских, или, если говорить менее драматично, о полицейских, которые работают плохо или вообще не работают. Такая роль «сторожевого пса» по отношению к полиции может, однако, привести к отношениям противостояния между СМИ и правоохранительной деятельностью.

Отwin Mareni заявляет по этому поводу, что контроль СМИ может усилить бдительность полиции, уделяя внимание отдельным случаям, когда деятельность полиции нарушает общие принятые нормы, например случаев превышения необходимого использования силы. СМИ, однако, имеют слабое влияние на полицейскую ответственность, в пределах того, как деятельность полиции отражает общественные предпочтения.

Согласно секретному характеру работы полицейских СМИ при создании своих репортажей вынуждены полагаться на большое количество пресс-релизов, пресс-конференций и брифингов, проводимых полицейскими пресс-службами. Телевизионные журналисты особенно зависят от поддержания позитивных отношений и свободного сотрудничества с полицией (например интервью в прямом эфире). Следовательно, присутствует сильный стимул не сообщать о зафиксированных фактах полицейского насилия и халатности. В отдельных случаях, имевших место в США, когда журналисты сообщали о халатности полиции, они становились объектом давления и запугивания со стороны полиции, включая оскорбления и усиленное наблюдение (Irwin 1991).

Существенное развитие своей деятельности полиция получает в офисе начальника пресс-службы полиции, являющемся основным местом получения информации для СМИ. Работники данной пресс-службы ответственны за предоставление важной информации, обеспечение осведомленности СМИ о ходе важных расследований и наличии других информационных ресурсов. Роль, сохраняющаяся за пресс-службой полиции, — результат растущего публичного интереса к новостям в сфере права, увеличившегося объема запросов со стороны СМИ на информацию о деятельности полиции и снизившегося уровня доверия между СМИ и офицерами полиции (Simmons 1999). Это указывает на в большой степени формальную природу отношений между СМИ и полицией. Однако эти формализованные отношения уменьшают следственный элемент в репортажах СМИ о деятельности полиции, что далеко не содействует выполнению роли «сторожевого пса». Установление взаимоотношений между полицией и СМИ также указывает на то, что полиция становится более активной в создании собственного имиджа и «продвижении своего продукта».

Распространение технологий массовых коммуникаций, включая широкое использование видеокамер населением, повлияло на степень прозрачности в действиях полиции. В частности, это помогло усилить ответственность полиции за злоупотребление властью. Драматическим примером послужило видео, сделанное очевидцем того, как полиция Лос-Анджелеса избивает Родни Кинга, негра, остановленного за дорожные нарушения в 1991 году. В случае Родни Кинга американские зрители имели возможность стать прямыми свидетелями видеозаписи инцидента. Широкое распространение видеозаписей на телевидении оказало большое влияние на отношение общественности к полиции и привело к растущему недоверию (Lasley 1994). При помощи такого видео многие люди увидели, какой

расистский и негуманный характер могут носить действия полиции. Общественность смогла сформировать свое мнение о действиях полиции прежде, чем официальные лица предоставили свою скорректированную версию. Инцидент продемонстрировал потенциальное влияние СМИ и коммуникационных технологий — особенно камер видеонаблюдения и телевидения — на ответственность полиции и отдельных государственных чиновников. Подлинная картина деятельности офицеров «поставила пятно на отграничении экспертов от дилетантов, повлияв, в свою очередь, на традиционное восприятие деятельности властей в определенных сферах. Когда достоверность официальных источников оказалась под вопросом, общественное доверие властям стало более условным» (Goldsmith 1996). Другими словами, случай Р. Кинга стал доступен массам через СМИ. Граждане полагались на свои собственные наблюдения больше, чем на подробные комментарии следователя, и, таким образом, многие пришли к независимому заключению о незаконности действий полицейских.

СМИ также, сотрудничая с полицией, могут выполнять образовательную роль для общества, помогая сократить количество преступлений и повысить общественную безопасность. Такие телевизионные программы, как «Crime Stoppers», распространяющие информацию о без вести пропавших детях и о розыске преступников, служат общественному интересу и помогают работе полиции. Правоохранительные органы часто записывают процессы ареста и допроса, чтобы оградить себя от обвинений в превышении полномочий. Разрешая телевизионным камерам следовать за полицейскими, некоторые департаменты полиции смогли показать общественности, насколько сложна, опасна и запутана работа полицейского (Katz 1993, p. 25).

В то же время один из аспектов взаимоотношений полиции и журналистов, который не часто обсуждается, — это потребность в журналистском благоразумии и проницательности. Безответственная журналистика может сыграть главную роль в разжигании конфликтов в обществе, предлагая репортажи на такие острые темы, как, например, подозрение полиции в жестоком обращении с национальными меньшинствами или несовершеннолетними. Будучи неосторожно и нетщательно проверенными, основанными на сомнительных свидетельствах или используемыми в спекулятивных и безнравственных целях, журналистские репортажи могут сильно повредить взаимоотношениям общества с полицией и могут спровоцировать общественный страх и внутреннюю панику (Lisheron 2002, p. 20). Речь идет о нравственных колебаниях, с которыми часто сталкиваются журналисты, между долгом предоставить информацию и задачей минимизировать потенциально наносимый ею ущерб для жертв правонарушений, общественных институтов и общества в целом (Hanson 2003, p. 34).

В то же время журналисты не должны терять бдительность, чтобы сохранять профессиональный скептицизм и оставаться конкурентоспособными. Недавний пример — окончательное оправдание пяти гарлемских подростков, которые были ошибочно обвинены и признаны виновными в жестоком насилии над женщиной, занимавшейся бегом в Центральном парке в 1989 году. Признание своей вины третьим лицом, подтвержденное показаниями DNA, подняло вопрос о том, какую роль в несправедливом обвинении подростков сыграла предвзятость СМИ. Журналисты получили урок того, как необходимо для СМИ помнить о возможности ложных показаний, которые часто дают дети и подростки при интенсивном полицейском допросе. К тому же в данных обстоятельствах использовались слова расистского характера, например «дикость», а также имели место расистские стереотипы, о которых журналисты не задумывались, несмотря на противоречивость показаний обвиняемых (Hancock 2003, p. 38).

Полиция и СМИ находятся в сложных отношениях взаимосвязи и взаимозависимости, стремясь добыть информацию. Тем не менее их роли, ценности и ответственность различны, и причины трений и конфликтов скрыты в природе их взаимоотношений. Хотя СМИ оказывают не частое и относительно небольшое прямое влияние на ответственность полиции, уровень общественного интереса в вопросах преступлений и общественной безопасности, как и отдельные случаи коррупции и злоупотребления положением среди полицейских, будут предоставлять возможность, пусть и ограниченную, для контроля СМИ над делами общественной безопасности.

СМИ и контроль над разведывательными службами

В то время как фактически каждый сектор публичной политики, СМИ и члены гражданского общества, очевидно, выполняют контролирующую функцию, их роли по отношению к разведывательной службе более неопределенны. Разведывательные службы в своей деятельности, операциях и полученных результатах придерживаются принципа секретности. Обычно низкий уровень доступности обозрения деятельности разведывательных служб и ее работников, засекреченность и избирательность информации о программах, бюджете и операциях данной службы строго ограничивают объем информации, доступной общественности. Необходимость такой секретности создает дополнительные препятствия для парламентского контроля и контроля со стороны СМИ. Так, разведывательные службы среди других государственных институтов являются наименее поддающимися под демократический контроль (DCAF Intelligence Working Group 2003, p. 2).

Контроль СМИ над разведывательными службами вызывает сложности, так как только очень небольшое количество журналистов действительно специализируется в этой области и нуждается в специальном образовании по делам национальной безопасности. Неспециалисты рискуют использовать неверную терминологию, могут вызвать необходимость дополнительного обсуждения происходящего и не сумеют подобрать должный контекст при обсуждении условий, в которых работают разведывательные службы. Нехватка журналистов с необходимой квалификацией сочетается с уменьшающейся поддержкой журналистских расследований со стороны крупных информационных агентств. Более того, репортажи, основанные на деятельности разведывательных служб, которые больше способствуют контролю и подотчетности, чем простое описание событий, не приветствуются в странах с разросшимся разведывательным аппаратом (например в США) или в странах, где в прошлом практиковались репрессии и которые проявляют болезненный интерес к этой теме в настоящем (например в Румынии).

Тем не менее СМИ могут иногда сыграть значительную роль в мониторинге разведывательных служб и органов безопасности и влить свою ложку дегтя, но тот неформальный контроль, который они могут использовать, всегда проходит под угрозой скандала. Например, разоблачение СМИ противоправных действий CIA в 1974 году (в частности журналистом New York Times С. Хершем) привело к официальному расследованию деятельности The Church Committee в США и к расширенному контролю и надзору. В таких случаях пресса является «неофициальной оппозицией» или резервным механизмом подотчетности: когда международный контроль не обращает внимания на сомнительное поведение, а внутренний контроль в этом попустительствует, в свободном обществе существует потенциальная возможность утечки информации, которая обратила бы внимание журналистов на злоупотребления властью, коррупцию или другие серьезные отклонения от должного поведения и которая была бы доведена до сведения общественности.

В то же время разведывательные службы в демократических странах все больше осознают необходимость в культивировании общественной поддержки и доверия. Это существенно, например, для работы с определенными информационными источниками, привлечения к работе талантливых личностей, для удержания доверия тех, для кого существуют разведывательные службы. Далее, если разведывательные службы не выработают активный подход для регулирования своих отношений с обществом и СМИ, их публичный имидж будет создаваться журналистами, которые, в свою очередь, концентрируют внимание скорее на скандалах и неудачах, чем на успехах для создания интересных репортажей. Достаточный уровень открытости может помочь гражданам осознать основную роль разведывательных служб и таким образом укрепить доверие. Выполнение просветительской функции в корне отвечает интересам органов безопасности — такое утверждение верно для всего сектора безопасности.

Заинтересованность в создании определенных умонастроений в обществе может, однако, быть коррумпирована и привести к различным нарушениям, что было продемонстрировано правительствами Дж. Буша и Т. Блэра при манипулировании и злоупотреблении данными разведки о предполагаемом наличии оружия массового уничтожения в Ираке для оправдания войны. В обоих случаях

разведывательными службами манипулировали (вырванные из контекста куски информации), подвергали их политическому давлению (давление на аналитиков) для создания недвусмысленной установки на признание наличия оружия массового уничтожения для того, чтобы уверить международных деятелей и граждан своих стран в правильности осуществления односторонней агрессии и вторгнуться в Ирак. Оба правительства использовали секретные разведывательные службы для создания общественного мнения. И оглашение правительствами США и Великобритании результатов секретной разведывательной деятельности получило систематический характер в политическом процессе легитимизации вторжения в Ирак.

Эпизод, касающийся обвинений в наличии оружия массового уничтожения, заслуживает внимания для лучшего описания некоторых последствий политически окрашенной презентации обществу деятельности разведки. Намеренная политика избирательного освещения результатов разведывательной деятельности может облегчить работу журналистов, так как предполагает, что должная оценка эффективности разведывательных служб будет сформирована в атмосфере дебатов. Тем не менее это увеличивает опасность того, что на разведывательные службы будет оказано политическое влияние, и это случится ранее того процесса, когда аналитики осознают стремление разведывательных служб оказывать влияние на общественную сферу и убедятся, что это соответствует политическим предпочтениям. Данный эпизод также показывает, что британские и американские СМИ не сумели адекватно оценить истинную природу разведывательной деятельности в период подготовки к войне. Основная информация (например, о природе деятельности разведывательных служб) не была донесена до американских и британских граждан, так же как и демократические нормы неприятия политического влияния на разведывательные службы. Как было описано выше, англо-американские журналисты не сумели проинформировать общественность о серьезных противоречиях, которые содержались в официальном термине «оружие массового уничтожения», а их попытки опровергнуть аргумент Буша, касающийся угрозы терроризма со стороны Алькаиды и Ирака под руководством Саддама Хусейна, провалились (Moeller 2004). Некритическое восприятие СМИ информации, поступающей от правительства, может слишком легко послужить пропагандой, особенно если информация размещена на страницах официальных или популярных журналов.

Сектор разведывательной деятельности — один из самых сложных для журналистской деятельности. Здесь она сталкивается с риском слишком большого доверия официальным источникам и тенденцией передавать официальный взгляд на события и перспективы, а не их критическое исследование, однако в рамках очерченных официальными лицами. Присутствует и риск намеренного манипулирования информацией, предоставляемой журналистами. Полагаясь на официальные источники и не обращаясь к независимым экспертам и альтернативным точкам зрения на войну в Ираке, англо-американские журналисты не сумели соблюсти необходимую дистанцию от официальных версий и в результате позволили использовать себя для создания общественного мнения на основе сознательно искаженных или неверных фактов разведывательной деятельности.

СМИ и «война с терроризмом»

Пока реакция СМИ на принимаемые администрацией Буша меры в войне против терроризма была неясна, имели место громкие дебаты и самокритика среди американских профессиональных журналистов об освещении американскими СМИ подготовки к войне в Ираке, в частности податливости и некритичности. Американские журналисты подверглись критике за то, что основывали свои репортажи на мнениях экспертов-идеологов, чаще белых, мужского пола и принадлежащих к элите. Те, кто попытались говорить о более жестких перспективах, были обвинены в нелояльности. «По этим причинам задача распространения пропаганды Пентагона стала патриотическим долгом, по меньшей мере в глазах опасующихся, что критические репортажи уменьшат интерес общественности» (Zelizer and Allan 2002, p.12).

Во время кризисов и трагедий СМИ претендуют на неидеологичность, но на самом деле придерживаются идеологии центра. Более того, они «стремятся усвоить официальную версию»

(Navasky 2002, p. XV). Анализируя события 11 сентября, можно сказать, что попытка засомневаться в проводимой политике руководства США привела к обвинению в нелояльности. Пресса усвоила проводимую политику администрации Буша, но также и тайную этику, которая принижала общественное право знать (Navasky 2002, p. XVI). Скомбинированные факторы конгломератов СМИ (гомогенность точек зрения и содержания и негативное влияние на конкурирующую журналистику), ортодоксальность объективности, доминирование патриотизма, который подавляет альтернативные взгляды, стремление к все большей секретности в администрации Буша, даже касательно документации предыдущего президента, молчаливое согласие оппозиционных демократов на это подавление гражданского права знать («viz the untrammelled passage of the USA Patriot Act»). Результатом стало препятствование распространению информации.

События 11 сентября 2001 года привлекли внимание журналистов сразу к нескольким аспектам. Это национальная травма, цензура, объективность, патриотизм и свобода слова. Некоторые считают, что журнализм вступил в новую эру. Беспристрастность прессы пострадала в основном в США, но также и в некоторых других странах. Шадсон утверждает, что журнализм перешел из «сферы законных противоречий» в «сферу консенсуса» (Schudson 2002, p. 40 and Hallin 1986, pp. 116—117). Сфера законных противоречий касалась предвыборных гонок, дебатов вокруг законодательства, и публичной политики. Тогда журналисты руководствовались объективностью и поддержанием баланса. Сфера консенсуса как внутреннее пространство, касалась «материнского платья и яблочного пирога» — тех новостей, взгляд на которые основательно закреплен в обществе. Это сфера общих ценностей и одинаковых оценок. Здесь «журналист выполняет роль адвоката или священника, защищающего общие ценности» (Hallin 1986, p. 117). Внешний круг — «сфера аномальности», где находятся те политические деятели, чьи мнения рассматриваются как недозволенные и неоправданные (например коммунисты Северной Америки в политических дебатах), согласно одному обозревателю, журналисты, непосредственно освещавшие события 11 сентября, чувствовали себя в сфере консенсуса, и обычно применяемый ими объективный подход и выработанный профессионализм не использовались. Вместо этого они стремились подбодрить и утешить, при этом информируя и анализируя. Они также оставили свой бесстрастный нейтральный тон и затушевывали любые попытки критиковать главенствующую роль президента (Schudson 2002, p. 40).

Шадсон отмечает три случая, когда американские журналисты отказываются от беспристрастности: во время трагедий («пасторальная журналистика», которая стремится утешить и поддержать), в момент общественной опасности (поддержание и предоставление практической помощи) и во время угрозы национальной безопасности (репортажи, основанные на утаивании информации или на компромиссных взглядах). Освещение событий 11 сентября включает все три элемента, представляя собой скорее «текст солидарности», чем «информационный текст» (Schudson 2002, p.41). Несмотря на временность этих изменений, такой опыт показывает, что журналистика никогда не сможет быть совершенно нейтральной или беспристрастной по отношению к тому обществу, которому она служит.

Другой комментатор СМИ отмечает, что освещение американцами последствий 11 сентября было крайне тусклым в соответствии с тем кодексом журналистского профессионализма, который был задан официальными властями. И это привело к «антидемократической журналистике» — направлению, которое было еще четче очерчено конгломератами СМИ. McChesney отмечает, что те же конгломераты СМИ, которые поддерживали войну Буша против терроризма, лоббировали прекращение регулирования прав собственности на СМИ. Это тот конфликт интересов, который редко акцентируется. Несмотря на незначительное увеличение количества дебатов вокруг штатов военных и разведывательных сил о включении туда более интернационально ориентированной элиты, речь не идет о подлинных демократических дебатах или демократической журналистике. Информация о «важнейших изменениях подвергается ограничениям» в новостных выпусках США, включая централизацию военной власти, господство идеи того, что США являются преобладающей силой на мировой арене, признание права США на вторжение в любую из стран. Это — «establishment journalism» (McChesney 2002, pp. 97—98). Этот тип журналистики уходит в сторону от контекстуализации, так как

«стремится помочь журналисту занять четко определенную позицию и не запутаться в противоречиях, которых нужно избегать. Освещение событий стремится приблизиться к фактам и официальным заявлениям. Та толика контекстуализации, которую предлагает профессиональная журналистика, соответствует предпосылкам элиты» (McChesney 2002, р. 98). Результат — игнорирование частью американцев тем, освещаемых журналистами.

Война против терроризма поднимает проблему нейтральности СМИ и с другой стороны. Например, канадские СМИ, отслеживающие события 11 сентября, поддержали войну США против терроризма. Многие репортажи наряду с элементами национализма, патриотизма, шовинизма включали в себя также элементы расизма, ксенофобии и традиционализма (Winter 2001, р. XIV). Обозреватели СМИ считают, что канадские СМИ твердо придерживались «общепринятого», которое отражало политику и приоритеты американского правительства. Однако во время повышенной угрозы безопасности, мирной жизни и гражданским свободам критическая журналистика более эффективна в своей деятельности, чем СМИ, которые действуют de-facto как продолжение американской администрации.

Требования безопасности, которые возросли вследствие терактов 11 сентября 2001 в Нью-Йорке и Вашингтоне и бомбардировки Мадрида 11 марта 2004 года, привели к разрастанию аппарата разведывательных служб и правоприменительной власти во многих странах и восстановили законы, в соответствии с которыми правительства подвергают надзору и мониторингу подозрительные группы лиц и отдельных субъектов (Eggen 2003, р. A01). Вместе с тем уровень количества информации, предоставляемой общественности государством, понизился (в США это касается также информации о влиянии на окружающую среду, секретном применении сил авиации, о заводах по производству ядерного оружия оборонной промышленности и критике таких инфраструктур, как электростанции, нефтепровод и водоснабжение), и продолжается ограничение свободы информации (Miller 2002). Сокращение общественного доступа к государственной информации определенного рода должно волновать тех, кто имеет дело с надзорной и подотчетной деятельностью, так как решение удержать информацию от опубликования может вызвать ухудшение бдительности в делах национальной безопасности, избежание огласки альтернативных версий, уклонение от законодательного контроля или стремление манипулировать политической системой и влиять на принятие политических решений (Aftergood 2002).

Заключение

Разоблачая правонарушения или злоупотребления властью, СМИ выполняют роль «сторожевого пса», а значит, действуют и как механизм подотчетности. Кроме этой функции, предоставляя точную, сбалансированную и актуальную информацию по вопросам, интересующим общественность, журналисты помогают гражданам принимать решения касательно тех, кто и как ими управляет. Когда СМИ помогают обществу делать обоснованный выбор, они функционируют как инструмент разумного управления. Настоящая журналистика обеспечивает наличие каналов коммуникации в обществе, информирует его и содействует информационному обмену между обществом и его лидерами. Так, журналистика играет жизненно важную роль распознавания того, что поставлено на карту в том или ином политическом решении, очерчивания главного в происходящем, анализа событий и поиска решений и альтернатив. В силу того что СМИ являются основным элементом информированного общества и ответственного правительства, они заслуживают более глубокого и существенного изучения теми, кто занят поддержанием демократии и хорошего управления.

Как было показано выше, журналисты встречают огромное количество препятствий и ограничений при работе над репортажами, затрагивающими темы безопасности и реализации функции «сторожевого пса». Это требует того, чтобы СМИ соблюдали дистанцию в отношениях с действующим правительством. Журналисты нуждаются в мерах защиты от несправедливых обвинений в клевете, от предъявления исков или взятия под стражу по обвинениям в оскорблении официальных лиц, когда речь идет о репортажах на темы коррупции. Выполнение роли «сторожевого пса» также нуждается в том, чтобы СМИ были экономически независимы, так как зависимость от бюджетного финансирования может стать рычагом для ограничения критических репортажей. Во многих демократических странах

роль СМИ как «сторожевого пса», касающаяся органов безопасности и разведывательной службы, слабо развита, так как сравнительно мало журналистов специализируется в этих областях.

Но существует множество других факторов, которые потенциально могут понизить эффективность СМИ при выполнении надзорной роли над правительствами и органами безопасности. Один из них — это связь с традиционной методологией журналистики, которая стремится повысить важность официальных источников и придать вес взглядам и мнениям политических лидеров. Тенденция скорее воспроизводить заявления государственных чиновников, чем подвергать их критике, наверное, наиболее широко распространена в сфере безопасности. Журналисты также рискуют стать жертвами манипуляции извне, как со стороны официальных лиц, так и со стороны тех, кто получил недостаточную или неактуальную информацию. В сфере безопасности, где доступ к достоверной информации получить сложнее, чем в других сферах, журналист также рискует стать заангажированным, приблизившись слишком близко к представителям власти или институтам, о которых создается репортаж, и тогда появляется необходимость в соблюдении дистанции.

Последние события, касающиеся войны в Ираке и войны против терроризма, подчеркивают жизненно важную роль СМИ как «сторожевого пса» демократии и существенный вклад журналистов в помощь гражданам принимать обоснованные решения, касающиеся того, кто и как ими управляет. Количество препятствий в получении точной, сбалансированной и актуальной информации в сфере безопасности больше, чем в других сферах, и соответственно возрастает цена возможного провала.

Литература

- AFTERGOOD, S. 2002. «Making Sense of Government Information Restrictions». *Issues in Science and Technology* (Online), Summer, URL <<http://bob.nap.edu/issues/18.4/stalk.htm>>.
- ARTICLE 19. «Freedom of expression and investigative journalism», Freedom of Expression Issues — Journalism, Article 19 website, available at URL <<http://www.article19.org>>.
- BORN, H., CAPARINI, M. AND FLURI, P. (ed.). 2002. *Security Sector Reform and Democracy in Transitional Societies*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
- CAREY, J.W. 2002. «American Journalism On, Before, and After September 11». In: B. ZELIZER AND S. ALAN (ed.). *Journalism After September 11*. London and New York: Routledge, 71-90.
- CARYL, C. 2002. «Death in Moscow». *The New York Review of Books*, 19 December 2002.
- CONFESSORE, N. 2002. «Beat the press: does the White House have a media blacklist». *The American Prospect* 13, 5.
- CUNNINGHAM, B. 2003. «Rethinking Objective Journalism». *Columbia Journalism Review*, 8 July 2003. Also available on Altnet.org at URL <<http://www.altnet.org/print.html?StoryID=16348>>.
- CURTIN, D. 2003. «Digital Government in the European Union: Freedom of Information Trumped by “Internal Security”». In: *National Security and Open Government*. Syracuse, New York: Campbell Public Affairs Institute, Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University, 101-122. Available at URL <<http://www.maxwell.syr.edu/campbell/opengov>>
- DCAF, Intelligence Working Group. 2003. «Intelligence Practice and Democratic Oversight — A Practitioner’s View», Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces Occasional Paper No. 3.
- EGGEN, D. 2003. «FBI Applies New Rules to Surveillance», *Washington Post*, 13 December 2003, p. A01
- EGGEN, D. «Access to Government Information Post-September 11th» page on the website of OMB Watch. Available at URL <<http://www.ombwatch.org/article/articleview/213/1/1/>>.

- ELECTRONIC FRONTIER FOUNDATION (EFF). 2001. Analysis of the Provisions of the USA PATRIOT Act that Relate to On-line Activities», 31 October 2001, updated 27 October 2003. Available at URL <http://www.eff.org/Privacy/Surveillance/Terrorism/20011031_eff_usa_patriot_analysis.php>.
- ELECTRONIC PRIVACY INFORMATION CENTER (EPIC). 2004. Available at URL <<http://www.epic.org/privacy/terrorism/usapatriot/#news>>.
- FRANKS, T. 2003. «Not war reporting — just reporting». *British Journalism Review* 14 (2):15-19. Available on-line at URL <http://www.bjr.org.uk/data/2003no2_franks.htm>.
- GOLDSMITH, A. J. 1996. «What's wrong with complaint investigations? Dealing with difference differently in complaints against police». *Criminal Justice Ethics* 15, 1.
- GUNTHER, R. AND MUGHAN, A. 2000. «The Media in Democratic and Non-democratic Regimes: a Multilevel Perspective». In: R. GUNTHER and A. MUGHAN (ed.). *Democracy and the Media: A Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1-27.
- HACHTEN, W. A. 1998. *The Troubles of Journalism: A Critical Look at What's Right and Wrong with the Press*. Mahwah, New Jersey and London: Lawrence Erlbaum Associates.
- HACKETT, R. A. AND ZHAO, Y. 1998. *Sustaining Democracy? Journalism and the Politics of Objectivity*. Toronto: Garamond Press.
- HALL, S. AND WELLS, M. 2003. «Ministers retreat over BBC charter threats», *The Guardian*, 28 July 2003. Available online at URL <<http://politics.guardian.co.uk/kelly/story/0,13747,1007283,00.html>>.
- HALLIN, D. 1986. *The Uncensored War: the Media and Vietnam*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press.
- HANCOCK, L. 2003. «Wolf pack: the press and the Central Park jogger». *Columbia Journalism Review* 41, 5 (January-February).
- HÄNGGI, H. 2003. «Making Sense of Security Sector Governance». In: H. HÄNGGI AND T. WINKLER (ed). *Challenges of Security Sector Governance*. Münster: Lit Verlag, 3-22.
- HANSON, C. 2003. «Weighing the costs of a scoop: how a sniper story trapped the press in an ethical no-man's land». *Columbia Journalism Review* 41, 5 (January — February).
- HENDRICKSON, D. AND KARKOSZKA, A. 2002. «The Challenges of Security Sector Reform». In: *SIPRI Yearbook 2002: Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford University Press, 175-201.
- HOBSON, S. 2000. «Media Relations», Council for Canadian Security in the 21st Century, available at URL <<http://www.ccs21.org/>>.
- INTERNATIONAL COVENANT ON CIVIL AND POLITICAL RIGHTS (ICCPR). 1966. Available at URL <http://www.unhcr.ch/html/menu3/b/b/a_ccpr.htm>.
- IRWIN, L. 1991. «Cops and cameras: why TV is slow to cover police brutality». *Columbia Journalism Review* 30, 3 (September — October).
- JOHNSON, S. 2001. «Military Public Relations in the Americas: Learning to Promote the Flow». Paper prepared for the Panel on Military-Media Relations, Center for Hemispheric Defense Studies, Washington, D.C., 22-25 May 2001.
- KALB, M. AND HESS, S. (ed.). 2003. *The Media and the War on Terrorism*. Washington: Brookings.

- KANYONGOLO, F. E. 1996. «National Security and Legal Protection of Media Freedom». In: Article 19, *Media Law and Practice in Southern Africa* 4 (December). Available at URL <<http://www.article10.org/docimages/762.htm>>.
- KATZ, J. 1993. «Covering the cops: a TV show moves in where journalists fear to tread». *Columbia Journalism Review* 31, 5 (January — February).
- LASLEY, R. J. 1994. «The Impact of the Rodney King Incident on Citizen Attitudes Toward Police». *Policing & Society* 4 (3).
- LISHERON, M. 2002. «Stalking a sniper: it was a frightening saga that gripped the nation, but at its core it was a cop story». *American Journalism Review* 24, 10 (December). Accessed from Questia.com.
- MARTIN, P. 2001. «The Future of Canadian Security and Defence Policy: Public Opinion and Media Dimensions». CCS Research Paper. Available at URL <http://www.ccs21.org/ccspapers/papers/martin-public_media.htm>.
- MCCHESENEY, R. 2002. «September 11 and the structural limitations of US journalism». In: B. ZELIZER AND S. ALAN (ed.). *Journalism After September 11*. London and New York: Routledge, 91-100.
- MCCHESENEY, R. and NICHOLS, J. 2002. *Our Media, Not Theirs: The Democratic Struggle Against Corporate Media*. New York: Seven Stories Press.
- MENDEL, T. 2002. «National Security vs. Openness: An Overview and Status Report on the Johannesburg Principles». In: *National Security and Open Government*. Syracuse, New York: Campbell Public Affairs Institute, Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University, 1-32. Available at URL <<http://www.maxwell.syr.edu/campbell/opengov>>.
- MILLER, B. 2002. Chronology of Disappearing Government Information: Data Collected through 31 October 2002». For ALA GODORT (American Library Association Government Documents Round Table) Education Committee. Available at URL <<http://www2.library.unr.edu/dept/bgic/Duncan/PPBmillerchronchart.doc>>.
- MOELLER, S. D. 2002. «Locating accountability: the media and peacekeeping». *Journal of International Affairs* 55, 2.
- MOELLER, S. D. 2004. *Media Coverage of Weapons of Mass Destruction*. Center for International and Security Studies at Maryland. Available at URL <http://www.cissm.umd.edu/documents/WMDstudy_full.pdf>.
- MOSKOS, C. 2000. *The Media and the Military in Peace and Humanitarian Operations*. Cantigny Conference Series Special Report. Chicago: McCormick Tribune Foundation.
- NAVASKY, V. 2002. «Foreword». In: B. ZELIZER AND S. ALAN (ed.). *Journalism After September 11*. London and New York: Routledge, XIII — XVIII.
- NEIDHARD, F. (ed.). 1994. *Öffentlichkeit/öffentliche Meinung, soziale Bewegungen. Sonderheft Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 34, Opladen, as cited in T. MEYER. 2002. *Media Democracy. How the Media Colonize Politics*. Cambridge, UK: Polity.
- PORCH, D. 2001. «Media/Military Relations in the United States», PDGS Seminar on Governance, Security and Military Institutions in Democracies, Occasional Paper No. 10 (July). Available at URL <<http://www.pdgs.org/porch.htm>>.
- POWER, S. 2002. *A Problem From Hell. America in the Age of Genocide*. New York: Basic Books.
- SADLER, P. 2001. *National Security and the D-Notice System*. Aldershot, UK and Burlington, USA: Ashgate Dartmouth.

- SCHMITZ, J. 2003. *Memorandum for Civilian and Military Officers and Employees assigned to the Office of the Inspector General of the Department of Defense*. US Department of Defense. Available at URL <[http://www.fas.org/sgp/othergov/dod/dodig web.pdf](http://www.fas.org/sgp/othergov/dod/dodig/web.pdf)>.
- SCHUDSON, M. 2002. «What's unusual about covering politics as usual». In: B. ZELIZER AND S. ALAN (ed.). *Journalism After September 11*. London and New York: Routledge, 36-47.
- SIMMONS, H. 1999. «Media, police, and public information: from confrontation to conciliation». *Communications and the Law* 21 (2). [Accessed from Questia.com, 12 July 2003].
- STATEWATCH. 2004. «"Scoreboard" on Post-Madrid counter-terrorism plans». March. Available at URL <<http://www.statewatch.org/news/2004/mar/swscoreboard.pdf>>.
- TARAS, D. 2001. *Power and Betrayal in the Canadian Media*. Toronto: Broadview Press.
- TAYLOR, P. M. 1992. *War and the Media — Propaganda and Persuasion in the Gulf War*. Manchester: Manchester University Press.
- THOMPSON, M. 2002. «The brief, ineffective life of the Pentagon's Media Pool». *Columbia Journalism Review* 40, 6 (March — April).
- UNITED KINGDOM, Secretary of the Defence, Press and Broadcasting Advisory (DA-Notice) Committee. See URL <<http://www.dnotice.org.uk>>.
- UNITED NATIONS, Economic and Social Council, 1985. *Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights*, UN Doc.E/CN.4/1985/4. Available at URL <<http://www1.umn.edu/humanrts/instrree/siracusaprinciples.html>>.
- WAISBORD, S. 2000. *Watchdog Journalism in South America: News, Accountability, and Democracy*. New York: Columbia University Press.
- WINTER, J. 2001. *Media Think*. Montreal: Black Rose Books Ltd.
- TIERSKY, A. 1999. «Rapporteur's Report». Presented at the conference *Journalists Covering Conflict: Norms of Conduct*. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict, 28 April 1999. Report available at URL <<http://www.caionet.org/conf/ccp01/ccp01b.html>>.
- ZELIZER, B. AND ALLAN, S. 2002. «Introduction: when trauma shapes the news». In: B. ZELIZER AND S. ALAN (ed.). *Journalism After September 11*. London and New York: Routledge, 1-24.

Глава 2

Безопасность и СМИ

Айдан Уайт

Введение

Отношения между журналистами и государством всегда осложнены конфликтами интересов. Журналисты стремятся предоставить точную, надёжную и актуальную информацию и к тому же сделать это быстро. Данная информация является общественной собственностью, и СМИ должны донести её до сведения законных владельцев как можно скорее, потратив какое-то количество времени на редактирование, этический анализ и подтверждение достоверности.

Политики, полицейские и сотрудники сектора безопасности применяют другой подход. Информация — это инструмент политики государства и сектора безопасности, ею манипулируют, её контролируют или насаждают, чтобы она отвечала стратегическим интересам. Чиновники сектора безопасности имеют свой собственный четкий взгляд на сущность общественного интереса, который очень часто, как в период военного, так и мирного времени, вступает в конфликт с независимой журналистикой.

Цензура и контроль информации — естественная реакция тех, чья работа — защищать человеческие жизни, выигрывать сражения и сбивать с толку противников. Журналисты действуют согласно различным импульсам. Императивы журналистики — правдивость, независимость и осознание влиятельности слова и создаваемого образа на общественность — глубоко демократичны. Они не направлены на причинение вреда, но их суть в том, чтобы журналисты говорили то, что знают.

Неудивительно поэтому, что вся история отношений между СМИ и сектором безопасности — это сага подозрений, грязных баталий за доступ к информации и хорошо ощущаемой обеими сторонами неловкости во время совместной работы.

По мнению большинства журналистов, проблема состоит в том, как им защитить свою независимость, когда мир вокруг взывает к их беспрекословной преданности предмету освещения, касается ли он преступления, вступления в войну или борьбы против нарушения человеческих прав. Многие согласятся с тем, что патриотизм, плюрализм и уважение человеческих прав формируют сердцевину объединяющей политической идеологии. Но должны ли журналисты подчинять себя диктату определенной политики безопасности или военной стратегии, даже достойным и хорошо продуманным образом? Ответ неизменно будет отрицательным, особенно если дело касается задачи журналистики тщательно исследовать действия тех, кто находится у власти.

И всё же случается, что демократия позволяет ограничивать СМИ, например в ситуации национальной угрозы, войны или нарушения общественных интересов. Постоянный спад и увеличение количества аргументов при ответе на вопрос, где провести разграничительную линию между тем, что журналисты могут говорить, а что нет, находятся в самом центре дискуссий на тему безопасности среди юристов и СМИ.

В то же время в период политического кризиса ослабевает защита гражданских прав, растёт давление на журналистскую деятельность и широко распространяется самоцензура среди журналистов. Война с Ираком была отличным примером того, как некоторые политические лоббисты, используя свое влияние, смогли запугать даже американские СМИ, возможно, наиболее свободные в мире, и способствовать их почти беспрекословному подчинению линии государства³¹.

Такие вопросы даже сложнее и нуждаются в ответе более, чем просто исследование проблем в отношениях между властями и журналистами в странах переходной демократии.

1 Д. Ратер, обозреватель CBS, недавно прокомментировал самоцензуру и то, что сотрудники новостей в США не могут ответить на сложные вопросы о военной политике. Интересно, что эти комментарии он сделал для BBC, но не для американских СМИ.

Для того чтобы наладить работу демократических институтов, нет более результативной реформы, чем реформа масс-медиа: создание многообразных и плюралистичных СМИ, которые свободны и независимы, доступны людям и распространяют точную и объективную информацию. Компетентные дебаты — живительная сила демократии, без которой граждане и те, кто принимает решения, потеряют основу для информированного участия и репрезентации своих интересов.

Хотя СМИ играют ключевую роль в развитии демократического правления, удивительно, что внутри обществ переходного периода процесс реформирования проходит медленно, неуверенно и часто противоречиво. Реформирование институтов экономической и социальной политики ускорилося. Всего за несколько лет десять в прошлом коммунистических стран создали условия, необходимые для вступления в ЕС. Тем не менее прогресс в сбалансированных и стабильных отношениях внутри сектора СМИ затруднен даже в тех странах, которые идут по пути передового экономического и социального развития.

Во многих странах — в особенности (но не обязательно) находящихся на переходном этапе — взаимоотношения политики и СМИ устарели и в значительной степени требуют реформирования, поскольку:

- открытость правительственной деятельности и свобода информации практически не наблюдаются;
- клевета и нарушения закона продолжают характеризовать отделы новостей;
- общественное телерадиовещание всё ещё находится в тени государственной политики;
- общественная реклама и технические ресурсы используются для поощрения лиц, поддерживающих те или иные СМИ.

В Восточной Европе и за её пределами распространены жалобы на качество СМИ. Критики обращают внимание на то, как безудержно растущая коммерциализация определяет журналистские стандарты, насколько журналисты всё менее профессиональны; это ведет к самопроизвольному провалу, так как работники СМИ теряют поддержку издателей и не получают уважения в отделах новостей. Уверенность общества в значимости СМИ крайне мала.

Всё это вместе рисует нерадостную картину для журналистов и аудитории, но одновременно создает условия для детального исследования столкновения журналистики и общественного интереса.

Одна общая линия, которую возможно провести в рамках данной дискуссии, — это идея того, что всё служит общественному интересу. В сегодняшнем мире политиков и журналистов, где каждый уверен в том, что знает, что будет лучше для общества, право людей быть информированными, главенство правды и максимально высокий уровень открытости и прозрачности должны являться точкой отсчета.

Ни в какое другое время эти простые истины не проверяются лучше, чем во время озабоченности общества войной, терроризмом и международными отношениями. Неопределенность политической ситуации сегодня предоставляет отличную возможность ещё раз изучить проблемы в отношениях СМИ и правительства, полиции и военных структур.

При этом важно обращать внимание на то давление, которое оказывается на работу СМИ, а также на императивы безопасности. Учитывая это, можно создать основу для результативного диалога, который приведет к практическому улучшению и укреплению отношений.

Ведение войны и использование СМИ

Ни в какое другое время столкновение интересов журналистов и работников сектора безопасности не заметно лучше, чем во время войны. В каждом из конфликтов за последние 100 лет, с тех пор как существуют СМИ, отношения между журналистами и властями, даже находящимися по одну сторону, были напряженными. Всегда присутствует коллизия между озвучиванием деликатных политических моментов, как указывал Дж. Оруэлл, «чтобы лож звучала правдоподобно и уважительно по отношению к убийцам» (Orwell 1946), и стремлением репортеров к передаче фактов так, как они сами это видят, без оглядки на политиков. Однако главные СМИ были, как известно, готовы поглощать информацию «с государственной ложки», и репортеры часто беспрекословно представляли факты так, как им их преподносили.

Вступление в войну, даже если она направлена против самых больших из человеческих зол, как-то: терроризм, современные формы рабства, эксплуатация детей, пытки, внесудебные убийства, пропаганда геноцида и расизма, — не должно выпадать из сферы журналистских расследований и контроля со стороны СМИ.

Тем не менее происходящее во время последних войн, от войны в Персидском заливе до Косово, включая Фолклендские острова и Гренаду, — это история ограничений новостных медиа и манипуляции для получения публичной поддержки запланированных новостных выпусков. Это не просто пример столкновения менталитетов военных стратегов и журналистов. Главные решения об информационной политике были сделаны гражданскими лидерами в Вашингтоне и Брюсселе, что подрывает успешность репортеров в независимом освещении важнейших событий.

В отчете о правительственных ограничениях в США после войны в Персидском заливе было заключено, что «информация было ограничена или подвергнута манипуляции не в целях национальной безопасности, а в политических целях — чтобы защитить имидж и приоритеты Департамента обороны и его гражданских лидеров, включая президента» (CPI 1991). Информационные стратеги США были научены опытом Вьетнама и адаптировали модель контроля над прессой, так эффективно используемой британцами во время Фолклендской войны. Этот образец манипулирования сообщениями СМИ был использован НАТО во время войны в Косово в 1999 году, когда журналисты, «поглощающие информацию с государственной ложки», активно способствовали формированию сомнительного политического порядка, изначально задуманного с целью гуманитарной интервенции и защиты прав человека. Когда король Бельгии Леопольд устанавливал свой ужасающий режим принудительного труда, рабства и жестокости в Конго более чем столетие тому назад, его придворные покупали статьи, давали взятки журналистам и изнуряли критиков СМИ подсчетом ложных репортажей (Hochschild 1999).

Опыт таких международных столкновений, старых и новых, повлиял на создание атмосферы подозрения и недоверия, которая существует сегодня. Во многих странах, которые пришли к демократическому плюрализму только в последние годы, ситуация ещё хуже.

Для большинства журналистов освещать войну — значит находиться на передовой. Только случайно, как это произошло во время террористических атак в Нью-Йорке, они занимают первые ряды, в то время как военные события разворачиваются вокруг них. Яркие картинки необработанного, неотредактированного ужаса, которые увидели телезрители 11 сентября, показали то, как журналистика справляется с труднейшим вызовом второй половины столетия. Не считая неизбежных банальностей или экстравагантности, освещение всеми главными новостными центрами было сдержанным, интеллигентным и информативным.

Хорошо осведомленное описание и разъяснение комплекса военных, политических, дипломатических идей, экспертный анализ и субъективное мнение — всё демонстрировало, что СМИ могут служить добру, просто предоставляя обществу достоверную информацию. Это смешение сложных репортажей, обилие публичного интереса и непредвзятый поиск решений породил в высшей степени несенсационный, основанный на чувствах вид журналистики.

Нью-йоркская история иллюстрирует, какой значительный вклад могут сделать СМИ в формирование общественного доверия, просто поступая правильно: содействуя открытым дебатам, предоставляя достоверную информацию, разъясняя возможные последствия происходящего в мире, в котором мы живем.

Но случилось бы это, если бы репортеры были зависимы от политических и военных источников в доступе к информации о террористических атаках? Смогли бы они добиться доступа к месту происшествия, к беседам с жертвами, к трансляции последствий этих ужасных событий? Конечно, ответ будет отрицательным.

Журналисты, освещающие конфликты, неизбежно подвергаются контролю и мониторингу, а результаты их работы — цензуре. Это неизменно сеет недоверие между работниками СМИ и властями, а также подрывает общественное доверие. В настоящее время это становится ещё более сложным вследствие распространения Интернета и спутниковых телефонных технологий, но недавние тренировочные мероприятия в США, которые готовили журналистов к внедрению на передовые линии войны в Ираке, снова привели к неформальному соглашению военных с

журналистами: мы предоставим вам доступ и защиту, но по высокой цене. К тому же во время войны журналисты и СМИ находятся среди мишеней.

Во время войны в Косово бомбардировщики НАТО нанесли удар только по одной гражданской мишени — Центру теле- и радиовещания режима Милошевича в Белграде. Погибли шестнадцать работников масс-медиа. Эта атака, наряду с сотнями военных атак в Сербии и Косово, прямо противоречила протоколам Женевских соглашений, которые защищают гражданское общество в военное время и которые определяют журналистов и работников СМИ категорией «граждане».

НАТО заявило, что оно боролось против вражеской пропаганды, но что оно действительно сделало, так это открыло дверь неограниченному применению силы по отношению к журналистам в любых конфликтах, стоило одной из сторон выкрикнуть «пропаганда» (IFJ 1998). Через три недели после военных действий НАТО в Югославии пакистанские ракеты разрушили индийские передатчики в спорном Кашмирском регионе.

Влияние военных атак НАТО почувствовалось и на Среднем Востоке сразу после того, как The International Herald Tribune напечатала резкие комментарии израильского представителя сектора безопасности по поводу атаки передатчика тяжеловооруженными вертолетами и установления Палестинского телерадиовещания. Эта атака, сказал он, была, как и бомбардировка войсками НАТО Белградского телевидения, легитимной акцией против пропаганды. Во время войны в Афганистане в январе 2002 года американские войска разрушили в Кабуле офисы «Аль-Джазиры», альтернативной телевизионной компании, нанявшей множество журналистов, подготовленных ВВС. Не было дано никакого удовлетворительного объяснения на вопросы об атаках, поднятые свободной прессой, даже несмотря на то, что это противоречит нормам международного права.

Освещение войны — это опасное занятие, которое сегодня может длительное время угрожать журналисту даже после заключения мира. Журналисты и их тщательно оберегаемая свобода в настоящее время находятся под большим давлением в результате движения к новой международной правовой системе, имеющей дело с военными преступлениями.

В прошлом году Международная федерация журналистов (МФЖ) выступила перед Международным криминальным трибуналом над бывшей Югославией в поддержку Джонатана Рандала, бывшего репортера Washington Post, которого вызвали в суд для дачи свидетельских показаний о том времени, когда он был военным журналистом в Боснии.

Мы настаиваем на том, что существует неизбежная опасность того, что от журналистов потребуют раскрытия той информации, которую они собрали во время выполнения своих обязанностей.

Первое и наиболее серьезное — это потенциальная угроза физической безопасности и благополучию журналистов, особенно тех, которые работали в военных или конфликтных ситуациях. Ежегодно многие журналисты становятся объектами нападков и оскорблений, запугивания или более серьезных притеснений той или иной стороной, участвующей в освещаемом конфликте. МФЖ насчитала более тысячи журналистов и работников СМИ, убитых за последнее десятилетие.

МФЖ заявила в суде, что журналисты как гражданские лица в период военных действий попадают под защиту международного права, но их работа представляет потенциальную угрозу для общественности обеих сторон конфликта, если журналисты оказались свидетелями военных преступлений или грубых нарушений прав человека и в результате сами стали объектами насилия или угрозы применения насилия. Вероятность такой опасности возрастает, если практиковать вызов журналистов в качестве свидетелей для дачи свидетельских показаний по поводу того, что они видели во время выполнения своей работы.

Мы также утверждаем, что вызов журналистов против их воли в суд для дачи показаний угрожает общественному праву на информацию согласно статье 19 Всемирной декларации прав человека.

Во время большого информационного и новостного голода — как, например, в последнем конфликте на Среднем Востоке — журналисты нуждаются в свободном передвижении, в открытом освещении событий и в честном диалоге с важными информационными источниками. Если они не смогут этого делать, то события, прямо касающиеся общества и его интересов, не будут должным образом освещены. Способность журналистов работать без вмешательства со стороны, которая

уже является объектом ограничения, будет постепенно сокращаться, если практика принуждения их к даче свидетельских показаний в суде станет укоренившейся традицией.

МФЖ признает, что экстраординарные обстоятельства требуют особого подхода, но вызов журналиста для дачи показаний по материалам, которые он получил во время своей работы, — это проблема этики, которую должен решать сам журналист без повестки в суд.

В случае Рандала доводы победили, и решением от ноября 2002 года Рандал и другие получили право отказаться от дачи свидетельских показаний, пока обвинитель не докажет, что свидетельство необходимо для вынесения приговора. Это шаг вперед, не такой успешный, как абсолютная привилегия, полученная работниками сферы гуманитарной помощи (например таких организаций, как Красный Крест), но всё же являющийся началом получения международного законного признания нейтралитета журналистов во время войны.

Такое признание является основанием для борьбы на национальном уровне не только с военными лидерами, но и с гражданскими властями.

Отношения между полицейскими и журналистами: этические сложности

В 2000 году произошли три заметных события в мире новостей, когда имена самих журналистов попали в заголовки, и каждый из случаев затрагивал глубокий конфликт взаимоотношений СМИ и полиции. Речь также идет о сложных этических проблемах, с которыми сталкиваются журналисты, когда сами становятся участниками событий.

Первая история произошла в апреле 2000 года (IFJ 2000), когда возбужденный мужчина, вооруженный пистолетом, гранатами, ножом и канистрой с бензином, проник в детский сад в Люксембурге. Он взял в заложники двадцать пять детей и троих воспитателей. Он удерживал своих пленников двадцать восемь часов, пока шли переговоры с полицией. Вокруг школы собрались национальные и международные СМИ. Изнутри школы вооруженный мужчина дал знать, что желает рассказать о конфликте со своей бывшей женой.

Полицейские сыграли на этой его слабости. Они направились к станции местной телекомпании, отобрали камеру, взяли удостоверения личности и три куртки с названием телекомпании — RTL. Полицейские выдали себя за журналистов, из тех, что находились вокруг школы. Они договорились с преступником об интервью и при помощи спрятанного в камере оружия дважды выстрелили ему в лицо. Все заложники были освобождены и не пострадали.

Во время другого идентичного инцидента нью-йоркская полиция отобрала камеру у телевизионного репортера. Они противостояли мужчине, который взял в заложники семилетнего сына после того, как убил двух родственников. Мужчина отказался разговаривать с полицией, но заявил, что хочет говорить с журналистом. Полицейский выдал себя за журналиста. В обмен на интервью он спас мальчика, а преступник сдался.

Третий случай произошел в Греции несколько месяцев спустя. Возбужденный и разъяренный мужчина взял в заложники тридцать пять человек сразу после того, как убил свою мачеху и одного мужчину во время домашнего спора. Затем он захватил автобус с пожилыми туристами, в основном из Японии, и в течение девяти часов бесцельно ехал по главному шоссе. Он хотел рассказать свою несчастливую семейную историю журналистам и провел много времени, разговаривая по мобильному телефону с телевизионными компаниями, некоторые из которых транслировали разговор, некоторые предпочли этого не делать. Всё разрешилось после того, как один из греческих ведущих ток-шоу получил заявление преступника о желании дать интервью. Журналист согласился на встречу и отвлек его от заложников. После десятиминутного разговора и небольшого количества спиртного они были окружены полицейскими, и преступник был арестован. Однако эта история имеет трагическое продолжение, так как преступник убил себя, находясь под стражей: он выбросился из окна Центрального полицейского управления Афин.

Ещё один случай, частично связанный с войной, — это политическое убийство в сентябре 2001 года лидера Северного альянса генерала Ахмад-шаха Масуда группировкой «Талибан» в Афганистане лишь за несколько дней до атак Всемирного торгового центра. Он был убит преступниками, выдавшими себя за группу журналистов.

Все эти истории показывают, как люди (а многие из них возбужденные и отчаявшиеся) обращаются к СМИ в надежде предать гласности свои истории. Такова всеобъемлющая власть СМИ в век быстрых новостей.

Тем не менее истории фокусируют внимание на остром и постоянном вопросе для работников СМИ: когда и как им следует сотрудничать с полицией, а также выявляют тревожное и опасное направление развития — тенденцию структур безопасности использовать СМИ и журналистов в своих целях и часто без учета последствий для журналистов.

Во время инцидента в Люксембурге МФЖ протестовала против действий полиции. Мы уверены, что использование оборудования журналистов без их согласия и то, что полицейские выдают себя за журналистов и используют их камеры как оружие в буквальном смысле слова, было неприемлемо и опасно. Многие спросят, почему. На самом деле наш электронный почтовый ящик был переполнен гневными сообщениями от людей, особенно часто от американцев, которые не видели никакой справедливости в критике действий полицейских, спасших жизни детей и учителей.

Естественно, мы были рады тому, что инцидент закончился без больших человеческих жертв, но мы знаем лучше, чем кто-либо, что ежегодно множество журналистов и работников СМИ погибают или получают ранения во время репортажей из опасных точек. Многие из них стали жертвами именно из-за своей профессии. Их жизни и так в серьезной опасности, им не нужно добавлять ещё сложностей.

Если люди начинают подозревать, что мужчина с камерой или женщина с микрофоном вовсе не те, за кого себя выдают, то тогда все журналисты и работники СМИ сильно рискуют, делая репортажи из опасных точек.

Именно по этой причине пресса, находившаяся около люксембургского детского сада, и журналисты в Нью-Йорке были настроены агрессивно по отношению к полицейским уловкам. В обоих случаях полиция действовала самостоятельно, не позволив журналистам решать, хотя бы они содействовать и каким образом.

Мэр Нью-Йорка извинился за «спектакль» и за то, что у журналистов отобрали камеры. Он аргументировал это тем, что риск стоил того. Что ж, возможно.

Конечно, когда присутствует потенциальная угроза чьей-либо жизни, журналисты, как и горожане, должны сделать всё, что в их силах, чтобы никто не пострадал. Тем не менее они не должны быть опрометчивы, компрометируя этические принципы журналистики.

Всё обстоит довольно просто. Этическими вопросами занимаются профессионалы СМИ. Полиция не вправе провозглашать новые или менять существующие этические нормы журналистики.

Случается, что журналисты вовлечены в полицейские акции. Иногда это делается в интересах расследовательской журналистики. Иногда, по соглашению с властями, профессиональные императивы могут не учитываться для защиты общественного интереса. Но во всех случаях журналисты обязаны раскрыть карты, объяснить после происшествия, что случилось и почему.

Было множество ситуаций, когда журналисты и СМИ сотрудничали с полицией. Иногда придуманные истории вызвали подозрение. Решение утаить новость о волнующем событии может помочь избежать растущего напряжения в обществе. Самоцензура может спасти жизни.

Однако даже в таких случаях присутствует обязательный принцип. Журналисты и новостные организации должны решить, согласиться или отказаться от сотрудничества, будь то раскрытие источника информации или содействие в полицейском расследовании. Полицейские должны выполнять свою работу, журналисты — свою; они не должны мешать друг другу.

Вот почему драма с заложниками в Греции резко отличается от двух других случаев: журналистам дали решить, будут они сотрудничать или нет. Базовая этическая дилемма — вправе ли я ставить интересы других выше своей ответственности за тех, кто мне доверяет, — находится в центре сегодняшних отношений журналистов с теми, кто предоставляет им информацию. Если журналистам не удастся оправдать это доверие — и это иногда справедливо, как было в данном случае, — они должны сами принять такое решение. И это не дело полиции или кого-нибудь ещё.

Действия местных полицейских, которые думают, что могут выдавать себя за журналистов или использовать СМИ, когда им нужно, и действия политических и военных лидеров, которые

делают СМИ своей мишенью, никак не подтверждают важность роли СМИ и информации в современном обществе. Но они ясно показывают, как важно для журналистов и других профессионалов масс-медиа бороться за сохранение своей независимости.

Изменения в СМИ и давление на качество журналистики

Война во всех её проявлениях — это борьба хитро придуманного оружия всех видов, включая разумный механизм общественных отношений и контроль над информацией. Возможный урон при этом для демократии не распознаваем, пока не рассеется дым.

Современные СМИ, также хорошо вооруженные для защиты своей территории, чаще предпочитают уживаться с военной цензурой и правительственными версиями происходящего, чем пытаться преодолеть препятствия на своем пути. Коммерческие интересы в рамках журналистики часто подавляют глубокие исследования и критичность, на которых базируется теория современной журналистики.

В любой части журналистской вселенной существует политическое и экономическое давление, доморощенное предубеждение, предвзятость и прямое вмешательство. Соревнование между новостными организациями за первенство в сообщении экстренных новостей ведет к некомпетентности и мелочности в журналистике под маркой фиктивного освещения событий на основе неполного второстепенного описания происходящего и использования неадекватных источников.

Список журналистов и ведущих, выразивших своё недовольство вредным влиянием корпорации, довольно велик, и многие из них, как, например, ветеран американских новостей У. Кронкайт, считают, что «наши большие корпоративные собственники, зараженные жадностью, характерной для конца XX века, постоянно тянутся к растущей прибыли, отходя все дальше от качества, провоцируя журналистов на сумасшедшую схватку за рейтинги и тиражи» (Centre for Public Integrity 1991).

Пока новостные компании активно способствуют политическому и законодательному изменению собственного имиджа, они тратят меньше денег на свою работу, на обучение штата, на исследования и расследовательскую журналистику. В результате требования снижаются, а вместе с ними и уровень общественного доверия.

Несмотря на множество экзотических рассказов о заграничных командировках и изменяющих мир событиях, большинство журналистов не проводят свои дни за созданием мемуаров. Они слишком обеспокоены повседневными заботами (достойная зарплата, сохранение рабочего места, справедливое отношение на работе), чтобы волноваться ещё и о выполнении благородной миссии своей профессии.

Это не значит, что журналисты далеки от этого. Стандарты и этические нормы — правдивость, независимость и стремление не причинить вреда — всегда лежат в основе их действий, но ежедневное расписание слишком напряженное и не оставляет достаточно времени для отражения сущности журналистики.

Журналисты понимают важность этики. Инстинктивно репортеры и редакторы борются за независимость, свободу мысли и порядочность в работе, даже если они не могут по памяти привести выдержки из кодексов журналистских ассоциаций и объединений.

Удивительно, но эти инстинкты проявляются независимо от политической системы или экономических ограничений. Очевидно, что предвзятость и точность определяются особенностями, целью и характером СМИ. Журналисты стремятся почерпнуть свои навыки, как политические, так и профессиональные, не из моральных установок родителей, учителей или журналистской школы, но из культуры СМИ, в среде которой они работают (Lambeth 1992). В этом случае журналисты работают для удивительно разных новостных ресурсов, таких как немецкая Bild Zeitung, The Washington Post, лондонская Daily Mail, O Globo в Бразилии или NHK в Токио, различными путями делая вклад в развитие общей культуры.

Однако достаточно ли этих скрытых этических указателей для установления приемлемого уровня профессионализма? По-видимому, нет.

Одна из причин: мир СМИ сегодня сильно отличается от того, каким он был десять или пятнадцать лет назад. Всё изменилось до неузнаваемости, прогрессируя от доисторических аналоговых отделов новостей до появления Windows, текстовых сообщений и сетевой журналистики.

Новые технологии сломали традиционную структуру СМИ. Техническое преобразование текстов и образов разрушило однотипные удобные способы печати и транслирования новостей. Сегодня чаще, чем когда-либо, журналисты охотно работают внештатно и заметно дистанцируются от проблемы производства и распространения результатов их работы.

Ситуация становится все более небезопасной, более открытой для коррупции, и увеличивается давление на журналистов, которые работают не в комфортных условиях технологического развития и экономической надежности северных стран. Но не только способ работы журналистов и используемые ими инструменты определяют современную культуру СМИ.

Корпоративные лоббисты и политический класс, всё чаще определяя общественные отношения и доминируя среди имиджмейкеров, породили многомиллионную индустрию, которую СМИ, «питающиеся» правительственной информацией, приводят в соответствие с интересами состоятельных и влиятельных членов общества. Так было всегда, однако сегодня волна расфасованной информации угрожает перевернуть журналистику вверх ногами, и не последнюю роль играет в этом то, что новостные корпорации сами стали признанными действующими лицами на мировой сцене.

В каждом уголке планеты журналисты борются за то, чтобы их услышали, несмотря на шумные протесты тех, кто хочет говорить за них, — издателей, редакторов, политиков, борцов за права человека, свободных журналистских групп. Сегодня слишком мало сделано для того, чтобы остановить падение стандартов качества и профессиональной морали среди журналистов.

Тенденция к недооценке работы журналиста новостными организациями характеризуется падением интереса к плюрализму СМИ и качественной информации.

СМИ должны играть решающую роль в объяснении того, что происходит, но их сообщения запутанны и размыты. Конфронтация между демонстрантами и полицией используется как материал для фотосессии с фокусированием внимания на мелких группах борцов, непрезентабельных «антикапиталистических» экстремистах, а между тем речь идет о несоблюдении фундаментальных прав человека.

В своем стремлении к экономическим преимуществам СМИ не далеки от того, чтобы обойти стороной свободу прессы и человеческие права, если это им выгодно. Число нарушений свободы прессы корпорациями за последние годы возросло. СМИ подавляются интересами бизнеса и становятся объектом давления со стороны политических деятелей, которые разрезают на кусочки полотно журналистики.

Сегодня, несмотря на наличие препятствий, хорошая журналистика выживает и процветает даже в самых неблагоприятных условиях. Например, репортажи о пытках в Кигали, детской проституции и сексуальном рабстве в Бангкоке, открытой политической коррупции и угрозах применения силы в Зимбабве, террор в отношении печатных СМИ от Испании до Колумбии, судебный процесс за проявление толерантности и уважение к исламу со стороны The Sun в Лондоне после террористических атак в Нью-Йорке. Каждую неделю появляется бесчисленное количество репортажей, колонок и аналитических очерков, которые подтверждают тот факт, что пациент пусть и не здоров, но всё ещё дышит.

Это порождает множество вопросов (и ответы на некоторые из них) и даёт указания к работе, которая должна быть сделана немедленно, например, улучшение профессиональных и социальных условий для журналистов, выявление некомпетентности, непрофессионального поведения и грубых нарушений журналистской свободы в любом виде, защита общественных ценностей и требование вынести вопрос о качестве и плюрализме журналистики на главную повестку дня.

Журналистика и государственная секретность

Большинству журналистов не нужно говорить о том, что военные аспекты, безопасность государства, граждан и конфиденциальность определенной экономической информации требуют

осторожного обращения и высокого уровня конфиденциальности по отношению к общественным интересам.

Традиции сферы безопасности в любом обществе уходят корнями в секретность. Задача национальных и международных политических институтов — достичь баланса между потребностями органов безопасности и потребностями граждан в доступе к информации, включая официальные документы.

В век широкого распространения международного терроризма и преступлений движение к открытому правительству терпит множество неудач. В ЕС правила, регулирующие доступ к информации, были модифицированы, чтобы предоставить странам, не входящим в ЕС, включая США и Турцию, право вето на раскрытие информации для граждан ЕС в некоторых случаях, касающихся государственной безопасности и обороны.

В то же время имел место драматический всплеск активности законодательной системы во всем мире для усиления наблюдения через Интернет и мониторинга коммуникации как следствие событий 11 сентября в США (IFJ 2002).

Сегодня даже в развитых демократических странах правительства небрежно относятся к своим обязанностям защищать гражданские права на доступ к информации.

Степень правительственного упрямства и недостаточная твердость в этой области обнаружили несколько лет назад, когда Евросоюз отказал Шведскому объединению журналистов в доступе к документам Совета Европы, касающимся Европола. В то время Шведский союз запросил двадцать документов прямо в Совете и, в соответствии со шведским законодательством, сделал запрос на те же документы шведскому правительству. Совет выдал только два документа. Такие его абсурдные действия были вскрыты во время судебного процесса против него.

Возвращение секретности сектору безопасности противоречит тенденции к большей прозрачности работы правительства и договорным обязательствам, таким как Договор ЕС по применению принципа открытости на высших уровнях, подписанный в Амстердаме.

Демократия — это не только информирование и участие в проведении политики, она непременно касается того, как политика применяется на практике. Например, власть полиции над гражданами расценивается не только с точки зрения формального законодательства, но и с учетом того, как полицейские ведут себя по отношению к законопослушным гражданам и к заключенным.

МФЖ обратила внимание на множество недоговоренностей в аспекте подотчетности ЕС, даже на формальном уровне. С 1994 года в ЕС предоставляются ежегодные отчеты о работе Европейского отдела по борьбе с наркотиками, но сегодня, когда Европол окреп в своем развитии, появилась публичная глянцевая версия отчетов, сильно политизированная и невысокого содержательного уровня.

С 1995 года предоставляются ежегодные отчеты по применению Шенгенской конвенции (до 1998 года). Сегодня утверждается, что, так как из-за Амстердамского договора Шенген расколот между «первым» и «третьим» принципами, в будущем больше не будет ежегодных отчетов. Кто принял решение, официальные лица или правительство?

Журналисты больше не знают, какое количество исправлений вносится в базу данных Шенгенской информационной системы (SIS), чтобы не допустить въезд некоторых лиц в пределы ЕС, или сколько наблюдательных операций запрашивается. А такие аспекты жизненно важны в диалоге с властями по поводу прав беженцев и эмигрантов.

Во время событий 11 сентября множество специальных секретных международных групп активно действовали в сфере права. Секретные службы ЕС и США более активно, чем когда-либо, стали осуществлять мониторинг и наблюдения за передвижениями людей. МФЖ, как и другие организации по гражданским правам человека, столкнулась с тем, что сферы политического планирования и проводимой политики были полностью скрыты от общественного надзора для обеспечения потребностей новых структур безопасности.

Поиск решений

Как было отмечено ранее, нездоровая состязательность и коммерческое давление снижают уровень стандартов журналистики. Журналисты должны осознавать, что претенциозное упоминание

права на независимость и журналистскую неприкосновенность не получит общественной поддержки без попыток избавиться от разрушительных последствий, которые наносит профессиональной журналистике чрезмерная коммерциализация. Препятствия, созданные популистскими программами, погоней за тиражами среди печатных изданий и невежеством в телевизионных программах, должны быть преодолены журналистами.

Даже сегодня ничто не дает властям права на дальнейшее ограничение журналистики путем захвата этических прав. Каждый год сотни журналистов и работников СМИ погибают насильственной смертью или получают ранения во время выполнения своей работы.

Речь идет о необходимости оказать существенную помощь в создании безопасных условий для работы журналистов без давления извне. Поэтому МФЖ и беспрецедентная коалиция новостных организаций и свободных объединений прессы не так давно учредили Международный институт безопасности новостей (The International News Safety Institute), чтобы разработать международные стандарты для безопасной журналистики. Проблема физической безопасности немаловажна для работников СМИ, её решение заложено в разработке стратегии установления доверия между СМИ и властями в вопросах независимости, нейтралитета, обозревательского статуса журналиста⁴².

Необходимость в более опытных журналистах, работающих с проблемами сферы безопасности, и в осознании полицейскими, военными структурами и органами безопасности истинной роли СМИ и журналистики должны восприниматься с полной серьезностью. То, что действительно нужно, — это не обновление компаний, связанных с общественными отношениями, а свежий подход, который прольет свет на то, как действительно работают журналисты.

Литература

CENTRE FOR PUBLIC INTEGRITY. 1991. *Under Fire: US Military Restrictions on Media from Grenada to the Persian Gulf*. Washington: CPI.

HOCHSCHILD, A. 1999. *King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa*. New York: Houghton Mifflin.

INTERNATIONAL FEDERATION OF JOURNALISTS. 2000. «Journalism, Civil Liberties and the War on Terrorism». IFJ Report.

INTERNATIONAL FEDERATION OF JOURNALISTS. 2000. *Press Releases*. April. URL <<http://www.ifj.org>>

INTERNATIONAL FEDERATION OF JOURNALISTS. 1998. *Report*. April. Available at URL <<http://www.ifj.org>>

LAMBETH, E. 1992. *Committed Journalism: An Ethic for the Profession*. Bloomington: Indiana University Press.

ORWELL, G. 1946. Politics and English Language. *Horizon*, April.

2 *Independent News Safety Institute* была сформирована в ноябре 2002 года более чем 80 международными масс-медиа группами и NGOs. Résidence Palace, 155 Rue De La Loi, 1040 Brussels. Tel: +32 2 235 2201.

Глава 3

Пролиферация или плюрализм? СМИ в посткоммунистических обществах

Душан Рельик

Важность капитализма

Молодой журналист, который позже станет известным в различных сферах деятельности, разработал последовательный план до 1848 года, когда буржуазная революция дала дорогу большей гражданской свободе в Европе. План затрагивал базовые условия для выбранной им профессии, а именно обеспечение настоящей свободы для соответствующего выполнения своего социального долга. Привилегия не быть бизнесом была, с точки зрения Карла Маркса, предпосылкой для свободы прессы.

Полтора века спустя, когда отдельные марксистские режимы в Центральной и Восточной Европе и бывшем СССР стали разрушаться один за другим, их противники, антикоммунистические революционеры, утверждали обратное: свобода СМИ должны быть бизнесом. После десятилетий государственного или партийного доминирования над каждым сегментом общественной жизни, и особенно при воспоминании о железных тисках служб безопасности, в которых оказалась публичная сфера, кажется очевидным, что устранение государственного контроля, в частности притеснения СМИ полицией, делает невозможной свободу слова.

Другой потребностью общества в посткоммунистических странах за последние пятнадцать лет стало реформирование сектора СМИ в соответствии с «европейской» моделью, с аналогичными законодательными предписаниями и административной практикой. Было заявлено, что эта модель будет учитывать опасность возвращения под государственный контроль СМИ, наряду с устранением ошибок американского типа коммерциализации. В отдельных случаях имели место заявления о том, что гражданское общество должно обладать большим влиянием на СМИ. Такие предложения поступали в первую очередь от интеллигенции, которая стояла на передовом фронте борьбы против старого режима и отвергала идею простой замены государственного доминирования интересами бизнеса.

Западные масс-медиа ученые доставали со своих полок покрытые пылью труды о роли СМИ в развитии и модернизации (типичная проблема, выносимая в 50-х и 60-х годах на дебаты о деколонизации). Мотив дискурса был почти аналогичным, если не сказать идентичным, нормативной роли, которую сегодня приписывают СМИ в переходный период. Полвека назад западные исследователи рассчитывали, что население бывших колоний стараниями СМИ примет жизненный уклад Запада и тем самым подвергнется модернизации (Lerner 1958). Сегодня СМИ стремятся «передать западные демократические нормы и ролевые модели обществу и таким образом действовать в качестве основного ресурса политической ресоциализации» (Vajomi-Lazar and Hegedus 2001, p. 10).

Тем не менее даже пятьдесят лет назад было отчетливо видно, что продуктами западных СМИ, которые превалировали во всем мире, а особенно в Азии, Африке и Латинской Америке, являлись ковбойские сериалы, такие как *Wopanza*, и подобные американские развлекательные программы. В современном мире каждый может быть уверен в том, что зарубежные телевизионные программы, наиболее часто транслируемые на территории между Албанией и Казахстаном, — это если не латиноамериканские теленовеллы, то такие популярные американские сериалы о благополучии, власти и семейных кризисах, как *Dynasty*, или процветающее немецкое криминальное шоу *Tatort*. Картина западного мира и его ценностей, отраженная в большинстве импортированных программ, редко соответствует реальности и, конечно, не пропагандирует демократию, рыночную экономику и гражданское общество. Более того, превалирующая картина мира в СМИ посткоммунистических стран — далеко не европейская. В посткоммунистических обществах телевизионные экраны изобилуют американской продукцией. Анализ тенденций

международных новостей показывает, что репортажи об американской политике, экономике и культуре остаются главными темами в международном новостном обмене (Wu 2000, p. 110—130).

Это говорит о том, что содержание программ, сделанных западными СМИ, нельзя принимать за тот самый канал, по которому восточные страны переходной демократии получают действительное побуждение к модернизации.

К тому же амбиции интеллигенции оказать влияние на формирование и развитие системы СМИ были разрушены. Общественное радио, открытые телевизионные каналы, репрезентация слушателей и зрителей большинства общественных компаний телерадиовещания и развитые формы участия гражданского общества в создании и организации публичной сферы остались в посткоммунистических странах на низком уровне.

«Европейская» модель

Есть только один критерий, срабатывающий при оценке уровня прогресса, достигнутого СМИ в переходных странах, — это уровень, на котором успешно представлена «европейская» модель. По сути, это означает, с одной стороны, существование частных СМИ, которые ответственно работают и уважают закон, кодекс журналистской этики и правила, установленные независимым руководством телерадиовещания или схожими институтами общественного контроля. С другой стороны, европейский способ организации системы СМИ также постулирует существование общественных СМИ, в основном на телевидении. Такие СМИ предлагают программы, затрагивающие общественный интерес, чего коммерческие СМИ не могут сделать или не могут предложить без негативных последствий политического вмешательства.

Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что аналитики стремятся определить общественные СМИ как «автономные государственные новостные организации» (World Bank 2003, p. 186). Но нужно помнить, что «европейская» модель на самом деле существует только как нормативное предписание: «Общественные СМИ — это скорее идеал, скорее цель стремлений граждан, элемент совершенной демократии» (Price and Raboy 2001, p. 1). Политическое вмешательство властей и политических партий, наряду с влиянием экономических интересов, безответственным поведением бульварных газет и другими отклонениями от громких постулатов, — ежедневные явления.

Центральная и Восточная Европа и даже в большей степени бывший СССР — это не более чем модели, идущие к политической свободе, экономическому развитию, прогрессу культуры и сферы СМИ. Следовательно, только базовая матрица может быть применена в ходе рассмотрения эмпирических свидетельств при определении положения СМИ в посткоммунистических странах — регионе двенадцати временных поясов. В данной главе будут раскрыты два базовых аспекта: политический и экономический контроль над СМИ в посткоммунистических странах.

Рассматривая в указанном аспекте роль СМИ в общественном контроле над сектором безопасности, нужно уделить особое внимание тому, что бывшие и существующие «министерства страха» оказывают давление на СМИ и на общественность. В 80-е и 90-е годы XX века польская оппозиция была способна привлекать массы последователей, увлеченных диссидентскими призывами «любить правду». В те дни СМИ, даже если они не входили в число тех, кто под руководством властей порождал ложь и инсинуации, все равно не являлись источниками правдивой информации. Даже международные авторитетные издания, такие как белградская ежедневная *Politika*, во времена Тито были вынуждены держаться на расстоянии от многих запрещенных тем, включая тайное давление полиции на неконформистов и других так называемых «врагов общества». Вооруженные силы были, конечно, неприкосновенны. Как сказал китайский лидер Мао Цзэдун, в пороховницах не осталось пороха.

После того как бывшие режимы (пользуясь марксистской лексикой) оказались выброшенными в мусорную яму истории, общество надеется, что СМИ наконец станут

говорить правду. Это, в частности, ожидание от СМИ освещения деятельности аппарата безопасности. Однако работа журналистов с критическими или даже расследовательскими материалами, касающимися деятельности спецслужб или вооруженных сил, всё ещё остается опасной, о чем будет рассказано далее.

Политический контроль над СМИ

Большая свобода прессы стала одним из первых видимых изменений после падения старых режимов. В первые годы после падения однопартийной системы власти СМИ работали в хаотичном неструктурированном государстве, таким же было и общество. Только в середине 1990-х годов и позже были сделаны попытки отрегулировать работу СМИ. Как только СМИ в действительности обратились к общественному контролю, общество незамедлительно стало реагировать на ограничения их свободы. Чешская республика, которой посчастливилось изменить старый режим в 1989 году мирным путем, удивила мир 3 января 2001 года, когда около 100 000 людей вышли на улицы Праги в знак протеста против того, что национальное общественное телевидение подверглось политической цензуре.

Такие же возмущения, пусть и в меньших масштабах, имели место в Венгрии, Польше, Болгарии, Словении и других более или менее стабильных новых демократиях. В Венгрии в марте 2001 года экспертная группа Международной федерации журналистов (МФЖ) обвинила премьер-министра В. Орбана в действиях, приведших к ослаблению и потенциальному разрушению национальной системы общественного вещания через «политическое манипулирование и сознательное игнорирование». Далее МФЖ заявила: «К сожалению, даже те страны, которые ближе всего подошли к вступлению в ЕС, не способны к полной трансформации СМИ в профессиональный и демократический институт» (IFJ 2001).

Власти стран Центральной и Восточной Европы обычно трансформировали государственное телерадиовещание в общественную вещательную компанию. Британская вещательная корпорация (BBC) и её немецкий двойник Öffentlich-rechtliche Sender служили образцом для реформирования радио- и телесистем в большинстве стран региона. Прославленная автономия BBC была идеальной, но редко достигаемой целью.

В большинстве переходных стран начались интенсивные дискуссии по поводу влияния на телевидение как вид СМИ, наиболее подверженный политическому воздействию. Особенно часто в период приближающихся выборов имели место конфликты, связанные с контролем над телевидением, так как избиратели имели обыкновение следовать указаниям журналистов. Обычно было сложно достичь соглашения о том, каким образом должны назначаться и в дальнейшем контролироваться руководители, редакторы и исполнительные чиновники системы национального вещания. А повторяющиеся назначения всё чаще вызывали толки. Политики, журналисты и борцы за права человека часто сталкивались с ограничениями, установленными зарубежными инвесторами и продюсерами. Это говорит о том, что борьба за влияние на посткоммунистические электронные масс-медиа далека от завершения. Будет крайне интересно проследить за предстоящими дебатами о правах СМИ и телерадиовещания в Сербии и последующим перераспределением лицензий. Выживут ли любимые телевизионные станции бывшего президента Слободана Милошевича, такие как ВК или TV Pink, которые теперь бесстыдно поддерживают демократическое правительство, а может быть, даже будут процветать?

Со СМИ в «неконсолидированных президентских демократиях» (а большинство стран бывшего СССР можно определить именно так) дело обстоит значительно хуже, чем с масс-медиа Центральной и Восточной Европы. Многие инциденты доказывают, что современные правительства имеют такие же тесные контакты с профессионалами СМИ, как и во время предыдущего режима. До сих пор не раскрытое исчезновение украинского журналиста Г. Гонгадзе в сентябре 2000 года в Киеве — яркий пример, который касается высших уровней власти. Обезглавленное тело позже было найдено, но пока нет доказательств, что это тело Гонгадзе. С тех пор на президента Л. Кучму оказывалось давление, с тем чтобы он подал в отставку, посредством аудиозаписей, предположительно сделанных президентским

телохранителем, где президент якобы дает распоряжения о похищении Гонгадзе. В мае 2001 года администрация Кучмы попыталась заявить в Украине и за её пределами, что не было никакого политического мотива в исчезновении Гонгадзе. Преступники убили Гонгадзе и, в свою очередь, тоже были убиты — так власти преподнесли случившееся широким кругам общественности. В самой последней интерпретации этого случая руководитель следствия обвиняется в совершении большой ошибки, однако правдоподобное объяснение происшедшего с Гонгадзе так и не было предоставлено властями. Тем временем несколько других журналистов лишились жизни при странных обстоятельствах. На вопрос, почему зарубежные компании не хотят инвестировать украинские СМИ, один опытный киевский редактор ответил: «Вы знаете, здесь убивают журналистов».

Убийство как альтернативный вид цензуры реально угрожает репортерам во многих посткоммунистических странах. Расследование, проведенное новыми властями в Белграде, установило прямую связь между секретными службами под руководством бывшего президента Слободана Милошевича и убийством издателя С. Чурувия на Пасху в 1999 году. Хотя министр внутренних дел Д. Михайлович — который, между прочим, служил при Милошевиче в различных должностях, — публично заявил, что полиции известны имена убийц, ни один из них не был осужден из-за «несовершенства законодательства». Заказные убийства журналистов регулярно совершаются в России и других странах бывшего СССР. В Беларуси местные и иностранные журналисты, которые критиковали власти, пропадали. Другие были приговорены к работе в исправительных колониях.

Когда белорусский президент А. Лукашенко назначил О. Пролесковского на должность генерального директора Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА) 6 декабря 2002 года, это ещё раз продемонстрировало, какое важное значение власти придают контролю над СМИ. Ранее Пролесковский возглавлял информационный и аналитический отделы президентской службы безопасности. Радикальные способы установления контроля над СМИ до сих пор применяются повсеместно в бывшем СССР. Когда речь заходит о методах, которые политический класс России и других стран бывшей империи используют в контактах со СМИ, очень хорошо видны различия по сравнению с посткоммунистическими странами Центральной и Восточной Европы.

Пример 1. Россия. Растущее давление государства на журналистов

После октябрьской трагедии с заложниками в Москве российские журналисты под давлением властей были вынуждены соблюдать строгие правила безопасности. 10 декабря 2002 года главами Совета Федерации (верхняя палата Парламента РФ), Государственной думы (нижняя палата Парламента РФ), Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций и Индустриального комитета по делам СМИ, в который входят руководители главных российских СМИ, был подписан Протокол взаимодействия. Документ постановил, что будет разработан кодекс, регулирующий освещение таких чрезвычайных ситуаций, как террористические атаки. На тот момент парламент напрямую пытался значительно ограничить свободу прессы.

Российские СМИ были сурово раскритикованы правительством за, с точки зрения властей, нарушение безопасности нескольких сотен заложников, захваченных чеченскими террористами в театре на Дубровке. Законодатели не колебались, разрабатывая новые директивы, которые согласно практике объединений западных и российских журналистов и организаций по правам человека вели к усилению возрожденной цензуры.

Михаил Федотов, секретарь Российского объединения журналистов (и член Управления Европейского института СМИ) предупредил, что статья в новом законодательстве, позже отклоненная главой государства, призванная препятствовать информационной поддержке и пропаганде терроризма, на практике может быть использована для ограничения свободы слова. По его мнению, в условиях глобальной войны против терроризма первыми жертвами войны могут стать права человека, демократия и свобода слова, что будет означать окончательную победу терроризма.

Под давлением внутри страны и за её пределами президент В. Путин 25 ноября наложил вето на поправки к Закону о СМИ и борьбе против терроризма, объяснив это тем, что они «могут создать основу для неправомерных ограничений прав граждан на получение информации». Тем не менее он раскритиковал, по его выражению, некорректные действия некоторых журналистов во время трагедии с заложниками, расценив их как намеренные попытки увеличить рейтинги даже путем нарушения инструкций, данных антитеррористическим оперативным органом. Путин отметил, что один телевизионный канал сообщил о передвижениях спецслужб за несколько минут до штурма. Президент выступил с инициативой создания «примирительной комиссии», которая бы урегулировала отношения между парламентом и СМИ.

Членами комиссии, которая 10 декабря выработала Протокол взаимодействия, являлись директор ФСБ (Федеральная служба безопасности — международная служба безопасности) Н. Патрушев, министр внутренних дел Б. Грызлов, министр обороны С. Иванов, директор Службы внешней разведки С. Лебедев, министр по делам печати М. Лесин и председатель индустриального комитета по делам СМИ (а также финансовый директор Первого канала государственного телевидения) К. Эрнст.

Предварительно высокопоставленные чиновники заявили, что они не собираются допускать журналистских расследований на такие острые темы, как захват заложников. В своей речи от 29 ноября на национальном собрании представителей региональной прессы министр внутренних дел Грызлов призвал СМИ к ответственности перед обществом. «Фокусируя свои репортажи только на темной стороне человеческой природы, СМИ могут только ухудшить жизнь граждан», — сказал Грызлов. Он заявил, что «намеренные попытки» дестабилизируют ситуацию в России, что заметно во многих телевизионных программах. Однако интонации поменялись после подписания Протокола взаимодействия. 15 декабря директор ФСБ Н. Патрушев встретился с главой главного российского издательства и выразил удовлетворение сотрудничеством между ФСБ и российскими СМИ. «Мы выполняем одну работу — мы работаем для нашего общества, для нашего государства», — заключил он.

Такой подход уже был обнаружен, когда в июне гигантский государственный телевизионный холдинг ВГРТК получил нового директора в лице генерала Александра Ждановича, бывшего руководителя ФСБ по связям с общественностью. Все пропагандируемые ограничения СМИ могут рассчитывать на поддержку значительной части российской аудитории. Почти две трети россиян поддерживают идею установления цензуры в ситуации с захватом заложников. Это — заключение опроса, проводимого Агентством региональных политических исследований (АРПИ). В соответствии с результатами, опубликованными 14 ноября, 61 % опрошенных поддерживают идею установления цензуры в ситуации с захватом заложников. С другой стороны, более одной трети (35 %) опрошенных высказались против цензуры. 4 % воздержались от ответа.

Захват заложников предоставляет возможность ФСБ и другим службам аппарата безопасности действовать более уверенно по отношению к СМИ. В конце октября 2002 года восемь офицеров ФСБ и военной контрразведки устроили обыск в офисе газеты «Версия» (газета с тиражом в 230 000 экземпляров, специализирующаяся на журналистских расследованиях) и конфисковали некоторые компьютеры. Обыск являлся частью уголовного расследования в отношении статьи под названием «Камуфляж», которую «Версия» опубликовала 27 мая. Она касалась сооружения жилых помещений на секретных оперативных территориях ФСБ. Р. Арифджанов, главный редактор газеты, высказал предположение, что обыск на самом деле был связан со статьей, которая должна была появиться в печати 4 ноября. Она освещала захват заложников в театре, включая штурм, который репортеры наблюдали из соседнего здания. Арифджанов и другие сотрудники «Версии» вызывались для дачи показаний в офис ФСБ несколько раз в течение ноября. «Формально мы говорили о «Камуфляже», но следователь интересовался методами нашей работы и информационными источниками», — сказал Арифджанов.

По причинам, связанным не только с освещением событий во время захвата заложников, но и с парламентскими выборами в декабре 2002 года и с президентскими выборами в начале 2004 года, финансовый директор НТВ, третьей по величине российской телекомпании, был уволен. Гражданин США Борис Джордан также потерял свою работу главного исполнительного директора новостных компаний, включая НТВ и радио «Эхо Москвы». Джордан получил свою предыдущую должность 24 октября 2002 года, когда Кремль отобрал управление НТВ у его формального владельца, Владимира Гусинского. Последний построил свою империю СМИ на деньги, которые взял у Газпрома с позволения Кремля и не вернул.

В частности, «Эхо Москвы» часто испытывало на себе гнев властей за свои высказывания по поводу использования газа во время штурма московского театра, что власти не были готовы признать сразу. «Джордан звонил мне каждый день и жаловался на свои проблемы с Кремлем, которые касались меня», — заявил главный редактор радио А. Венедиктов после того, как был уволен американский менеджер.

Быть в оппозиции правящим кругам в России — до сих пор рискованное дело. В середине января 2003 года Г. Пасько, сотрудник журнала «Экология и право» и бывший корреспондент военной газеты «Боевая вахта», был освобожден после двадцати месяцев заключения. Высший суд приговорил его в 2001 году к четырем годам заключения из-за репортажа о сбросе военным флотом России радиоактивных отходов в Японское море с ведома ФСБ. Пасько был осужден за шпионаж и государственную измену, так как репортаж был показан японским телеканалом NHK.

Давление на российские СМИ оказывается различными способами, и не все из них явны. Например, В. Мальцев, редактор воронежской газеты «Молодой коммунар», 4 июля 2002 года начал судебный процесс против главы городской санитарной инспекции, который инициировал закрытие газеты. Санитарная инспекция вынесла такое решение после того, как обнаружила, что температура в помещении издательства превышала дозволённую на два градуса и что работающие с компьютерами не имели специальных подставок для ног. Мальцев был уверен, что действия санитарной инспекции были обусловлены ответной реакцией мэра Воронежа А. Ковалева на критику в «Молодом коммунаре».

Согласно оценке репортеров Sans Frontières за 2002 год, Россия — наиболее опасная в мире страна для журналистов. Четыре журналиста были убиты, множество получили увечья и подверглись жестокому обращению за последний год, и есть факты, указывающие на то, что либо преступный мир, либо местные власти (а часто они связаны между собой) стояли за этими нападениями. Подобные происшествия распространены повсеместно: 20 декабря два преступника в масках напали на О. Чугуева, главного редактора «Молодого дальневосточника», популярной хабаровской газеты, и его жену И. Польшникову, журналистку той же газеты. Это произошло в подъезде их дома поздно вечером, они были избиты железными прутами. Журналистов госпитализировали с тяжелыми ранениями. Милиция посчитала причиной нападения публикации в газете по поводу экстремистских группировок и преступных банд. В действительности возмущенные журналисты негативно отзывались о пассивности местных властей по отношению к организованной преступности в городе.

Пример 2. Туркменистан. Возврат к сталинским методам

Каждый день в течение декабря туркменские печатные и вещательные СМИ публиковали и показывали письма обычных граждан, организаций и институтов, которые требовали строго наказать «группу преступников, попытавшихся совершить убийство туркменского президента С. Ниязова 25 ноября».

Среди арестованных по подозрению в покушении на убийство Ниязова были: американский гражданин Л. Комаровский, журналист и представитель «Прожектора перестройки», популярной в СССР в конце 80-х годов телевизионной программы, С. Рахимов, бывший глава Туркменского национального телевидения и радиоконпании (в начале 90-х годов), Б. Бердяев, бывший редактор газеты «Комсомолец Туркменистана»

(1990 год) и министр иностранных дел Туркменистана (2001 год), Б. Шихмуратов, журналист Агентства печати «Новости» (АПН). Позднее были обвинены в организации покушения на убийство президента Ниязова министр иностранных дел Туркменистана и заместитель премьер-министра.

16 января 2003 года представитель ОБСЕ Ф. Дьюв в телевизионном послании строго осудил неправомерные действия, совершенные в Туркменистане, унижающие и оскорбляющие человеческое достоинство обвиненных в предполагаемом нападении на президента страны. «Это те же методы, что были использованы во время сталинских показательных судебных процессов в 1930-х годах в СССР», — заявил Дьюв (OSCE 2003). «Используемая лексика часто непристойна и во многих странах не сможет выйти в печать», — добавил он. Дьюв отметил также отчетливый расистский характер лексики, которую использовал Ниязов в своих нападениях на Шихмурадова, например: «Его кровь разбавлена кровью различных национальностей. Раньше, чтобы ослабить туркмен, их кровь разбавляли. Там, где чистая кровь наших предков смешана с кровью других национальностей, национальный дух ослаблен».

Рынок СМИ в посткоммунистических странах

Поразительное разрастание новообразовавшихся СМИ имело место в посткоммунистической реальности. Даже в бедных странах, таких как Сербия или бывшая югославская республика Македония, сегодня насчитываются сотни локальных частных радио- и телестанций с яркими названиями, например TV Pink или Pop TV. Как правило, они предлагают программы низкого качества, если не транслируют чужие материалы без необходимого разрешения или отчисляют проценты зарубежным спутниковым каналам. В Венгрии, Польше, Чешской Республике, Словении и некоторых других демократических странах прочно обосновались зарубежные коммерческие телеканалы. Пока власти усиленно пытаются удержать рычаги управления деятельностью общественных вещателей, коммерческие компании работают в щадящем режиме. Одно из возможных объяснений этого: коммерческое телерадиовещание Центральной и Восточной Европы должно теперь доказать, что будет таким же выгодным и влиятельным, каким было вначале. Что бы ни случилось в будущем, владельцы зарубежных коммерческих телестанций до сегодняшнего дня развлекают свою аудиторию мыльными операми, телевикторинами, низкокачественными фильмами и мягкой порнографией, делая длительные перерывы на рекламу.

Крупнейшая телекомпания региона CME (Central European Media Enterprise Ltd., которой владеют американцы) со своими станциями в Словении, Словакии, Румынии и в Украине и с аудиторией в 110 миллионов заявила о том, что терпит убытки в последние годы и это частично связано с продолжающейся полемикой о наличии в собственности у CME станции чешского телевидения Nova. Но можно обратить внимание на то, как Балканская новостная корпорация, принадлежащая Руперту Мердоку, будет процветать после того, как получит в 2000 году права на вещание бывшего второго канала Болгарского государственного телевидения.

Большинство печатных СМИ в Польше, Чешской Республике и Венгрии быстро попали в руки зарубежных инвесторов. Считается, что от 60 до 80 % рынка печатных масс-медиа в этих странах в данный момент контролируется главным образом немецкими компаниями. В Юго-Восточной Европе немецкое издательство WAZ (Westdeutsche Allgemeine Zeitung) из Эссена является доминирующим региональным инвестором. Компания частично или полностью владеет двумя дюжинами ежедневных и еженедельных газет в Хорватии, Сербии, Черногории, Венгрии, Румынии и Болгарии, а также занимает лидирующую позицию в Австрии. Сердцевина печатной новостной индустрии во всей посткоммунистической Европе, за исключением России и Украины, принадлежит немецким Springer, Bertelsmann и Neue Passauer Presse, британским Maxwell and Murdoch, а также некоторым скандинавским компаниям.

Иностранные инвесторы активно продвигают свои газеты к мейнстриму во избежание конфронтации с властями. Многие критики утверждают, что это снижает качество журналистских расследований. Тем не менее иностранные владельцы защищаются от государственного вмешательства, используя технологические инновации и обеспечивая безопасность своих работников. «Они платят не много, но регулярно», — таков отзыв болгарского журналиста, который неделю поработал в WAZ.

Новый подход, который предполагает строительство демократии частично с помощью СМИ, возник в некоторых постконфликтных странах Юго-Восточной Европы, где капитал, поступавший из благотворительных или других западных политически мотивированных источников, постепенно стал способствовать проведению продемократической и антинационалистической линии в работе СМИ. Американский миллиардер Дж. Сорос — основатель Фонда кредитования развития СМИ (MDLF) — спонсировал негосударственные СМИ во многих посткоммунистических странах. Ссуды и гранты от таких спонсоров, как Институт «Открытое общество» (фонд Сороса), Инициативная группа ЕС по правам человека и демократизации или другие бюджетные организации ЕС, американский государственный фонд «Евразия», СИОИ, некоммерческий фонд «Норвежская народная помощь», различные немецкие политические фонды, и других западных ресурсов остаются во многих случаях важной экономической поддержкой для выживания продемократических СМИ. В последнее время MDLF стал совладельцем таких новостных издательств в Северо-Восточной Европе, как Riječki Novi List и Feral Tribune в Хорватии.

В России, где зарегистрировано около 40 000 издательств, и в большинстве стран бывшего СССР печатные СМИ, особенно в отдаленных регионах, до сих пор зависят от государственных субсидий, если полностью не принадлежат государству. Там также существуют огромные частные холдинги, владельцами которых обычно являются промышленные олигархи. У некоторых из них, например Гусинского или Березовского, которые были владельцами крупнейших СМИ во время президентства Б. Ельцина, их имущество отобрали, так как оно было куплено на невозвращенную ссуду государства. Оба медиа-олигарха бежали из России.

Превращение лидирующей польской газетной листовки *Gazeta Wyborcza* из диссидентской газеты в акционерную компанию — это история одной из наиболее крупных удач в бизнесе посткоммунистических СМИ, в которой иностранный капитал не сыграл решающей роли, но иностранную политическую поддержку которой, в частности от США, нельзя недооценивать.

Один румынский аналитик недавно заключила, что «если кто-нибудь согласится поставить знак равенства между свободным и частным, то тогда румынская пресса свободна». Она также заявила, что не может быть настоящей редакторской независимости без здоровой экономической ситуации. К несчастью, частные СМИ нередко находятся в долгу или у государственных, или у частных кредиторов, которые имеют определенные политические или экономические интересы. «Согласно журналистским репортажам, во многих случаях СМИ потворствуют поддержке таких интересов, избегая расследований, дружески обращаясь с партнерами по бизнесу и практикуя самоцензуру» (Adavani 2002). Но не только в Румынии политики и экономическая элита контролируют СМИ через финансовые рычаги.

Пример 3. Польша. Рывингейт — мегаскандал среди СМИ

Сегодня Польша потрясена Рывингейтом — мегаскандалом, в котором оказались замешаны премьер-министр и некоторые лидеры новостной индустрии. 10 января 2003 года Польский сейм учредил комиссию по расследованию заявления в газете *Gazeta Wyborcza* о том, что кинопродюсер Л. Рывин предлагал взятку в размере 17,5 миллионов долларов газетному изданию «Агоре», предположительно по рекомендации премьера Л. Миллера.

Согласно *Gazeta Wyborcza*, в июле 2002 года Рывин предложил «Агоре» деньги Демократического левого альянса Миллера (SLD) за то, что правая газета смягчит свою

позицию по отношению к правящей партии. В ответ на это правительство внесет поправки в законопроект о СМИ, которые позволят «Агоре» купить коммерческую телестанцию Polsat.

Правительственный законопроект запрещал владельцам национальных ежедневных газет получать лицензии на общенациональное вещание. *Gazeta Wyborcza* и другие СМИ критиковали проект за то, что он сохраняет монополию государственного телевидения. Некоторые из них также апеллировали к национальным чувствам и предостерегали польские вещательные компании от опасности попасть в зависимость от зарубежных инвесторов, что уже произошло с некоторыми представителями прессы.

Рывину принадлежала компания *Heritage Films*, он также являлся сопродюсером фильмов, получивших мировую известность, таких как «Список Шиндлера» режиссера С. Спилберга и «Пианист» Р. Поланского. Он ушел с должности президента наблюдательного совета *Canal + Polska TV*. Главный редактор *Gazeta Wyborcza* Адам Михник, один из лидеров продемократического движения в Польше в 1980-х годах, утверждает, что посетил премьер-министра сразу после разговора с Рывиным. Миллер утверждал, что ему ничего не известно о планах Рывина. Вскоре после этого Михник пригласил кинопродюсера в свой офис и записал на пленку разговор с ним, который снова касался взяточничества. Однако Михник предал дело огласке только пять месяцев спустя, не объяснив причину своего столь долгого молчания. В настоящее время он обвиняется в использовании происшедшего с целью отправить в отставку левое правительство. Но осталось невыясненным, почему премьер-министр не инициировал расследование данного дела⁵¹.

Заключение. «Берлусконизация» как следующая ступень новостной европеизации

Развитие СМИ, под которым понимается акцент на частную собственность и обещание трансформировать бывшие государственные электронные масс-медиа в общественное телерадиовещание, получает различные результаты в различных частях бывшего коммунистического мира. Появление рыночных механизмов способствовало возникновению новых возможностей (а также рисков) для журналистов и СМИ посткоммунистических обществ. Хотя состязательность в сфере частной собственности — наиболее важная корректива государственного доминирования в публичной сфере, она не является автоматически гарантией, что достигнутая цель свободы прессы вскоре материализуется в преимущественно бедном мире посткоммунизма.

Частная собственность остается ведущей силой, поддерживающей распространение СМИ на посткоммунистических территориях. Она уже произвела необратимые изменения, в том числе и в бывшем СССР. В отличие от времени однопартийного правления у читателя и зрителя есть выбор, даже несмотря на то, что он часто сводится к ряду низкопробных коммерческих предложений.

В бывшем СССР государственные СМИ остаются во время выборов под строгим контролем правящих партий (McComack 2002). Острые темы, затрагивающие, например, сектор безопасности, сложно обсуждать в СМИ, кроме того, это всё еще представляет собой потенциальную угрозу для журналистов. Однако критика армии, полиции или других «служб» уже не заканчивается смертельными исходами, как это было недавно. За исключением некоторых неосталинских режимов в Центральной Азии, в большинстве стран бывшего СССР заинтересованный читатель или зритель могут найти информацию, критикующую правительство или «службы». Под влиянием внутренней политической ситуации и давления

1 Комиссия уже закончила свои расследования и по результатам голосования официально признала ранее ставившееся под сомнение сообщение социал-демократов в Парламенте (Рената Блоховиак). Доклад содержал имена всех вовлеченных в скандал официальных лиц, включая имя Рывина как единственного преступника. Голосование внутри Комитета проиллюстрировало его партийную политику. Опросы, проведенные на следующий день, показали, что 85 — 92 % общества принимают версию Блоховиак.

Запада управленцы решают, какое количество свободы они предоставят новостным каналам. Первоначальные амбиции, европеизация СМИ остаются отдаленными целями для большинства стран бывшего СССР. Россия (и Украина, которая во многих аспектах копирует Россию) быстро движется от изначально анархичной ситуации в сфере СМИ, возникшей после падения СССР, к повторному подтверждению формального и неформального контроля Кремля и других органов власти над СМИ.

Ситуация намного хуже в большинстве стран Центральной Азии, находящихся под властью неоавторитарных лидеров, которые не замедлили строго ограничить свободу прессы. Три кавказские страны терпят экономическую нужду, гражданские перевороты, затяжные этнические конфликты и войны, что сказывается и на состоянии СМИ.

Европеизация стала более реальной в тех странах Центральной и Восточной Европы, которые успешно прошли экономическую трансформацию и пришли к политическому консенсусу по поводу национальных приоритетов, таких как вступление в ЕС или интеграция в Евро-Атлантический союз. Однако они должны быть осторожны перед лицом новой опасности — «берлусконизации». Это недавняя болезнь Европы, которая характеризуется установлением государственного контроля над телевидением, частными монополиями в индустрии СМИ, как очевидными, так и тайными заговорами в экономических интересах и интересах частных СМИ, заказной поддержкой средствами массовой информации и другими пороками.

Западно-Балканский регион, состоящий из бывшей Югославии и Албании, обладает смешанными чертами. Не так давно лидирующие СМИ в Сербии, Хорватии и других областях региона были частью огромной пропагандистской машины под управлением автократов. И хотя все страны региона имеют демократически избранные правительства и выражают свою готовность порвать с националистическим прошлым для европейского будущего, политическая и экономическая стабильность далека от каких-либо гарантий. А СМИ, в свою очередь, отражают голословность заявлений правительств.

Глянцевые обложки западных журналов пестрят бульварщиной, в то время как свободные новостные журналы стараются создать почву для критики националистских и популистских выступлений. Законы об общественном телерадиовещании адаптируются повсеместно, но их применение, кажется, пока откладывается. WAZ, Bertelsmann и некоторые другие, в основном немецкие и австрийские инвесторы выкупили огромные доли рынка печатных масс-медиа, но их локальные СМИ, например Politika в Сербии или Jutarnji List в Хорватии, едва ли могут сравниться с мейнстримом западной прессы. Пролиферация СМИ продолжается на Западных Балканах, как, впрочем, и в остальных странах бывшего коммунистического мира. Остается ждать, трансформируется ли пролиферическое количество в плюралистическое качество.

Литература

ADAVANI, I. 2002. Press Freedom Is a Costly Issue, *Transitions Online*, 3 May. Available at URL <<http://www.tol.cz>>.

BAJOMI-LAZAR, P. and HEGEDUS, I. (ed.). 2001. *Media and Politics*. Budapest: Uj Mandatum Könyvkiado.

EUROPEAN INSTITUTE FOR THE MEDIA (EIM). URL <<http://www.eim.org>>.

EUROPEAN INSTITUTE FOR THE MEDIA. *Monthly Media Newsletters for the CIS, Russia and Ukraine*. Düsseldorf: The European Institute for the Media.

EUROPEAN FEDERATION OF JOURNALISTS. 2003. «Eastern Empires. Foreign Ownership in Central and Eastern European Media: Ownership, Policy Issues and Strategies». Brussels, June 2003.

- INTERNATIONAL FEDERATION OF JOURNALISTS. 2001. «IFJ Report Accuses Hungary». Brussels, 26 March.
- LERNER, D. 1958. *The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East*. Glencoe, Ill: The Free Press.
- MCCORMACK, G. (ed.). 1999. *Media in the CIS. A study of the political, legislative and socio-economic framework*. Düsseldorf: The European Institute for the Media.
- MCCORMACK, G. 2002. *A Model of Post-Soviet Media Control in Elections*. Düsseldorf: The European Institute for the Media.
- MICKIEWICZ, E. 1999. *Changing Channels, Television and the Struggle for Power in Russia*. Durham and London: Duke University Press.
- O»NEIL, P. H. (ed.). 1997. *Post-Communism and the Media in Eastern Europe*. London and Portland: Frank Cass.
- OSCE. «OSCE Media Representative Blasts "Stalinist" Propaganda Methods on Turkmen TV». Vienna: OSCE, 16 January 2003.
- PRICE, M. E. and RABOY, M. (ed.). 2001. *Public Service Broadcasting in Transition: A Documentary Reader*. Düsseldorf: The European Institute for the Media.
- RELJIĆ, D. 1998. «Der Kampf um die Medien». In: *Osteuropäische Eliten im Wandel*. Paderborn: Schöningh Verlag.
- RELJIĆ, D. 2001. «Der Vormarsch der Megamedien und die Kommerzialisierung der Weltöffentlichkeit». In: T. BRÜHL et al. (ed.) *Die Privatisierung der Weltpolitik. Entstaatlichung und Kommerzialisierung im Globalisierungsprozess*. Bonn: Dietz Verlag.
- THOMASS, B. and TZANKOFF, M. (ed.). 2001. *Medien und Transformation in Osteuropa*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- WORLD BANK. 2003. *World Development Report 2002*. Washington: World Bank.
- WU, D. H. 2000. «Systemic Determinants of International News Coverage: A Comparison of 38 Countries». *Journal of Communication* 50 (2), 110 — 130.

ЧАСТЬ II

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РАМКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ И ЭТИКА

Глава 1

Этика СМИ и службы безопасности

Клод-Жан Бертран¹

Сегодня принято считать, что демократия — это лучший режим в политическом, социальном и экономическом смыслах. Для того чтобы существовать и развиваться, демократия нуждается в балансе свободы и безопасности. Это касается всех институтов, но особенно «четвертой власти» — печатной и электронной прессы.

Два типа демократии

С точки зрения новостных СМИ, необходимо сделать различие между двумя типами демократии. От обычной стабильной западной демократии, при которой СМИ многочисленны и независимы от правительства, система сдерживания и противовесов функционирует среди всех ветвей власти (включая «четвертую власть») и при которой вооруженные силы и полиция никоим образом не угрожают избранным властям, сильно отличается другой тип демократии, существующий в странах, где долгое время господствовал тоталитарный или авторитарный режим. Этому типу демократии часто угрожает очень сложная политическая ситуация, что делает население восприимчивым к популистской демагогии; вооруженные силы и полиция в таких странах долгое время пользовались специальными привилегиями или даже прямо участвовали в управлении.

Тем не менее базовая концепция демократии остается неизменной в обоих случаях. Демократия означает, что каждый гражданин имеет право участвовать в управлении страной. Чтобы делать это как следует, каждый гражданин имеет право быть проинформированным, а это значит, что подлинная демократия не может существовать без качественных СМИ. Что такое качественные СМИ? Есть СМИ, которые выполняют пять базовых функций: информируют о состоянии политической и социальной сферы, предоставляют точную картину происходящего в мире, служат достижению консенсуса и развлекают.

Проблема состоит в том, что в старых демократиях сегодня большинство СМИ принадлежат прибыльным компаниям, которые считают, что осуществлять четыре первые функции очень дорого, и поэтому концентрируются на пятой, развлекательной. Чаще, даже если утверждают, что информируют, они только возбуждают и развлекают аудиторию.

В зарождающихся демократиях большинство СМИ либо из-за недостатка в зрителях/читателях, либо из-за недостатка в рекламе, либо из-за страха возмездия в случае отказа от «содействия» зависят от «спонсоров». Они публикуют пропаганду, игнорируют многие новости, наслаждаются малой ответственностью и делают совсем незначительный вклад в развитие демократии.

Однако в обоих случаях некоторые СМИ осознают, что престиж и доход приходят вместе с общественным признанием и доверием. Это, например, *New York Times*, *Guardian*, *El Pais*, *Le Monde*, *Frankfurter Allgemeine* или телестанция *Rustavi 2* и её ежедневная газета «24 часа» в Грузии. Надо надеяться, что эти СМИ поведут за собой и других к добровольному качественному контролю, который в будущем принесет пользу каждому.

1 См.: BERTRAND, Claude-Jean. *Media Ethics and Accountability Systems* (New Brunswick, New Jersey & London: Transaction, 2000), 2nd ed. 2002, and *An Arsenal For Democracy: Media Accountability Systems* (Cresskill, New Jersey: Hampton Press, 2002). Адрес для корреспонденции: cjbertrand@noos.fr.

Журналистская традиция

Одним из самых сложных препятствий для улучшения качества СМИ является журналистская традиция, которая имеет много граней. Я расскажу только о пяти и соотнесу их с безопасностью и структурами безопасности — центральными аспектами демократии.

Во-первых, когда СМИ сообщают новости, они практикуют «журналистику-айсберг», освещая маленькую видимую часть реальности и игнорируя огромную скрытую часть. Так происходило всегда, это менее сложно, менее опасно и менее дорого. К сожалению, когда проблемные действия служб безопасности выходят на поверхность, уже обычно слишком поздно.

Во-вторых, журналисты патологически склонны видеть стакан наполовину пустым и сообщать плохие новости: смерти и катастрофы, преступления и конфликты, падения и неудачи. Это легче, дешевле и более привлекательно, так как плохие новости — это нередко рассказ о поразительных событиях: невинный человек убит полицейским, детектив обвинен в коррупции и т. д. Хорошие новости, наоборот, касаются медленных, невыразительных и тусклых процессов, которые сложно обнаружить, сложно задокументировать и сделать интересными. Например, тот факт, что во Франции 40 % второго поколения иммигрантов женятся за пределами своих общин (в отличие от 5 % в Германии и Великобритании), — это знак ускоренной интеграции, но он не появится на первых страницах газет, как и тот факт, что французские вооруженные силы все чаще используются для «скучного» миротворчества, а не для захватывающих военных миссий.

В-третьих, СМИ все чаще смешивают информацию и развлечения и таким образом преподносят новости как шоу-бизнес. СМИ представляют мозаику поверхностных новостных тем, скорее глупые сенсации, чем расследования. СМИ не склонны сегодня показывать исторические перспективы текущих событий и углублять познания об обществе, в котором мы живем.

Сегодня во Франции СМИ публикуют фотографии сгоревших машин и восточноевропейских проституток, стоящих вдоль главных проспектов, длинные истории о вооруженных нападениях и изнасилованиях в бедных районах и интервью с хулиганами, но они лишь слегка затрагивают проблему того, насколько типичны эти случаи, возрастает ли их число, кто их совершает и кто становится жертвой. Они не расследуют повседневную жизнь в пригородных трущобах, высокий уровень коррупции, организованную преступность, контрабанду наркотиков или продажу женщин.

В развивающихся демократиях традиция совсем другая: чаще хорошо известные советские традиции оставляют от материала то, что скажет правительство, исключая негативные отечественные новости, никогда не сомневаясь в действиях властей и игнорируя диссидентские заявления. Однако ещё хуже то, что СМИ быстро переняли важную часть западной традиции, а именно традицию прессы XIX века, которая была сенсационной и/или коррумпированной и/или предвзятой.

Четвертый элемент в традиции — это концентрация на региональных, даже местных новостях. Большинство СМИ стремятся игнорировать международные новости. В США, согласно обзору двадцати самых продаваемых ежедневных газет, международные новости составляют около 2 % от всех напечатанных. Следовательно, СМИ не выполняют своей функции представлять точный образ происходящего в мире, что необходимо для международного понимания и сотрудничества.

Пятый аспект заключается в том, что новостные СМИ не просто наблюдают и сообщают о деятельности трех ветвей власти, они стремятся служить элите, действовать как официальная пресса, рассказывая только то, что им позволяют, или то, что — они чувствуют — должны сказать. Можно привести в качестве примера французское общественное телевидение до 1982 года, или СМИ США в случае войны с Ираком, которые не подвергли сомнению утверждения Буша, предположительно основанные на отчетах разведывательных служб. В результате СМИ не сумели проконтролировать стоящих у власти и потеряли доверие общества.

Или же наоборот, новостные СМИ будут действовать как радикальная пресса и систематически критиковать общественные институты, как делали некоторые СМИ США до 11 сентября 2001 года. Бесконечная критика государственной власти способствуют порождению антагонизма граждан в отношении правительства и служб безопасности. В 2003 году ВВС была обвинена в преувеличении своего предположительного разоблачения лживости правительства Блэра касательно его заявлений об угрозе применения оружия массового уничтожения в случае вступления Великобритании в войну против Ирака — и это привело к падению его популярности. Британский премьер-министр традиционно имел недружелюбные отношения с ВВС, так как он обычно хорошо делал свою работу, чего нельзя сказать о ВВС в случае с делом Келли⁷².

СМИ и службы безопасности

Пока задачей служб безопасности является установление безопасной среды для демократических институтов, одна из задач СМИ заключается в установлении прозрачности деятельности этих институтов. Очевидно, СМИ и службы безопасности не делают акцент на одинаковых ценностях. Демократическая пресса фокусируется на свободе, гласности, дебатах и правах человека, в то время как армия и полиция концентрируются на дисциплине, секретности, безопасности, патриотизме и применении силы. Поэтому данные структуры периодически вступают в конфликт.

В западных демократиях вооруженные силы не воспринимаются как угроза даже после того, как они стали профессиональными и все граждане мужского пола уже более не получают личного опыта служения в армии. Фактически с окончанием национальной службы военные силы перестали восприниматься в некоторой степени как бремя. При сокращении бюджета, отсутствии войны или угрозе войны они, во всяком случае, не видны — за исключением церемониальных обрядов.

Хотя некоторые инциденты, такие как потопление судна Гринписа французскими агентами у берегов Новой Зеландии или недавняя публикация французским генералом книги о частом применении пыток во время войны в Алжире, привлекают много внимания СМИ, это не отражает общественного мнения о вооруженных силах в целом. Что касается полиции, она воспринимается и как защита против преступлений, и как угроза гражданским правам, последнее — чаще политическими левыми и более уязвимой частью населения — бедными и иммигрантами.

В развивающихся восточноевропейских демократиях очень часто вооруженные силы и полиция угрожают свободе СМИ, гражданским правам граждан и в некоторых случаях даже режиму как таковому. Однако так как полиция тревожит СМИ, СМИ пытаются мобилизовать население, постепенно, при помощи внешнего и внутреннего давления (например со стороны Совета Европы), антагонизм медленно развивается в демократическом направлении.

Что касается служб безопасности, СМИ в демократическом государстве выполняют как минимум пять функций. Первая состоит в том, чтобы представить полную, точную картину общества, избежать пристрастной журналистики и «журналистики-айсберга», предоставляя верное определение и оценку проблем безопасности, внутренних и внешних. Во Франции, к примеру, некоторые СМИ долго повторяли, что «небезопасность» была фашистской фантазией и что преследование преступников было «близорукой репрессией». Они всегда относились к правонарушителям как к «les jeunes» (молодым людям). Возможное последствие неспособности французских СМИ представлять французское общество имело место в апреле 2002 года, когда на первом этапе президентских выборов ультраправый кандидат Ле Пен обошел социал-демократа премьер-министра Жоспена.

2 Исследователь из Министерства обороны Великобритании, который информировал репортера ВВС и совершил самоубийство после того, как был разоблачен как информатор.

Во-вторых, СМИ должны наблюдать за службами безопасности, способствовать тому, чтобы последние делали свою работу хорошо, и предупреждать о возможных злоупотреблениях властью. Очевидно, водопроводчики или дантисты редко злоупотребляют властью из-за того, что успешно выполняют свою работу. Известно, что слабые демократии могут быть низвергнуты вооруженными силами (и так уже происходило), что война слишком серьезна, чтобы быть порученной военным (по утверждению Клемансо), и что чрезмерный полицейский контроль отдаляет народ от демократии и подталкивает к фашизму. Для того чтобы функционировать должным образом, СМИ должны поддерживать контакт со службами безопасности, как ни с одним другим общественным институтом. Однако они должны избегать слишком тесных отношений со службами безопасности для получения информации (как, например, журналисты, работавшие во время войны в Персидском заливе). Кроме того, они не должны терпеть тот факт, что агенты разведывательных служб иногда выдают себя за журналистов.

Третьей задачей СМИ по отношению к службам безопасности является необходимость информировать общественности о службах безопасности, особенно в зарождающихся демократиях. СМИ следует объяснить, какие законодательные функции должны выполнять эти службы, и показать, как они предположительно функционируют в развитых демократиях.

Четвертая задача упоминается менее часто, но она не менее важна, чем три предыдущие. Когда обыватель презирает службы безопасности или боится, это свидетельствует об очень нездоровом положении дел. Пресса должна позаботиться о представлении общественности реального образа полиции и не быть игрушкой в руках тех, кто стремится реализовать лишь свои собственные интересы. К тому же создание образов обеспечивает продукция СМИ, например телешоу или фильмы, а они обычно рисуют позитивный портрет детектива-героя, хотя в фильмах нередко показывают грубых, коррумпированных и глупых полицейских.

Новостные СМИ, являясь четвертой ветвью власти, должны делать свой вклад в удержание служб безопасности и отдельных граждан в демократических рамках поведения, это также касается других институтов, например регионального правительства, законодательной системы, больниц.

Хорошая общественная служба

Качество публичной информации основывается на комбинации трех факторов: свободы (свободный рынок, независимость от правительства), регулирования (демократически установленные законы, одобренные обществом) и этики. С тех пор как журналисты, чтобы не потерять работу, стали подчиняться установленным порядкам, этика — это не просто обращение к морали, совести индивида, которая не может противостоять корпоративной власти, и даже не саморегулирование в журналистской профессии. Этика в данном случае определяется как добросовестное выполнение общественной службы.

Неурегулированный рынок может стать «джунглями». СМИ, подвергнутые слишком строгому контролю, могут стать частью государственной машины. Свобода и закон, конечно, необходимы, но действительно могут стать опасными при определенных обстоятельствах. Этика безвредна, но она сегодня часто игнорируется.

Можно получить целостную картину ситуации, рассмотрев следующие пункты:

1. Цель СМИ — предоставлять качественную информацию, необходимую для демократии.
2. Такая информация зависит от профессионализма журналистов.
3. Профессионализм требует, чтобы журналисты были в состоянии противостоять давлению, экономическому и политическому.
4. Чтобы противостоять, им нужно использовать две силы. Во-первых, журналистам требуется солидарность в рамках профессии (необходимость в общих убеждениях, кодекс этики). Во-вторых, профессия требует общественной поддержки, как и все демократические институты.

5. Общественная поддержка появится, только если общество доверяет и высоко оценивает профессию журналиста.
6. Доверие и поддержка возможны при соблюдении трех условий: поставляется качественный продукт, при этом журналисты прислушиваются к общественному мнению и ответственны за то, что делают.

Системы ответственности СМИ (MAS — Media Accountability Systems)

Для того чтобы выполнить вышеуказанные условия, необходимы средства, которые я назвал системами ответственности СМИ (MAS). Я составил список из восьмидесяти пунктов. Ставить такие различные аспекты в один ряд не совсем обычно, но это оправдано тем фактом, что они все обладают одной общей чертой: это неправительственные средства, которые прямо или косвенно улучшают работу новостных СМИ.

MAS безвредны, что очень важно. Они демократичны. Они, за некоторым исключением, инициированы профессией или обществом, но не государством. Многие из них требуют сотрудничества профессионалов и аудитории. Некоторые включают в социальную коммуникацию три главных стороны лица: граждан, репортеров и собственников.

MAS крайне разнообразны. Это могут быть документы, напечатанные или переданные путем вещания, или люди (индивидуумы и группы), или процессы, медленные или быстрые. MAS могут быть внутренними или внешними для СМИ или снова требовать кооперации работников СМИ и не являющихся таковыми. Кроме того, можно выделить MAS, которые функционируют на региональном, или национальном, или международном уровне, или на всех трех уровнях. Они включают в себя механизмы, которые оказывают немедленный (как исправительный механизм), или кратковременный (как этическая проверка), или долговременный (как школы журналистики) эффект.

В конечном счете MAS гибкие. Они могут легко быть адаптированы к различным обстоятельствам и дополняют друг друга. Хотя ни одна из них не является достаточной, все они необходимы. Более того, они могут взаимодействовать друг с другом в рамках сети.

Так почему MAS так редко принимаются и используются? Некоторые основные демократии (как, например, Бразилия, Франция или Япония) даже не имеют Совета прессы. Только немногие страны практикуют «журналистский обзор». Во многих странах нет омбудсменов, как, например, в Германии, а если есть, то их крайне мало. Нигде больше не существует местных советов прессы. Непрерывное журналистское образование практически отсутствует в Испании и Швеции. Нигде, кроме США, компании СМИ не финансируют исследования и обучение журналистов.

Почему практикуют так мало MAS? Одна из причин в том, что они не известны. А если их знают, то не любят, так как они новые, хотя это не единственная причина, их воспринимают как часть проявления общественных отношений. Парадоксально, но их также считают заговором против свободы слова и свободы предприятия. MAS обвиняют в неэффективности: хорошие СМИ не нуждаются в качественном контроле, а плохие отказываются признавать его, пока он не будет подкреплён законом. Они не могут излечить серьезные болезни СМИ, такие как контроль Большого правительства в некоторых странах и Большого бизнеса во всех остальных.

Для того чтобы MAS были эффективны, необходима кооперация всех основных групп-участниц, но большинство владельцев СМИ не понимают, что у них есть хорошие моральные, законодательные, социальные и финансовые причины сохранять свои СМИ этическими. Что касается журналистов, они не могут позволить себе противоречить своим работодателям, настаивая на необходимости уважать этические правила. К тому же общество гетерогенно, неорганизовано и апатично. Оно уверено в своей бессилии. У него нет времени на компетенцию или мотивацию для совершенствования СМИ.

Другим возражением против MAS является то, что некоторые из них требуют высоких затрат, если действуют хорошо, то есть быстро и эффективно. Последнее и самое серьезное возражение состоит в том, что этика фокусируется на журналистах и превращает

их в козлов отпущения. Журналисты совершают грехи, но желают это все реже, в то время как медиа-компании идут против морали, например, продаваясь рекламодателям или (как в США) настаивая на получении более чем двойной прибыли в других отраслях.

Следует ли нам заключить, что с этической точки зрения ситуация безнадежна, что ландшафт СМИ почти пустынен? Нет, просто потому что многие СМИ стали такой естественной частью окружающей среды, что их больше не замечают. Это включает, например, менее зрелищные и менее противоречивые MAS, такие как кодексы этики (появившиеся в основном после 1960-х годов), регулярные колонки в газетах, ставшие бестселлерами критические книги, читательские обзоры и университетская подготовка журналистов. В целом, они ещё сильнее связаны с общественностью. Понимая необходимость создавать тесные связи с читателями/слушателями/зрителями, СМИ стали намного лучше, чем были, даже несмотря на то, что они пока не в полной мере отвечают существующим потребностям.

Заключение

Зарождающиеся демократии сталкиваются с главными проблемами, созданными их вооруженными силами и/или полицией. Что могут сделать СМИ, так это использовать все возможные средства, чтобы должным образом служить обществу. С международной помощью они должны нанимать на работу таких журналистов, которые компетентны, честны, осознают все функции новостных СМИ в демократии, способны прислушиваться как к источникам (включая службы безопасности), так и к читателям/слушателям/зрителям. Кроме того, журналист должен уверенно служить в первую очередь обществу, а не лидеру, партии, правящей верхушке, «спонсорам», рекламодателям или акционерам.

Западные демократии в основном не сталкиваются с проблемами, создаваемыми их вооруженными силами или полицией. Что могут делать СМИ, так это помогать предотвращать переход социальных проблем в кризисные ситуации. В апреле 2002 года никто в действительности не беспокоился о том, что Ле Пен мог быть избран президентом Франции. Однако если на улицах города становится всё более небезопасно, если политическая корректность приводит к тому, что главные политические партии игнорируют отчаяние и гнев обычных граждан — тогда это может привести к угрожающим последствиям, и не только во Франции.

СМИ следует вести себя по отношению к службам безопасности так же как по отношению к любому другому государственному институту или общественной группе. Более того, СМИ могут хорошо выполнять свои задачи и тем самым вносить свой вклад в спокойное существование демократического общества. И снова заметим, необходимы просто качественные СМИ, что означает свободные, регулируемые и этические СМИ с современной концепцией журналистики и удовлетворительными системами ответственности.

Системы ответственности СМИ (MAS)

MAS — это неправительственные средства, побуждающие СМИ уважать этические нормы и правила, установленные их профессией. Они крайне разнообразны, но преследуют общую цель: усовершенствовать новостные СМИ, включая развитие, надзор, образование или обратную связь. Ниже предложен перечень из восьмидесяти вопросов, разработанных на данном этапе (возможно и большее количество). Наиболее ясная классификация MAS предполагает три группы в соответствии с их внутренней природой: документы (напечатанные или переданные через вещание)/люди (индивиды или группы)/процессы (долгие или короткие).

Текст, вещание или веб-сайт

- Написанный кодекс этики, или этическое руководство, содержит в себе правила, предпочтительно представленные обществом, которые медиа-профессионалы обсуждают с которыми соглашаются. Это следует сделать известным обществу.
- Международный меморандум, напоминающий собрание этических принципов (может быть «традицией» документа⁸³) и снабжающий это собрание указаниями относительно поведения в определенных обстоятельствах.
- Ежедневные международные самокритические отчеты внутри новостных организаций⁸⁴.
- Отдел для исправлений, опубликованных очень заметно или переданных по радио, корректирующий ошибки предыдущих репортажей.
- Регулярная колонка/программа «Письма редактору», включая критические заявления от газет/журналов/каналов.
- Другие средства общественного доступа, такие как доска сообщений он-лайн или форум, обеспечивающий немедленную обратную реакцию.
- Вопросник точности и честности, адресованный лицам, упомянутым в новостях, или опубликованный для заполнения любым читателем.
- Публичное заявление о СМИ, сделанное каким-либо известным лицом, уполномоченным принимать решения, и полно процитированное в новостях¹⁰⁵.
- Место в печатном СМИ или эфирное время, купленное индивидом, группой или компанией для опубликования «открытого письма» касательно СМИ¹¹⁶.
- Периодическое «Письмо редактора», излагающее правила и ценности или разъясняющее, как функционируют СМИ.
- Объяснение некоторых сложных редакторских решений о том, публиковать материал или нет.
- Новостное письмо читателям, вставочное или почтовое, необходимое, чтобы информировать их о том, что происходит в издательстве или на телеканале.
- Регулярная колонка, страница, раздел¹²⁷ в газете, телемагазине, отраслевом обзоре или программа на радио или телевидении, которые подробно информируют о новых назначениях или изменениях в составе руководства.
- Регулярная этическая колонка в отраслевом журнале¹³⁸.
- Регулярные отчеты медиа-ориентированных гражданских организаций, которые публикуются в газетах.
- Веб-сайт, систематически предоставляющий исправления ошибок СМИ¹⁴⁹ или жалобы работающих журналистов¹⁵¹⁰.
- Факты о правонарушениях рекламодателей¹⁶¹¹.
- Веб-сайт, предоставляющий журналистам информацию и советы о «поддержании ответственности»¹⁷¹².

3 К своему кодексу «Стандарты и этика» *Washington Post* прибавила «Принципы» 1933 года Евгения Майера (бывшего владельца).

4 См.: *Zero Hora*, ежедневная газета «Порту-Алегри» в Бразилии.

5 Сильные волнения сопутствовали речам вице-президента США Спиро Агню, направленным против «либеральных» СМИ, в 1969 году.

6 Подобно тому как письмо 56 знаменитых американцев против токсичной поп-культуры было опубликовано в газетах США в июле 1999 года.

7 См.: *Media Guardian* в еженедельном дополнении к *Guardian* (Лондон).

8 См.: ежемесячный «Этический уголок» в *Editor & Publisher* с 1999 года.

9 См.: <<http://www.slipup.com>> в США.

10 Например, в США сайт *News Mait* поддерживался Моррисом Тамманом в течение трех лет до 1999 года.

11 См. сайт <<http://www.adbusters.org>> в Ванкувере, созданный бывшими жителями Madison Avenue.

- Веб-сайт, посвященный дебатам о СМИ (например СМИ и дети).
- Веб-сайт, предоставляющий общественности информацию о том, как развиваются СМИ¹⁸13.
- Альтернативная периодическая (особенно опубликованная меньшинством) бесприбыльный канал или веб-сайт, публикующие факты и передающие мнения, которые регулярные СМИ игнорируют, включая критику вышеупомянутых СМИ.
- «Обзор журналистики» в газете, по радио или в Интернете¹⁹14, посвященный принципиальной критике СМИ, раскрывающий то, что было искажено или пропущено, и любые другие огрехи, допущенные репортерами или компаниями СМИ.
- «Стрелы и лавры», страница или веб-сайт, состоящий из кратких историй, которые содержат критику или одобрение отдельных действий СМИ, какие есть в большинстве журналистских обзоров²⁰15.
- Ежегодное издание, посвященное журналистской критике, которое написано репортерами или медиа-пользователями и отредактировано учеными²¹16.
- Просмотр сайтов журналистом или любителем, позволяющий критически оценивать деятельность СМИ.
- Статья, репортаж, книга, фильм, сериал о СМИ, информирующий о СМИ и в некотором отношении как минимум критический.
- Новостные электронные письма, посылаемые подписавшимся организациям по наблюдению за СМИ²²17.
- Обзор групп потребителей (региональных или национальных), что время от времени касается СМИ.
- Телевизионная сеть²³18 или еженедельный журнал²⁴19, целиком состоящие из материалов, заимствованных у зарубежных СМИ для развития своих собственных масс-медиа.
- Петиция, подписанная сотнями или тысячами людей, для того чтобы оказать давление непосредственно на СМИ или через рекламодателей либо некоторые органы госуправления.
- (Особый случай) Газета отдается своими издателями в журналистскую школу, где она служит как «клиника при вузе»²⁵20.

Индивиды или группы

- Внутренняя критика, или «комиссия по улучшению содержания»²⁶21 необходимая для того, чтобы просматривать газеты или наблюдать за работой канала с целью выявить нарушения кодекса — негласно.
- Комитет по этике, или штатная группа обзора (сменяющаяся группа журналистов), для дискуссий/обсуждений этических проблем, желательно до их возникновения.

12 Например, сайт IFJ (Международная федерация журналистов) для работников сферы новостей в Африке: <<http://www.ifj.org/regions/africa>>.

13 См. сайт Джона Мак-Мануса San Francisco Bay Area о телевизионных новостях: <<http://www.gradethenews.org>>.

14 См. *American JR* (Университет Мэрилэнд) или *On-Line JR* (Университет Южной Калифорнии).

15 См. также международный бюллетень, выпущенный *New York Times*, под названием «Победители и грешники».

16 Как в университете Тампере, в Финляндии, после ежегодного тематического семинара.

17 Например, FAIR (честность и точность в репортажах) или Project Censored (проект цензуры) в США.

18 См. SBS в Австралии.

19 См., например, *Courrier International* во Франции.

20 *Anniston Star* будет сотрудничать с Университетом Алабамы в рамках программы «Общественная журналистика».

21 Пример тому — *shinsa-shitsu* в ежедневных японских газетах с 1920-х годов.

- Этический тренер, при необходимости работающий внутри издательства/канала, пробуждая журналистское этическое сознание, инициируя дебаты и помогая в решении определенных проблем.
- Репортер СМИ, наблюдающий за медиа-индустрией и предоставляющий общественности полные объективные отчеты²⁷22.
- Независимый оплачиваемый газетой критик — автор регулярной колонки в этой газете, пишущий о ней же.
- Доносчик, который осмеливается раскрывать некоторые злоупотребления властью в рамках компании СМИ.
- Репортер для потребителей, предупреждающий читателей/зрителей об обмане рекламодателей, который вмешивается от их имени в процесс²⁸23.
- Омбудсмен, редактор, ответственный за отношения с читателями, или команда редакторов, нанятых газетой или каналом для того, чтобы выслушивать пожелания и жалобы потребителей, расследовать, добиваться компенсации, если нужно, и (обычно) докладывать о своей деятельности.
- Бюро жалоб или Служба потребителей, созданная для рассмотрения жалоб и требований²⁹24.
- Дисциплинарный комитет, созданный объединением или профессиональной ассоциацией для контроля над соблюдением кодекса, за нарушение которого работнику грозит увольнение.
- Контактный комитет, созданный СМИ или социальной группой, с которой возможен конфликт³⁰25.
- Гражданин, назначенный в редакторскую коллегию, или несколько граждан (часто выбираются среди пользователей, у которых есть жалобы), приглашенных на программу новостей.
- Комитет (или несколько комитетов) читателей/слушателей/зрителей, в который регулярно (например ежедневно или дважды в месяц) обращаются за консультацией³¹26.
- Клуб (читателей/слушателей/зрителей), который заинтересовывает членов и руководителей в диалоге со СМИ (чаще журнал)³²27.
- Местный совет прессы, деятельность которого представляет собой регулярные собрания профессионалов из местных СМИ и представителей общественности.
- Национальный (или региональный) совет прессы, учрежденный профессиональными ассоциациями владельцев СМИ и журналистов и обычно включающий общественных представителей, — для провозглашения свободы прессы и реакции на жалобы аудитории.
- Национальный омбудсмен, назначенный прессой для работы с жалобами совместно с Советом прессы (Швеция) или независимо (Южная Африка).
- «Медиа-обсерватории», учрежденные журналистами для выявления случаев посягательства на свободу прессы и нарушения кодекса, рассматривающие жалобы и обсуждающие этические проблемы с читателями.
- Надзорное агентство, созданное индустрией СМИ (например, рекламными компаниями) для фильтрации содержания сообщений и выступающее против опубликования некоторых материалов по этическим причинам³³28.

22 Наиболее известный, Д. Шоу (из *The Los Angeles Times*), был награжден Пулицеровской премией в 1991 году.

23 Например, команды «Action Line» в американских газетах в 1970 году.

24 BBC в Великобритании предлагает подобный сервис.

25 Например, полиция или этнические меньшинства.

26 В Мехико группа газет *Reforma* использует 60 «читательских стендов» различной тематики.

27 «Radio clubs» — институты в сотских районах Нигерии, которые помогают вещательным компаниям обслуживать аудиторию, а слушателям — понимать и использовать сообщенную информацию.

- Активная ассоциация, занимающаяся реформированием СМИ³⁴29 или помогающая гражданам, недовольным СМИ³⁵30.
- Фонды, которые финансируют проекты или институты, направленные на совершенствование СМИ³⁶31.
- Медиа-институты, национальные³⁷32 или международные, которые прямо или косвенно заинтересованы в развитии качества³⁸33 СМИ через конференции, семинары, публикации и т. д.
- Неправительственные организации, которые тренируют персонал и предоставляют бесплатные услуги СМИ в странах с зарождающейся демократией (Восточная Европа) или в развивающихся странах.
- Гражданская группа (профсоюз или родительский комитет), которая ради общественного интереса (например благополучие детей³⁹34) контролирует СМИ, и фокусирует внимание на отдельных целях, таких как реклама⁴⁰35.
- Ассоциация потребителей, особенно среди аудитории СМИ, которая использует мониторинг, опросы, оценки, лоббирование, почту, даже бойкоты для обеспечения лучшего сервиса⁴¹36.
- Внутренняя представительская группа журналистов, наделенная некоторыми правами, что разрешено законом в Германии или является необходимым в Португалии.
- «*Société de rédacteurs*», ассоциация всего штата сотрудников, которая требует права голоса в редакторской политике (предпочтительно политике владельцев) и участвует в капитале медиа-компании так, чтобы к ней прислушивались⁴²37.
- Ассоциация читателей, которая покупает или получает участие в капитале медиа-компании и требует право голоса⁴³38.

В этой категории три типа институтов, которые некоторые эксперты исключили бы, и MAS также имеют место. Представляется невозможным исключить их полностью, так как они не получают указаний от правительства и их цель — совершенствовать медиа-службы. Их можно назвать присоединенными MAS, или параMAS.

- Регулирующие агентства, установленные законом, которые предусматривают полную независимость, особенно если поступают жалобы от потребителей⁴⁴39.
- Международные вещательные компании, общественные или частные, использующие короткие волны или спутники, что затрудняет попытки национальных СМИ скрыть или исказить новости⁴⁵40.

28 Например, BVP (Bureau de vérification de la publicité) во Франции или Уполномоченные по рекламным стандартам в Великобритании.

29 FAIR в США (<<http://www.fair.org>>).

30 PressWise в Великобритании (<<http://www.presswise.org.uk>>) — один из примеров организации, которая контролирует подобные действия.

31 См., например, Фонд Фридриха Эберта и Фонд Фридриха Науманна в Германии или Pew Charitable Trusts в США.

32 The AEJMC (Association of Educators in Journalism and Mass Communication) в США.

33 Например, Международный институт прессы или Мировая ассоциация газет.

34 The ANDI в Бразилии, которая наблюдает за СМИ и сообщает об их отношении к детям.

35 Например, «*Résistance à l'agression publicitaire*» во Франции.

36 Например, «People for Better TV», национальная коалиция США.

37 Впервые это сделала ежедневная французская газета *Le Monde* (1951).

38 Как в случае с *Le Monde*, 11 % которой принадлежат такой ассоциации

39 Итальянская Ordine dei giornalisti (Группа журналистов) или французский Conseil Supérieur de l'Audiovisuel (эквивалент FCC в США). Два крайне различных вида институтов.

40 Например, служба BBC World или CNN.

– Независимые некоммерческие вещательные компании⁴⁶41, чья единственная цель — служить обществу и чьи установки подразумевают критику коммерческих СМИ. Эта категория может быть расширена до включения всех высококачественных СМИ, первичной целью которых является высокопрофессиональная журналистика и которые могут сами служить образцом.

Процессы

– Высшее образование существенно для MAS. Качественные СМИ должны нанимать людей с университетской степенью, предпочтительно одного (хотя это спорно) со знаниями о массовой коммуникации.

– Отдельный курс по этике СМИ, обязательный для всех студентов, изучающих журналистику.

– Дальнейшее образование для практикующих журналистов: однодневные мастер-классы, недельные семинары, шестимесячные или годовые курсы при университетах. Такие программы, довольно распространенные в США⁴⁷42, редки для других стран.

– Внутренняя программа, привлекающая внимание работников СМИ к потребностям граждан, особенно женщин и культурных, этнических, сексуальных и других меньшинств.

– Программа, обучающая журналистов, как правильно отвечать на звонки читателей/зрителей/слушателей.

– Создание базы данных всех ошибок (печатных, причинно-следственных, затрагивающих отдельные личности) для того, чтобы в дальнейшем избежать подобных ошибок.

– Международные исследования некоторых проблем при участии общественности (например отношения газеты с её читателями).

– Этический аудит: внешние эксперты развивают этическую сознательность, дают указания по поводу поведения внутри издательства или канала.

– Предоставление электронных адресов и/или телефонов редакторов и журналистов (когда печатаются их статьи).

– (Спорно) «Эхо» цитирования источников во избежание ошибок⁴⁸43.

– «СМИ в школе» — программа для обучения детей с раннего возраста пониманию и правильному использованию СМИ.

– «Грамотность СМИ» — кампания по обучению и мобилизации основной аудитории.

– Звонки читателей: раз в неделю или нерегулярно сотрудник редакции отвечает на телефонные звонки читателей⁴⁹ 44.

– Регулярная оценка работы сотрудников службы новостей обычными гражданами в пресс-клубах, или на местных мероприятиях, или даже в круизах!⁵⁰45

– Регулярное (например раз в квартал) изучение мнений (опросы, общественные встречи, интернет-форумы), устроенное СМИ для получения ответной реакции от «людей с улицы»; также вопросники в газетах или на соответствующих веб-сайтах.

– Изучение по всей стране общественного отношения ко всем или некоторым СМИ (например к общественному вещанию).

– Некоммерческие исследования, в основном проведенные учеными в университетах, а также научными обсерваториями⁵¹46, изучающие содержание СМИ (или отсутствие такового⁵²47), восприятие сообщений СМИ обществом или влияние этих сообщений.

41 Например, NSK в Японии или ARD в Германии.

42 Например, членство Knight в Сэндфордском университете или членство Nieman в Гарвардском университете.

43 Как это делает *Wall Street Journal*.

44 Так поступили несколько бразильских газет.

45 Ежедневная газета *La Libre Belgique* (Бельгия) организовала такие круизы.

46 Например, Европейский институт СМИ в Дюссельдорфе, Германия.

47 Например, Project Censored в США.

- Ежегодный семинар по журналистской критике, организованный Школой журналистики⁵³48.
- Ежегодная конференция, объединяющая руководителей СМИ, политических лидеров и представителей различных гражданских групп⁵⁴49.
- Международная кооперация для повышения качества работы СМИ и ответственности⁵⁵50.
- Награда или другие способы поощрения за качество работы СМИ и журналистов — или антинаграда⁵⁶51.

Внешние, внутренние и кооперативные системы ответственности СМИ (MAS)

Другая классификация систем ответственности СМИ исходит из того, кто вовлечен в систему: некоторые MAS функционируют исключительно в издательствах или на вещательных каналах; некоторые существуют вне этих рамок и избегают их контроля; другие требуют сотрудничества работников СМИ и других лиц. Системы, однако, не являются изолированными: возможны варианты одной MAS, переходящей в другую:

- внутренние MAS предназначены для саморегулирования, контроля качества в узком смысле;
- внешние MAS показывают, что нормы ответственности могут быть применены к СМИ без согласия последних. Их цель — не возмещение убытков потерпевшим, а благоденствие общества в целом;
- кооперативные MAS, конечно, наиболее интересны, так как настаивают на том, что пресса, профессионалы и общество могут дополнять друг друга, контролируя качество выполняемой работы.

Внутренние MAS

Веб-страница СМИ/программа	Внутренний меморандум
Письмо редактора, стороннего наблюдателя	Программа осознания
Письмо потребителям	Код этики
Исправительная колонка	Доносчик
Медиа-репортер	Комитет по этике
Репортер для потребителей	Дисциплинарный комитет
Внутренняя критика	Внутренний комитет
Ежедневный самокритический отчет	Медиа-обсерватория
Обзор веб-медиа журналистом	Компания журналистов
Комиссии по развитию	Воспроизводство международных материалов
Фильтрующие агентства	[Общественное вещание]
Внутреннее изучение проблем	[Международное вещание]
Опрос читателей	[СМИ, ориентированные на высококачественный сервис]
Этический аудит	
Этический тренер	

48 Например, в университете Тампере в Финляндии.

49 Например, в «Université de la communication» в конце августа, в Карканс-Мабюссон, позже в Хортин, Франция.

50 Например, Европейский альянс советов прессы (AIPCE) или Иберо-американская федерация омбудсменов.

51 Например, серебряная награда, учрежденная Empower America, консервативным наблюдателем СМИ.

Внешние MAS

Альтернативные СМИ
Обзор журналистики
«Стрелы и лавры»
Критическая
книга/репортаж/фильм
Веб-сайт о СМИ
Петиция, оказывающая
давление на СМИ
Публичные заявления VIP
Высшее образование
Необходимые курсы по этике
Бездоходные исследования

Кооперативные MAS

Письмо редактору
Независимые авторы колонок
Доска сообщений он-лайн
Омбудсмен
Бюро жалоб
Звонки читателей
Вопросник о честности и
точности
Оплачиваемая реклама
Оценка публикой
Совет пользователей СМИ
Приглашения в читатели
E-mail и телефоны журналистов
Независимый гражданин в
редколлегии

Опрос мнений о СМИ
Кампания СМИ по грамотности
Веб-сайт СМИ о грамотности
Программа «СМИ в школе»
Потребительские группы
Ассоциации активных граждан
Бюллетень потребительской группы
Медиа-обслуживание неправительственных
организаций

[Независимые регулирующие агентства]

Клуб читателей/зрителей
Местный совет прессы
Ежегодная конференция
Семинар по критике СМИ
Ежегодная книга с критикой СМИ
Национальный совет прессы
Национальный омбудсмен
Контактный комитет
Ассоциации сотрудников СМИ
Международная кооперация
Обучающие неправительственные организации
Непрерывное обучение
Награды или другие знаки отличия

Глава 2

Reporting the World: этические проблемы международных новостей

Джейк Линч

Положения, содержащиеся сегодня в Королевской грамоте BBC, известны как *Producer Guidelines*. Вот что они говорят о журналистике в военное время: «Все взгляды должны быть освещены в должных пропорциях, чтобы отразить глубину и различие мнений в Соединенном Королевстве». Речь идет о непризнанной теории того, что новости, по крайней мере новости BBC, представляют собой зеркало (о ходе обсуждения «зеркальной» модели см.: Siebert 1998), при помощи которого мы можем восстановить полную картину происшедшего в реальности. На практике полученный нами образ искажен острыми углами отражающей поверхности — соглашениями и предубеждением, что обычно проходит непроверенным журналистами и незамеченным читателями и аудиторией.

Такие соглашения угрожают не только предсказуемостью того, что мы читаем в газетах или смотрим в вечерних новостях. Постепенно они могут постепенно начать оказывать давление на наше понимание событий и процессов в независимом мире. В контексте освещения конфликтов такое понимание имеет важное политическое значение и горячо оспаривается конкурирующими сторонами. Эти интересы могут менять их поведение и включать различные аспекты насилия для того, чтобы повлиять на картину, которую видит аудитория.

Данный процесс, в свою очередь, подвержен влиянию осознания того, как репортеры и издатели предположительно отреагируют на понимание, которое может прийти только из опыта предыдущих репортажей. СМИ больше не являются простым посредником. Новостные репортажи не только отражают ту реальность, с которой мы сталкиваемся ежедневно, но и помогают придать ей четкую форму. Как это работает на практике? Какое влияние определенные модели и соглашения, касающиеся репортажей, оказывают на то, что произойдет в ближайшее время и на что необходимо обратить внимание при освещении конфликтов?

Приготовления к войне

Как отметил Р. Фиск (*Independent*, December 4, 2002), показательным признаком того, что США готовят военную операцию, стало то, что первые страницы газет превратились в ежедневные доски объявлений для «источников» администрации. Очевидным стремлением таких историй было объявить, что война была неизбежна и неотвратима.

Вместе с Associated Press возникли уважаемые американские агентства новостей, которые предоставляли более 5 000 публикаций по всей стране. У них были свои собственные соглашения, «стилевая книга» для репортеров, в которой можно было найти ряд специфических указаний. Одним из таких было условие, что, если источник начал говорить, даже, согласно формуле, «на условиях анонимности», это уже репортаж. Как будет усвоено каждым сотрудником агентства новостей, если ты узнал о происшествии — делай репортаж, иначе его сделает кто-то другой.

Такую же тактику применяла лондонская пресса, когда газеты боролись за выживание в условиях рынка с самым высоким уровнем конкуренции СМИ в мире. Кампания, имеющая целью поставить имя Саддама Хусейна рядом с понятием международного терроризма, например, в начале 2002 года оставила неупомянутой деятельность разведывательных служб и структур безопасности, чьи *bons mots* попадали прямо в поле общественного зрения, например: «Саддам дал приют сотням бойцов «Алькаиды» и «Талибан» (*Telegraph*, 9 March 2002). Этот фрагмент информации, основанный, как и многие другие, на анонимных брифингах, передан с использованием освященной веками тактики искажения факта: «Сообщают, что офицеры иракских разведывательных служб содействуют экстремистским палестинским группировкам в террористических атаках в Израиле» (курсив наш. — Дж. Л.)

Другой прием, часто используемый журналистами телерадиовещания: «Это выглядит, как...» Так, когда официальные лица НАТО и Югославии встретились на границе Косово и Македонии для того, чтобы определить сроки договора о прекращении огня в июне 1999 года, BBC (*Nine O'clock*

News) заявила, что «это выглядело как прояснение ситуации, а не ведение переговоров» (1 June 1999).

Несколько дней спустя после заявления *Telegraph Sunday Times* (20 March 2002) опубликовала статью о том, что восемь иракцев были выдворены из Швеции за «шпионаж за британскими дипломатами при подготовке к предполагаемым террористическим атакам... Первый знак того, что Саддам, возможно, активизировал в Европе шпионскую сеть для осуществления возмездия в случае, если его будут атаковать». Слово «предполагаемые» — камуфляж, ещё один вариант выражений «сообщают», «думается» и «выглядит как», но оно призвано отвлечь наше внимание от того, кто говорит, думает, видит или подозревает, и от того, каковы его цели.

Профессиональные журналисты обычно работают со сделанными «грубо, но эффективно» практическими версиями «зеркальных» моделей новостей: «Мы просто освещаем факты». Тем не менее во многих случаях журналистские соглашения предоставляют возможность, даже по образцу, создавать факты. Каждый раз, когда журналист освещает какое-либо событие, он накладывает ещё один слой на накопленное понимание того, как следует делать репортажи в будущем. Таким образом, новости уже заранее частично сконструированы.

Известное стремление журналиста завуалировать подлежащие сообщению факты и заявления, что, например, Ирак связан с «Алькаидой» или что Пентагон вынашивает планы нанесения ударов по Багдаду без предупреждения, просто на основе заявления неназванного источника побуждает следующий источник скармливать ему под стол ещё один кусочек информации. Утверждение «Мы просто освещаем факты» концептуализирует процесс передачи новостей как ряда «люди говорят или делают — журналисты делают об этом репортаж — читатели читают, слушатели слушают, зрители смотрят, а затем делают свои собственные заключения». Вышеназванные примеры показывают, что этого недостаточно для объяснения того, с чем в действительности сталкиваются журналисты — их отношения с информационными источниками, читателями и аудиторией больше напоминают петлю обратной связи причины и результата.

Reporting the World

Такие расхождения между теорией и практикой не проходят незаметно, по крайней мере для некоторых более внимательных редакторов и репортеров. Это означает, что возрастает потребность в серьезном обсуждении того, чему традиционно, главным образом на Западе, не уделялось должного внимания.

В Великобритании такие дискуссии были проведены *Reporting the World* и описаны *Observer* как «ближайшая часть... к голове журналистики». П. Престон, бывший редактор *Guardian*, а сегодня автор синдицированной колонки, назвал это «содержательной смесью академической строгости и журналистского опыта». М. Педелти, автор авторитетной этнографической работы об иностранных журналистах (Pedelty 1995), так прокомментировал это взаимодействие профессионального и критического академического подхода: «Отличный форум для различного круга журналистов и академиков — исследователей СМИ для того, чтобы поделиться своими мнениями и знаниями о международных новостях».

Первичная цель — заострить проблему передачи журналистами потока новостей для того, чтобы критически оценить регуляторные механизмы, в рамках которых они работают, и рассмотреть новые подходы, при помощи которых можно систематически делать напоминания журналистам о профессиональной ответственности и о том, что их репортажи могут повлиять на то, что будет происходить впоследствии.

Проект был осуществлен посредством серии семинаров, публикаций и создания веб-сайта www.reportingtheworld.org. Одноименная книга (Lynch 2002), основанная на дискуссиях, в которые были вовлечены сотни лучших профессионалов, предлагает этический перечень, предназначенный для «поддержки репортеров, издателей и продюсеров в преодолении самоцензуры и последствий давления и инертности для того, чтобы им самим обдумывать происходящее, руководствуясь проверенной совокупностью главных принципов».

Этический перечень Reporting the World

- Как объяснять насилие?
- Как объяснение следует из того, каким способом было освещено насилие?
- Ограничен ли репортаж классическим мнением по поводу прямого насилия «удар за удар»?
- Отражает ли он также влияние структурного и культурного насилия на человеческие жизни?
- Освещает ли он рациональные — если они дисфункциональные — процессы, которые может породить насилие?
 - Чем мы управляем, а что упускаем из того, что должно или может произойти?
 - Какова форма конфликта?
 - Очерчен ли конфликт условиями «каната войны» (игра с нулевой суммой, в которой две стороны соперничают в достижении одной цели, так что если одна из них выигрывает, другая проигрывает)?
 - Или это «колыбель для кошки» — модель, оптимальная для независимых сторон, чьи потребности и интересы могут взаимодействовать или приводить к общим решениям?
 - Может ли освещение в новостях каких-либо достижений или идей разрешить конфликт?
 - Есть ли что-то в репортаже о мирных планах, альтернативных идеях или модели решения?
 - Должны ли эти аспекты ждать, пока лидеры разорвут «контакт»?
 - Может ли освещение какого-либо соглашения помочь читателям и аудитории оценить возможность преодоления последствий насилия?
 - Предоставляют ли нам новости о ком-либо другом, кроме лидеров и официальных лиц, кто бы работал над трансформацией или разрешением конфликта?
 - Какова наша роль в истории?
 - Видится ли в перспективе явное или подразумеваемое положение о том, что «эти люди не будут в порядке, пока мы не начнем расследование»?
 - Или репортаж предполагает, что «они будут в порядке, но это для официального оглашения расследования»?
 - Проводится ли исследование влияния предыдущих или будущих расследований на поведение людей?
 - Способствует ли это нашему стремлению определить, какая степень вмешательства поможет разрешению проблемы, или стремлению выделить различные виды вмешательства?

Ряд теорий о новостях как зеркальной модели соотносится с журналистской версией того, что М. Вебер, один из основателей социальной науки, назвал «этикой убежденности». При передаче фактов это значит, например, удостовериться в том, что они точны и актуальны, а многие журналисты откладывают это надолго. Затрагивается немного другой аспект, а именно действующая этика ответственности⁵⁷¹. Если ты хочешь делать репортажи так, чтобы быть уверенным в них и чувствовать ответственность за влияние, которое они могут оказывать, необходимо знать или как минимум предполагать, что это может быть за влияние, пусть даже приблизительно. В контексте освещения конфликтов это требует некоторого внимания к тому, что известно о динамике конфликта, а также достоверной информации о реальных условиях работы журналиста.

Так, этический перечень основывается не только на коллективном опыте сотен журналистов, освещавших серьезные конфликты недавнего времени, но и на понимании сути конфликтов, или исследовании мира — академической дисциплине и практическом методе, созданном около сорока лет назад.

Помимо навигаторской функции для журналистов предоставляется читателям и аудитории небольшое количество критериев для оценки этических последствий освещения определенных событий. Репортажи о конфликтах и их роль в успехе операций или, используя выражение

1 За такое разграничение я благодарен М. Кунжику, который указал на него в своей превосходной работе «Freedom of the Press — where to draw the line?». In: Michael Kunczik, (ed.). *Ethics in journalism: a reader on their perception in the Third World* (Bonn: Friedrich Ebert Stiftung, 1999). Electronic version available at URL <<http://library.fes.de/fulltext/iez/00710toc.htm>>.

Н. Хомского, в «производстве согласия» среди западных обществ за периоды последних войн были сильно раскритикованы. Тем не менее эта критика не приняла вид списка требований, которые журналисты должны тотчас начать выполнять. Оксфордский философ О. О'Нейл придерживается мнения (2002), что новости — это такая общественная служба, которая испытывает недостаток умения оценить, а следовательно, недостаток ответственности.

Поскольку критерии были составлены на аналитической основе, предоставленной исследованием мира, они дают нам возможность определять ценность репортажей о конфликтах в соответствии с нашим пониманием их функций и основываясь на накопленных знаниях и опыте. Оценка, сложившаяся во время дискуссий среди журналистов, затем применяется непосредственно к практическому выбору и решениям, с которыми сталкиваются ежедневно при передаче новостей. Практикуется методика поддержания журналистской ответственности за последствия своих репортажей.

Освещение войны: некоторые количественные показатели

Какие результаты можно получить, используя критерии Reporting the World, и какие возможности они нам предоставляют для определения ценности? Т. Блэр выступил на профсоюзном конгрессе 12 сентября 2002 года с предупреждением о том, что «мы пропадем», если не будем заниматься проблемой угрозы со стороны Ирака. Умышленно неопределенная формулировка и метод включения сигнала тревоги без разъяснения приблизительного сценария и последствий рисуют вымышленную опасность, которую могут предотвратить только военные действия.

Можно позволить себе такое высказывание, зная о существовании Номера десять, журналистской стенографии для британского премьер-министра и его офиса на Даунинг-стрит соглашений, согласно которым речь с высокой степенью вероятности будет освещена в прессе. Как и предполагалось, репортаж был показан уже в вечерних новостях — согласно вышеупомянутым соглашениям журналист не несет ответственности за содержание речи премьер-министра (такой пример распространяется на аналогичные репортажи о заявлениях глав правительств во всем мире). По этой причине формулировки, которые слишком неопределенны, можно, к примеру, смело употреблять в рамках высказываний такого рода.

Событие было сконструировано с параллельным участием Дж. Буша для того, чтобы уверить американцев в действительной угрозе, исходящей от Ирака. Угроза США, как он заявил, была «серьезная и растущая». В этом случае общества обеих стран остались при мнении, что нужно сражаться с предполагаемой потенциальной угрозой со стороны Багдада, вдобавок дискурс национальной безопасности остался альтернативным *casus belli*.

Так, когда Х. Бликс, главный инспектор ООН по оружию, 19 декабря 2002 года предоставил временный доклад Совету Безопасности ООН в Вашингтоне как свидетельство того, что Ирак существенно нарушил Резолюцию 1441, главный секретарь ООН К. Пауэлл сформулировал суть ситуации так: «Ираку больше не позволено угрожать своему населению и своему региону оружием массового уничтожения». Вот в какой ситуации важен второй аспект перечня Reporting the World. Есть страны, например Иран, Кувейт и Саудовская Аравия, для чьей безопасности Ирак может представлять угрозу, но речь о том, как часто журналисты спрашивают их до начала войны о том, как они оценивают угрозу со стороны Ирака и что собираются предпринять. Напротив, любые события от начала операции «Буря в пустыне» в 1991 году до происходящего в течение последующих двенадцати лет неизменно освещались *Newsweek* (30 September 2002). Это напоминает Буша и Хусейна, которые, глядя друг на друга, повторяют один и тот же вопрос: «Кто же победит?»

Очерчивание проблемы и актуальный вопрос естественно взаимосвязаны. Это конфликт «каната войны»: два играют, один тянет. Любое развитие ситуации немедленно требует оценки того, приближает ли оно к победе какую-либо из сторон — взгляд наблюдающего направлен на отметку посередине каната и её положение относительно линии песка. Каждый игрок имеет только две альтернативы: победа или проигрыш. По словам профессора Й. Галтунга, одного из основателей области исследования мира и ведущего участника Reporting the World, «поражение немислимо,

каждый всё увеличивает свои старания для победы». Иначе говоря, очерчивание конфликта таким способом обусловлено крайностями.

Какая разница?

Послание президента Буша Конгрессу «О положении в стране» в конце июня указало миру на то, что Ирак, Иран и Южная Корея, «ось зла», будут самой большой проблемой для Администрации в 2002 году. Из этих трех Ирак, безусловно, являлся наилучшим объектом для репортажа. Так, с того времени журналистам был предложен рынок готовых историй о том, как развивается далее политика Вашингтона или Лондона по проблеме Ирака.

Как только определен политический курс, начинается обдумывание того, как он может быть убедительно представлен общественности и стоит ли это делать. Лица, занимающиеся опросами общественного мнения или профессиональным составлением сообщений, например главный политический советник Белого дома К. Роув и британский глава правительственных коммуникаций А. Кэмпбелл⁵⁸², всегда находятся в самом центре ключевых дискуссий.

Роув посоветовал продолжать бить в барабаны, чтобы поддерживать позитивную атмосферу для избирательной кампании Республиканской партии в 2002 году (*Economist* 19 October 2002). Это сработало — «Великая старая партия» заполнила обе палаты Конгресса, несмотря на волны корпоративных преступлений, обрушившихся на Белый дом, пережитки прошлого определили американскую экономику и неспособность заполучить ни Усаму бен Ладена, ни Муллаха Мохаммеда Омара, главных злодеев в войне с терроризмом.

Способ, которым ищут проблему, определяет, что нам предстоит принять как соответствующую меру воздействия; чаще всего люди получают такую информацию от журналистов. Таким образом, решение вопроса и проведение политики частично зависят от того, как определяется проблема в передачах новостей. Это петля обратной связи.

Так какие же побуждения вызывает превалирующая модель описания событий в Ираке? Если проблема определена как «канат войны», включая только две стороны, как это сделала *Newsweek*, тогда единственное, что может предпринять одна из сторон, — это выиграть. Это означает проигрыш другой стороны, исход, которого все ждут, и, таким образом, побуждения сыграют в пользу того, кто выиграл. Следовательно, при подсчете количества перспектив освещения конфликта, помимо тех, на одном конце которых находится ось Вашингтон — Лондон, а на другом — иракский режим, мы можем оценить возможное влияние репортажей на предположения политиков, а также на перспективы войны.

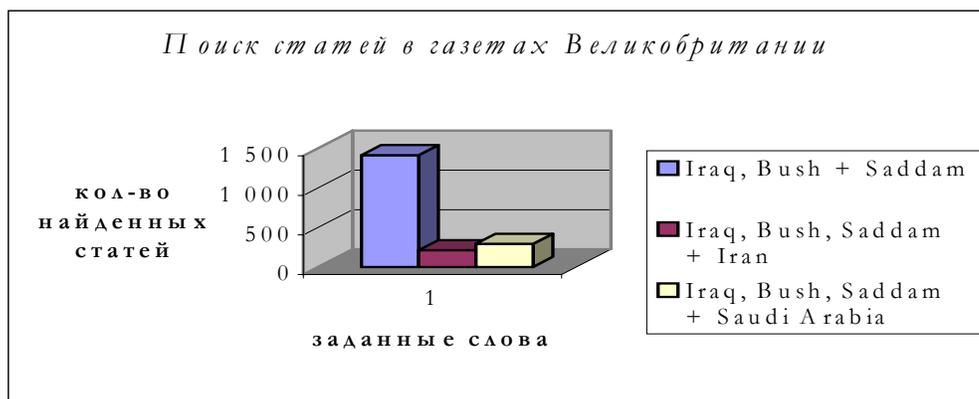
Поисковая система в Интернете, которая просматривает все печатные СМИ Великобритании, показывает стремительный рост количества репортажей о приготовлениях к войне с Ираком начиная с середины июля 2002 года. Речь Дж. Буша, обращенная к войскам США, которые служили в Афганистане, содержала повторную угрозу применить упреждающие удары по странам, которые стремятся завладеть оружием массового уничтожения; кто-то из слушателей выкрикнул: «Возьмем Ирак!»

Такая волна мероприятий, включающая визит в Лондон короля Иордании Хасана для встречи с сосланными бывшими командирами иракских войск, начала оказывать давление на премьер-министра Т. Блэра для выяснения позиции Великобритании в отношении планируемых США атак. Блэр сделал заявление на пресс-конференции в своем избирательном офисе в Седжфилде 3 сентября.

За период, когда происходили эти события (около семи недель), поисковая система показывает, что слова «Ирак», «Буш» и «Саддам» употребляются вместе в 1 413 статьях. Если добавить «Иран» — количество всё ещё велико, 211 — больше, чем 1:7. Тем не менее большинство

2 Прим. ред.: А. Кэмпбелл уволен с поста политтехнолога премьер-министра Т. Блэра 29 августа 2003 года вследствие проведения государственного расследования факта самоубийства Д. Келли, эксперта по оружию Департамента обороны, который стал источником раскрытия информации о том, что Кэмпбелл искажает информацию из досье разведывательных служб для оправдания участия Великобритании в войне с Ираком.

из этих статей оказываются, при ближайшем рассмотрении, заключенными в рамки напоминания о вооруженной гонке 1980-х годов.

Совсем немногие, только 27, рассматривают позицию Ирана относительно угрозы повторного выражения агрессии со стороны соседа. Большинство статей, по сути, представляют собой беглый обзор событий, хотя есть и несколько очаровательных примеров, в частности в *Times* (1 October 2002), статья М. Теодоулоу и других о предположениях иранских реформаторов и консерваторов по поводу возможных последствий атаки Ирака США. Хамид Реца Асефи, представитель от Министерства иностранных дел Ирана, выразил беспокойство, что «если одна страна решит свергнуть правительство другой страны, это может вскоре войти в норму» (2 сентября 2002 года).

Саудовская Аравия

Из 1 413 статей 292 также содержали информацию о жителях Саудовской Аравии. 78 статей повествовали об ответной реакции данного государства на военные угрозы США, в основном на основании официального заявления главы Министерства иностранных дел принца Сауда аль-Файсала от 7 августа 2002 года; она заключалась в том, что королевство не позволит размещать военные базы на своей территории. Однако лишь 7 из этих репортажей заглядывали вперед.

Наиболее амбициозной попыткой освещения перспектив для Саудовской Аравии во время этого периода вовсе не в газетах, а по радио стало интервью Эндрю Норта с принцем для программы *The World At One* на «Радио 4» и для веб-сайта BBC (28 августа 2002 года). Наконец появился шанс услышать официальную саудовскую оценку иракской угрозы как серьезной, что было основано на опыте министра касательно военной ракеты, которая попала в порог его дома в Эр-Рияде в 1991 году, а также услышать о взглядах королевства на то, как лучше с этим бороться. «Возвращение инспекторов по оружию, — сказал он, — было наиболее важной вещью... Есть шанс для дипломатов поработать во время арабского саммита (в Бейруте в начале этого года); мы получили от иракцев торжественное обещание того, что они будут идти в направлении, обозначенном резолюцией Совета Безопасности ООН, они также пообещали никогда не угрожать территориальной целостности Саудовской Аравии. Более того, они будут следовать такому принципу и далее при переговорах с ООН».

В большом количестве репортажей журналисты пренебрегали всякими перспективами данного конфликта, за исключением тех, которые они получали от информационных источников Вашингтона и Лондона, с одной стороны, и которые были обычно персонифицированы в демоническую фигуру Саддама Хусейна, с другой стороны. Даже простое упоминание другой страны в рамках данной темы автоматически определяло её на ту или иную сторону участников конфликта. Фактически при создании репортажей о перспективах «войны во имя национальной безопасности» те из них, которые являются наиболее рискованными и опасными, в значительно меньшей степени освещаются журналистами и, в общем и в целом, остаются на заднем плане при обсуждениях. Напротив, доминирующая форма моделей таких репортажей — «канат войны». Всё, что мы знаем о конфликтах, наводит на мысль: их концептуализация ведет в результате к вероятному насилию.

Любой репортаж о фактах предполагает выбор — выбор того, какие факты будут включены, а какие останутся неизвестными, как их сопоставить, какой контекст подобрать и так далее. Для того чтобы сделать такой выбор, применяя критерии Reporting the World в качестве норм для печатных СМИ Великобритании, необходимо понять логику войны. Петля обратной связи, в свою очередь, определяет, как различные модели репортажей, как уже было замечено, стимулируют появление новых фактов, которые соответствуют тому же образцу. Представим в любое время из этих двенадцати лет политика или государственного чиновника, который дает официальное интервью или снабжает журналистов историями анонимно, не забывая при этом о рамках предвзятости. Любая инициатива, которая могла бы быть двусмысленно истолкована как дальнейшее дискредитирование Саддама, рискует быть интерпретированной как «он», наступающий на «нас», или «постепенное приближение к мерзкому диктатору».

Иные перспективы

Каким мог бы быть эффект от увеличения внимания к другим позициям иных регионов и каких-либо ещё мест, включая США и Великобританию, где существовали прочные антивоенные движения?

Учет третьей, четвертой или других перспектив автоматически делает бессмысленным вопрос «Кто победит?» — речь идет скорее о «колыбели для кошки», чем о «канате войны». Наоборот, это ведет нас к поиску идей установления общей безопасности. Даже без детального рассмотрения саудовской или иранской политики существует множество поистине заслуживающих внимания, но недооцененных сведений об актуальных событиях в рамках предела слышимости любой новостной организации в Лондоне, которая могла предоставить такие перспективы. Соответствующие мысли были высказаны экспертами Королевского института объединенных служб (20 ноября 2002 года), в самом центре принятия политических решений, за соседней дверью от Министерства обороны. На собрании высокопоставленных чиновников обсуждалась тема «Война в Ираке: последствия, риск и альтернативные стратегии», семинар был организован Оксфордской исследовательской группой.

В итоге удалось обсудить практические альтернативы войне, основанные на военных инспекциях Ирака с целью связать его рамками международных контрольных соглашений; применение Резолюции 687 Совета Безопасности ООН для создания на Среднем Востоке свободной от оружия массового уничтожения зоны и учреждения альтернативных правительств, финансируемых из замороженных глобальных активов, принадлежащих режиму Батиста.

BBC *Producer Guidelines*, уже цитированный здесь, также настоятельно рекомендует корпорациям журналистов не рассчитывать на то, что «освещение основных противоречий... это и есть те аргументы, которые необходимо слушать и проверять». А как же довод, подразумеваемый в случае войны, что единственным или лучшим способом свергнуть режим Саддама Хусейна и внести позитивные изменения является применение силы? Не таким образом, согласно Мэри Калдор ⁵⁹³, которая написала для журнала *Red Pepper* о результатах сотрудничества с сосланным иракским социологом Фалехом Абдель Джабаром: «Нам нужно разработать законные методы поддержки тех, кто противостоит репрессивным режимам, при некоторых обстоятельствах это означает использование военных средств для защиты людей от таких человеческих катастроф, как геноцид. Но нужно видеть четкое различие между гуманитарной интервенцией и войной» (Kaldor 2003).

В своей статье она высказывается за:

- учреждение специального международного суда для рассмотрения обвинений 300 главных лидеров режима;
- создание системы мониторинга соблюдения прав человека в Ираке при присутствии инспекторов ООН;
- снятие контроля с программы oil-for-food и передачи его в руки ООН.

3 Мэри Калдор — профессор по глобальной политике в Лондонской школе экономики, где она разработала важную теорию о «новых войнах», которые будут гораздо опаснее для гражданских, чем для самих военных; она также написала ряд работ о демократизации в Центральной и Восточной Европе.

Калдор объясняет, как эти предложения согласуются с уроками, полученными в результате успешных примеров изменений режимов после падения железного занавеса. Если журналисты BBC пытались найти способы для передачи этих рекомендаций, разве не правильно было бы для проверки соотношения антивоенного и альтернативного аспектов взять профессора Калдор с собой в Будапешт для встречи с бывшими диссидентами, которые теперь находятся под влиянием, поддерживая или критикуя войну в Ираке?

Было бы много интересных резонансов и противоречий: венгерский премьер-министр Петер Меджуеси был одним из тех, кто подписался под письмом в *Wall Street Journal* от имени «новой Европы», поддерживая политику Буша по отношению к Ираку несмотря на то, что большинство венгерских граждан были настроены оппозиционно. Что действительно означает переход к демократии? Необходимо заранее поставить вопрос об огромных претензиях к последствиям войны в регионах — на Среднем Востоке — с репрессивным политическим режимом.

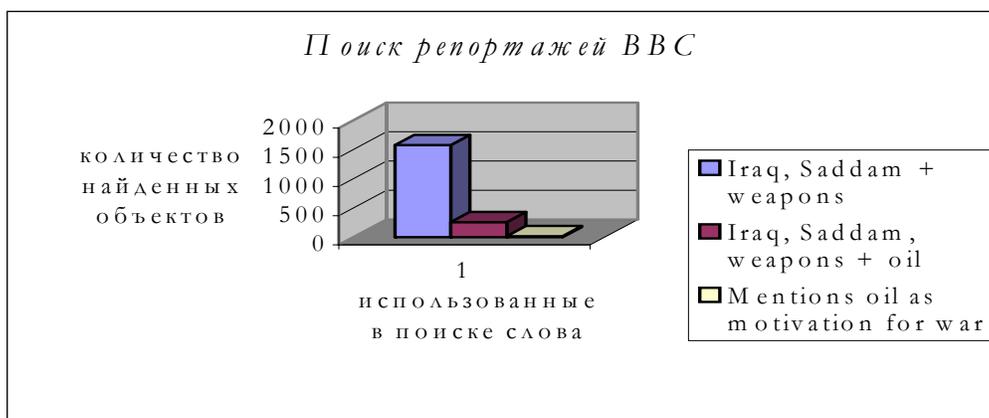
На протяжении последних месяцев 2002 года было проведено множество антивоенных демонстраций, включая такие изобразительные и наглядные приемы, как «Глостеры инспекторов по оружию» (см.: *New Internationalist*), надевших антирадиационные костюмы и пытавшихся получить доступ к RAF Fairford, базе вооруженных ядерным оружием бомбардировщиков США. Имел место выпуск двух дисков антивоенной направленности⁶⁰⁴, с композициями таких артистов, как Public Enemy, Midnight Oil, Billy Bragg, Massive Attack, Ms Dynamite, Chumbawamba and Coldcut, а также с импровизированной версией речи ветерана-активиста Тарика Али. Серьезные семинары, демонстрации и оживленные протесты — проявления антивоенного движения такой же степени важности, как и в 1960-х годах, на любой редакторский вкус.

Не будет сложно сделать хороший репортаж, статью или радиопрограмму на основе этих событий, но для того чтобы действительно обратить на них внимание читателей и зрителей, понадобится оставить неучтенными некоторые важные соглашения. Это включает в себя, возможно, прежде всего освещение конфликтов с указанием двух противоборствующих сторон, с повесткой дня, установленной официальными информационными источниками.

Не упоминайте о нефти

Являются ли репортажи BBC на практике «глубоким и широким отражением мнений в Великобритании»? Рассмотрим ещё один аспект из перечня Reporting the World — четвертый, об интервенции. В сущности, он призывает журналистов спросить самих себя, помогают ли их репортажи читателям и зрителям достигать понимания того, что действительно происходит во время интервенции в другую страну, будь она только запланированной или уже начавшейся.

Церковный исследовательский центр в результате одного из своих масштабных опросов выяснил, что около половины всех британцев — 44 % — верят, что настоящие причины американо-британской интервенции в Ирак не имеют ничего общего с какой-либо угрозой применения оружия массового уничтожения, а связаны с нефтью. Такой взгляд разделили 54 % немцев, 3/4 англичан и значительное большинство населения практически повсюду (Preston 2002). Другой опрос проводился 4-м телевизионным каналом (29 сентября 2002 года), который предложил респондентам список ответов на вопрос «Что в действительности планирует президент Буш?». Официальное объяснение, касающееся глобальной угрозы от Саддама Хусейна, поддержало 22 % опрошенных), однако уверенность в стремлении США захватить иракскую нефть оказалось лишь на один пункт ниже — 21 % респондентов.

Отражает ли ВВС в своих репортажах мнение Великобритании, как это показывают данные исследований? Вряд ли. Возьмем простой статистический анализ. Для того чтобы рассказать историю о подготовке войны или перспективах её проведения, нельзя не использовать слова «Ирак», «Саддам» и «оружие». В середине декабря 2002 года на веб-сайте ВВС находилось 1577 статей, которые содержали все три слова. Если добавить к искомым словам «нефть», количество статей падает до 262. Большинство из них касается программы oil-for-food, часть — санкций, применявшихся после войны 1991 года, далее это деловые статьи о колебаниях мировых цен на нефть из-за слухов о военных атаках. Лишь малая часть из них — 20 (1/8 от всего количества) упоминали о том, что нефть может являться одним из мотивов для начала войны. Большинство из них составляли сводки новостей арабской прессы или радио и основывались на материалах центра мониторинга ВВС в Каверсхаме.

Только три статьи действительно детально исследовали проблему: одна, предназначенная специально для сайта, международного корреспондента Пауля Рейнолдса; другая, основанная на заявлении World Service Radio, Джеймса Виттингтона и третья, составленная ВВС Breakfast из телевизионных программ и дебатов в студии (4 октября 2002 года). Эта последняя статья является во многих отношениях показательной.

Трехминутный фильм, очевидно, требующий немалого количества источников для своего исследования, сопровождался дискуссией, в которой участвовали Джеймс Рубин, бывший американский заместитель министра, теперь профессор Лондонской школы экономики, и Джереми Корбин, ветеран лейбористского парламента, на протяжении длительного времени заинтересованный в иракском и курдском вопросах.

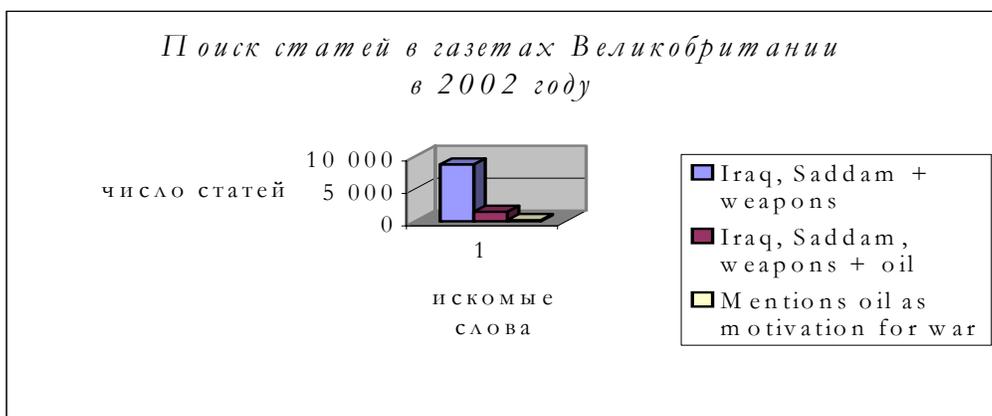
Фильм репортера Грахама Сэтчела поднимал вопрос о том, может ли мотив, связанный с нефтью, стоять за военными событиями, и показывал важное интервью с Шарифом Али, представителем Иракского Национального конгресса, которые пообещал: «Мы попытаемся подключить к процессу развития нашей нефтяной промышленности таких различных партнеров, как Россия, Франция, Америка или Англия». В своей статье (17 сентября 2002 года) Пауль Рейнолдс процитировал нечто подобное тому, что обнаружение [иракских] огромных запасов нефти дало повод — хотя и второстепенный — задуматься о военных планах США; с другой стороны, доктор Джон Чипман, директор Лондонского международного института стратегических исследований, заверил читателей в том, что «это всё полностью только о Саддаме Хусейне».

Освещая историю с нефтью

Статья Виттингтона является единственной из трех вышеупомянутых — а также из остальных 1600, — которая рассказала о развитии нефтяного вопроса. Это была статья о российской компании «ЛУКОЙЛ», которая имела дорогостоящие контракты с режимом Баатиста для использования обширной территории Западной Курны после окончания действия санкций ООН и теперь беспокоилась о том, что они будут заморожены из-за американских атак.

Можно себе представить, как будет выглядеть такой подход, если применить его для официального объяснения конфликта. 3/4 репортажей поднимают вопрос о том, стоит ли проблема

безопасности на повестке дня или она прикрывает желание заполучить контроль над иракской нефтью. Веб-сайт содержит лишь часть репортажей, выпускаемых ВВС, но вечерние новости, предложенные зрителям и слушателям в течение 2002 года, очень похожи по своему содержанию на те, что передавались он-лайн. Картина газетных статей также не сильно отличалась. С конца января, когда Буш произнес свою знаменитую речь об «оси зла», и до середины декабря та же поисковая система в Интернете находит 8 751 статью в печатных СМИ Великобритании, содержащих слова «Ирак», «Саддам» и «оружие». И снова, если добавить слово «нефть», количество статей значительно сокращается, в данном случае до 1 479. Из них только 180 уделяют немного внимания нефти как мотивационному фактору подготовки к военным действиям (около 1/5 от общего количества статей).

Интересно, что большое количество из них составляют читательские письма; попадаются статьи, случайно коснувшиеся заявлений Багдада, и в некоторых случаях это статьи о заявлении Тони Блэра, переданном по радио, в котором он надеялся расположить к себе общественное мнение стран арабского мира, опровергая существование такого фактора военных действий, как нефть.

Исследование показывает, что публикации и веб-службы, касающиеся данной истории с нефтью, размещенные, например, в *Lloyd's List* или *Business a.m.*, используются как достоверные источники информации теми, кто принимает коммерческие решения. Основная же масса публикаций, если они вообще затрагивают вопрос о нефти, делают это для того, чтобы объявить его надуманным.

Как может всё это повлиять на ход событий? Анализ конфликта говорит о том, что часто важные различия проводятся между государственной позицией сторон конфликта и их реальными целями. Их позиции основаны на требованиях, которые могут быть выполнены только за счет другой стороны, а цели могут быть достигнуты при помощи различных средств и в результате принести двойной выигрыш.

Например, чтобы убедить общественность в том, что позиция государства направлена на защиту того, что действительно находится под угрозой во время конфликта, правительству важно придерживаться принятого определения проблемы и, соответственно, её решения. Аластер Кэмпбелл, в то время — пресс-секретарь Даунинг-стрит, сказал после кризиса в Косово, что «единственная битва, которую мы можем проиграть, — это битва за умы и сердца. Это бы означало, что НАТО завершило и проиграло войну... Необходимо было соотносить общественный интерес с нашими понятиями»⁶¹⁵. В случае с Ираком Саддам Хусейн представлял угрозу безопасности, и эта угроза могла быть предотвращена только путем вооруженного вмешательства.

В одной из самых известных частей *Producer Guidelines* подчеркнуто: «Программы новостей должны предлагать зрителям и слушателям разумные и обоснованные сообщения, которые помогут

5 Речь в Королевском институте объединенных служб, Лондон, 9 июля 1999; сокращенную версию см.: *Guardian* as «J'Accuse», 10 July 1999.

аудитории сформировать свои собственные взгляды». Кажется, многие журналисты газет, радио и телевидения согласятся с этим. Это означает, что правительственная политика занимается теми аспектами, в которых заинтересовано общество, особенно когда речь идет о вопросах войны и мира, однако граждане должны быть в состоянии сами оценить то, что действительно важно.

Работа журналистов в такой ситуации заключается в формировании компетентных мнений о том, что реально находится в опасности, и в предоставлении аудитории возможностей для того, чтобы она могла самостоятельно оценивать заявления политических лидеров и, соответственно, мудрость и вероятную эффективность их предложений.

Так каким же образом следовало репортерам и издателям сосредоточиться на истории с нефтью? В сюжетах для новостей нет недостатка. Контракт компании «ЛУКОЙЛ» — один из примеров; другой имел место в декабре, когда лорд Броун, председатель ВР, представляя результаты деятельности своей компании, выразил надежду, что британские нефтяные компании получат свою долю на территории поствоенного Ирака, несмотря на то что американские гиганты также ориентированы на получение выгоды. Данное заявление было упомянуто в двух газетных статьях, телевидение же обошло его вниманием. Точно так же *Business a. m.* привела два анонимных высказывания следующего содержания: «Шотландские добытчики нефти и газа заявили, что правительство Блэра не сумело должным образом поддержать британскую нефтяную индустрию в международной схватке за иракскую нефть» (10 декабря 2002 года).

Ноябрьский доклад Центра анализа истощения запасов нефти проиллюстрировал преимущество взятия под контроль иракских ресурсов, указав на то, что запасы повсеместно истощаются из-за возросших за последнее десятилетие потребностей. Это создало основу для мнения, выраженного в *Guardian* (Monbiot 2002) и *Sunday Times* (Humphrys 2002), но, опять же, это были не новостные статьи, которые могли бы усилить внимание к проблеме. В январе 2003 года была создана Детройтская группа, описанная на веб-сайте как «массовая кампания, побуждающая автомобилестроительные предприятия Детройта выпускать машины, чтобы американцы работали утром без страха того, что в полдень их пошлют на войну — машины избавят нас от зависимости от иностранной нефти».

Это породило серию из трех ярких телевизионных реклам и нашло отражение в работе известного обозревателя и яркой личности Арианна Хаффингтона. Эта, в сущности, мирная инициатива — согласованная политическая кампания, которая ранее представляла собой только неорганизованную беседу в рамках американского политического и новостного дискурса, а также ряд инцидентов с применением насилия.

Освещение следующих аспектов дало бы возможность предать гласности несколько альтернативных объяснений в отношении действительных целей их сторонников, возможно, упоминая некоторые ключевые политические события под надежным прикрытием служб безопасности, а также источники американских стратегических планов:

– в 1981 году сообщение о положении вооруженных сил Объединенного комитета начальников штабов (первый — в эпоху Рейгана), в котором четко была изложена концепция поствьетнамской безопасности, тесно связанная со стремлением США получить чужие ресурсы, в основном нефть;

– заявление Джорджа Буша на Всемирном саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 году о том, что «американский образ жизни не обсуждается»;

– заявление Джорджа Буша во время его избирательной кампании и после о том, что США переживает «энергетический кризис».

Мирная журналистика

Для того чтобы сделать репортаж, выпустить газету, создать программу или сделать фотосессию, приходится делать выбор. Выбор, который обычно делают журналисты во время освещения конфликтов, соответствует определенному образцу, и возможно предсказать его потенциальное влияние на ход событий. В приведенных здесь примерах они или ведут нас к истоку конфликта, или утаивают настоящие цели сторон конфликта. Обе ситуации делают насилие более вероятным исходом.

Анализ, проведенный Reporting the World, использует полученный с трудом коллективный опыт и теоретическую основу, предложенную анализом конфликта или исследованием мира. Как в аналитическом, так и в практическом аспекте это приводит процесс выбора и его применение к резкому — и поэтому, возможно, неприятному — разрешению ситуации. Такой анализ очерчивает этику журналистского вмешательства в конфликты и кризисы.

Мирная журналистика — радикальный ответ на эти понятия. Её логику доступно разъяснил профессор Роберт Карл Манофф, директор Центра войны, мира и новостных СМИ в Нью-Йоркском университете. По прошествии наиболее жестокого века в истории человечества он написал: «По истинно политическим, гуманистическим и моральным причинам нельзя не спрашивать себя, что ещё можно сделать в общих интересах, чтобы предотвратить такие конфликты или хотя бы сократить их количество. Почему упоминаем в этом контексте о СМИ? Потому что ясно, что, взятые вместе, технологии СМИ, институты, профессионалы, нормы и практика являют собой одну из фундаментальных сил, определяющих сегодня образ жизни индивидов и судьбы наций... СМИ представляют собой главный человеческий ресурс, который потенциально помогает предотвращать и сдерживать социальное насилие, обсуждая, давая оценку и, где необходимо, оказывая содействие» (Manoff 1998).

Подход в рамках мирной журналистики подразумевает, что любая журналистика предполагает выбор, и этот выбор неотвратимо оказывает то или иное влияние на ход событий, а затем выбор, который предстоит сделать нам, будет основываться на наших желаниях, что и называется миром.

Мир

Вопрос, что означает понятие «мир», можно считать решенным. Мир — это общеизвестный флюид и многозначная концепция. Президент Джордж Буш, оправдывая свою войну с терроризмом и планируя вторжение в Ирак, часто заявляет о том, что он действует «ради мира». На Западе мир ассоциируется с имиджем бородатых хиппи в футболках. В странах, где установление мира четко не оформлено, например в Индонезии, достаточно сложно определить в широком круге различных причин. Статья в *Time* (сентябрь 2003 года), представляющая хорошо сбалансированный расчет уровня влияния радикального ислама на центральную Яву, была проиллюстрирована запоминающейся картинкой грузовика, щедро разрисованного изображениями Усамы бен Ладена и словом *Damai*, сокращением от «*perdamai*» («мир»).

Различия определены. Идея *Pax Americana*, порядка, навязанного и установленного путем применения угроз, которые опираются на использование вооруженных сил, — одно определение. По этой формуле мир = победа + прекращение огня.

Версия, которая лежит в основе мирной журналистики, имеет другое прошлое и воплощает в себе совершенно иное понимание. Область исследования мира строго соотносится, в историческом и концептуальном разрезе, с пониманием (как было во время образования США и периода после Второй мировой войны) того, что мир должен быть построен и функционировать, будучи вплетенным в полотно структуры и культуры.

Рост нацизма в побежденных странах после Первой мировой войны только подтвердил, что победа плюс прекращение огня — это ещё не последнее слово в конфликте. Преамбула хартии ЮНЕСКО, наверно, лучшее воплощение понимания и декларирования того, что «войны создаются в умах людей». Послевоенные меры безопасности ООН, финансовые институты помощи Маршалла и *Bretton Woods* были предназначены для предотвращения вышеупомянутого процесса.

Формула, выведенная профессором Галтунгом, который разработал концепцию мирной журналистики в 1970-х годах, такова: понятие «мир» можно лучше понять как «ненасилие + креативность». Как русская матрешка, каждый ключевой термин, будучи названным, обнаруживает ещё один: что такое ненасилие? И при общем рассмотрении ещё одно попавшееся определение: что такое насилие? Свой ответ Галтунг дал в известной журнальной статье по исследованию мира (Galtung 1969). Понятие насилия, рассказывает он, используется для описания любого действия или формы соглашения, при которых «люди подвержены влиянию таким образом, что их актуальная физическая и ментальная реализация находится ниже потенциальной».

Такая формулировка была сильно обусловлена другим значительным источником современного движения за мир и прогресс в послевоенном устройстве, говоря более широко, борьбой всего XX столетия против несправедливости колониализма. Колониализм, по определению, препятствует народам и нациям в реализации своего потенциала, так как единственным смыслом всего, что они делали, была выгода, которую они приносили своим хозяевам. Такой пример, согласно Галтунгу, представлял собой структурное насилие.

Колониализм базировался, усиливая их, на изложении посылок и предубеждений об «избранных» людях и цивилизациях, что использовали угнетатели для оправдания себя и своего поведения. Следовательно, колониализм можно описать и как культурное насилие.

Ненасилие, скорее, ассоциируется с одной из наиболее известных фигур антиколониальной борьбы — Махатмой Ганди. Понятия структурного и культурного не входили в его лексикон, но они имплицитно присутствовали в его идеях о том, как преодолеть конфликт. Ганди однажды заметил, что «мир настанет не от хлопка в ладоши, но от справедливости, на основе которой живут невооруженные нации перед лицом неравенства», — хорошее определение ненасилия, которое необходимо здесь.

Совсем недавно позиция вооруженных сил против практического применения правосудия как альтернативное средство установления мира была показательно применена в так называемой «войне против терроризма». По замечанию профессора Брэдфордского университета Паула Роджерса, иллюзия того, что «мир меньшинства» может продолжать снимать сливки с прибыли от мировой торговли и развития, оставляя остальные народы далеко позади, описана как «лиддизм» (Rogers 2002).

Эти условия наряду с растущей стесненностью в ресурсах и глобальным развитием коммуникаций, что вызывает осознание противоречий в жизненных возможностях богатых и бедных, связаны с проявлением всё большего недовольства. Такое ограничение, наложенное на них длительное время, и применение силы обречены на получение совершенно обратного результата. Такую оценку сделал Роджерс для Оксфордской исследовательской группы два года спустя после «9 сентября» (Rogers 2003).

Войны в Афганистане и Ираке сделали «Алькаиду» сильнее, чем ранее, отметил он, и предоставили ей возможность «планировать, часто осуществлять широкий круг деятельности, чтобы показать общественности потенциал, возросший после атак 11 сентября».

Так, мирная журналистика отвечает задачам, включенным в перечень Reporting the World, с ориентацией на исследования того, как структурное и культурное насилие отражается на жизни людей в конфликтных зонах и не только в качестве части общего понятия насилия. На практике это означает поиск креативных способов определения конфликта как состоящего из различных частей и преследующего скорее цели «колыбели для кошки», чем «каната войны». Требуются ненасильственные мирные инициативы и модели решений, кто бы их ни предлагал; требуется также освещение реальных целей всех участников конфликта, осознанных или скрытых.

Журналисты развитых стран и стран переходного периода чаще всего имеют дело с мирной журналистикой (например, это касается Индонезии, Колумбии и Южной Африки), а также вызывают резонанс в таких странах и регионах, как Непал, Кавказ и Средний Восток, где мир — это то, чего люди страстно желают в своей повседневной жизни.

Постскриптум. Объективность и Хаттонское расследование

Для журналистов западных традиций это всё может звучать многообещающе. Многие из них до сих пор придерживаются теории, передаваемой через метафору зеркала, объективности как цели и идеала их профессиональной жизни. Для изучения этого понадобился бы ещё один раздел, но я уже показал, как идея того, что журналист может занять социальную и концептуальную часть пространства тех событий и процессов, которые он освещает, выглядит довольно тускло в свете петли обратной связи.

Философская проблема объективности становится всё более тягостной для «пропитанного» СМИ общества, чьи инстинкты и предположения того, как должны освещаться события, претендуют даже на большую важность, чем влияние этих событий на поведение людей.

Освещение вторжения США в Ирак и подготовка к нему выявили определенно важную практическую проблему. Рамки ограничений, наложенных на журналистов соглашениями об объективности, были раскрыты Хаттонским расследованием в Лондоне в конце лета 2003 года. Оно касалось обстоятельств смерти доктора Дэвида Келли, эксперта по оружию Министерства обороны, покончившего жизнь самоубийством после того, как был объявлен источником репортажей ВВС, который использовали разведывательные службы для оправдания войны.

Тем не менее расследование стало особенно показательным для разоблачения некоторых «проводников» правительства, в частности, как манипулируют информацией и внедряют её в общественную сферу посредством СМИ согласно стратегии согласования с образцом предыдущего репортажа.

Оригинальный репортаж корреспондента ВВС Эндрю Гиллигана, касающийся досье правительства об иракском оружии, был опубликован в сентябре 2002 года и основывался на информации разведывательных служб.

Многие из представителей разведывательных служб недоумевали, по словам Гиллигана, по поводу того, каким образом были использованы оценки и как трансформировалось выражение «sexed-up», чтобы создать военный прецедент.

Сначала он сделал свои заявления в прямом эфире в программе *Today* по «Радио 4» в шесть часов семь минут. В досье было заявление о том, что Ирак может применить оружие уже в течение 45 минут после приказа, хотя, как сказал Гиллиган, правительство знало, что это была неправда.

Это, как позже признался Гиллиган, получилось неудачно и во всех последующих передачах было смягчено до «спорно». Однако история скоро достигла своей цели: министр Адам Инграм отметил, что одна претензия Гиллигана к доктору Келли была верна: заявление о 45 минутах, полученное из единственного источника, не было подтверждено, а значит, при нормальной оценке со стороны разведывательных служб к нему нужно было подходить с осторожностью.

Так журналисты получили зеленый свет, чтобы следовать далее. Вскоре начали появляться репортажи о недовольстве среди разведывательных служб по поводу употребления материалов для того, чтобы вынудить общественность поддерживать войну. К сожалению, предполагаемое оружие массового уничтожения никак не удавалось найти. Недостаток каких-либо объективных объяснений потоку официального пустословия, освещаемого так усердно до войны, с каждым днем становился всё ощутимее.

Последующие разоблачения заставили многих журналистов сожалеть о том, что не было проведено более тщательного, чем предприняло правительство, расследования. В дебатах *Reporting the World* в Лондоне в июле 2003 года Эд Пилкингтон, который во время войны был многостранним редактором *Guardian*, спрашивал: «Как мы позволили Тони Блэру уйти, после того как он сказал нам, что у него свои собственные разведывательные службы и мы должны ему доверять? И он знал правду? И откуда мы знаем, что у него нет своих собственных разведывательных служб? Между прочим, многие из них существовали уже четыре года и до 1998-го. И мы дали ему уйти!»

Ричард Сэмбрук, глава новостей ВВС, добавил: «Я думаю, что ретроспективный взгляд — хорошая вещь. И мы переживали события последних нескольких недель, желая, возможно, поднять многие вопросы прошлой осенью или в начале этого года, пытаюсь остановиться на некоторых из них, но мы этого не сделали. Мы не сделали этого, похоже, потому, что мы не могли сделать этого на то момент, и я рад, что мы не отказались от намеченной цели и всё ещё добиваемся этого».

Итак, мы видим, насколько общественность заблуждалась насчет угроз со стороны Ирака в то время. Когда это действительно имело значение — когда обществу, пусть теоретически, нужно было принять решение, которое повлияет на его собственную и глобальную безопасность?

Наверно, самым ярким примером является то, как президент Джордж Буш связывает в умах американцев Саддама Хусейна и «Алькаиду». По прибытии 1 мая под фанфары на палубу военного корабля «Авраам Линкольн», чтобы в конце определить «основные боевые операции», он сказал команде корабля, что они должны нанести бомбардировочный удар по «войне с терроризмом, которая началась 11 сентября 2001 года». После начала войны почти 70 % американцев верили в то, что иракский диктатор ответствен за атаки Всемирного торгового центра и Пентагона. Только в конце сентября 2003 года Буш признался, что никакого доказательства этому не было.

Как предполагает «зеркальная» риторика BBC *Producer Guidelines*, журналисты и новостные организации, по крайней мере на Западе, всегда рассматривали объективность как нечто идеальное, даже святое. Тем не менее многие комментаторы, наблюдая со стороны, обнаружили, как была создана история для соответствия определенным экономическим и политическим условиям.

Бен Багдикян, бывший редактор *Washington Post*, — редкий пример того, кто «перешел черту». Согласно его, ставшей сегодня уже классической, оценке (Bagdikian 2000), растущее влияние рекламы на развитие потребительской экономики видоизменяет экономику газет ради выпуска конкурентоспособной продукции для массового читателя.

Традиции объективности возникают как способ одобрения по меньшей мере части газетной колонки «Все для всех», способствуя тем самым привлечению читателей различных политических взглядов (речь идет также об отдельных политических причинах, если говорить о таких общественных вещателях, как BBC). Главной среди этих традиций, отмечает Багдикян, была привычка составлять повестку дня в новостях на основе официальных заявлений, которые воспринимались как идеальный базис для принятия некоторых фундаментально важных решений (например о включении репортажей в выпуск новостей).

Согласно комментариям Багдикяна (2000) «наиболее безопасным способом передачи новостей было воспроизведение слов авторитетных фигур, и в области общественных отношений наиболее авторитетные фигуры показывали в заявлениях самый высокий уровень неопределенности и собственной заинтересованности».

До войны постоянное увеличение числа официальных новостей, требующих от журналистов сдержанного освещения, а значит, являющихся подходящей причиной не принимать во внимание социальные ценности, привело к грубому заблуждению насчет иракского оружия и предполагаемой угрозы. Среди таких неопределенных заявлений, которые позже были разоблачены в документах или при даче свидетельских показаний во время Хаттонского расследования, следующие:

— заявление о 45 минутах относится только к такому боевому оружию, как артиллерия или минометные снаряды, а не (впечатление, намеренно созданное цитированием досье) к ракетам, которые могут угрожать другим странам, не говоря об американских интересах;

— по распоряжению политиков на Даунинг-стрит большое количество «должны» и «необходимо» в процессе получения от разведывательных служб оценок и закрепления их в публичном досье, конечно, было «извращено» до «будут» и «делают»;

— многие представители разведывательных служб сожалели, что Даунинг-стрит проигнорировала исходящие от Объединенного комитета разведывательных служб предупреждения о том, что война с Ираком скорее усилит угрозу со стороны «Алькаиды».

— оценка нападения на Ирак, которая показала риск того, что Саддам Хусейн будет вынужден использовать любое оружие, которое действительно находится в его распоряжении, была занижена, так как она соответствовала предупреждениям ведущих медиа-скептиков.

Итак, история Гиллигана подкреплена существенными и квалифицированными доказательствами во всех аспектах. Его редакторский вердикт, который он вынес по внутренней электронной почте: «Хороший сюжет расследовательской журналистики, пусть вперемешку с некорректным освещением событий», был подкреплён происходящим. Правда во всех отношениях сильно расходилась с официальными версиями, которые были послушно сообщены журналистами, работающими на традиционных условиях объективности.

«Зеркальная» теория, или теория объективности, в отличие от петли обратной связи не принимает в расчет возможность существования активного информационного источника. По словам одного традиционалиста, репортера BBC Дэвида Лойна, работать журналистом значит «переворачивать камни», чтобы найти правду (Loyn 2003). Однако чаще случается, что, когда мы находим «камни», они уже перевернуты.

Чтобы излагать в репортаже факты «без страха и упрека», журналист должен обладать стойкой этической убежденностью, как того требует традиционный подход, но, если принять во внимание влияние специфики новостей на их собственное освещение или территориальный аспект, этика ответственности здесь неприменима.

Сегодня мирная журналистика — глобальная кампания, в которой участвуют активисты СМИ и журналисты различных стран, и она не может соответствовать вкусу каждого. И всё же условия журналистской реальности делают невозможным игнорировать растущий разрыв между традиционной теорией новостей и ежедневной реальностью.

Перечень The Reporting the World заостряет те проблемы, которые важны при освещении конфликтов; любой анализ списка обнаружит несоответствия, которые, в свою очередь, стремится исправить мирная журналистика. Нам крайне необходим такой дисбаланс, если мы хотим делать обоснованный выбор как общество, находящееся между войной и миром, между военными и ненасильственными методами отражения конфликтов и кризисов и заботящееся о собственной и глобальной безопасности. В этом контексте мирную журналистику можно понимать как необходимый дискурс условий постмодерна, как идею, время которой пришло.

Литература

BAGDIKIAN, B. 2000. *The Media Monopoly*. Beacon Press, Boston, Mass; 6th edition.

FISK, R. 2002. «We are being set up for a war against Saddam». *Independent*. 4 December. *Telegraph*, 9 March.

GALTUNG, J. 1969. «Violence, Peace and Peace Research». *Journal of Peace Research* 6/3.

GUARDIAN. 1999. «J»accuse». *Guardian*, 10 July.

HUMPHRYS, J. 2002. «We»re planning a war, but don»t mention the oil». *Sunday Times*, 8 December.

KALDOR, M. 2003. «Regime Change without War». *Red Pepper*, April.

KUNCZIK, M. 1999. «Freedom of the Press — where to draw the line?» In: M. KUNCZIK (ed.). *Ethics in journalism: a reader on their perception in the Third World*. Bonn: Friedrich Ebert Stiftung. Available at URL <<http://library.fes.de/fulltext/iez/00710a.htm>>.

LEXIS NEXIS, can be found at <<http://www.lexis-nexis.com/professional/>>.

LYNCH, J. 2002. *Reporting the World, a practical checklist for the ethical reporting of conflicts in the 21st Century*. Conflict & Peace Forums.

MANOFF, R. K. 1998. Quoted in *The Peace Journalism Option*. Conflict and Peace Forums. Available at URL <<http://www.transcend.org/>>.

MONBIOT, G. 2002. «Why Blair is an appeaser». *Guardian*, 5 November.

NEW INTERNATIONALIST. Available at URL <<http://www.newint.org/features/gwi/101202.htm>>.

O»NEILL, O. 2002. *Testing and Trusting*. BBC Reith Lecture. Available at URL <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith2002/lecture5_text.shtml>.

PEDELTY, M. 1995. *War Stories*. New York: Routledge.

PRESTON, P. 2002. Cited in «Not such a super-power after all». *Guardian*, 9 December.

ROGERS, P. 2002. *Losing Control - Global Security in the 21st Century*. Pluto Press.

ROGERS, P. 2003. *The «War on Terror» — Winning or Losing?* Oxford Research Group.

SIEBERT, H. 1998. «Debunking the “Big O”». In *Track Two — Constructive approaches to community and political conflict*. Vol. 7, No 4. Cape Town: Centre for Conflict Resolution/Media Peace Centre.

THE ECONOMIST (US edition). 2002. 19 October.

Глава 3

СМИ и сектор безопасности: изменения в способствующей среде и правовые рамки

Монро Е. Прайс⁶²¹

Само собой разумеется, что СМИ играют ключевую роль в осуществлении общественного надзора и демократического контроля над сектором безопасности. Если необходимо, чтобы институты гражданского общества осуществляли надзор за функциями полиции, военных и служб безопасности, как это хорошо продемонстрировал DCAF, роль СМИ ясна. СМИ можно рассматривать как элемент гражданского общества или как инструмент институтов гражданского общества, включая неправительственные организации. Без эффективных СМИ деятельность многих институтов гражданского общества была бы проигнорирована или истолкована как неэффективная. Однако то, как работают СМИ (что приемлемо в соответствии с законодательными нормами), рамки ответственности государства и роль неправительственных организаций — всё это влияет на эффективность СМИ. За последние десятилетия можно было наблюдать разрастание дискуссии об открытости и прозрачности, текущее десятилетие характеризуется потребностью в защите и пересмотром подходов к управлению. После атак 11 сентября 2001 года в США настал период дискурса открытого подхода и дискурса нового подхода.

Все защищают национальную безопасность и собственность и в то же время поддерживают прозрачность и надзор, что делает правительственную деятельность более эффективной. Способ комбинации, которым представлены эти требования, — трансформация. Следующие тенденции обнаруживаются одновременно: а) небольшие изменения в речи, которые правительство использует как тест, будут они раскрыты или нет; б) предписанные изменения, которые приближают законодательный контекст к прозрачности или к разоблачению; в) реориентация и ремобилизация групп гражданского общества методами, которые способствуют пересмотру систем безопасности; г) возрастание саморегулирования, или кооперативной промышленно-государственной функции, в раскрытии информации в целях безопасности; д) сдвиг в системе информационных провайдеров, так что безопасность и надзор становятся частью системы; е) сдвиг в роли судов, снижающий их способность играть назначенную им роль хорошо функционирующими нормами права.

Есть другой фактор, достойный изучения: как изменения отражаются в разнообразных событиях. Часто развитие управления и политики опосредовано определенным государством, и в данной главе я хочу обратиться к таким изменениям. Однако, и на этом базируется моя гипотеза, регулирование свободы слова в каком-либо государстве нередко является слишком важным решением, чтобы предоставить его самому государству. Забота о демократии, обеспечение стабильности или нестабильности, различные стратегии, включающие смешение образов, распространение фактов или изображение событий, — это всё предметы вмешательства, или, если использовать популярный термин, информационного вмешательства.

Это настоящая борьба за умы и сердца. Вновь возникают дискуссии о блокировании радиопередач. Международное вещание снова возвращается к жизни, государства практикуют цензуру или избегают её принципиально, но отчасти по геополитическим причинам. Вопросы о публичном надзоре и демократическом контроле над сектором безопасности не свободны от этой тенденции.

Один важный момент говорит сам за себя. Частицы информации ускользают и легко остаются в прошлом, и голливудские глобальные представления о законности раскалывают систему безопасности. На данный момент границы представляются особенно пористыми, и

1 По вопросам ссылок и для получения других сведений, пожалуйста, свяжитесь напрямую с автором: price@yemail.yu.edu.

информацию трудно удерживать. Вследствие этого, поскольку информация разделена между союзниками, политика сокрытия информации одним участником группы будет влиять на политику других членов союза. Ограничения в рамках одного государства не будут эффективны, если та же информация может быть получена официальными лицами повсеместно. Это верно для любой информации: каждый информационный пакет сопровождается правилами доступа, а также перечнем обязанностей участвующих стран по установлению этих условий. Такая политика относится к антипиратской практике, касающейся музыки и фильмов. Несомненно, то же самое должно происходить с секретной информацией.

Проблема передачи информации усиливается возобновленным стремлением расширить обмен информацией о деятельности террористов. Никакого подобного обмена там, где заботятся о судьбе переданной информации, быть не может. Протоколы, конвенции и законы, конечно, развивают единообразие подходов в той среде, в которой секретные сведения должны быть переданы. Одним из возможных последствий этого стало то, что позиция США по отношению к базам данных уподобилась европейской.

Скважистость также порождает идею о глобальной односторонности американского разнообразия. Если регулирование служб безопасности во время конфликтов приводит к противоречивым последствиям использования информации, у властей появляется желание контролировать доступ к ней. Это особенно касается случая, когда информация о конфликте является главным аспектом конфликта, как при построении глобального консенсуса, так и при влиянии государства на сознание врага или в сотнях других случаев запутанного описания войны или сложности войны самой по себе.

Другим аспектом является большая толерантность со стороны любого государства по отношению к ограничительной практике других стран. В мире, где достижение стабильности происходит за счет демократических изменений, международное давление будет менее касаться государственной политики, которая ограничивает доступ к секретной информации. Толерантность к ограничительной практике должна рассматриваться как вид разносторонности, что применимо также к давлению с целью сокращения ограничений.

В конечном счете центральным пунктом этой проблемы является то, что страны, предпринимая активные военные действия (против внешнего, внутреннего врага или террориста), фундаментально отличаются от стран, которые воздерживаются от такой активности. Мы оставили позади эпоху, когда мир и стабильность были нормой (и государство должно действовать так, будто всё в порядке) для контекста, в котором в действительности наблюдалось противоположное. Регулирование информации приблизилось к военным условиям. Частицы страха заменяются на частицы кооперации. Национальная безопасность может применить различные подходы, разделяя прежние альянсы или способствуя возвращению к единообразию. Всё это влияет на правила, в рамках которых СМИ — средство для надзора.

Несколько лет назад профессор Петер Краг и я написали статью «Условия, способствующие свободе и независимости СМИ». Мы стремились идентифицировать компоненты комплексного процесса, который помогает СМИ в достижении демократических целей. Мы понимали, насколько всеобъемлющим может быть перечень, и следовали за теми, кто уже писал об этом. Мы отметили общий уровень грамотности, знаки или сигналы в обществе о том, что критические, обоснованные перспективы для формирования политического лидерства приветствуются, рассмотрели природу избирательной системы, этические традиции журналистов, стабильность и природу институтов, которые делают производство и предоставление информации возможным.

Многое из того, что мы написали в самом конце прошлого столетия, можно было бы определить как основные условия для благоприятной среды. Эти элементы, каждый из которых относителен, включают в себя баланс между частными и общественными СМИ, состязательность СМИ, правила доступа к зарубежным вещателям, владение СМИ религиозными, иностранными или политическими организациями. Есть такие аспекты, как,

например, роль правительства как активного участника СМИ, правительственное финансирование и государственные субсидии. Ещё шире — смешение СМИ, включая доступ к новым технологиям, роль и сила гражданского общества, понимание важности права. В самом широком смысле можно рассматривать общее состояние общества, уровень стабильности, оптимизм или страх.

Как юристы мы сфокусировались на необходимости установления законодательных институтов. Природа законодательной среды (законы, законодательные институты и законодательные деятели), в которой действуют новостные СМИ, оказывает большое влияние на степень свободы, с которой журналисты и новостные организации собирают новости и распространяют информацию и идеи. Есть вопросы, более относящиеся к проблеме надзора за сектором безопасности, которые возникают из норм закона: природа законодательных норм, ясность и доступность, административный процесс применения права (честность, беспристрастность и объективность) и природа юридического обзора.

Наш обзор и идентификация были основаны на своде правил и принципов, которые определяли и характеризовали (хотя далеко не полностью) законодательную практику СМИ в западных демократиях. Однако они были также основаны на ожиданиях и практиках, заявленных как значительные во множестве глобальных параметров, что особенно касается наиболее успешных постсоветских стран. Мы осознали, что формальная законодательная система не была описанием реальной практики и что адаптация соответствующих законов никогда не будет гарантией их полного и основательного применения на практике (даже в наиболее развитых демократиях). Во многих странах хорошо разработанные законы ослабевают, потому что условия для их применения оставляют желать лучшего. Концепция благоприятной среды подразумевает, что специфические законы существуют в контексте, в котором господствуют дух закона и осознание его влияния.

В нашем исследовании мы сфокусировались на элементах законодательной «благоприятной среды», каждый из которых касается вопроса демократического надзора за сектором безопасности, а именно правил и норм, поддерживающих активность независимых новостных СМИ, — законодательных актов, которые могут развивать такую активность или препятствовать ей. Четыре аспекта законодательного процесса, в котором действуют новостные СМИ, привлекли наше внимание: 1) законы о получении новостей; 2) регулирование содержания; 3) регуляторы, потенциально и косвенно влияющие на содержание; 4) защита журналистов в их профессиональной деятельности, включая защиту от физического нападения.

Каждый из этих пунктов — основные и характерные черты, четыре аспекта законодательной доктрины о сборе информации — важен в любом анализе обзора СМИ сектора безопасности. Можно проследить, шаг за шагом, как в отношении каждого из них глобальные реалии изменили национальную практику. Законотворчество, толкование законов и правительственная деятельность имеют место в риторической и практической сферах, восприятие которых за последние два года изменилось. Если говорить об обзоре СМИ сектора безопасности, актуальная среда для СМИ улучшилась, даже если это не касается того, что мы можем назвать условиями, способствующими деятельности независимой и свободной прессы. Как минимум в некоторых частях земного шара чувство опасности, неизбежности конфликта управляет контекстом национальной безопасности. Допустимое смешение доступа и контроля находится в постоянном изменении, если не в беспокойном переопределении. Если это так, то формирование глобального пространства для деятельности свободных и независимых СМИ также может меняться. Рассматривая внешние, риторически созданные условия, в которых функционирует способствующая среда, полезно взглянуть на географические регионы. Можно спросить, изменилась ли способствующая среда в странах-членах Совета Европы или Европейского союза.

Важно, однако, то, что способствующая среда — это система, которая включает в себя интеракцию прессы, других элементов гражданского общества, законодательную власть и

правительство. Радикальные изменения в отношении информации, одного из аспектов системы, повлекут за собой важные последствия для остальных. Если правительство перестает быть открытым или сокращает степень своей открытости, неправительственные организации и институты прессы видоизменяют его поведение в сторону эффективности.

Возможно, подобные размышления мотивировали предложения, высказанные 23 января 2003 года Фреймутом Дьювом, тогда представителем свободной прессы от ОБСЕ, Постоянному Совету ОБСЕ (OSCE) о том, что условия для выражения свободы слова должны стать объектом деятельности правительственных служб США. Он раскритиковал ФБР и другие службы за изучение библиотечных записей, газетных подписок и квитанций книжных магазинов в рамках Патриотического акта США, заявив, что эти аспекты надзора могут «запугать граждан в использовании их права свободы слова». С тех пор как США претендуют на образцовую способствующую среду, очень важен прогресс в этом отношении. Недавно принятый Патриотический акт США, связанный с надзором и соотношением сил, значится как «акт, объединяющий и укрепляющий Америку, предоставляя соответствующие средства, необходимые для препятствования и предотвращения терроризма». Как недавно было сообщено, появилась программа тотальной осведомленности, разработанная DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency — Агентство оборонных исследовательских проектов), которая позволяет американскому правительству просматривать электронную почту граждан и отслеживать их деятельность в Интернете, а также собирать сведения о передвижениях всех американцев. Программа тотальной осведомленности не касалась конкретно надзора над СМИ, но касалась той среды, в которой СМИ осуществляют свой надзор. Доклад о проекте указывает на следующее.

Сложно оценить угрозу, которую представляют собой террористы. В настоящее время террористы могут свободно передвигаться по всему миру, скрываться, когда необходимо, находить ненаказуемых спонсоров и поддержку, действовать в маленьких, независимых группах и время от времени наносить удары, используя оружие массового поражения и возможности СМИ влиять на правительства. Эта низкоинтенсивная (разреженная) форма ведения войны имеет черты информационной, хотя не настолько, чтобы это было отмечено нашими разведывательными и другими правительственными службами. Террористы всегда оставляют улики, которые обнаруживаются после их атак. Если мы сможем находить их быстрее и легче, наша антитеррористическая защита распространится на все службы и организации на национальном, региональном и локальном уровнях. Для борьбы с терроризмом нам необходимо создать новую разведывательную инфраструктуру, чтобы позволить службам обмениваться информацией и эффективно сотрудничать, и новые технологии должны быть направлены на обнаружение террористов и их деятельности и на поддержку системы. Это крайне сложная проблема, потому что террористы понимают, насколько они уязвимы, и стремятся скрыть свои планы и возможности. Ключом к борьбе с терроризмом является информация. Элементы решения включают в себя сбор большего объема сведений, создание моделей гипотез и анализ этих моделей в объединенной среде для определения наиболее вероятного сценария развития событий в будущем. DARPA спонсирует исследования в сфере таких технологий, но дополнительные исследования и развития требуют ускоренного, интегрированного, расширенного и автоматически распространяющегося подхода.

Программа тотальной осведомленности важна по нескольким причинам. Во-первых, она подчеркивает необходимость внимания со стороны СМИ к деятельности правительства. Администраторы программы настаивают, что она будет осуществляться ради признания человеческих прав и собственности. Что более важно, она предполагает сбалансирование контроля над информацией, приближенное к централизации, вместе с тем у кого-то не будет такого доступа к информации (граждане, пресса), а значит, уменьшаются возможности понимать событие и реагировать на него. Если правительство заявляет, что у него есть информация, которой у тебя нет, и, более того, не может или не желает раскрывать её, природа общественных дебатов будет изменена, если не выставлена в смешном виде.

Последние случаи требования доступа СМИ к слушаниям дел о депортации (исторический и логический тест газеты *Richmond Newspapers*; контрастные взгляды шестого и третьего туров на вопрос доступа к судебным заседаниям по делам *Detroit Free Press v. Ashcroft* (303 F.3d 681 (2002)) и *North Jersey Media Group v. Ashcroft* (308 F.3d 198 (2002)) повлекли за собой ряд официальных заявлений.

В случае *Detroit Free Press* правительство сделало два важных заявления: 1) пленарные полномочия правительства заменяют собой любую Первую поправку о праве доступа; 2) даже если Первая поправка распространяется на слушания о депортации, это не означает, что необходимо применять обычную строгую проверку. Напротив, правительство заявляет, что его пленарные полномочия решать вопросы иммигрантов обеспечивают их лучшую защиту. В любом случае, правительство утверждает, что его заседания должны быть поддержаны, если «проходят в рамках закона и добросовестно».

Суд отклонил такое заявление (частично основываясь на различных процедурных стандартах, частично на различных стандартах по вопросам исключения и депортации). Мысль о том, что пресса имеет одинаковые права с широкой общественностью, не нуждается в особом подтверждении.

В деле Нью-Джерси суд заявил: «На наш взгляд, традиция открытости судебных разбирательств о депортации не соответствует стандартам, которых требует *Richmond Newspapers* или даже Третий округ. Процедуры депортации кодифицированы уже около ста лет, но, несмотря на их постоянное возобновление, Конгресс никогда явно не гарантировал общественный доступ. Конечно, процессы о депортации, касающиеся иностранных детей, с которыми плохо обращались, являются строго закрытыми по закону, и слушания проходят в местах, недоступных общественности. Хотя нормы службы иммиграции и натурализации, провозглашенные в 1964 году, создали достойную уважения презумпцию открытости для большинства дел о депортации. Мы заключаем, что созданная в последнее время обязательная презумпция открытости, со значительными законодательными исключениями, не является проявлением «непрерывной, непротиворечивой истории», как заявляет об этом *Richmond Newspapers*, требуя права доступа согласно Первой поправке».

Можно также процитировать мнение судьи Поттера Стюарта из Хоухинса относительно доступа в тюрьмы: «То, что Первая поправка говорит отдельно о свободе слова и о свободе прессы, — это не случайность, а указание на важную роль, которую пресса играет в американском обществе. Конституция требует внимательного отношения к этой роли и к особым потребностям прессы для эффективной деятельности. Человек, посетивший тюрьму Санта-Рита, может постичь её реальность, видя и слыша все лично. Но если телевизионный репортер должен передавать звуки и образы тюрьмы для тех, кто сам её не посещал, он должен использовать камеры и звуковое оборудование. Короче говоря, применение ограничений доступа, которые разумно установлены для отдельных членов общества, может, если препятствует журналистскому освещению без удовлетворительного законного основания, быть неразумным, когда применяется к журналистам, передающим общественности то, что видят посетители».

В отношениях между прессой и правительством есть другие хитрости, с большим акцентом на добровольных договоренностях, часто более креативные. С тех пор как президент Путин занял пост президента, российская политика в отношении СМИ была переориентирована с учетом проблемы национальной безопасности. Происходящие события не изменили его взгляда на проблему. В 2002 году, вскоре после прихода Путина к власти, российское правительство издало важный документ, который начинался следующим образом: «Настоящий уровень развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, которая представляет собой комбинацию информации, информационной инфраструктуры, деятелей, которые собирают, распространяют и используют информацию, а также системы регулирования общественных отношений. Информационная сфера, будучи первичным элементом в жизни общества, оказывает сильное влияние на положение политических, экономических, оборонных и других

компонентов безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации зависит от существенного уровня обеспечения информационной безопасности, — зависимость, которая усилит технологический прогресс.

Информационная безопасность Российской Федерации — защита национальных интересов в информационной сфере, которая определяется балансом интересов индивида, общества и государства».

В 2003 году президент Путин наложил вето на разработанный Думой закон о СМИ, в частности, касающийся освещения журналистами террористических атак. Однако вето не противоречило идее контроля. Скорее, вопрос должного управления и законодательства в сфере контроля остался открытым. После захвата театра в Москве Парламент также обвинил прессу в некорректном освещении событий. Журналисты восхваляли Кремль почти неслышно, если вообще это делали. Поправки к законам о прессе и антитерроризме находились на рассмотрении около года. Госдума приняла поправки во втором чтении утром 23 октября, за несколько часов до того, как чеченские боевики захватили театр на Дубровке. Принятые Думой 1 ноября и Государственным Советом 13 ноября поправки запрещали СМИ передавать информацию о технике, применяемой при операциях, связанных с захватом заложников, материалы, которые пропагандируют или оценивают террористическую деятельность, или заявления, которые можно расценить как пропаганду или оценку экстремистских действий.

Поучительно рассмотреть особенности законодательства о СМИ в отдельных мусульманских странах с целью узнать, появляются ли со временем региональные модели изучения изменений в способствующей среде и касаются ли они надзора СМИ за сектором безопасности. Я рассматриваю их как подходы, практикующиеся отдельными государствами (например, законы Марокко или Йемена об освещении прессой деятельности военных сил). Однако мой аргумент таков, что необходимость в стилевом или региональном акценте появляется при совместном укреплении государств. Такие нормы становятся законодательными в рамках региональных мероприятий, например, Конференции исламистских министров информации, и, конечно, в рамках соглашений с главными внешними силами, такими как США.

Вопрос в том, являются ли способы надзора СМИ над сектором безопасности результатом толерантности или её недостатка. Здесь я привел бы следующий эпизод: в последнее время Кувейт использовал существующее право для приказа о закрытии «Аль Джазиры» после репортажа радиостанции о том, что часть территории Кувейта была предоставлена для маневров американо-кувейтских войск. Правительство считало, что репортаж повредил общественным интересам. Ст. 24 кувейтского Закона о печати и публикациях запрещает опубликование официальных государственных секретов, которые до этого не были опубликованы, пока не будет получено разрешение Департамента печати и публикации. Она также запрещает статьи, которые могут подвергнуть опасности отношения между Кувейтом и другими арабскими или дружественными государствами. Совет министров обладает правом, даже не прибегая к обвинению, изъять публикации или отменить разрешение на их опубликование на неясных основаниях, включая «политику, противоречащую национальным интересам». Такие административные действия не являются предметом судебного пересмотра.

В Алжире закон, что характерно, запрещает опубликование новостей, которые подрывают основы государственной безопасности или порочат государственных чиновников. Наиболее выдающийся Информационный кодекс определяет, что «тот, кто публикует или намеренно распространяет информацию, которая ошибочна или предвзята и подрывает основы государственной безопасности и национальной целостности, может быть наказан тюремным заключением на срок от 5 до 10 лет» (ст. 86), а внутриправительственные директивы, принятые в 1994 году, далее ограничивают освещение вопросов безопасности: независимая пресса может публиковать только ту

информацию, которая официально содержится в государственных бюллетенях государственной пресс-службы Алжира.

В феврале 2002 года Комитет по защите журналистов отреагировал письмом президенту Боутефлику на тот факт, что независимые алжирские журналисты были обвинены в очернении армии в соответствии с новыми ограничительными законами, вступившими в силу в июне 2001 года, и против них было возбуждено уголовное дело. Полиция допросила Салиму Тлемцани, журналистку ежедневной газеты, после публикации от 11 декабря 2001 года её расследования, в котором она раскрыла участие военного офицера в скандале, касающемся растраты предназначенного для жилищного сектора гранта Европейского союза.

В 1999 году Кабинет правительства Бангладеш одобрил проект Акта «Общественная безопасность (специальные меры)», предполагающий создание специальных трибуналов и суровые наказания, задержание и арест и так называемых террористов и врагов государства Бангладеш. По существующим законам, часть 2(f) Акта, «вредные действия», в том числе для суверенитета и безопасности Бангладеш, создают или вызывают чувство вражды и ненависти между различными общинами и препятствуют установлению закона и порядка. Акт не содержит никаких указаний на то, как правительство может определить факт совершения индивидом вредных действий. В результате арест на основании Акта основывается на голословных заявлениях.

Чрезвычайные меры — это ещё одна модель регулирования сферы безопасности. Часть IX А Конституции Бангладеш касается аномальных или чрезвычайных ситуаций. Если президент считает, что ситуация угрожает безопасности или экономической стабильности страны (например война, внешняя агрессия или внутренние волнения), он может объявить чрезвычайное положение. После этого действие прав, предоставленных ст. 36—40 и 42, приостанавливается, так что государство не ограничено в возможности принимать новые законы или исполнительные акты. Кроме объявления чрезвычайного положения ст. 39 (2) содержит другие ограничения, касающиеся безопасности государства. Она провозглашает права каждого гражданина на свободу слова и выражения и на свободу прессы, но ограничивает их в соответствии с требованиями обеспечения безопасности государства, дружеских отношений с другим странами, охраны общественного порядка, приличия и морали, уважения к суду, недопустимости клеветнических действий и подстрекательства. Уголовный кодекс, Акт о специальных полномочиях и Акт о неуважении к суду устанавливают наказания за нарушение вышеуказанных ограничений.

В Ливане в соответствии с Законом о прессе 1962 года, который остается в силе и сегодня, нельзя публиковать то, что ставит под угрозу национальную безопасность, национальную целостность или государственные границы, или то, что оскорбляет высокопоставленных ливанских чиновников или главу государства. Закон применялся редко до гражданской войны и во время войны безнаказанно не соблюдался органами милиции.

В Пакистане чрезвычайные меры и другие законы долго использовались для оправдания контроля над СМИ. В декабре 2001 года напряженные отношения между Индией и Пакистаном привели к ограничению коммуникации в обеих странах. Телекоммуникационное руководство (RTA), которое регулировало работу операторов кабельного телевидения, издало указ прекратить трансляцию индийских каналов, объяснив это «односторонней, отравляющей индийской пропагандой на государственных телеканалах, пятнающей имидж Пакистана». Согласно заявлению RTA, индийские телевизионные каналы злонамеренно пропагандировали материалы против служб безопасности Пакистана, нарушая, таким образом, условия лицензии, предоставленной кабельным операторам. RTA предупредило, что лицензии кабельных операторов будут аннулированы, если подтвердится факт нарушения порядка. Операторы пошли на уступки.

В марте Шахеен Сехбай, влиятельный редактор The News, ведущей англоязычной газеты Пакистана, ушел в отставку. Сехбай обвинил правительство в том, что оно препятствует выпуску репортажей на такие темы, как, например, связь между

разведывательными службами и местными боевыми группами, заявляя, что подобные репортажи причиняют вред национальным интересам. Он утверждал, что правительство оказывает давление на его менеджера, требуя увольнения Сехбая и трех журналистов. Менеджер отрицал обвинения, однако в служебной записке к Сехбаю пожаловался на ситуацию с недавней историей, «которая была воспринята как угрожающая нашим национальным интересам и вызвала суровую реакцию правительства».

Индийские репортеры или репортеры, которые имеют индийское происхождение, не получили журналистские визы, а двое из них были высланы из страны. Однако правительство, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности, удерживало прессу от посещения определенных частей страны, особенно расположенных вдоль афганской границы. Как минимум семь репортеров были арестованы за неуважение к указаниям правительства. Пакистанское правительство и некоторые государственные СМИ выразили свое недовольство по поводу того, как зарубежная пресса освещала ситуацию в стране.

В Сирии Декрет 50 о лицензировании, собственности и процессе публикации предписывает в ст. 9, что распространители и продавцы иностранных периодических изданий должны до начала распространения предоставлять копии в Министерство информации. Ст. 10 предоставляет Министерству информации право запретить распространение таких материалов, «если будет обнаружено, что они посягают на национальный суверенитет и безопасность или нарушают общественную мораль». Ст. 51a объявляет криминальными публикации ложной информации и сфабрикованных репортажей, заявляя, что наказанием за них может стать тюремное заключение сроком от 1 до 3 лет и штраф от 500 000 до 1 000 000 сирийских лир (от 9 456 до 18 913 долларов США). Далее статья указывает на то, что наказание будет максимальным, если «такие действия были совершены по причинам недоброжелательности, или вызвали общественные беспорядки, или повредили международным отношениям, оскорбили государственное достоинство, нацию, мораль армии и вооруженных сил, или нанесли урон национальной экономике и денежному обороту».

Ст. 55b гласит, что любой, кто опубликует «пропаганду» за счет «прямого и непрямого» финансирования со стороны иностранного государства, может получить наказание в виде тюремного заключения сроком от 6 месяцев до 1 года и в виде штрафов, «равных удвоенной сумме полученных средств». Ст. 55a гласит, что любой, кто в ходе контакта с иностранным государством получит средства от упомянутой страны или её представителя для пропагандистских публикаций, может получить наказание в виде тюремного заключения сроком от 6 месяцев до 2 лет и штрафа от 50 000 до 100 000 сирийских лир (от 950 до 1900 долларов США).

В Турции из существующих законов следует, что «любой, кто пишет или публикует новости или статьи, которые угрожают внешней и внутренней безопасности государства или целостности государства, его территории и народу, которые провоцируют преступления, бунт или мятеж или направлены на разглашение государственных секретов, и любой, кто публикует или вещает такие новости или статьи в вышеуказанных целях, должен нести ответственность по закону. Распространение может быть приостановлено как превентивная мера по решению судьи или, если задержка покажется пагубной, по решению компетентных властей на основании закона. Власти, приостановившие распространение, должны уведомить судью о своем решении в течение последующих 24 часов. Указ о приостановлении распространения теряет законную силу, если не будет поддержан компетентным судьей в течение 48 последующих часов...»

Из этих примеров ясно видны пределы регулирования деятельности СМИ для ограничения или устранения надзора за сектором безопасности. Сюда также входят условия, которые ограничивают критику государства или официальных лиц, включая клевету, условия, касающиеся раскрытия государственных тайн и предоставления права на объявление чрезвычайного положения, условия, которые называют преступлением угрозу национальной безопасности. К тому же стандартный метод контроля над электронными

СМИ — это модель регулирования надзора без необходимости в условиях, касающихся безопасности.

Я предположил, что способствующая среда — это система, части которой взаимосвязаны. Любое изменение любого аспекта способствующей среды оказывает давление на другие элементы. Несостоятельность нормы закона, слабость системы получения новостей или любое подобное изменение имеет значение для роли неправительственных организаций, понимания отдельных законов, для функционирования СМИ, для эффективности защиты. Марина Капарини дала важное определение проблемы: «Реформа сектора безопасности (SSR) касается создания институтов, ответственных за защиту общества, более внимательных к отдельным гражданам и группам и более отзывчивых на потребности сектора безопасности, при условии, что они становятся или остаются эффективными и действенными в обеспечении безопасности».

В таких странах, как США, то, что имеется в виду под аббревиатурой «СМИ», когда говорится о задаче СМИ надзора за сектором безопасности, быстро изменяется. Сектор безопасности трансформируется, и в результате, деятельность и способности СМИ также должны меняться. Возможно, что при определении изменений СМИ нужно учитывать эффективные модели надзора за сектором безопасности. Трансформированное гражданское общество должно стать инструментом для изменений в секторе безопасности. Это включает: а) бюрократические изменения со смещением акцента на неправительственные организации; б) совершенствование технологий; в) совершенствование способностей СМИ; г) более широкое использование веб-сайтов, создание новых способов использования новых СМИ. Будет дано новое определение тому, что такое СМИ, кто может ими манипулировать и для какой цели. Учащается использование СМИ за пределами государства для надзора за аспектами безопасности внутри государства. Во всех этих различных вариантах среда, способствующая эффективности СМИ, и сектор безопасности переплетены между собой.

Глава 4

Этика глобальной журналистики: этика во время террора

Стивен Дж. Уард

Принципы этики глобальной журналистики

Журналистика, в её лучшем проявлении, — это один из видов демократии. Журналисты предоставляют новости и анализ, способствуя коммуникации внутри общества и в некоторой степени предопределяя самоуправление. Общественность получает ежедневную порцию новостных образов, которые со временем помогают индивидам осознать своё место в обществе и, если взять шире, в глобальном сообществе. Новости демонстрируют нам несправедливость, суету, борьбу за власть, катастрофы, достижения и частные интересы. Граждане, просматривая главные новости в прессе, осознают их общие или конкурирующие ценности. Через журналистику общество обсуждает реформирование своих институтов и своё будущее. Решительная журналистика существенно важна для демократии.

Журналистика, в её худшем проявлении, — это вид демагогии и деспотизма. Это оружие пропаганды властвующих интересов, которое разрушает общественное самоуправление, манипулируя информационными каналами. Журналистика обесценивается, если она попадает в руки деморализованных владельцев и журналистов или если редакторские ресурсы растрачиваются на развлекательные истории. Журналистика теряет свою уверенность, когда речь заходит о власти имущих или когда урезание бюджета сдерживает журналистские расследования. Журналистика деградирует, когда бизнес в этой сфере подавляет её демократическую функцию, пытаясь получить прибыль из каждого дешевого трюка, через шовинизм, сенсуализм или нагнетание страха. Журналистика становится разновидностью антидемократии, когда новостные организации пользуются своей властью безответственно и журналисты продают свою общественную ответственность за деньги и популярность. Пять столетий спустя после того, как была выпущена первая периодическая газета, журналистика всё ещё сражается за своё качество — чтобы действовать в соответствии со своим демократическим долгом.

В современной атмосфере страха, терроризма и региональных конфликтов демократическая функция журналистики является крайне востребованной. Новостные СМИ несут большую ответственность, помогая гражданам контролировать вооруженные силы и определять политику безопасности. В теории СМИ должны вносить свой вклад в демократический надзор через разоблачение информации, анализ, многосторонние комментарии и тщательные расследования. В действительности новостные СМИ выполняют свою функцию надзора только при удовлетворительных условиях.

Самоуправление общества требует агрессивного давления на основные новостные организации, чтобы пробудить их готовность тратить свое время и ресурсы на проверку официальных позиций и поиск альтернативных взглядов. Журналист должен получить необходимое образование и навыки, чтобы делать полученную информацию о происходящем понятной остальным. Репортеры и издатели должны быть готовы действовать независимо от коммерческого и идеологического давления. Должны существовать механизмы, которые гарантируют доступ к правительственным документам, и механизмы, которые вынуждают бюрократию работать открыто и ответственно. К тому же общественность должна поддерживать критическую прессу не только в мирное время, но и во времена нестабильности. Часто этих условий недостаточно.

В Канаде мы стали свидетелями неприятных событий последних двух с половиной лет. Способность правительства ежедневно наблюдать за действиями своих граждан возросла, в то время как способность граждан следить за своим правительством понизилась. Под заголовком «Антитерроризм» канадское правительство представило законы, которые разрешали официальным лицам собирать досье на каждого гражданина и проверять электронную почту и другие средства коммуникации. И это может войти в норму. Эти инициативы усиливают уже укрепившееся отношение к службам безопасности в стране.

Уполномоченный по свободе информации в Канаде назвал это отношение «культурой секретности», в то время как тайный уполномоченный Канады обвинил новые правительственные инициативы в сфере безопасности в возможности «перманентного разрушения» основных гражданских прав и свобод. Такое предупреждение вызвало только поверхностный интерес парламента и новостных СМИ. Федеральная бюрократия так сильно защищает общественные документы, что Канадская ассоциация журналистов присудила ежегодную награду «Кодекс тишины» самому секретному правительственному департаменту Канады. В прошлом году награду получил федеральный Департамент юстиции за предоставление самому себе полномочий на основании нового антитеррористического законодательства аннулировать Акт о доступе к информации и скрывать информацию, касающуюся иностранных дел, национальной безопасности и обороны, которую он посчитает важной. Два года спустя победителем стало Министерство по защите окружающей среды в Онтарио за укрытие информации о водной трагедии в Уолкертоне (когда городская питьевая вода стала причиной смерти семи человек и отравления нескольких сотен).

Канадское законодательство об окружающей среде работает против журналистских расследований. Канадские репортеры не имеют американских «законов об охране конфиденциальности», которые защитили бы их от принуждения передавать свои видео- и аудиозаписи, фотографии и компьютеры в распоряжение прокуроров. Канадские репортеры не работают под прикрытием Первой поправки. Свободная пресса кратко упоминается в части 2(b) канадской конституции. Ей предшествует часть 1, которая гласит, что такие фундаментальные свободы могут быть ограничены в соответствующих обстоятельствах. В Канаде нет законодательства об информаторах, которое защитило бы официальных лиц, предоставляющих важную информацию общественности.

Канадское законодательство о журналистике жестче, чем в США. Более того, у общества есть причина для скептицизма по поводу того, что СМИ играют серьезную роль в демократическом самоуправлении. Скептики указывают на преобладание мягких, поверхностных или сенсационных новостей. За последнее десятилетие интенсивное коммерческое и технологическое давление побудило редакторов игнорировать или умалчивать о некоторых проблемах или рассматривать события как конфликт между враждебными лагерями. Процесс публичной политики показан как циничная игра властей, интересующая только элиту. В результате общественное доверие новостным СМИ стремительно падает, и журналистам становится всё сложнее утверждать, что новостные СМИ выполняют функцию «сторожевого пса». Подавляющее количество граждан не видит четкого различия между журналистом и работником СМИ или между журналистикой и СМИ в целом. После сокращений штатов, закрытий иностранных бюро и урезания бюджета сколько новостных организаций обладают необходимым количеством знаний, источников и ресурсов для комплексного освещения международных событий?

Тем не менее террористические атаки 11 сентября грубо пробудили журналистику ото сна. Серьезные и неизбежные последствия существования в объединенном мире стали очевидными. Граждане и журналисты оказались в сложной ситуации, нуждающиеся в безопасности и свободе. Последние опросы показывают, что канадцы разделяют мнение о неопределенности своего будущего. Канадцы чувствуют, что мир стал более опасным и, следовательно, они нуждаются в усиленных мерах безопасности. Опросы также показывают, что некоторые канадцы опасаются ограничений свободы слова. Они опасаются того, что полиция и службы безопасности станут злоупотреблять своими полномочиями. Также интересен опрос, который указывает на убежденность канадцев в том, что восприятие мира без границ — необходимое условие для новой реальности⁶³¹.

1 Данные этих опросов, проведенных с сентября 2001 года по январь 2003 года, см.: URL <<http://www.ipsos-reid.com/media>> [доступен с 10 февраля 2003 года].

Что делать с проблемой конфликтующих целью открытости СМИ и стремлениями правительства во время войны и угрозы — вопрос, который волнует многие страны. В США Патриотический акт и общая атмосфера страха серьезно повредили свободному потоку информации между госдепартаментами и новостными СМИ. Только когда американскому плану реконструкции Ирака стали угрожать атаки против американских солдат и другие формы насилия, общественное настроение изменилось не в пользу президента Буша и воодушевило новостные СМИ разработать более критический подход к его политике и к его администрации. В Лондоне Хаттонское следствие и смерть эксперта по оружию Дэвида Келли привели к напряжению между СМИ и правительством, так как речь шла о вовлечении Великобритании в войну с Ираком. Следствие поднимало вопрос, превысили ли некоторые репортеры и редакторы BBC журналистские стандарты, когда напали на правительство Блэра по поводу его «извращенного» досье о предполагаемом наличии в Ираке оружия массового уничтожения. Свирепость, с которой правительство Блэра ответило на эти выпады BBC, подняла серьезные вопросы о будущем смелых и свободных СМИ, которые почувствуют себя свободными в контактах с правительством в будущем, когда речь пойдет о терроризме и проблемах безопасности. Однако появился также вопрос, находятся ли даже такие уважаемые институты СМИ, как BBC, или такие репортеры, как Эндрю Гиллиган, под давлением настолько, чтобы понизить свои журналистские стандарты и «уклониться» от больших историй.

Ключевой аргумент данной главы состоит в том, что журналисты и новостные организации, выполняя свои демократические задачи, нуждаются в адаптации к новой этике в своей работе. Радикальные изменения в обществе и деятельности новостных СМИ нуждаются в обстоятельной переформулировке журналистской этики, её стандартов и целей. Я считаю, что журналисты, эксперты СМИ и другие должны работать в направлении этики глобальной журналистики (как я это называю) для создания глобальной среды СМИ. Журналистика должна преодолеть свое многовековое положение и стремиться к космополитизму. Если мы начнем принимать перспективы этики глобальной журналистики, общие принципы журналистской этики, такие как объективность и служение обществу, станут нечеткими. Я подозреваю, что произойдет массовая концептуальная революция. Принятие новой этики не создаст само по себе новых условий для новостных СМИ, но станет шагом в этом направлении.

Под этикой глобальной журналистики я понимаю подход, который определяет первичную ответственность новостных СМИ за глобальные перспективы. Существенными чертами данного подхода являются:

— глобальная деятельность. Журналисты должны воспринимать себя как деятелей в глобальной общественной сфере с новой возросшей ответственностью. Цель их коллективных действий — содержательная, разнообразная и толерантная глобальная информационная сфера, которая побуждает граждан соприкоснуться с актуальными проблемами и представляет собой противовес тиранам и манипуляторам информацией;

— служение мировому сообществу. Журналист изначально предан гражданам мира. Он не должен считать себя прикрепленным к определенной группе, специфическим причинам или даже народу отдельной страны. Служение обществу значит больше, чем служение местным читателям или аудитории. Журналисты этически ответственны за информационные потребности граждан мира;

— неограниченное понимание. Обязанность журналиста информировать предполагает глубокое понимание проблемы, с использованием различных источников и обозначением разнообразных критических перспектив. Целью является помощь гражданам достичь точного, глубокого понимания проблемы. Эта форма журналистики отвергает все попытки определить проблему в соответствии с узким этноцентризмом или патриотизмом. Глобальная журналистика помогает сократить власть пристрастной информации и упрощенных заявлений, распространяющих идеи ксенофобии и разжигающих конфликты;

— новые международные инициативы. Журналисты должны распространять глобальную этику, создавая новые международные организации, иницируя обучающие программы и учитывая новые интерактивные формы коммуникации для укрепления системы СМИ и пробуждения рациональной рассудительности в глобальной общественной сфере.

Почему журналисты должны принимать амбициозную, до сих пор точно не определенную глобальную этику? Потому что журналисты всё чаще работают в глобальной новостной среде, их репортажи через спутники или Интернет становятся доступными для людей по всему миру и влияют на действия правительств, военных, гуманитарных организаций и конфликтных этнических групп. Их репортажи помогают определить способ, при помощи которого граждане видят мир и своё место в нем. Сегодня журналисты работают для огромного виртуального сообщества, развивающегося вокруг всего земного шара. Влияние публикаций, вещания или электронных репортажей выходит за пределы отдельного государства. С этической точки зрения различие между локальным и нелокальным репортажем начинает стираться, когда новостные веб-сайты доступны в любом месте планеты.

По мере возрастания количества и качества информации приходит более серьезная ответственность. Журналистская этика меняется и распространяется всё шире. Журналисты должны осознавать потенциальное влияние всей работы на электронную диаспору читателей и пользователей Интернета. Если качественные глобальные СМИ могут информировать глобальное сообщество, безответственная и местническая журналистика может причинить огромный ущерб. Пока репортажи не стали четкими и разнообразными, читатели Северной Америки не могли понять причин военных событий на Среднем Востоке и засухи в Африке. Шовинистские репортажи могут обрисовать жителей другой страны как потенциальных агрессоров, кровожадных безумцев или людей, представляющих собой скрытую неопределенную угрозу. В период опасности новостные СМИ могут расширить взгляды, ограниченные сеющими страх чиновниками, которые желают вынудить массы взяться за оружие или поддержать нарушения гражданских прав меньшинств.

Не все новостные организации будут нести одинаковую ответственность за распространение журналистской этической точки зрения. Маленькая газета в провинциальной Британской Колумбии будет нести меньшую ответственность, чем центральные ведущие организации, такие как CNN, BBC, Канадская вещательная корпорация, основные новостные агентства, лидирующие газеты и широкодоступные веб-сайты. Более того, никто не может быть действительно уверен, что новостные организации будут полностью выходить за рамки перспектив той страны, в которой живут большинство их журналистов. Есть экономические, психологические и культурные силы, которые вынуждают новостные организации фокусироваться на специфической демографической или географической аудитории. Однако журналисты не могут избежать потенциального или глобального влияния на свою работу. Они не должны игнорировать свой вклад в менее толерантную и менее просвещенную глобальную общественную среду. Этика глобальной журналистики требует, чтобы такие организации сделали всё возможное для расширения перспектив своих репортажей и своей аудитории. В журналистике термин «глобализация» относится не только к развитию глобальных коммуникаций и глобальных корпораций. Термин также получает этическое значение, относящееся к профессиональным стандартам, которыми должны руководствоваться расширяющиеся новостные СМИ.

Применение этики глобальной журналистики

Теперь нужно определить, что означает этика глобальной журналистики для журналистики и демократического надзора сегодня. Мы можем прийти к некоторому пониманию, исследуя три темы: новые формы общественной коммуникации, плюрализм и патриотизм.

Новые формы общественной коммуникации

Говоря о будущем надзора за сектором безопасности, следует принять во внимание два весомых изменения в среде СМИ. Одно изменение заключается в том, что журналисты теперь делают репортажи о плюралистических обществах в плюралистическом мире. Другое изменение — это эволюция новых форм коммуникации и общественного диалога через так называемые «новые» СМИ — Интернет и другие коммуникационные технологии. Инициативы в поддержку демократического надзора, которые игнорируют эти новые формы коммуникации, потеряют важные возможности для обсуждения, мониторинга и самоуправления.

Существенная часть главных новостных СМИ рассматривают надзор в соответствии с традиционной моделью журналистской коммуникации. Согласно этой модели надзор происходит как результат получаемой обществом информации, анализа и аргументации, которые содержатся в главных газетах и телепрограммах. Вооруженные фактами представители общественности формируют свои собственные суждения, основываясь на то, как представляют события политики, институты или правительственные службы. Надзор — это продукт формирования рационального общественного мнения, которое, по крайней мере в демократиях, ограничивает правительство и вооруженные силы. Эта модель — современная формулировка либеральной теории прессы XIX века, которая стала предпосылкой идеи XX века об общественном самоуправлении через объективное освещение. С либеральной точки зрения журналист действует как наставник для общества, создавая и формируя общественные взгляды через переданные авторитетные мнения и политическое освещение событий. Журналист действует от имени общества как сторожевой пес, не допускающий злоупотребления правительственной властью. С распространением доктрины объективности в начале 1900-х годов появилась дополнительная идея о самоуправлении. Объективный журналист излагает общественности факты в беспристрастной манере. Граждане делают собственные заключения, основанные на этих фактах. Объективный журналист стремится быть независимым голосом в какофонии голосов публичной сферы. Такая модель надзора и сегодня лежит в основе многих репортажей новостных СМИ, несмотря на тот факт, что либеральная теория прессы была объектом грозной критики, которая базировалась на убеждении, что свободный рынок идей и формирование общественного мнения нерациональны, открыты и справедливы.

Развитие глобальных технологий послужило сигналом для появления новых форм общественных коммуникаций и новых средств надзора. Граждане с общими интересами получают дополнительные способы получать для себя информацию и обсуждать события. Граждане посещают интерактивные веб-сайты, веб-форумы и изучают альтернативные он-лайн-репортажи для представления разнообразия перспектив. Они используют Интернет, чтобы «пробуравить» основание и историю темы или используют гиперссылки для получения доступа к оригинальным документам, на которых основывались вчерашние новостные репортажи. Граждане могут получить гораздо больше материала, чем использует репортер, выявляя таким образом любой «спин» в статье. Более того, неформальная природа и интерактивность он-лайн-коммуникации создает сеть участников, которые ожидают возможности поучаствовать в дебатах в реальном времени со своими коллегами и экспертами со всего мира. Всё это говорит о снижающейся роли старых форм посредничества, которые практиковались журналистами-«сторожами» в новостных потоках. Появляются новые формы общественного дискурса, а вместе с ними и новые привычки и ожидания страждущей информации аудитории.

Общественный он-лайн-дискурс обладает отличительной и важной чертой: он обращен к людям как к участникам интерактивного процесса. Это не согласуется со старой моделью трансмиссии журналистики, в рамках которой журналист активен, а аудитория относительно пассивна. В соответствии со старой моделью журналист — тот, кто пишет властно. Журналист, а не аудитория собирает источники, проводит исследование и проверяет факты. Журналистика — не диалог. Это, скорее, трансмиссия результатов, структурированных согласно различным жанрам журналистики. Акцент делается на окончательном продукте, а

не на процессе. Коммуникация в модели трансмиссии «одна из многих» и не интерактивна. В коммуникации он-лайн журналист более инициатор обсуждения, чем посредник продегустированных фактов или устоявшихся мнений. Коммуникация он-лайн является мультимедийной и нелинейной. Репортаж в Интернете объединяет текст, аудио- и видео материалы, дополненные гиперссылками и чат-форумами, чтобы продвигать определенные перспективы и темы для публичных дебатов. Аудитория ожидает возможности быть вовлеченной в обсуждение, чтобы выполнять свои собственные исследования в Сети и отвечать журналисту электронными письмами.

Такая ситуация меняет то, как журналисты воспринимают себя, и то, как они относятся к публичным обсуждениям. Вместо того чтобы оставлять за собой последнее слово, многие он-лайн-журналисты признают, что их репортажи перспективны для комплексных тем. Комментарий — это ошибочный удар по защищаемой точке зрения. Читатели хотят использовать многообразие перспектив, чтобы подойти ближе к правде. Джон Павлик, медиа-эксперт Университета Колумбии, считает, что способность Интернета накладывать слои информации должна привести к «контекстуальной» журналистике для плюралистической общественной сферы (Pavlik 2001, p. 23). Джон Катц, американский автор собственной колонки, описал, как комментарии он-лайн отличаются от опубликованных редакторами в газетах. Уже через несколько минут после того, как статья появляется в Интернете, армия экспертов со всего мира использует электронную почту, чтобы предоставить Катцу контраргументы, оригинальные документы, графики и новые исследования. Катц часто пишет не одну статью на тему, но целую серию с усовершенствованными фактами и альтернативными перспективами. Он считает, что интерактивность может быть неприятным опытом: «Единственная вещь, с которой я могу это сравнить, — быть привязанным сзади к машине и так проехать по улицам» (Shapiro 1999, p. 39).

Такие способы коммуникации оказывают влияние на этику и демократический надзор. Во-первых, если неправительственные, международные организации и другие группы хотят усилить политический дискурс и надзор в будущем, они должны считаться с тем, как общественное обсуждение будет инициировано новыми СМИ. Коммуникацию он-лайн можно использовать, чтобы помочь членам общества информировать друг друга о действиях служб безопасности. В основном потоке новостных СМИ трансмиссия фактов, экспертных анализов и результатов расследований будет распространяться. Главные СМИ будут продолжать играть важную роль в надзоре, занимая центральное место в системе СМИ. Однако обсуждение в будущем будет происходить вне традиционных форм журналистики. Для содействия обсуждению и участию в нем журналисты должны спроектировать освещение событий таким образом, чтобы ангажировать граждан, как через газеты, так и через Интернет. Природа надзора СМИ меняется. Это больше не специализация «дозорной» или расследовательской журналистики, в рамках которой «раскапывается» информация, проверяются источники, факты соотносятся с контекстом и отсылаются читателям. Демократический надзор становится мультимедийным диалогом между журналистами, экспертами, внештатными сотрудниками, веб-сайт-провайдерами, видеожурналистами, группами по правам человека и обычными гражданами. Журналисты должны привлекать людей к другим сайтам и другим перспективам⁶⁴. Одним из преимуществ новых СМИ может стать незамедлительное распространение информации, которую правительство и военные предпочли бы скрыть.

В эпоху портативных камер, коммуникационных спутников и возможностей передавать видеоматериалы через Интернет многие люди готовы участвовать в обмене информацией о деятельности полиции, парламентариев, армии и службы безопасности на отдаленных территориях.

2 Такой журналист, как Шерна, — это медиа-аналог гималайцам, которые живут на границе Непала и Тибета и известны своими способностями к альпинизму.

Новые СМИ также представляют собой проблему для надзора и обмена точной информацией. С новыми формами коммуникации появились новые способы распространения лжи, слухов, ненависти и манипуляции образами. Надзор СМИ в будущем столкнется с поиском путей к доступу и распространению информации в глобальных масштабах, а также к поиску способов подтверждения достоверности информации. Также необходимо будет удостовериться в том, что участники интеракции не обращаются к местническим обсуждениям. Эффективный надзор будет нуждаться в формах СМИ и коммуникации, которые используют граждане по всему миру.

Обдумывание политических или социальных событий потеряет своё значение, если глобальная общественная сфера станет универсумом множества маленьких групп, вовлеченных в дискуссии, которые понятны только относительно небольшим группам энтузиастов и экспертов. Ещё одной сложностью может стать использование глобальной общественной сферы для распространения перспектив через провокационные и переломные изменения в информированных взглядах. Новые СМИ не будут способствовать общественному пониманию и надзору, если коммуникация он-лайн будет преобладать на веб-сайтах, которые только усиливают существующие убеждения и предубеждения. Демократический надзор не оправдывает себя, если коммуникация он-лайн будет использоваться для голословного и пустого, а не рационального обмена информацией. Как минимум некоторая часть общественной сферы должна владеть культурой критической, но толерантной коммуникации, в ходе которой журналисты и нежурналисты отдают свои заявления под глобальный общественный надзор. Достичь этой цели во время острых культурных конфликтов будет непросто.

Писать для плюралистического мира

Первоначальная причина для этики глобальной журналистики — политический и культурный плюрализм. Плюрализм представляет собой один из серьезных вызовов нашего времени. Мир — это не уютная деревушка Мак-Лухана, где СМИ действуют как электронный удлинитель нервной системы человечества, налаживая наше совместное существование (McLuhan 1965). Наш мир связан электронно как никогда ранее, но эти связи сосуществуют со столкновением культур, ценностей, традиций, религий, социальных структур и философий. Утверждение всеобщих прав и трансмиссия глобальной коммерческой культуры сосуществуют с проявлениями отдельных культур, религий, языков и этнических политик. Космополитское отношение выступает против общинных перспектив. Плюрализм преломляется через призму новостных СМИ, отражая образы агрессии, конфликтов и властных манипулирующих деятелей. Он остается, не считаясь с тем, готовы ли мы ментально и этически как биологический вид жить в плюралистическом мире. Начнем ли мы тотальную войну, будем ли продолжать разрушать окружающую среду и жить в мире жестокой несправедливости и угрозы терроризма? Будет ли стремление человечества разделять людей на «нас» и на «них» оставаться доминантным?

Одной из важных функций глобальной журналистики в будущем станет помощь группам, которые имеют радикально отличные взгляды на то, что такое «хорошо», для того чтобы достичь высокого уровня мирной совместной жизни. Философ Джон Ролс заявил, что плюралистическое общество лучше управляется при политическом либерализме, состоящем из общих принципов справедливости и честных политических процессов. Плюралистическое общество не может надеяться на достижение консенсуса в том, что такое «хорошо», среди различных религиозных, этнических и других групп. Однако оно может надеяться на достижение «совпадающих» консенсусов среди таких групп для разрешения споров (Rawles 1993). В некотором смысле этика глобальной журналистики — это экстраполяция такого взгляда на журналистику и на международную сферу. Глобальная журналистика относится к числу институтов, которые помогают группам достигать соглашений о способах жить вместе и разрешать противоречия, избегая войны и

терроризма. Для того чтобы действовать в качестве посредника, журналист должен стать своего рода антропологом, чувствительным к нюансам культурных различий, понимающим историю и идейное развитие, способным понять сбивающее с толку поведение людей за пределами определенной культуры. Журналист должен быть осторожен в том, как он очерчивает события. Особенные усилия нужно приложить к идентификации различных точек зрения и мнений экспертов со всех стран, вовлеченных в международную деятельность, и не полагаться главным образом на местные власти.

Модель общественной журналистики, разработанная в США в 1990-е годы, предлагает некоторые идеи подхода к глобальной журналистике, если мы думаем об общественной журналистике на интернациональном уровне. У общественной журналистики есть свои критики, но стоит высоко оценить идею о журналистах как об активных и изобретательных инициаторах общественных дискуссий. Общественная журналистика стремится преодолеть отчужденность граждан от политических процессов, используя все формы СМИ, чтобы обеспечить их участие в решении общественных проблем. Общественные журналисты разыскивают различные мнения в своих обществах, организуют городские встречи и избегают «конфликтной» модели репортажей, которые обрисовывают события как бескомпромиссную борьбу между двумя лагерями власти. Общественные журналисты отвергают имидж журналиста как обособленного циничного обозревателя, глядящего, как дезинтегрируется общество (Rosen 1996, pp. 59—71). Напротив, журналист — это катализатор общественных дискуссий. Я думаю, что такой образ журналиста является частью определения глобальной журналистики.

Для того чтобы писать для плюралистического мира, необходим измененный подход к образованию. Журналистское образование на Западе предлагает в первую очередь не технологическую подготовку, а либеральное образование. Нам необходимы журналисты с критическим мышлением, культурной осведомленностью, специализирующиеся на ключевых темах и имеющие понятие о науке и технологиях, национальных международных институтах. Журналистское образование должно отличаться от производственной подготовки и быть направлено на ученическую модель и восприятие журналиста как сознательного гражданина мира. В далеком будущем уровень образования будет оказывать влияние на журналистику и, следовательно, на надзор со стороны СМИ. Без такой основы журналисты станут жертвой демагогии и манипуляции со стороны источников, сохраняют предубеждения своего времени и своего окружения.

Неумеренный патриотизм

Сложной преградой для глобальной журналистики является узкий патриотизм и заядлое местничество. Во время любого кризиса, любой войны журналист вынужден быть патриотичным. История журналистики пестрит примерами того, как журналисты отказывались от претензий на объективность ради шовинизма, этноцентризма и даже ксенофобии, особенно когда их страны были в беде и лидеры призывали взяться за оружие. Патриотизм в таком контексте — не только любовь индивида к своей стране, это экстремальный эмоциональный феномен, который требует, чтобы все граждане стали на одну сторону и безоговорочно поддерживали правительственные действия. Социальное давление, которое такой патриотизм может оказывать на общество и на новостные СМИ, было ярко продемонстрировано после 11 сентября. Патриотизм привел к тому, что журналисты временно отказались от журналистских стандартов, чтобы поддержать «своих», минимизировать разногласия, определить «врага» и поднять боевой дух. Поддержка стремлений своей страны стала первичной целью, опережающей другие журналистские функции, такие как роль «сторожевого пса» или организация форума для выражения различных взглядов. Журналисты, попавшие под волну массовых эмоций, игнорируют или забывают тот факт, что правительство будет использовать страх и неуверенность для

наложения суровых ограничений на гражданские права, включая свободу прессы, и что озабоченное общество будет менее склонно к беспокойству по этому поводу.

Идея того, что особенное время нуждается в особенных мерах, таит в себе опасность. Первичный долг журналистики, даже во времена кризиса, — это не патриотизм слепого повиновения и даже не журналистика приглушенного, осторожного критицизма. Первичный долг журналиста — служить обществу, а не государству. Этот общественный долг призывает к бескомпромиссному освещению новостей, расследованиям, анализу и разнообразным инициативам относительно наиболее важных событий.

Нам нужна журналистика, которая без колебаний возьмет на себя ответственность подготовить общество к принятию важных решений. Журналисты работают для граждан своей страны и независимы в своей работе. Канадские журналисты, например, должны выяснить, будет ли их государство поддерживать США в войне против терроризма и каким образом. Журналисты должны помочь гражданам найти исторические корни своих бед и углубить их понимание особенностей своих регионов и культур. Новостные организации должны способствовать общественному обсуждению принятия сложных решений. Журналистам следует скептически относиться ко всем источникам, проверять факты, выявлять ложь, отвергать сплетни и отражать дискуссионные мнения. Они должны защищать свою независимость при контактах с политическими или военными лидерами. Все средства влияния, все формы убеждения могут быть использованы для создания образа той или иной войны. Более того, журналисты должны избегать соблазна создавать репортажи о действиях военных или служб безопасности как о борьбе светлых сил против сил «чистого зла».

Журналисты должны иметь дело с безусловной многогранностью мира, не стремиться к односложности. Они не безразличны к террористическим актам или к судьбе своей страны. Однако при том, что, как и остальные люди, они подвержены таким чувствам, крайне необходимо оставаться бдительными, чтобы избежать эмоциональной манипуляции. В угаре войны правда — первый раненый, а патриотизм только делает эту картину еще более драматичной.

Конкретные шаги

Журналисты, ученые, исследователи и другие группы могут заботиться о зарождающейся глобальной журналистике, предпринимая конкретные шаги. Они должны продумать формирование новых международных организаций для выработки глобальных перспектив журналистики. Некоторые международные группы уже существуют, например Репортеры без границ и Международный коммуникационный форум. Часто эти группы фокусируются только на отдельных событиях, таких как убийства или заключение в тюрьму журналистов. Другим группам недостает прочных связей с ведущими журналистскими организациями. Нам необходимы объединения ученых, институтов, журналистских организаций и союзов, школы журналистики, которые разрабатывали бы профессиональные стандарты глобальных перспектив. Эти коалиции могли бы предоставлять ресурсы и образовательные программы для журналистов, специализирующихся на специфических темах. Они могли бы спонсировать международные журналистские ассоциации, длительные целевые отпуска или обучение журналистов за границей. Они могли бы следить за работой СМИ, выступать против давления на прессу и разоблачать попытки манипуляции фактами.

Международные сообщества могли бы публиковать ежегодный отчет о положении глобальной журналистики и свободной прессы. Организации глобальной журналистики могли бы предоставлять моральную, финансовую и законодательную помощь журналистам и новостным организациям, борющимся за независимость. Такие организации могли бы поддерживать связь между журналистами и растущим количеством международных агентств, которые могут вмешиваться в журналистскую деятельность, как, например, Международный криминальный трибунал для бывшей Югославии в Гааге. Многие новостные организации, неправительственные организации и другие агентства могут

содействовать развитию свободных и ответственных СМИ в развивающихся послевоенных обществах⁶⁵³.

Журналисты и другие профессионалы СМИ могли бы начать разрабатывать журналистские принципы, которые бы выражали общие ценности и которые новостные СМИ по всему миру должны были бы принять — или как минимум начать обсуждать. Нам необходимы дискуссии о принципах этики глобальной журналистики. Примером международного заявления о принципах является Сараевское обязательство, принятое в сентябре 2003 года участниками Ассамблеи мировых СМИ в Сараево. Оно требует от участников независимого, честного и основанного на фактах информирования и противодействия «лицемерию, притеснениям и эксплуатации». Обязательство гласит: «Мы не должны прекращать борьбу, пока оружие не затихнет, справедливость не будет восстановлена и каждый человек не получит возможности удовлетворять все свои потребности». Этот документ идеалистичен, но оно направлено на принятие этических принципов СМИ, направленных на установление безопасного и более гуманного мира⁶⁶⁴. Декларации могли бы быть поддержаны на конференциях ООН по информационным правам и СМИ и по защите журналистов.

Ученым также следует действовать. Совместные междисциплинарные исследования специалистов по этике, коммуникации, по международным отношениям могли бы раскрыть экономическое, политическое и этическое влияние на глобальные СМИ⁶⁷⁵. Специалисты по этике могли бы внести свой вклад, показывая, что концепции текущих этических кодексов устарели и нуждаются в изменении, чтобы отражать сферу глобальных СМИ. Возможно, для начала лучше всего было бы организовать семинары, круглые столы и конференции, во время которых участники развивали бы идеи для этических руководств. Процесс будет включать в себя концептуальное переосмысление базовых журналистских принципов. Придется столкнуться с трудными вопросами, например, каким образом журналисты, независимые и объективные сегодня, будут действовать ещё и в качестве глобальных агентов. СМИ, взятые в глобальных пропорциях, до сих пор создают репортажи согласно стандартам и практике доглобальных СМИ XX столетия. Большинство дискуссий по этике касаются обязанностей отдельного журналиста, отдельной новостной организации или этики системы СМИ отдельной страны. Многие этические кодексы — это кодексы специфических организаций или особое средство подобно фотографии. Кодексы говорят о беспристрастности, но во время конфликтов патриотические импульсы раскрывают тот факт, что журналистская беспристрастность существует в широких рамках пристрастности.

Существует необходимость в большем количестве международных журналистских веб-форумов, которые стимулировали бы перспективные дискуссии. Моя должность редактора интерактивного форума на веб-сайте Института мировой прессы в Сан-Паулу (штат Миннесота) «Этика глобальной журналистики» — это всего лишь маленький шаг в этом направлении. Этические анализы репортажей СМИ размещаются на сайте, и журналисты и специалисты по этике со всего мира предлагают свои комментарии и критику. Я могу

3 Перспективы глобальной журналистики будут губительны для таких программ. Программы западной журналистики должны быть чувствительны к культурным различиям. Развитие журналистики не должно стать экспортом ценностей СМИ в другие страны или активизацией процесса, когда элитные журналисты «перекрикивают» местных. Развитие программ должно быть достаточно гибким, чтобы позволить местным журналистам интерпретировать и применять журналистские принципы так, как это отвечает ситуации и культурным ценностям.

4 Для получения дополнительной информацией см. веб-сайт Международного коммуникационного форума на URL <<http://www.icforum.org>> [доступен с 1 февраля 2003 года].

5 Примеры такого подхода см. в *Global Media Journal* на URL <<http://www.globalmediajournal.com>> [доступен с 5 февраля 2003 года].

предвидеть тот день, когда будет больше таких форумов, как этот, связывающих ведущие журналистские организации по всему миру⁶⁸⁶.

Заключение

На Западе в XVIII веке журналисты дневной прессы стали обращаться к гражданам в рамках новой общественной сферы. В XIX веке журналисты стали стандартными носителями господствующего либерализма как эссеисты, газетные журналисты, реформаторы и революционеры. В XX веке журналист стал работником в бизнесе новостей, информатором и конференсье для общественных масс. Позже система газет составила мультимедиа — глобальную империю СМИ. С каждой революцией журналистике этика прессы артикулирует новые отношения между читателем и журналистом. Этика «четвертой власти» появилась в конце 1700-х годов; либерализм породил идею максимальной свободы прессы, которая управляет общественным мнением. Массовые коммерческие СМИ стали предпосылкой для доктрины объективных новостей. Описывая новую среду СМИ в начале XXI века, я ожидаю ещё одного этапа эволюции журналистской этики.

Этот этап должен находиться между крайними точками наивного идеализма и отчаянного цинизма. Наивный идеализм недооценивает экономические и политические силы, которые могут ухудшить качество журналистики. Цинизм приходит от них в отчаяние. После Второй мировой войны Уотер Липпманн, влиятельный американский журналист, высказал сомнения по поводу либеральной теории прессы. Было ли общественное мнение сформировано рационально? Он отметил сомнительную и непрофессиональную деятельность прессы, с тревогой обратил внимание на растущее количество работников прессы, манипулирующих общественным сознанием. Липпманн (1925) назвал общественное мнение фантомом и поставил под сомнение способность отдельного человека понять комплекс политических событий. Он ставил под вопрос два основных положения либеральной теории прессы:

— пресса, свободная от правительственного контроля, станет серьезным информатором граждан, а не поверхностным передатчиком «содержания» для покупателей, и будет защищать прогрессивные веяния;

— общественная сфера — демократическая сфера, открытый рынок идей.

Он предостерег, что если свобода зависит от фактических новостей в СМИ и действительно информированных граждан, тогда свобода и демократия находятся в опасности. Сегодня предостережения Липпманна всё еще актуальны. Однако мы не должны отчаиваться и терять веру в людей. Напротив, необходимо попытаться создать более достоверные информативные новостные СМИ.

Как граждане мира мы должны сделать всё возможное, чтобы создать коммуникационную систему, которая будет обеспечивать достаточный уровень реального надзора за правительством. Как ученым нам необходимо изучить природу новых форм коммуникации и артикулировать ценности для разумного управления такими мощными технологиями. Как журналисты мы должны стремиться действовать в качестве заинтересованных общественных информаторов и интеллектуалов, не преследуя цели стать звездами или знаменитостями. Только при условии принятия этих новых ценностей и идеалов глобализация журналистики будет означать нечто большее, чем развитие спутников, широкополосной сети, разумных компьютеров и глобальных компаний СМИ. Только если журналисты пересмотрят свою этическую роль в таких условиях, они выживут как критические информаторы и более не будут «передатчиками содержания». Журналистика должна бороться за то, чтобы стать одним из видов демократии в глобальном контексте, одним из путей, ведущих к гуманности, толерантности, миру и межкультурному пониманию.

6 Форум этики глобальной журналистики см. на URL <<http://www.worldpressinstitute.org>> [доступен с 6 февраля 2003 года].

Литература

- GLOBAL JOURNALISM ETHICS FORUM. Available at URL <<http://www.worldpressinstitute.org>>. [Accessed 6 February 2003].
- GLOBAL MEDIA JOURNAL. Available at URL <<http://www.globalmediajournal.com>>. [Accessed 5 February 2003].
- IGNATIEFF, M. 1999. *The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience*. Toronto: Penguin.
- INTERNATIONAL COMMUNICATIONS FORUM. Available at URL <<http://www.icforum.org>>. [Accessed 1 February 2003].
- LIPPMANN, W. 1920. *Liberty and the News*. New York: Harcourt, Brace and Howe
- LIPPMANN, W. 1925. *The Phantom Public*. New York: Harcourt, Brace and Howe.
- LIPPMANN, W. 1957. *Public Opinion*. New York: MacMillan Company.
- MCLUHAN, M. 1965. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill.
- PAVLIK, J. 2001. *Journalism and the New Media*. New York: Columbia University Press.
- ROSEN, J. 1996. *Getting the Connections Straight: Public Journalism and the Troubles in the Press*. New York: Twentieth Century Fund Press.
- RADWANSKI, G. 2003. Privacy Commissioner of Canada. Interview on «The House», CBC Radio One, 1 February 2003.
- RAWLS, J. 1993. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press.
- SHAPIRO, A. L. 1999. *The Control Revolution*. New York: Century Foundation.

ЧАСТЬ III

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ВО ВРЕМЯ КОНФЛИКТОВ И В ПОСТКОНФЛИКТНЫХ
УСЛОВИЯХ**

Глава 1

Роль СМИ в военное время и в процессе миротворчества

Росс Ховард

Введение

Новостные СМИ — необычный инструмент. Они могут стать орудием войны или способствовать установлению мира. В рамках тоталитарных интересов они становятся опасным механизмом, который распространяет нетерпимость и дезинформацию, манипулируя общественными настроениями. Использование подконтрольного государству телерадиовещательного канала Libre de Mille Collines для разжигания геноцида в Руанде в 1994 году — один из ужасающих примеров современности. Этническая ненависть, пропагандируемая Сербским государством по своему вещательному каналу в Боснии — другой аналогичный пример.

Новостные СМИ способны нанести значительный урон также в том случае, когда никто не может повлиять на них. Предполагается, что в идеальных условиях новостные СМИ должны руководствоваться разумом и действовать в соответствии с профессиональным кодексом поведения. Однако низкая профессиональная культура и коммерческие инстинкты могут привести СМИ к практике, которой не чуждо насилие и влияние на мнения способами, способными нарушить общественный порядок. Совсем недавно энтузиазм американского телевидения, связанный с возможностью беспрецедентного доступа и неограниченными возможностями в запечатлении репортерами ярких образов конфликта, взял верх над профессиональным скептицизмом относительно угрозы применения оружия массового уничтожения и целесообразности вторжения в Ирак. В сложных условиях необъективность СМИ, неточность и стремление к сенсациям могут породить ксенофобию и силовые конфликты⁶⁹¹.

Тем не менее есть и другая сторона медали: масс-медиа могут стать инструментом разрешения конфликта. Когда их деятельность отвечает профессиональным требованиям, таким как точность, беспристрастность и независимость, СМИ могут оказать позитивное влияние на процесс миротворчества. Они способны помочь гражданам принимать обоснованные решения в их же интересах, которые, если внимательно присмотреться, никак не подразумевают насильственных действий. Такая потенциальная роль СМИ редко рассматривалась во время изучения демократизации. В то время как роль СМИ в конфликтных ситуациях исследуется учеными и известными аналитиками, только незначительное количество исследователей задерживали свое внимание на роли СМИ в процессе миротворчества (Wolfsfeld 2001).

На роль СМИ в этом процессе обратили внимание международные и различные неправительственные организации, которые были вовлечены в миротворческие действия в последнее время (Howard 2002). За последние десять лет приблизительно 1 000 000 000 долларов США было инвестировано для вмешательства масс-медиа в происходящее на конфликтных территориях. Зародилась уверенность в том, что СМИ иногда являются наиболее эффективным средством решения конфликта и предотвращения новой войны. Недостаточное количество исследований вмешательства СМИ препятствует демократизации, как прокомментировали недавно аналитик Д. Рельик (2000) в *Berghof Handbook for Conflict for Conflict Transformation* и К. Шпурк (2002), пишущий для SwissPeace.

Есть несколько аспектов, которые надо учитывать в создании необходимой основы для участия СМИ в миротворчестве. Во-первых, неприемлемо использование в тоталитарных режимах масс-медиа как инструмента репрессии или подстрекательства к конфликту, что может привести к тупиковым ситуациям. Такое с трудом можно назвать СМИ, и вообще не следует это так называть. Во-вторых, противоречиво, но реально, что в отдельных наиболее нестабильных демократиях, когда масс-медиа получают полную свободу, самым сильным импульсом новостных СМИ становится выполнение деструктивной роли. Стремление к сенсационности и пристрастность могут

1 Один из последних примеров — насилие над тайцами, которое имело место в Камбодже 29—30 января 2003 года. Искажение СМИ Камбоджи высказываний тайской актрисы о наследии Камбоджи в Анкор Уот вызвало широкие антитайские массовые беспорядки в Пномпене и разрушило взаимоотношения Камбоджи и Таиланда.

принести свои плоды, но лишь в процессе миротворчества. Это необходимо исследовать более детально. В последнее время имеют место дискуссии в рамках журналистской профессии о роли независимых СМИ. В-третьих, нужно еще многое сделать, хотя некоторые действия уже предпринимаются и находятся на промежуточной стадии в странах, идущих от тоталитарных режимов к демократии. Свержение диктатора и качественное изменение некоторых негативных признаков, присущих капиталистическим СМИ, могут оказаться более сложными проблемами, чем работа масс-медиа в демократической среде. На этом следует задержать внимание каждому, кто изучает миротворчество или активно занят в этой сфере деятельности.

Определения

Необходимо немного сузить понятие «СМИ» в целях данного обсуждения. Так, к СМИ относятся несколько каналов, которые как общественная служба организовано используются для подачи информации группам людей. Журналы и газеты, радио и телевидение, Интернет — вот главные каналы. Процесс сбора и распространения информации называется журналистикой. Журналистика включает репортажи, комментарии, мнения и анализ. Процесс характеризуется как минимум тремя центральными принципами: достоверностью, беспристрастностью и ответственностью перед общественными интересами, что иногда называется надежной журналистикой. Если говорить более кратко, наградой надежной журналистике, естественно в идеальных условиях разнообразия независимых медиа-выпусков, станет тот факт, что хорошо информированные граждане будут принимать взвешенные решения. Взвешенное принятие решений включает в себя право свободно выражать свое мнение и дискутировать, что отражает ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, а также право свободного волеизъявления, что является важнейшей составляющей демократии.

Влияние СМИ на конфликт

Обычное влияние СМИ на проведение войны хорошо известно. Один из примеров: в качестве свидетеля масс-медиа могут стать инструментом сдерживания. Неожиданное появление камер и журналистов на месте происшествия, которое предотвратило или, по меньшей мере, воспрепятствовало массовым убийствам во время Балканского конфликта, было освещено не раз. Присутствие международных СМИ было наиболее эффективным, учитывая тот факт, что, несмотря на нарушения норм человеческого поведения, воюющим сторонам пришлось считаться с международными стандартами, и таким образом удалось избежать негативных последствий.

На высшем уровне существует (или существовал) короткий период так называемого «эффекта CNN», относящийся к роли СМИ в определении государственной или международной политики. Окончание холодной войны создало вакуум в выработке политической линии, который был заполнен специфическим кризисным освещением СМИ. Круглосуточно показываемые кадры того, как тело американского солдата протаскивали по улицам Могадишо в 1993 году, стали побуждающим мотивом к прекращению участия США в миротворческих действиях в Сомали. Однако важность значения СМИ может быть преувеличена, и поэтому нужно обращаться только к тем ситуациям, когда влияние лидеров ослаблено, а их политика туманна (Strobel 1997). В результате правительства во всем мире выработали более эффективные механизмы использования СМИ для поддержки своего курса (Chrisholm 2000).

С другой стороны, традиционное влияние СМИ на разжигание и поддержание конфликта со временем становится более понятным. Оно варьируется от выражения патриотического этнокультурного предубеждения до пропаганды, прикрывающей насилие, как это случилось в Руанде или недавно в бывшей Югославии.

Такие действия, известные как «ненавидящие СМИ», мало связаны с настоящей журналистикой. В них нет ничего достоверного, непредвзятого и ответственного, и реакция на них также не имела ничего общего с журналистикой, как, например, уничтожение НАТО передатчиков, которые использовали боснийско-сербские националисты в Боснии и Герцеговине в 1995 году, или бомбардировка Сербской телерадиовещательной станции (RTS) во время конфликта в Косово в 1999 году. Менее обсуждаемо, так как не требует применения силы, создание электронных помех при трансляции. Такие случаи вмешательства вызывают вопрос о том, идет ли речь о злоупотреблении свободой высказывания, каким бы ни было его содержание. Однако вопрос может быть разрешен путем предъявления иска так

называемым журналистам за их сотрудничество с «ненавидящим радио» в Руанде. Международный криминальный трибунал заключил, что такое радиовещание вышло за все допустимые рамки, будь то журналистика или свобода слова. Трибунал определил это как публичное подстрекательство к ненависти и геноциду, что является преступлением против человечества. К тому же трибунал вынес несколько отдельных обвинительных приговоров за участие отдельных лиц.

Текущие условия

Как отметили Тертис и Мелоне (2002), современный ландшафт после холодной войны — это изменчивая среда, пригодная для такого рода конфликтов, в рамках которых СМИ будут наиболее влиятельны. Межэтнические столкновения стали постоянной характеристикой силовых конфликтов, которые происходят во всем мире, когда группы населения рассматривают обращение к национальной принадлежности как решение дилеммы идентификации и безопасности. СМИ в таких конфликтных обществах часто порождают основания для конфликтов, как, например, употребление оппозиционных метафор «мы» против «них» в освещении внутренней или внешней политики. СМИ часто становятся ораторами от этнических правящих кругов. Намеренное искажение новостей в частных интересах обостряет напряжение между национальными группами и становится главным инициатором силовых конфликтов. Например, конфликт в Шри-Ланке в течение 21 года и нестабильность политической ситуации в этой стране частично являются следствием стремления к сенсационности, предвзятости и этнической разобщенности СМИ⁷⁰².

Второй фактор, характеризующий СМИ в современных конфликтах, — это фактическая вездесущность масс-медиа, которая была достигнута за два последних десятилетия. Благодаря технологиям СМИ, в частности виртуальному сектору, стало возможно достичь самых отдаленных уголков любой страны. Дешевое радиовещание и незначительные расходы на радиоприемники способствовали преодолению барьера для распространения новостей, информирования и пропаганды. Телевидение в меньшей степени, но с большим влиянием увеличило доступ к информации. Даже печатные материалы увеличили свой тираж благодаря современным технологиям производства и распространения, подняли уровень грамотности. И снова вспоминается Шри-Ланка. Учитывая особенно высокий уровень грамотности в стране, следует отметить, что позиция её граждан заметно изменилась под влиянием изобилия газет, апеллирующих к этнической идентификации.

В современном мире уязвимых обществ и всепроникающего влияния СМИ масс-медиа становятся осевым фактором влияния на миротворчество или конфликтную ситуацию. В идеале СМИ с их профессиональными нормами достоверности, объективности и публичной ответственности должны быть основными участниками процесса миротворчества. Однако события двух последних десятилетий вынуждают в этом усомниться, так как даже в идеальных условиях СМИ часто тяготеют к деструктивной роли. По мнению Уолфсфелда (2001), СМИ, освещая конфликт, воздействуют на чувства за счет упрощения информации, что закрепляет существующие стереотипы. СМИ также стремятся отразить решения элиты и своего собственного окружения, изолированного или ограниченного. Они часто руководствуются коммерческими императивами, которые усиливают тяготение к деструктивной роли.

Идеальная ситуация, по Уолфсфелду, — это демократическое государство с оппозиционными партиями, гражданским обществом и финансово здоровыми и независимыми СМИ. На его взгляд, даже в наилучших вариантах окружающей обстановки СМИ часто усиливают напряжение. Они скорее разжигают, чем гасят конфликты. Как определил Р. Манофф из Центра войны, мира и новостных масс-медиа, журналистика — служанка конфликта (Manoff 1999).

Почему свободные СМИ порождают конфликты

Во-первых, существует внутреннее противоречие между ценностями новостных СМИ и миротворчества. Новости повествуют о конфликте. Профессиональный журналист использует

2 Многие национальные обозреватели заявляют, что СМИ — это часть проблемы, а не решение ее для Шри-Ланки, как заключено в оценочной миссии Поддержки международных СМИ по журналистским тренингам в июне 2002 года.

драматические и упрощенные стереотипные образы. Сиюминутность новостей не способствует миротворчеству, так как это почти всегда время, потраченное на процесс рассмотрения именно события, а не его сути.

Спрос на драматичность приводит СМИ, а особенно телевидение, к поиску наиболее ярких и захватывающих происшествий, даже если они не относятся к делу. В то же время это вдохновляет потенциальных участников конфликта на борьбу за выражение своих мнений теми же способами, о которых рассказали СМИ.

Стремление к упрощению сокращает новостной контекст. Короткие примитивные истории, которые характеризуют отдельные персоналии относительно недавних событий, используют продуманные, идеологически обоснованные толкования. Аудитории предлагаются искусственные и часто второстепенные объяснения, чтобы удовлетворить ее любопытство, но притупить понимание.

Как указывает Уолфсфелд, все новостные СМИ обладают определенным количеством предубеждений, которые отражаются в их речи, вере, ценностях и предрассудках. Большинство крупных масс-медиа предлагают аудитории образы и впечатления, сосредоточенные вокруг них самих. Стереотипы касающихся самих себя и других, являются частью процесса упрощения.

Вдобавок к внутренним противоречиям между новостями и природой миротворчества Уолфсфелд выделяет влияние политической среды на поведение журналистов даже в развитых демократиях. Для своей собственной профессиональной уверенности в поддержке со стороны известных деятелей и для культурного комфорта новостные масс-медиа главным образом отражают решения элиты по актуальному вопросу. Л. Беннетт в своем анализе внешней политики США в войне в Персидском заливе отметил, что американские СМИ изменили свое отношение к войне после того, как война была объявлена и пробудила патриотические чувства, потому что Сенат сделал то же самое и таким образом устранил несогласие с официальным курсом (Bennet and Paletz 1994). Схожий феномен имел место во время вторжения в Ирак под руководством США в 2003 году. Было удивительно мало репортажей о расхождении взглядов в Америке, как отметил Беннетт в январе 2003 года, «это метод, которого СМИ придерживаются в данных вопросах». Республиканский президент поддержал войну и поднял уровень своей популярности. Демократическая партия была исключительно слаба и нуждалась в известных ораторах, которые выразили бы ее отношение к сути дела. Несмотря на недостаток официальных заявлений в Вашингтоне, американские СМИ не искали новых голосов, выступающих против военной политики. За две недели января появилось около 100 новых историй об антивоенных протестах и 800 историй о развертывании американских войск.

Кроме влияния политической ситуации на культуру СМИ во время освещения конфликта растет коммерциализация СМИ. Владельцы СМИ, а особенно масс-медийных конгломератов, невосприимчивы к социальной роли СМИ и стремятся увеличить объем аудитории, рекламодателей и доходов. Этого легче всего достичь путем производства более развлекательных, или играющих на чувствах, новостей. Новостные масс-медиа не могут «позволить себе» быть ответственным форумом для серьезных дебатов. Конфликт продается лучше. Все чаще новости воспринимаются собственниками СМИ и зрителями как развлекательная программа.

Спиральная конъюнктура среди СМИ в западных демократиях очень важна за их пределами. Освещение западными СМИ конфликта в восстановленных или недавно освобожденных государствах влияет на двустороннюю или многостороннюю ответственность западных правительств за ситуацию в этих новых странах. Воздействие CNN на проводимую политику можно ослабить, но нельзя забывать о созданном CNN мировосприятии зрителей. Анализируя происходящее, М. Игнатъев (1997) заметил, что телевизионные новости не способны углубиться в проблему, так как в определенных случаях насилие лучше оплачивается. Огромную опасность представляет собой образ телевидения как удивительно пустой оболочки, потворствующей аудитории в ее нежелании постигнуть суть вещей.

Даже в идеальных условиях, включающих демократию и саморазвивающуюся экономику, например, таких, которые сложились в Западной Европе и особенно в Америке, исследователи обнаруживают тяготение масс-медиа к роли, которая усугубляет конфликт. Во многих других странах ситуация с политическим окружением и СМИ гораздо хуже. Там, где правительства или властные интересы практикуют полный контроль над СМИ, новости являются просто дополнительной формой пропаганды,

создаваемой для укрепления общественных предрассудков на основе предвзятых и манипуляционных репортажей.

Объективность против содержательности

Спираль, ведущая к усилению силовых мотивов в культуре демократичных СМИ, порождает новые дебаты среди журналистов и в некоторых академических кругах о СМИ и конфликте и о практике профессиональных СМИ. Дебаты среди западных корреспондентов участились во время освещения ими в последнее десятилетие конфликта на Балканах. Во время этого конфликта корреспондент М. Белл и некоторые другие подверглись серьезному допросу. Белл пострадал на начальных стадиях этнических чисток в 1994—1995 годах. На его взгляд, Запад инертен, потому что СМИ освещают массовые убийства с объективностью репортажа о футбольном матче. Чудовищность трагедии никогда не будет осознана западными европейцами из-за профессиональной незаинтересованности журналистов в последствиях. Белл призвал к более гуманной журналистке, которая будет способствовать серьезному отношению западной аудитории к разрешению конфликтов.

Аргументы Белла затронули некоторых исследователей, в частности занимающихся предотвращением конфликтов. Воодушевленные успешным опытом предыдущего десятилетия, полученными в процессе участия журналистов в стратегиях немедленной помощи или стратегии долгосрочного развития, они предположили, что СМИ могут играть решающую роль в устранении конфликтов (Botes 1994). Многие журналисты⁷¹³ и некоторые исследователи (Spurk 2002) отвергли скромный призыв Белла к изменению интонаций и к большему сопереживанию человечеству в противовес классической журналистской объективной нейтральности. Другие, однако, пошли намного дальше. Д. Линч, наверное, наиболее последовательный сторонник Белла, представляет новую «этику ответственности» за репортажи, отвергающую концепцию разрешения конфликта для поиска альтернативных новостей и результатов. Линч выступает за подход «мирной журналистики», который намеренно продуцирует мирные настроения в противовес военным. Д. Боутс описывает новостные компании Южной Африки, которые сознательно стремились к посредничеству (Botes 2000). Мелоне и Терчис прямо заявляют, что СМИ должны создавать сбалансированные репортажи, но «не должны быть нейтральны по отношению к миротворчеству» (2002).

Такие дебаты о журналистской объективности в ущерб содержательности и ответственности закономерны. Большинство серьезных протестов в дебатах исходит от американских журналистов и владельцев СМИ. Было, например, заявлено, что нет лучшего источника новостей, чем мирная журналистика в освещении американской внешней политики. И теперь больше десятка американских журналистов и редакторов заняты домашней версией, называемой «гражданская журналистика», которая разделяет понятия «журналистика» и «профессиональное наблюдение». Гражданская журналистика, которая вовлекает СМИ в поиск решений в неблагополучных обществах, сегодня широко распространена в США.

Дебаты углубляют понимание журналистами своей профессии, тем самым пробуждая новый интерес к роли СМИ в конфликтных обществах, идущих по пути демократизации. Так происходит наиболее позитивное развитие, касающееся журналистики и конфликта.

Журналистика в роли посредника

Как отметил Маннофф (1998), профессиональная журналистика в своих обычных стремлениях содержит внутренний потенциал содействия в разрешении конфликта. Схожесть функций, позиций и даже отношений среди журналистов и посредников, которые помогают конфликтующим сторонам сгладить противоречия, имеет большое значение, но редко распознается журналистами (Botes 2000). Новостные масс-медиа могут неосознанно получать ту существенную составляющую для разрешения конфликта, чем является коммуникация, просто делая свою работу согласно принятым стандартам. СМИ развивают и корректируют недопонимание в сторону решения вопросов, определяют основные интересы и

3 См. заседания конференции «Журналисты о конфликтах: нормы поведения», проходившей при поддержке Комиссии Карнеги по предотвращению конфликтов, 1999, на URL <<http://www.wilsoncentre.org/subsites/ccpdc/carnegie/index.htm>>.

социализируют дискутирующие стороны. Они также обеспечивают выход эмоциям, помогая найти консенсус, установить доверие и т. д. По мнению Баумана и Зиберта, «намеренно или нет журналисты выступают посредниками в конфликтах» (2001).

Как профессионалы журналисты находятся в постоянном поиске конфликтов для новостей, и они обладают способностями, от элементарных до высокоразвитых, передавать информацию в условных терминах. Тем не менее во всем мире обучение журналистике и профессиональное развитие практически не касаются такой дисциплины, как анализ конфликта. Только малая часть результатов, полученных в академических и профессиональных исследованиях в течение пяти десятилетий, включены в курс журналистики и, конечно, не в составе основных предметов. А жаль, поскольку такие познания могут лучше проинформировать журналистов об их работе, особенно об их профессиональных действиях по анализу конфликтов, их источников и альтернатив, а также по созданию репортажей об успешных разрешениях конфликтов. Как заявил американский журналист Д. Росен (1999) в обращении к своим коллегам во время рассмотрения Комиссией Карнеги проблемы освещения конфликтов в новостях, «мы делаем ошибку, признавая, что ради разрешения конфликта следует отказаться от обязательств правдивости и профессиональной объективности. Дело обстоит совсем иначе: подверженность конфликта изменениям — это пропуск журналиста к более глубокому пониманию того, что означает искать правду в журналистике».

Журналистика и миротворчество

Признание таких возможностей, свойственных надежной, заслуживающей доверия журналистике, — это в развивающихся демократиях, скорее, стремление к увеличению программ ее профессионального развития (Howard 2003). Эти области предоставляют хорошие возможности. С одной стороны, неограниченные и активно соревнующиеся СМИ во многих западных демократиях не признают или отрицают свою озабоченность коммерческими проблемами. С другой стороны, во многих авторитарных странах у СМИ фактически отсутствует свобода действий и даже не проводятся дебаты по этому поводу. Между тем есть несколько десятков стран, находящихся на различных стадиях демократизации, где роль СМИ может стать решающей. Внимание международных спонсоров и надежных СМИ сосредоточилось на них. Если уровень развития независимой и надежной журналистики определенное время являлся показателем демократии, то на сегодняшний момент она является полноправным участником процесса демократизации.

За последнее десятилетие СМИ и миротворчество были интегрированы в политику международной помощи и политику интервенции таких крупных финансирующих организаций, как члены ЕС, США, ЮНЕСКО, Всемирный банк и ряд международных фондов. Оценка этих и других влиятельных спонсоров в середине 2002 года показала, что более 115 000 000 евро было выделено в этом году на специальные проекты, затрагивающие СМИ и процесс миротворчества, и это была отнюдь не полная оценка (Spurk 2002).

Цель большинства вмешательств извне — заручиться поддержкой надежной журналистики. Журналистская деятельность считается достоверной, если она основана на международных стандартах точности, непредвзятости и социальной ответственности. Необходимо также поддерживать создаваемое многообразие в рамках индустрии СМИ для того, чтобы отражать конкурирующие мнения и гарантировать независимость индустрии.

Существует тенденция стимулирования активности СМИ в их инициативах, выходящих за рамки классической журналистики. Понятие «СМИ» расширяется и включает в себя нетрадиционные каналы коммуникации, например уличные театры, постеры, радиодрамы и комедии и другие развлекательные акции. Их цель — распространять информацию, специально спроектированную для влияния на разрешение конфликта. СМИ становятся скорее инициатором позитивных изменений в обществе, чем профессиональным незаинтересованным наблюдателем. Такой вид инициативы под названием «программирование запланированного результата» не является журналистикой в традиционном понимании, но всё же придерживается таких ценностей, как достоверность, непредубежденность и ответственность, а значит, получает финансовую и общественную поддержку.

Возможности СМИ

Возможность вмешательства велика в обществах, которые отходят от режимов, практикующих насилие, игнорирование прав человека, подавление гражданского общества и пренебрегают инфраструктурой. При таких режимах масс-медиа обычно служат для пропаганды и профессиональная журналистика в основном отсутствует. Также не существует системы независимых регуляторов и частных СМИ.

Среда для миротворчества при содействии СМИ в таких посттоталитарных странах очень напряженная. Государственная цензура продолжает действовать лишь в менее предсказуемой манере, иногда покровительствуя тем СМИ, которые оказывают поддержку государству или господствующим интересам. При отсутствии независимого регулятора или независимых судов СМИ намеренно или неосознанно прибегают к самоцензуре во избежание правонарушений. Достоверность и объективность приносятся в жертву безопасности. В репортажах не хватает разнообразия мнений, они не критичны по отношению к властям и властным интересам. Остро чувствуется нехватка альтернативных масс-медиа, так как государство контролирует предоставление лицензий и состояние конкурирующих СМИ в своих собственных интересах или по распоряжению влиятельных лиц. Многие из разрешенных репортажей созданы искусственно и затрагивают чувствительные струны, а значит, могут легко влиять на общественное мнение.

Преобладающие СМИ и миротворческие инициативы фокусируют свое внимание на подготовке профессиональных репортеров и редакторов, обеспечении технических ресурсов и прямой финансовой поддержки. Такая подготовка всё чаще включает в себя специфические аспекты, такие как репортажи на темы финансирования и здравоохранения или журналистские расследования. Соответствуя общим потребностям зарождающихся демократий, в процессе подготовки журналисты также занимаются репортажами о правах человека, альтернативными репортажами и техникой анализа конфликтов. Для того чтобы ускорить процесс установления независимости и создания большего числа разнообразных СМИ, программа подготовки включает в себя бизнес-практику, в том числе рекламу и финансовый менеджмент.

Осознать важность журналистской подготовки для политической стабильности некоторых стран можно на примере ситуации в Боснии и Герцеговине в 2001 году. Лондонский институт по изучению освещения войны и мира дал ей такую оценку: «В Боснии нет общеобразовательной журналистской подготовки. Существующие журналистские факультеты, устаревшие и часто некомпетентные, политически зависимы. Многие из талантливых журналистов эмигрировали и уже никогда не вернутся. Молодое поколение журналистов нуждается в наставниках, которые обучили бы их ремеслу. ...Несколько молодых репортеров, посещавших [подготовительные] курсы... были впоследствии уволены своими редакторами, которые смотрели на западную журналистику с подозрением. Этническая дискредитация или провозглашение превосходства, обычно характерные для периода войны, были заменены на чуть более осторожные выражения. Тем не менее послания ограниченных СМИ — заключающие, что этническое равенство и интеграция невозможны, — не изменились. Государственные службы работают в атмосфере секретности, утаивая почти всю жизненно важную для общества информацию».

Следует заметить, что данный анализ был проведен после 5 лет беспрецедентного вмешательства в деятельность СМИ в Боснии со стороны множества финансирующих групп под руководством The Dayton Accords. Десятки миллионов долларов были потрачены на обучение, защиту журналистов, на оборудование и прямые субсидии новообразованным СМИ. Целью было создать в Боснии разнородные и независимые СМИ для противостояния государственному вещанию, которые продолжали бы разжигать этническую ненависть. Результатом стал искусственный медиа-рынок, почти полностью зависящий от спонсорской помощи, с минимальным количеством представителей от боснийцев и практикующий крайне ненадежную альтернативную журналистику. В дополнение к сверхактивному финансированию имело место серьезные заблуждения оппозиционных СМИ по поводу независимой профессиональной журналистики. Хорошо прослеживаемая в документах несостоятельность вмешательства в Боснии, включая нехватку спонсорской координации и безосновательные ожидания, проиллюстрировала основной дефект сферы СМИ и миротворчества, как было отмечено ранее, и недостаток в хорошо исследованной методологии. Одним из наиболее ярких уроков, которые получили интервенты в

Боснии, стало то, что содействие СМИ в поддержке демократизации редко приводит к быстрым результатам и одновременно эффективно в перспективе. Укрепление или создание свободных и независимых СМИ требует не только их строго национальной организации, но и поддерживающей СМИ инфраструктуры судов, законодательства и руководства. Как правило, содействие СМИ должно включать в себя стратегии начинания («тренировку тренеров») для того, чтобы делегировать процесс реформирования СМИ местным заинтересованным кругам. Содержательность также подразумевает внимание к экономической жизнеспособности на любом уровне проекта содействия СМИ. Как было сказано ранее, вмешательство должно оставить следы, чтобы по ним могли идти другие люди. В конечном итоге понятно, что необходима более оперативная координация ресурсов и вмешательства. Потенциальной моделью является, к примеру, Международный медиа-фонд, созданный в результате координации нескольких основных финансовых групп, работающих с определенными странами, такими как Македония (см.: Medienhilfe).

Целостный подход

Боснийская оценка проиллюстрировала существенный аспект в энергичном вмешательстве СМИ в процесс миротворчества. Все заметнее становится тот факт, что развитие журналистики при отсутствии инфраструктуры, поддерживающей СМИ, не может функционировать хорошо и долго. Инициативы по развитию СМИ должны придерживаться более широкого подхода в государственной демократизации (Stalnaker 2001). Инфраструктура поддержки СМИ включают в себя систему законодательства, судов и трибуналов, которые дополняют, защищают и дисциплинируют надежные новостные СМИ. Без этого нет законов о доступе к информации, обеспечивающих существование хорошо информированной журналистики, нет судов, защищающих журналистов от запугивания и занимающихся нарушениями со стороны СМИ (клевета, очернение и др.), и нет независимых регуляторов, беспристрастно защищающих права на публикацию или вещание. Это можно назвать как-нибудь по-другому, к примеру «законодательная и административная реформы» или «модернизация общественных служб», и финансировать их по отдельности, но в любом случае эти секторы являются важнейшими для безопасности и профессионализма СМИ.

Целостный подход к вмешательству СМИ в процесс миротворчества должен отражать экономические условия. Профессиональная журналистика и присутствие соответствующей инфраструктуры не будут иметь эффекта, если местная экономика слишком бедна для того, чтобы поддерживать компании, покупающие рекламное время. Руководители СМИ, которые не имеют возможности проводить такие операции на открытом рынке, будут оставаться уязвимыми к субсидированию политически заинтересованными лицами, стремящимися диктовать новые условия. К тому же журналисты, не прошедшие должной подготовки, склонны к взяточничеству, коррупции и запугиванию, если они не имеют хорошего заработка или достойной должности в рамках национальной экономики. Пока инициативы демократизации поощряют разнородность и независимость частных масс-медиа, однако появившихся новые игроки на этом рынке часто не могут обеспечивать себя экономически. Зависимые от спонсора СМИ могут стать отправным пунктом, но новостные компании должны в конечном итоге стать самокупаемыми, иначе поражение неизбежно. Государственные вещательные компании многих западных демократических стран не должны рассматриваться в качестве приемлемых моделей для зарождающихся демократий, если присутствует другой такой важный элемент, как независимые регуляторы.

Заключение

На сегодняшний день имеет место какофония связанных со СМИ инициатив в поддержку демократизации и развития во всем мире. Большинство из этих инициатив фокусируется на базовой и набирающей опыт журналистике; другие используют изменения в традиционной журналистике и включают в её содержание сознательную этику разрешения конфликта; третий поток стремится к расширению концепции программирования запланированного результата при разрешении конфликта.

Число структур, которые вмешиваются в деятельность СМИ, растет, и среди двусторонних финансовых групп или международных агентств, таких как ЮНЕСКО, могут создаваться дополнительные

или альтернативные программы, которые непреднамеренно оказываются в изоляции. Есть инициативы, от которых зависят надежные СМИ, например законодательная, легализирующая или регулирующая реформы, при поддержке разумного правления и при соблюдении прав человека и норм гражданского общества. Необходима большая координация проводимой работы.

К тому же знание того, что работает, а что нет, — это только начало, которое нуждается в осмыслении и обсуждении. Пока вышеупомянутые процессы и ближайшие их последствия только регистрируются, что служит, в частности, финансовым целям, но в то же время эффект от вмешательства в дела СМИ остается документально не зафиксированным. Это не вопрос того, как много журналистов прошли подготовку или как много законов было изменено, а скорее того, насколько поднялись стандарты надежной журналистики и были ли справедливы регулирующие решения. Это медленный и дорогостоящий процесс, это эволюция СМИ, и обучение персонала должно быть поддержано теми, кто субсидирует масс-медиа, причем с самого начала. Этому может помочь осмысление некоторых успешных и хорошо известных образовательных программ, связанных, в частности, с проблемами ВИЧ — СПИД. СМИ и процесс миротворчества, тем не менее, требуют новых показателей и рамок.

Литература

- BAUMAN, M. and SIEBERT, H. 2001. «Journalists as Mediators». In: L. REYCHLER and T. PAFENHOLX (ed.). *Peace-building, A Field Guide*. London: Lynne Rienner Publishers.
- BELL, M. 1998. «The Journalism of Attachment». In: M. KIERAN (ed.). *Media Ethics*. London: Routledge.
- BENNETT, W. L. and PALETZ, D. (ed.). 1994. *Taken by Storm: The Media, Public Opinion and U.S. Foreign Policy in the Gulf War*. Chicago: University of Chicago Press.
- BENNETT, W. L. 2003. «Where's The Dissent?» [online] *Newsweek Magazine*, Web edition, 16 January 2003. Available from URL <<http://www.msnbc.com/news/860481.asp?0cv=CA01>> [Accessed 25 October 2003]
- BOTES, J. 2000. «Media in the new South Africa». In: *Regional Media in Conflict*. London: The Institute for War and Peace Reporting.
- BOTES, J. 1994. «Journalism and Conflict Resolution». In: *Frameworks for Interpreting Conflict: A Handbook for Journalists*. Fairfax: Institute for Conflict Analysis and Resolution, George Mason University.
- CARNEGIE COMMISSION ON PREVENTING DEADLY CONFLICT. 1999. *Final report* [online]. New York. Available from URL <<http://www.ccpdc.org>> [Accessed 25 October 2003].
- CENTRE FOR CONFLICT RESOLUTION. 1998. *Track Two. Special Edition: Media and Conflict*. Capetown: Centre for Conflict Resolution Vol. 7, December.
- CENTRE FOR DEMOCRACY AND GOVERNMENT. 2000. *Role of Media in Democracy: A Strategic Approach* [online]. Washington, USAID. Available from URL <www.usaid.gov/democracy/pdfs/pnace630.pdf> [Accessed 25 October 2003].
- CHISHOLM, S. 2000. *Evaluating the Role of the Media in Conflict Resolution*. Research Paper. Library of Department of Foreign Affairs and International Trade, Ottawa, Canada.
- DAVIS, A. (ed.). 2000. *Regional Media in Conflict*. London: The Institute for War and Peace Reporting.
- DEPARTMENT FOR INTERNATIONAL DEVELOPMENT (DFID). 2001. *Guide to Supporting Media in Conflict and Other Emergencies*. London: HM Government.
- HOWARD, R. 2002. *An Operational Framework for Media and Peace-building* [online]. IMPACS International Media. Available from URL <www.impacs.org> [Accessed 25 October 2003].
- HOWARD, R. 2003. *International Media Assistance. A Review of Donor Activities and Lessons Learned*. The Hague: Conflict Research Unit, Netherlands Institute of International Relations «Clingendael».
- IGNATIEFF, M. 1997. «Is Nothing Sacred». In: *The Warrior's Honour: Ethnic War and the Modern Conscience*. New York: Metropolitan Books.

- INTERNATIONAL MEDIA SUPPORT. 2002. *Assessment mission on IMS engagement in Sri Lanka in support of the ceasefire process* [online]. Mission Report. Copenhagen: International Media Support. Available from URL <<http://www.i-m-s.dk/pic/sr-mission%20report.pdf>> [Accessed 25 October 2003].
- KRUG, P. and PRICE, M. 2002. «The Legal Environment for News Media». In: *The Right To Tell*. Washington: World Bank, Chapter 10.
- LYNCH, J. and MCGOLDRICK, A. 2001. *Reporting the World* [online]. Conflict and Peace Forums. London. Available from URL <<http://www.transcend.org>> [Accessed 25 October 2003].
- MANOFF, R. 1998. «Role Plays». *Track II*, Vol. 7. December 1998. Capetown: Centre for Conflict Resolution.
- MANOFF, R. 1999. *Journalists Covering Conflict* [online]. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict, Wilson Centre. Available from URL <<http://www.wilsoncentre.org/subsites/ccpdc/carnegie/index.htm>> [Accessed 25 October 2003].
- MEDIENHILFE, at URL <<http://www.medienhilfe.ch/Projekte/MAC/IMF/Facts.htm>>.
- PRICE, M. 2000. «Restructuring the Media in Post-Conflict Societies». In: *Background Paper for UNESCO World Press Day*.
- RELJIC, D. 2002. «News Media and Transformation of Ethno-Political Conflicts» [online]. In: *Berghoff Handbook for Conflict Transformation*. Berlin, Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management. Available from URL <www.berghof-handbook.net/reljik/final.pdf> [Accessed 25 October 2003].
- ROSEN, J. 1999. «Journalists Covering Conflict: Norms of Conflict» [online]. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Wilson Centre. Available from URL <<http://www.wilsoncentre.org/subsites/ccpdc/carnegie/index.htm>> [Accessed 25 October 2003].
- SPURK, C. 2002. *Media and Peace-building: Concepts, Actors and Challenges*. Centre for Peacebuilding (KOFF). Bern: SwissPeace.
- STALNAKER, J. 2001. *International Media Assistance and Bosnian Civil Society, Localization as the Missing Link*. Thesis (MA) School of International Service, American University.
- STROBEL, W. P. 1997. *Late-Breaking Foreign Policy: The News Media's Impact on Peace Operations*. Washington: United States Institute of Peace Press.
- TAYLOR, M. 1999. *Evaluation of USAID/OTI Media Transition Grants in Bosnia*. Washington: USAID Bureau of Humanitarian Response.
- TERZIS, G. and MELONE, S. 2002. «Using the Media for Conflict Transformation» [online]. In: *Berghoff Handbook for Conflict Transformation*. Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management. Berlin. Available from URL <www.berghof-handbook.net/reljik/final.pdf> [Accessed 25 October 2003].
- WOLFSFELD, G. 2001a. *The Varying Role of the News Media*. 2001 Annual Meeting of the American Political Science Association. San Francisco.
- WOLFSFELD, G. 2001b. *The news media and peace processes: the Middle East and Northern Ireland*. Washington: United States Institute of Peace.

Глава 2

Реакция Великобритании на войну в Боснии: очерчивание и определение проблемы

Грегори Кент

Введение

До и после холокоста имели место многочисленные случаи геноцида. Завершение холодной войны позволило провести анализ международного санкционированного гуманитарного освобождения постоянно страдающих от нарушений гражданских прав людей. В отдельных случаях масс-медиа, частично при помощи развития электронных СМИ и коммуникативных технологий, оказывали такое влияние, благодаря которому отдаленные кризисы ставились на повестку дня общественной политики, что привело к возникновению такого явления, как «эффект CNN».

Курдский кризис, который возник сразу после войны в Персидском заливе, стал предметом освещения СМИ как гуманитарный кризис. Освещение событий британскими СМИ и подобные оценки СМИ в США помогли разрешить эту проблему, когда она попала на повестку дня ведущих политиков, что произошло в том числе и благодаря тому, что телевидение Великобритании установило рамки ответственности для лидеров, которые вдохновляли курдские восстания против власти Баатиста (Shaw 1996). Эти лидеры, Дж. Буш и Дж. Мейджор, намеревались избежать оказания поддержки курдам и шиитам, однако серьезное давление СМИ повлияло на их решение оказать гуманитарное и частично военное содействие.

Однако во время многих других гуманитарных кризисов 1990-х годов, включая геноцид в Боснии и Руанде, правительственная исключительно символическая политика (Dolbeare and Edelman 1977) и непринятие решений (Bach and Bachrach 1970) успешно избежали комментариев и должных ответных политических реакций касательно человеческих катастроф, порожденных самим человеком.

«Индексированная норма» — это концепция в литературе о политических коммуникациях, которая здесь имеет особое значение. Индексация, в общих чертах, приводит к тому, что редакторы и журналисты индексируют и коррелируют освещение медиа-дебатов среди политиков и избранных представителей. Это значит, что аргументы, не имевшие места в дебатах и не нужные парламенту или конгрессу, не освещаются СМИ. В сущности, правило индексирования определяет взаимоотношения между СМИ и государством более лаконично. Эта работа направлена на то, чтобы прояснить роль индексации в критическом и спорном случае: Великобритания и война в Боснии.

Война против Боснии, самая страшная война в Европе со времен Второй мировой, носила экспансионистский и геноцидный характер. Великобритания сыграла ключевую обструкционистскую роль в сфере западной власти. Она предпочла политику эскортов гуманитарной помощи, сопровождаемых войсками, что, конечно, спасло некоторых боснийцев, но в то же время стоило жизни многим другим вследствие удлинения времени войны.

В данной главе приводится аргумент, что официальный взгляд Британии на ситуацию, критическую для ЕС и всего Запада, привел к такому определению проблемы в Боснии, которое давало возможность символическим политическим действиям существенно и эффективно вмешаться в экспансионистскую войну и геноцид на европейском континенте. Очерчивание со стороны СМИ в общих выражениях, ключевых терминах, а также использование ярлыков стандартных фраз для описания событий сыграли решающую роль в том, как была определена проблема в Боснии, в частности, через выбор языка и принятие решений о соотношении и видах приводимых свидетельств. Результатом такого очерчивания стало ограничение потенциальных политических вариантов, которые ведут к безрезультатным действиям.

В этой главе сначала будут кратко рассмотрены историко-политические перспективы кризиса и международная реакция, которую поддержали ведущие ученые и которая, в отличие от популярного устоявшегося понимания, растворилась за годы кризиса. В свете этого интересно обратиться к теоретическим подходам определения проблемы и очерчиванию её со стороны СМИ. Это относится к содержанию моей работы, касающейся освещения телевидением Великобритании первых шести месяцев кризиса. В финальной части я объясняю свои заключения с учетом академических дебатов об индексировании освещения военных кризисов (Bennett 1990; Mermin 1999).

Война против Боснии

Историко-политические перспективы, подкрепляющие мою работу, рассмотрены здесь кратко. Заинтересованные в более детальной оценке могут обратиться к моей книге для Hampton Press, которая гораздо более подробно повествует об огромной ответственности Белграда за кризис и предлагает общую историческую оценку геноцида в Восточной и Северной Боснии.

Сейчас можно утверждать (что было очевидно для многих обозревателей того времени), что Сербия, а точнее правящая коммунистическая клика, разрушила консенсус и стабильность в Югославии задолго до того, как народы Словении, Хорватии, Боснии, Македонии и их лидеры решили выйти из Югославской федерации и предприняли активные шаги в этом направлении. Денич (1996, р. 180) рассматривает «консенсус» известных ученых по этому поводу. Эти авторы⁷²¹ определяют кризис главным образом как «продукт определенных обстоятельств во второй половине 1980-х годов» (Gow 1997, р. 14), в частности развитие экстремистского национализма в Сербии; «Кризис был неизбежен как первичный продукт этнических разногласий или ненависти», — заключили многие комментаторы.

Согласно ведущему медиа-аналитику и эксперту по Югославии М. Томпсону, Сербия использовала «фашистскую» модель представленности СМИ. Албанцы в Косово были дегуманизированы в СМИ: и они, и те, кто их поддерживал, например республиканское правительство в Загребе, были объявлены фашистами. В Белграде были заново пробуждены воспоминания о преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны, лояльность немногочисленной группы хорватов стали относить ко всем хорватам, иногда ко всем албанцам или всем боснийским мусульманам, а затем вина, признанная предыдущими поколениями, была возложена на современных хорватов, албанцев и боснийцев.

Первое организованное проявление агрессии и первая территориальная претензия и завоевание были проконтролированы сербами или тыловыми войсками, что закончилось контролем Сербии над одной третью территории Хорватии и над двумя третями — Боснии.

В конечном итоге зрелища избиения и изгнания несербов, совершавшихся сербскими войсками иногда в Хорватии, очень часто в Боснии, включая систематическое избиение гражданских лиц, привели к неминемому заключению, что белградские войска стремятся погубить значительную часть боснийского народа и впоследствии разрушить их общество и культуру. Предположительно от 60 000 до 300 000 боснийцев было убито за время войны в подобных бойнях или во время артиллерийских обстрелов. Геноцид, как он определен в Конвенции о геноциде, — это стремление разрушить национальную, религиозную, расовую или этническую общность или группу в целом или частично — хорошо подходящее определение для таких действий^{73 2}.

-
- 1 Включая Almond (1994), Christopher Bennett (1995), Donia and Fine (1994), Garde (1992), Judah (1997), Malcolm (1994), Magas (1993), Mazower (1992), Ramet (1996), Tanner (1997), Thompson (1992), Silber and Little (1995).
 - 2 Среди ученых и журналистов, которые поддержали эту точку зрения, подтвержденную рядом судебных разбирательств Гаагского трибунала, — Noel Malcolm (1994); Christopher

Нельзя сказать, что сербы не пострадали в этой войне — многие сильно пострадали, и нельзя сказать, что сербы и боснийцы никогда не совершали военных преступлений — совершали. Однако в первые месяцы войны, на которых сфокусировано моё исследование, когда ещё была надежда на эффективное национальное содействие, этих преступлений было немного, и они не были связаны с избранными властями или армией. Это существенное различие.

Реакция Британии

Реакция Британии на кризис важна по нескольким причинам. В общих словах, Британия обладает, и обладала на тот момент, существенным дипломатическим влиянием как постоянный член Совета Безопасности ООН с правом вето, лидирующая сила в ЕС, член G7 и лидер Содружества. Что касается распада Югославии, британский министр иностранных дел входил в тройку министров, которые стремились разрешить кризис на ранней его стадии, и позже, с июля 1992 года, во время кризисной кульминации возглавил ЕС. Это сыграло существенную роль в проведении ЕС и ООН политики прекращения огня и позже в посредничестве и переговорах о мирных поселениях, намеревавшихся разделить Боснию. Различные политические лидеры и аналитики (наиболее заметный из них — Симмс (2001)) обвинили главное правительство в наложении вето на более разумные действия в защиту целостности Боснии.

Хотя в первые недели войны в Боснии Британия считала Сербию наиболее ответственной за происходящее, Лондон одновременно предупредил, что он рассматривает эту войну как гражданскую, которая происходит между этническими группами, более не способными после смерти Тито жить вместе. Официальные лица довольно запутанно объясняли этот кризис. Министерство иностранных дел отказалось возложить ответственность на кого-либо. Пока Британия, как и другие страны ЕС, была увлечена тем, чтобы дипломатически быть вовлеченной в кризис с самого начала, её творения — Гаагская (сентябрь 1991) и Лондонская (август 1992) конференции — были, как признают многие обозреватели, маневром, позволявшим сербской армии получить дополнительное время, чтобы закончить свое дело на отдельной территории в Хорватии и особенно в Боснии (Almond 1994). Во имя ограниченной, разумной и мирной политики примирения и распределения, на мероприятия, предложенные государствами, в том числе карательные санкции и блокады, эмбарго на использование оружия (которое действовало в реальности исключительно против боснийской стороны) и воздушные атаки против сербских войск, налагалось вето, иногда исключительно Лондоном. Британия использовала свою власть, желая использовать войска для крайне ограниченных функций, включая эскорты продовольственной помощи для белградских общин в Боснии. Присутствие таких войск могло обострить конфликт с сербскими вооруженными силами. На протяжении многих лет можно было препятствовать реакциям со стороны других стран (главным образом США). Какую же роль сыграли СМИ в репрезентации и критике со стороны главной администрации?

Разработка политического курса и определение проблемы

Заявив об ответственности Белграда за агрессивную политику и геноцид в Боснии и о существенной роли Британии в возникновении кризиса, я бы хотел рассмотреть, насколько могли бы стать важными ранние стадии принятия решений проводимой

Bennett (1995); James Gow (1997); Mark Mazower (1992); Martin Shaw (1996); Quintin Hoare (2000); Brendan Simms (1996); David Rieff (1995); Chuck Sudetic (1998); Peter Maas (1996); Roy Gutman (1993); Christopher Hitchens, Dick Holbrooke (1998); Peter Mojzes (1994); Thomas Cushman (1996); David Stannard (1996); Norman Cigar (1995); Adrian Hastings (1994); Philip Cohen (1996); Michael Sells (1996); Ed Vulliamy (1998); Stjepan Mestrovic (1996).

политики для коротких и средних перспектив, для того, чтобы добиться правильного понимания центральных аспектов кризиса, чтобы это служило интересам Министерства иностранных дел.

В случае Боснии, где британские и европейские официальные лица использовали возможность продемонстрировать свои дипломатические и посреднические способности, включая кризис в Югославии в политическую повестку дня, следует фокусироваться не на вышеупомянутом аспекте, а на более существенных процессах, которые Кингдон (1995) назвал предшествующими принятию международных политических решений. Прежде всего, важна упомянутая Соббом и Элдером (1973) проблема определения, соответствующая ступень формирования политического курса, не полностью раскрытая в работе об «эффекте CNN», которое оказывает сильное влияние на политические результаты, приводя их к диспропорции.

В широком смысле политический процесс можно рассматривать как обобщенное определение проблемы, разработку повестки дня, формулирование политического курса, легитимацию и адаптацию, применение, управление и оценку проводимой политики, совмещая некоторые из этапов или, наоборот, не учитывая какой-либо их них. Основные характеристики проблемы определяются на начальной стадии и в дальнейшем эффективно ограничивают политические дискуссии и условия для политических действий, иногда на долгий период времени. «Будучи однажды сформулированными, некоторые определения останутся на долгое время в политическом поле принятия решения», иногда «определения могут быть существенно пересмотрены или замещены иными формулировками» (Cobb and Rochefort 1994, p. 4). Процесс поиска определения важен для понимания того, как определения и переопределения повлияли на политические проблемы в Боснии.

Деаринг и Роджер выделяют различные типы проблем, указывая, в частности, что некоторые проблемы кажутся настолько понятными или однобокими, так что никто не одобрит публичную позицию, если она будет поддерживать ее существование и далее. Никто не будет защищать загрязнение среды или публичную пропаганду жестокого обращения с детьми, хотя многие политики до сих пор занимаются стратегиями, чтобы не предпринимать никаких соответствующих эффективных мер. Такие «важные» аспекты имеют только одну легитимную сторону и предлагают борьбу за решение обозначенной проблемы независимо от того, существует ли она. Очевидно то, что отнесение условий к одной категории, а не к другой, возможно, определит их как отдельный вид проблемы. Если проблема определяется как «неотложная», «одни категории подходов будут предпочтены другим, сюда также добавятся некоторые альтернативы, в то время как остальные выпадут из поля зрения» (Kingdon 1995, p. 198).

В специфическом контексте при внимательном рассмотрении можно выделить несколько важных характеристик проблемы, которые были относительно важными для адекватного понимания кризиса и адекватной реакции на него. Эти характеристики включали в себя вопрос о причинно-следственных связях и ответственности за участие в войне и средства, использованные для её завершения. Как заметил Кобб, а позже его соавтор Рочфорд, определение проблемы всегда включает некоторые утверждения об её происхождении и неизбежно — идеи, касающиеся решения. Вопрос вины — самый главный из всех аспектов определения проблемы.

Что касается Боснии, вопрос ответственности или вины был важным для понимания природы войны. Чтобы понять этнический генезис конфликта, нужно обратиться к очень сложным политическим установкам и к предположению о первоначальной и основной ответственности Белграда за войну. Этническая нетерпимость и конфликты видятся труднопреодолимыми и распространенными явлениями в человеческих сообществах; когда причины войны так глубоки, их нельзя легко преодолеть. Напротив, агрессивная политика геноцида требует ответной реакции. Большинство государств подписали Конвенцию о геноциде, которая предполагает их вмешательство для прекращения или

предотвращения геноцида. Как отметил Вилдавский (1991), проблема является проблемой, только если что-то может быть сделано для её решения. Способ, которым была официально определена проблема в Боснии, — возможно, без решения или, в лучшем случае, с временными компромиссами, — не дает возможности дать ее политическую оценку, так как не было очевидного решения вне рамок переговоров.

Идея Шаттшнайдера о том, что «определение альтернатив — это главный инструмент власти», имеет особенное отношение к изучению случая Боснии. Однако, как было продемонстрировано, способ, которым классифицируется и определяется проблема, часто будет ограничивать круг обсуждаемых альтернатив. «Спецификация альтернатив» — это процесс описания круга возможных позиций для любого события (Dearing and Rogers 1996, p. 76). Согласно Кингдону (p. 199), на альтернативы также скрытно влияют такие группы людей, как ученые специалисты, карьерные бюрократы и служители закона. Спецификация альтернатив в случае Боснии сдерживалась определением проблемы, как было показано, этническими рамками, вызывающими мысли о моральном равенстве.

В свете специфических политических альтернатив, определенных таким образом, Босния заслуживала, с одной стороны, полного отграничения и невмешательства, за что выступали парламентарии различных политических взглядов в большинстве стран Европы, а с другой стороны, крупной военной интервенции и войны до «прекращения огня». Хотя уже был установлен политический курс на гуманитарную интервенцию (как показал пример Курдистана), он был частично ограничен специфическим определением проблемы, и, следовательно, альтернативная политика серьезно воспринималась официальными лицами.

Подобным образом природа войны — в частности суровость применяемых средств — пребывала под вопросом, с тех пор как этот элемент определения проблемы является основным для привлечения внимания официальных лиц. При определении войны как агрессии и геноцида «важный пункт» поддерживал бы впечатление суровости проблемы. Политические альтернативы должны были бы сильно различаться и, возможно, быть более ограниченными; не было похоже, чтобы западная общественность могла просто наблюдать за тем, как уничтожают друг друга европейские народы.

Центральный вопрос, который способствовал началу формирования официальных взглядов на кризис, касался возможности переопределения проблемы Боснии. Защитниками вопроса, по выражению Кингдона, были группы интересов, которые стремились вынести специфические проблемы на повестку дня и старались дать определение проблемы. Кобб и Элдер (1972, p. 85) различают систематическую и институциональную (формальную) повестки дня. Они предполагают, что переопределение вопроса могло бы помочь, если бы новые перспективы систематически выносились на повестку дня. Для этого необходимо как минимум осознание, «разделенное широкой общественностью, того, что требуется политическая ответная реакция, и понимание того, что вопрос касается некоторых государственных объединений и находится в границах их влияния». Подавление Курдского восстания и последовавшую за этим гуманитарную катастрофу можно рассматривать как систематическую повестку дня, которая переопределила проблему последствий войны в Персидском заливе и установила, что гуманитарная интервенция — наиболее приемлемый вариант для институциональной или официальной повестки дня. Как было замечено во введении, можно оспорить тот факт, что давление, в первую очередь телевидения, новостных организаций, поместило эту систематическую повестку дня на место формальной или институциональной. Новые организации серьезно относятся к попыткам, своим или своих сторонников, переопределить проблемы более точно и готовы содействовать осведомленности через распространение информации. Очерчивание занимает центральное место в этом процессе.

СМИ очерчивают и определяют проблему

До формирования проблемы встает вопрос (или аспект проблемы) о том, какая из проблем будет вынесена на повестку дня. Я уже отметил, что государство (ЕС и его члены) определило повестку дня своими действиями по отношению к кризису, когда началась война в Словении. В отношении проблем, которыми государство не занимается, большое значение имеют СМИ: их наблюдательная функция часто понимается как сторожевая. События, кратко изложенные выше в историко-политическом разрезе, как будет показано далее, не передаются целиком на экраны телевизоров. События, особенно касающиеся геноцида, не освещаются всесторонне. Как предположил Роберт Е. Парк в начале текущего столетия, редакторы ищут «определенные темы для публикации... более важные или более интересные. Оставшиеся обречены на забвение и отправляются в «мусорную корзину». Бесчисленное количество новостей «убивают» ежедневно» (см.: Dearing and Rogers 1996). Сторожевая функция оказывает влияние на то, как формулируются проблемы. Отдельные аспекты проблемы могут не быть включены по причине качества новостей, особенно по требованию безотлагательности, и таким образом существенно повлиять на категоризацию и определение проблем.

После того как проблема проходит мимо «сторожевых» СМИ (и официальных лиц, которые до этого момента могут скрывать важную информацию), начинается процесс её определения. СМИ могут действовать как носители культурных ценностей, они могут высказываться на тему в общепринятых выражениях и даже защищать её при желании определенных групп. Как заключает Палец, «СМИ могут быть достаточно влиятельными на стадии формирования проблемы. Через обыденные репортажи и комментарии они выносят проблемы на суд общественности и политиков». Новостные СМИ наиболее влиятельны, когда они представляют события «с политическим акцентом, ожидая и даже требуя правительственной реакции. При тщательном рассмотрении такое освещение СМИ может включать причины проблем, серьезность, ответственность и вину, а также возможные решения» (2002, pp. 313—314). Как отметили Кобб и Рочфорд (1994, p. 4), то, как проблема определена, редко является неопровержимым и может оспариваться СМИ.

Очерчивание проблемы, очевидно, относится к процессу её определения. Очерчивание — это выделение характеристик «воспринятой реальности и выделение их в рамках коммуникационного текста для точного определения проблемы, причинно-следственных связей, моральной оценки и/или рассмотрения рекомендаций по решению описываемой проблемы» (Entman 1993, p. 52). Процесс очерчивания — существенный аспект процесса определения проблемы в дебатах среди элиты и широкой общественности. Как эти взаимосвязанные процессы функционируют, нужно широко изучить эмпирически или теоретически, учитывая, однако, что процесс очерчивания со стороны СМИ определяет, какая именно проблема попадет в общественно-политическую повестку дня.

Энтман определяет рамки СМИ как независимую переменную, которая влияет на политический курс и на общественное мнение. Он выделяет пять характеристик текстов СМИ, которые воздействуют на информационный процесс, устанавливая определенные рамки отношений. Они включают в себя важность суждений и содействия, а также распределение ответственности. При определении проблем рамки детерминируют «того, кто несет расходы и получает прибыль». Они часто находят причины, оценивают моральные аспекты и предлагают решения проблем (Entman 1991). Рамки являются «основополагающими элементами события, вокруг которого собираются детали», они «ограничивают дискурс происходящего и определяют, какие элементы относятся к публичному дискурсу», а какие, отражая многое из того, что уже было сказано об определении проблемы, «поддаются политическим действиям, чьи решения

жизнеспособны и чьи основания надежны и потенциально действенны». Другие особенности включают идентификацию потенциальных жертв, категоризацию, или выбор ярлыков, обобщение в рамках национального контекста. Я писал выше, что лингвистический выбор организации новостей в очерчивании кризиса в Боснии был решающим для определения проблемы. Центральное место очерчивания в контексте политического процесса ответной реакции на войну и геноцид нельзя недооценивать. Очерчивание существенно и для определения проблем в общественном дискурсе.

Новостное очерчивание в Боснии

Так как же телевизионные новости очерчивали проблему в Боснии в первые критические месяцы войны? Прежде чем коснуться этого вопроса, я кратко изложу причины того, почему я выбрал именно этот период для широкого и детального содержательного дискурсного анализа.

Основную причину можно разделить на историко-политический и коммуникационный факторы, а также фактор, касающийся СМИ. Я изучил длительный и благоприятный для новостных СМИ период с 1 апреля 1992 года (дата самого серьезного вторжения сербской милиции в Боснию) до конца августа 1992 года (к этому времени сербские войска контролировали 2/3 территории Боснии — пик экспансии). Период вмещал много значительных событий трех с половиной лет войны в Боснии, включая геноцид в Восточной и Северной Боснии, массовую депортацию людей, осаду Сараево (и некоторых других городов) и первую интенсивную фазу дипломатического и ограниченного военного участия в кризисе, включая важные резолюции Совета и Лондонскую конференцию. Гюнтер отметил, что «редкие, но яркие и значительные события могут оказать огромное влияние на аудиторию». Как уже было замечено, период важен для изучения британскими СМИ, поскольку Лондон сыграл центральную роль в кризисе именно в это время и установил в корне деструктивную политику гуманитарных эскортов. Кроме Хорвато-боснийской войны (1993—1994), оставшиеся три года войны можно было бы рассматривать как продолжение этих осад и эскортирования гуманитарной помощи осажденным. Главные события, связанные с резней в Сребренице, масштабными бомбардировками НАТО и хорвато-боснийским отходом сербских войск, были финальными событиями войны.

Период, не включенный в исследование, также был ключевым: очерчивание войны в Боснии, события в Сараево, «открытие» средствами массовой информации лагерей, стандартизация и использование в репортажах термина «этнические чистки» — всё это имело место в указанный период. Кохэн и Уолсфельд заявляют, что чрезвычайно сложно изменить существующие рамки СМИ, особенно в отношении конфликта. «Эти рамки почти мистического качества, ни одна из партий не поднимала вопроса о них. Антагонисты, которые стремились перепрыгнуть через эту интерпретированную волну, обычно падали» (Cohen and Wolfsfeld 1999, p. XVII).

Это исследование показывает, что очерчивание войны в Боснии поместило аспект идентичности в центр проблемы расовой принадлежности. Имел место ряд критических репортажей о действиях сербских войск, в основном в отношении их осады и тяжелой артиллерийской бомбардировки городов с мирным населением. В то время как журналисты проявляли терпимость по отношению к сербским обвинениям в провокации, более эффективное сужение рамок было достигнуто постоянными репортажами о сербских протестах. Как я уже отмечал, если бы на тот момент существовало доминирующее очерчивание событий, оно сильно повлияло бы на мнения против «сербов» и Белграда.

Использование понятия «сербы» в этой работе намеренно и важно, так как исследование предполагает, что было два преобладающих очерчивания конфликта, одно из которых предшествовало тому, что теперь называют сербской агрессией. Элементы, из которых оно складывалось, были заметны в каждом репортаже и были

глубоко и структурно закреплены в очерчивании. Такое понимание здесь означает моральное уравнивание, или, иначе, «балканские рамки» (дегуманизация боснийцев и других жителей региона; по словам Села, племя «балканских ненавистников находится вне сферы разума и цивилизации»). Эта, по сути, квазирасистская, псевдоисторическая перспектива провозгласила структурные лингвистические предпочтения новостных организаций, а также более активные и прямые, но до сих пор туманные аспекты ложно сбалансированных репортажей, о которых будет сказано ниже.

Вышеуказанный лингвистический выбор включает в себя обширную терминологию, которая поддерживает то, что Банкс и Мюррэй описывают как существенное понимание этнической принадлежности. Использование описаний, находящихся на уровне этнической принадлежности, включало такие ярлыки, как «сербы», «хорваты» и «мусульмане», использовало их высший уровень политической идентичности; следует отметить, что мусульмане гораздо больше подходили для боснийской группы, включающей евреев и христиан, некоторые из которых были сербами или хорватами. Повторяющееся обращение к другим терминам, напоминающим об этнической принадлежности, включая «этническая гражданская война», «этнические группы», «этнические чистки» и др., ещё раз подтверждает этот образец.

Замечание Паренти о «ложной сбалансированности» имеет прямое отношение к телевизионному освещению новостей в Боснии. В сущности, это когда СМИ пытаются создать впечатление беспристрастности, предъявляя равные обвинения обеим сторонам, которые виновны вовсе не в одинаковой степени. Я выделил несколько форм такой сбалансированности, которая различными способами подтверждает равную ответственность за участие в войне. Наиболее заметная — «передача очевидной ценности», происшедшая в рассматриваемый период. Это случается, когда журналист принимает за очевидную ценность то, что общеизвестно или предположительно неточно, и передает такую информацию общественности без «адекватного подтверждения или альтернативной реакции». Не упоминая о том, насколько достоверен сюжет, и выдавая его за чистую монету, пресса пропагандирует дезинформацию» (р. 194). Другие формы ложной сбалансированности исходили как от самих журналистов, так и от официальных лиц Сербии.

Моя суммарная оценка телевизионного очерчивания войны, которая при поверхностном рассмотрении не отличается от общепринятой, заключается в том, что очерчивание во многих отдельных индивидуальных репортажах и в целом за почти шесть месяцев было амбициозным в центральном вопросе войны — о каузальности и атрибуции ответственности и актуальной природе войны. Хотя рамки морального уравнивания и сербской агрессии были наиболее заметными, их в целом противоречивая природа приводила к двусмысленности и неопределенности.

Данное исследование подкреплено вторым главным заключением об очерчивании на радио и телевидении проблем геноцида. О геноциде как таковом в указанный период не сообщалось. Несмотря на наличие различных свидетельств о систематических преступлениях против боснийцев в Восточной Боснии, о разрушении исторических монументов и памятников искусства и массовой депортации выживших после нападения, соединения с Белградом не последовало. Систематические нападения и осторожные проверки фактов резни стали важными элементами отсутствия сообщений о геноциде на телевидении и, за некоторыми исключениями, в прессе. В итоге неудивительно, что, несмотря на отчаянные жалобы боснийских лидеров, ярлык «геноцид» не используется на телевидении или в прессе. Однако к концу весны некоторые газеты время от времени и ненавязчиво (используя кавычки), использовали нацистский термин «этническая чистка». Телевизионщики также стали использовать этот термин после «открытия» концлагерей. Для британцев данный термин был неологизмом, который требовал объяснения и определения. Я думаю, что он стал обозначать изгнание или вытеснение граждан. Так, если рассматривать геноцид как попытку установить этническое единство,

сообщение об «этнических чистках» подрывает возможности понимания действительной природы сербской кампании против народа и государства Боснии.

Поэтому неудивительно, что опосредованные телевизионные дебаты о политических действиях в отношении проблем в Боснии строго ограничивались способом, которым сами эти проблемы были очерчены для публичного дискурса. Не было необходимости в действиях по предотвращению геноцида в Восточной Боснии в первые месяцы. Наиболее подходящие и эффективные варианты эмбарго на использование оружия, распространявшиеся на вооруженные и активные боснийские войска, а также на воздушные атаки НАТО против сербских войск, были просто упомянуты в данный период. Дискуссии сфокусировались на невозможности интервенции (уже практиковавшегося типа интервенции в Персидском заливе), включая сотни тысяч американских и британских войск, которые в то же время действовали в Боснии, что было описано как циничная попытка активизировать такое содействие любыми средствами. Другие варианты, включая «коридоры» или военные эскорты помощи, надежное укрытие под защитой ООН и различные санкции, были внимательно изучены. Когда ужасы концентрационных лагерей стали известны общественности — термин «лагерь смерти» был дезавуирован — что-то необходимо было сделать для Боснии. Однако способ, которым была очерчена и, следовательно, определена боснийская проблема, применял в данной ситуации терминологию типа «мрачные места», «никаких героев, только злодеи». Многие исследования показали, что даже в период существования лагерей однозначность сербской ответственности была далека от очерченных рамок. Вместо этого все затрагивали тему лагерей и ужасающих зверств. Военные эскорты гуманитарной помощи, преследующие цель прекратить голодные смерти захваченных граждан и ранения мирного населения от снайперского и артиллерийского огня, в этом свете отлично подходили для урегулирования проблемы в Боснии, устанавливали зону вялотекущих конфликтов, в которой жило ее население, где иногда возникала резня, в частности массовые убийства в Сребренице (Kent 2003).

Важные вопросы для исследования: почему новостные организации усложняли, запутывали и в конечном счете получали информацию, которая настолько неверно определяла проблему в Боснии? Не предполагает ли идеал журналистской независимости от правительства установления пределов критики СМИ иностранной политики и представления различных перспектив деятельности, предпринимаемой официальными властями по отношению к важным международным кризисам?

Индексирование

В противовес ожиданиям, скрытым в данном вопросе о свободных и независимых СМИ, норма индексирования — это скорее правило, чем исключение. Индексирование означает сообщение индекса, или корреляцию спектра новостных дебатов о проблемах и политике по отношению к спектру дебатов среди избранных политиков. Значительный вклад в эту концептуализацию сделали Сигал (1973), Ганс (1980) и Фишман (Mermin 1999). Такое правило крайне удобно для новостных организаций, потому что единственный источник минимизирует трату времени и денег и максимизирует выражаемое доверие (Mermin 1999, p. 19). Однако когда нет политических дебатов (в Вашингтоне или Вестминстере) и есть только консенсусы, индексация позволяет критиковать политику. Журналисты могут найти такую критическую точку, когда существующая политика уже не срабатывает. Такая перспектива является необходимой для репортажей, однако стоит ли правительству, оппозиционной партии или другим избранным представителям говорить о масштабах журналистской критики, которая не доходит до репортажей? Так, параметры независимого репортажа кажутся довольно узкими и предположительно не могут предоставлять гражданам адекватную информацию о политических решениях. В ситуации, когда существует политический консенсус, скорее в США, чем в Великобритании с её многопартийной системой, без

других мнений, полученных из Вестминстера, граждане оценивают происходящее по правительственным меркам. Может создаться впечатление, что такие репортажи подрывают основы роли «сторожевого пса», когда пресса функционирует как противовес правительству, «предоставляя общественности информацию из независимых источников и формируя мнения о политических событиях». Теория «сторожевого пса» предполагает, что «необходим тщательный анализ правительственных решений, включая наиболее важные из них, о том, использовать или нет военные силы» (Thralл 1996, pp. 342—343). Однако «если политики наделены властью устанавливая свои собственные мерки и ограничивать дебаты в новостях, такой анализ сталкивается с препятствиями». Мермин (1999, p. 20) поясняет, что индексирование не учитывается при отражении актуальных проблем и политики, но важно при подтверждении и воспроизводстве новостей о «стратегических подсчетах политиков» (pp. 25—26).

Для отдельных авторов, включая Дормана, Ливингстона, Энтмана, Пэйджа, Ганса и Санштайна, которые освещают перспективы принятия решений о зарубежной политике, индексация норм видится фундаментальной для журналистской независимости. Ганс выступает за полиперспективность, которая представляет все альтернативы. Другие, например Цаллер и Палец, полагают, что исключение журналистов из общественной сферы через определение круга политических альтернатив «возлагает нереальные ожидания на новостные СМИ» (Paletz 1994, pp. 285—286). Мермин соглашается, что полиперспективности присущи некоторые фундаментальные практические проблемы, но заключает, что подход, который расширяет понятия того, чьи взгляды находятся вне ограничений экспертов, связанных с правительством, и простых публичных замечаний, необходим. Бенетт (1990, p. 113) считает, что длительное применение индексированных норм подрывает демократический идеал прессы как «сторожа демократии». Журналистская практика предоставления правительственным чиновникам «привилегированного права голоса в новостях показывает, что это резонно, пока круг политических дебатов на обсуждаемую тему не будет исключать или «маргинализировать» устоявшееся общественное мнение» и «пока официальные действия не вызовут сомнений в правомерности политических действий» (p. 104). В дополнение к этому можно упомянуть, особенно в отношении глобального кризиса, что пока официальные действия вызывают сомнения по поводу соблюдения международных законодательных обязательств, например Конвенции о геноциде. Если говорить о Боснии, неспособность ООН предоставить необходимую защиту или помощь и наложение запрета на применение оружия — яркий пример несоблюдения законодательных обязательств. Ещё один пример — неспособность Великобритании и других западных государств предотвратить и остановить геноцид в соответствии с Конвенцией о геноциде 1948 года.

Заключение

Война и геноцид в Боснии, наиболее жестокие в Европе после Второй мировой войны и холокоста, привели к неадекватной политической реакции со стороны ЕС и США. Центральная роль Великобритании в ограничении жесткого вмешательства в разрушительные планы Белграда, связанные с территориальной экспансией, обусловлена также ролью британских СМИ в освещении кризиса. Выше была рассмотрена, в частности, роль телевидения; обнаружилось, что очерчивание важных аспектов «проблемы в Боснии» могло бы определить то, какие политические варианты подходили бы для политиков и были бы приемлемы для британцев. Выбранный вариант помощи осажденным боснийским войскам оружием и поддержкой с воздуха не получил адекватного освещения в новостных СМИ в исследуемый период, потому что кризис не был определен способом, подразумевающим приемлемость такого варианта.

Среди теоретических проблем данного исследования можно назвать тот факт, что индексирование, как оно сегодня понимается новостными организациями, не позволяет

привлекать государства к ответственности за проведение политики военной агрессии и геноцида. Западные правительства составляют повестки дня на основе символических проблем, избегая эффективных действий, решающих реальные проблемы. Определяя масштаб проблемы и её базовые контуры для общественности, государство может ограничить альтернативные мнения о политической деятельности при минимальном количестве независимых и критических репортажей. Очерчивание СМИ в случае Боснии было привязано к официальным британским перспективам морального уравнивания и уклонения от признания факта геноцида, несмотря на очевидные свидетельства. Обзор специальной литературы о СМИ и геноциде в Руанде показал схожую неготовность определять такие международные проблемы, как насильственные действия, требующие адекватной ответной реакции⁷⁴³. Случай Великобритании и Боснии продемонстрировал, что модель пропаганды широко обсуждается в критической литературе последних лет, применяясь в равной степени к странам, которые пытались избежать войны, и к тем, которые адаптировались к военным условиям.

Серьезным организациям СМИ необходимо пересмотреть свою политику освещения геноцида и войны. Наиболее важным видится удерживать правительства в рамках международных юридических обязательств, например Конвенции о геноциде, рационально расширять нормы индексации. Иногда требуются активные дискуссии с использованием альтернативных и стандартных предложений и критики, чтобы изменить язык официальных источников, повествующих о геноциде. Первый шаг может потребовать признания того, что СМИ не уделили достаточного внимания жертвам предшествующих фактов геноцида. Обзорение того, как СМИ освещают события, вызвавшие недавнюю войну в Ираке, демонстрирует, что новостные организации и многие газеты отражают проблему отравления газом 5 000 курдов, что было осуществлено партией Баата в Халабии в 1988 году, но избегают любого упоминания о гораздо более важном факте — кампании геноцида *Al Anfal*, важной и символической частью которой была атака на эту деревню. Раскрытие того факта, что согласно свидетельствам наблюдателей по правам человека, убито около 100 000 курдов, возлагает на государство ответственность за прошлые ошибки, настоящую и будущую несостоятельность в обеспечении защиты человеческих прав.

Литература

ALMOND, M. 1994. *Europe's Backyard War. The War in the Balkans*. London: Mandarin.

BACHRACH, P. and BARATZ, M. 1970. *Power and Poverty: theory and practice*. New York and London: Oxford University Press.

BENNETT, C. 1995. *Yugoslavia's Bloody Collapse: causes, course and consequence*. London: C. Hurst & Co.

BENNETT, W. Lance. 1990. «Toward a Theory of Press-State Relations in the United States». *Journal of Communication* 40: 103-125.

CIGAR, N. 1995. *Genocide in Bosnia: The Policy of Ethnic Cleansing*. College Station: Texas A&M University Press.

COBB, Roger W. and ELDER, Charles D. 1972. *Participation in American Politics. The Dynamics of Agenda-Building*. Baltimore: John Hopkins University Press.

COBB, Roger W. and ROCHEFORT, David A. (ed.). 1994. *The Politics of Problem Definition: Shaping the Policy Agenda*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas.

3 См., например, Erikson (1996); Shaw (1996); Wheeler (2000); Melvern (2000); Destexhe (1995); Philo (1996); McNulty (1999); Ignatieff (1997).

- COHEN, Akiba A. and WOLFSFELD, G. (ed.). 1999. *Framing the Intifada*. Norwood, NJ: Ablex.
- COHEN, Philip J. 1996. «The Complicity of Serbian Intellectuals in Genocide in the 1990s». In: T.CUSHMAN and S. G. MESTROVIC (ed.). *This Time We Knew. Western Responses to Genocide in Bosnia*. New York: New York University Press.
- CHOMSKY, N. and HERMAN, E. 1998. *Manufacturing Consent*. New York: Pantheon.
- CUSHMAN, Thomas. 1997. *Critical Theory and the War in Croatia and Bosnia*. Seattle: Jackson School of International Studies.
- DEARING, James W. and ROGERS, Everett M. 1996. *Agenda-setting*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- DENITCH, B. 1996. *Ethnic Nationalism. The Tragic Death of Yugoslavia*. Minneapolis: University of Minneapolis Press.
- DESTEXHE, A. 1995. *Rwanda and Genocide in the Twentieth Century*. (trans. Alison Marshner). London: Pluto.
- DOLBEARE, Kenneth M. and EDELMAN, Murray J. 1977. *American politics: policies, power, and change*, 3rd ed. Lexington, Mass.: Heath.
- DONIA, R. J. and FINE, John V. A. Jr. 1994. *Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed*. London: Hurst.
- ENTMAN, R. 1991. «Framing US Coverage of International News». *Journal of Communication* 41: 6-27.
- ENTMAN, Robert. 1993. «Framing: Towards clarification of a fractured paradigm». *Journal of Communication* 43: 51-58.
- ERIKSSON, J. 1996. *The International Response to Conflict and Genocide: Lessons from the Rwanda Experience — Synthesis report*. Joint Evaluation of Emergency Assistance to Rwanda.
- GANS, Hubert J. 1980. *Deciding What's News*. NY: Vintage Books.
- GARDE, P. 1992. *Vie et Mort de la Yougoslavie*. Paris: Fayard.
- GOW, J. 1997. *Triumph of the Lack of Will. International Diplomacy and the Yugoslav War*. London: Hurst and Co.
- GUNTER, B. 2000. *Media, Research Method: Measuring Audiences, Reactions and Impact*. London: Sage.
- GUTMAN, R. 1993. *Witness to Genocide*. Longmead: Element.
- HASTINGS, A. 1994. *SOS Bosnia*. London: Alliance to Defend Bosnia-Herzegovina.
- HITCHENS, C. 1993. In: A. RABIA and LIFSCHULTZ. *Why Bosnia? Writings on the Balkan War*. Stony Creek: the Pamphleteer's Press, Inc.
- HOARE, Quintin and MALCOLM, Noel. 2000. *Books on Bosnia*. London: The Bosnian Institute.
- HOLBROOKE, R. 1998. *To End a War*. New York: Random House.
- IGNATIEFF, M. 1997. *Warrior's Honor: ethnic war and the modern conscience*. London: Chatto.
- JUDAH, T. 1997. *The Serbs: history, myth and the destruction of Yugoslavia*. New Haven and London: Yale University Press.

- KENT, G. 2003. *Framing War and Genocide: British news media and government policy on Bosnia*.
- KINGDON, John W. 1995. *Agendas, alternatives, and public policies*, 2nd ed. New York: HarperCollins College Publishers.
- MAAS, P. 1996. *Love Thy Neighbour: a story of war*. London: Macmillan.
- MAGAS, B. 1993. *The Destruction of Yugoslavia: Tracking the Break-Up 1980-92*. London: Verso.
- MALCOLM, N. 1994. *Bosnia: a Short History*. London: Papermac.
- MAZOWER, M. 1992. *The War in Bosnia: an analysis*. London: Action for Bosnia.
- MCNULTY, M. 1999. «Media Ethnicization and the International Response to War and Genocide in Rwanda». In: T. ALLEN and J. SEATON (ed.). *The Media of Conflict. War Reporting and Representations of Ethnic Violence*. London: Zed Books.
- MELVERN, L. 2000. *A People Betrayed: The Role of the West in Rwanda's Genocide*. London and New York: Zed Books.
- MERMIN, J. 1999. *Debating war and peace: media coverage of U.S. intervention in the post-Vietnam era*. Princeton, N.J. Princeton University Press.
- MESTROVIC, S. (ed.). 1996. *Genocide After Emotion: the postemotional Balkan war*. London and New York: Routledge.
- MEYER, David S. 1995. «Framing National Security: Elite Public Discourse on Nuclear Weapons During the Cold War». *Political Communication* 12: 173-192.
- MOJZES, P. 1994. *Yugoslavian Inferno: ethnoreligious warfare in the Balkans*. New York: Continuum.
- PALETZ, D. and BENNETT, L. (ed.). 1994. *Taken by Storm. The Media, Public Opinion and US Foreign Policy in the Gulf War*. Chicago: University of Chicago Press.
- PALETZ, D. 2002. *The Media in American Politics. Contents and Consequences*. New York: Longman.
- PARENTI, M. 1993. *Inventing Reality: The Politics of News Media*. New York: St Martin's Press.
- PHILO, G., HILSUM, L., BEATTIE, L. and HOLLIMAN, R. 1996. *The Media and the Rwanda Crisis: Effects on Audiences and Public Policy* (unpublished).
- RAMET, S. 1999. *Balkan Babel. The disintegration of Yugoslavia from the death of Tito to the War in Kosovo*. Boulder: Westview Press.
- RIEFF, D. 1995. *Slaughterhouse: Bosnia and the Failure of the West*. London: Vintage.
- SCHATTSCHEIDER, E. E. 1960. *The semisovereign people: a realist's view of democracy in America*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- SELLS, M. 1996. «Religion, History, and Genocide in Bosnia-Herzegovina». In: G. SCOTT DAVIS (ed.). *Religion and Justice in the War over Bosnia*. London and New York: Routledge.
- SHAW, M. 1996. *Civil Society and Media in Global Crises: Representing Distant Violence*. London: Cassell.
- SIGAL, Leon V. 1973. *Reporters and Officials*. Lexington, Mass.: D.C. Heath.
- SILBER, L. and LITTLE, A. 1995. *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin/BBC.

SIMMS, B. 1996. «Bosnia: The Lessons of History?» In: T. CUSHMAN and S. G. MESTROVIC (ed.). *This Time We Knew. Western Responses to Genocide in Bosnia*. New York: New York University Press.

STANNARD, David E. 1996. «Uniqueness as Denial: The Politics of Genocide Scholarship». In: A. S. ROSENBAUM (ed.). *Is the Holocaust unique? Perspectives on comparative genocide*. Boulder: Westview Press.

SUDETIC, Chuck. 1998. *Blood and Vengeance: one family's story of the war in Bosnia*. New York: W.W. Norton & Co.

TANNER, M. 1997. *Croatia. A Nation Forged in War*. New Haven: Yale University Press.

THRALL, A. Trevor. 1996. *War in the media age*. Cresskill, N.J.: Hampton Press.

THOMPSON, M. 1992. *A Paper House: the Ending of Yugoslavia*. London: Hutchinson Radius.

THOMPSON, M. 1994. *Forging War: the media in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina*. London: Article 19.

VULLIAMY, Ed. 1998. «Bosnia: the crime of appeasement». *International Affairs* 74, 1: 73-92.

WHEELER, Nicholas J. 2000. *Saving Strangers. Humanitarian Intervention in International Society*. Oxford: OUP.

Глава 3

Роль сербских средств массовой информации во время войны и в процессе миротворчества

Даниэль Сантер¹⁷⁵¹

Трагические события последних десятилетий в бывшей Югославии, последствия которых ощущаются в регионе до сих пор, представляют собой ценный и достоверный источник для понимания роли СМИ во время войны и в процессе миротворчества. Осознавая, что нация не была готова осуществлять цели бывшего коммунистического аппарата управленцев, режимы Слободана Милошевича в Сербии и Франьо Туджмана в Хорватии завладели контролем над государственными СМИ. Под их прямым контролем государственные СМИ стали машинами по пропаганде национализма, ненависти и ксенофобии, убеждая свои нации в существовании высших причин того, почему каждая из них должна жертвовать всем, включая человеческие жизни.

После прихода к власти в Сербии в 1987 году Слободан Милошевич объявил, что одним из приоритетов, необходимых для полного осуществления его политического курса, является контроль над наиболее влиятельными и важными СМИ. Первой компанией СМИ, которая попала под его контроль, стала наиболее уважаемая ежедневная сербская (и старейшая на Балканах) *Politika*, сделавшаяся одним из главных оплотов военной политики Милошевича, а также инструментом распространения этнической ненависти и политических предубеждений. Следующей в его списке стала Сербская государственная телерадиовещательная компания, которую режим получил в свое распоряжение в середине 1991 года после издания закона, делавшего сербское правительство ответственным за управление «Радио и телевидением Сербии» (RTS), а также за назначение генерального директора компании.

Оппозиционные партии, которые отказались следовать политической линии Милошевича и предлагали альтернативные политические курсы, представлялись только в негативном свете. Попытки оппозиции получить прямой доступ к этим СМИ и требования такого же отношения, какое масс-медиа проявляли к правящей партии, привели к первым массовым демонстрациям в Белграде в марте 1991 года. Во время этих демонстраций государственное телевидение называли «TV Бастилия» режима Милошевича. Демонстрации закончились, когда на улицы выехали танки и когда власти наложили временный запрет на работу двух единственных независимых станций в Белграде — Radio B92 и городского телеканала Studio B. Эти демонстрации были первым признаком глубокого недовольства общества. После неудачи первых демонстраций гражданские протесты повторялись почти в течение года. Однако это серьезно не угрожало режиму Слободана Милошевича, который основывался на нескольких столпах власти, как-то: тотальный контроль экономики, системы правосудия, полиции и армии, а также монополия над городскими СМИ, теле- и радиовещанием.

Хотя Милошевич частично пошел на уступки демонстрантам, уволив генерального редактора и генерального директора государственного телевидения, последние были замещены членами всё той же политической матрицы. Журналисты, которые отказались

1 Институт освещения войны и мира (IWPR), на создание которого прямо повлияла война в бывшей Югославии, известен в регионе и за его пределами как неправительственная организация, первоначальная цель которой — повысить стандарты и укрепить журналистику в конфликтных зонах. Обучая репортеров, содействуя диалогу и предоставлению достоверной информации, он выступает в поддержку мира, демократии и развития обществ, переживающих кризис и социальные изменения. Он активно действовал, в частности, в бывшей Югославии, но в настоящий момент также работает в Афганистане, Центральной Азии, на Кавказе и в Беларуси.

критиковать оппозицию и присоединились к независимому объединению, требовавшему объективных, беспристрастных репортажей, были уволены. Одна треть из 1 300 работников государственного телевидения была уволена по политическим причинам. В ноябре 1991 года Милошевич взял на себя руководство государственным новостным агентством *Tanjug*, которое было немедленно трансформировано в средство пропаганды авторитарного режима.

СМИ готовят нацию к войне

Непосредственно до начала конфликта СМИ сербского режима старались обратить внимание на несправедливости, которые совершались по отношению к сербам и Сербии за последние 50 лет существования бывшей Югославии, и на ненадежность позиции этнических сербов в Хорватии. Государственное телевидение Сербии стало ежедневно транслировать шокирующие документальные фильмы об ужасах Второй мировой войны, которые сербы, евреи и румыны пережили при хорватском нацистском марионеточном режиме. В это время предвзятые комментарии преобладали над чисто фактическими информативными сообщениями. Такие комментарии были в основном сфокусированы на исторических несправедливостях против сербского народа и на справедливости войн за свободу, которые Сербия проводила в прошлом. Так, начали ежедневно публиковать серии исторических очерков об опасностях, которые угрожают сербским общинам, о необходимости войны, о крайней необходимости достичь национального единства и т. д. Одновременно были сделаны комментарии и показаны интервью с националистически ориентированной интеллигенцией, с учеными, которые детально излагали величественность и возвышенность сербской идеи и рассказывали о жертвах режима Тито в бывшей Югославии. При освещении происходящих событий или напряженности между этническими сербскими общинами и хорватскими властями в Загребе белградская ежедневная *Politika* с середины 1991 года стала употреблять термин «усташи» по соотношению к хорватской полиции и секретным службам. Таким образом, в свете последних событий в контексте хорватского нацистского движения Второй мировой войны хорватские вооруженные силы также получили названия «военизированные образования» или «политическая партия присоединенной армии», в то время как сербские формирования в Хорватии назывались «защитниками» или «спасителями» и всё чаще ссылались на «измученный и изгнанный» сербский народ.

Независимые СМИ в Сербии

Одна из существенных характеристик авторитарного режима Милошевича состоит в том, что он, очевидно, не проявлял никакого интереса к возможности получить контроль над всеми СМИ в Сербии. Он использовал этот факт в последующие годы в целях пропаганды, утверждая, что во время его правления журналистская свобода в Сербии процветала и что существовало множество разнообразных СМИ. Марк Томпсон в своей книге «Ковка войны» заметил (1999, р. 106): «Правительство и правящая партия не подавляют критику. Региональные СМИ встречают различные преграды... но независимые СМИ в Белграде в основном могут говорить то, что хотят — несмотря на то, что они в любой момент могут подвергнуться полицейскому террору. В результате в столице образовалось журналистское подобие сафари-парка, международные СМИ отмечают экзотическую фауну... Белград по отношению к Сербии является ораторской трибуной в Гайд-парке в Лондоне. Каждый говорит то, что хочет, и это никого не волнует».

Режим Милошевича использовал различные методы для того, чтобы давить на независимые масс-медиа и снизить их важность. Кроме осуществления полицейских репрессий и принятия отдельных законов, режим проводил жесткие кампании против них, используя государственные СМИ. Режим описывал независимые СМИ как злонамеренные, называл их изменниками, иностранными наемниками и часто делал

акцент на том, что они получают финансовую помощь от антисербских международных объединений и организаций. Кампания зашла так далеко, что независимые СМИ были обвинены в попытках разрушить целостность сербского народа, в подстрекательстве к началу гражданской войны просто потому, что они критиковали режим и выражали альтернативные взгляды. Оппозиция средствам массовой информации режима Милошевича состояла в начале его правления из трех белградских компаний: Radio B92, ежедневной *Borba* и еженедельного журнала новостей *Vreme*. Radio B92 в 1989 году представляло собой маленькую городскую радиостанцию. За короткий период времени этот локальный городской радиовещатель, со специфическим стилем, вкусом и своим подходом к коммуникации со слушателями, развился в радио, вещающее о текущих событиях наиболее надежно и объективно.

Пока его популярность стремительно возрастала, Radio B92 начало общественные кампании против войны, ненависти, бедности и политических манипуляций простыми людьми. За время войны в Хорватии и даже в Боснии Radio B92 предлагало такое изображение текущих событий, которое полностью отличалось от представленного милошевичской пропагандой. Радио сотрудничало с похожими независимыми СМИ в Сараево и Загребе, так что было возможным услышать о другой стороне войны в Белграде, узнать о разногласиях в Сараево и получить более реалистичную картину происходящего. Когда его вещание ограничили территорией Белграда, радио больше не было доступно сербской аудитории как информационная альтернатива, которая противостояла ежедневной пропаганде милошевичских государственных СМИ. Ситуация с телевидением Studio B92, которое можно было смотреть только на территории Белграда, была более или менее схожей.

Ежедневная *Borba* была информационной альтернативой другим изданиям, она предлагала общественности разностороннюю картину реальности. Беспристрастно сообщая о событиях в Сербии и передавая международным агентствам новостей сюжеты о столкновениях в Хорватии и Боснии, эта газета стала популярной. Пик её популярности пришелся на период гражданских протестов 9 марта 1991 года, когда было продано 140 000 экземпляров. *Borba* постоянно была мишенью для режима. Желая разрушить её влияние, режим запретил её распространение и продажу государственными компаниями. Только одна местная типография могла печатать газету, но по двойной цене, реклама государственных компаний в газете была запрещена. Это привело к резкому возрастанию цены *Borba* и сокращению тиража газеты, которая перестала быть доступной за пределами Белграда. В 1993 году тираж сократился до 7500 экземпляров, и давление государства завершилось распоряжением суда, разрешающим федеральному правительству взять *Borba* под контроль. Позже её сотрудники организовали новую ежедневную газету *Nasa Borb*, однако из-за низкого тиража и высокой цены её читали только узкий круг преданных читателей Белграда.

«Подходящие» развлечения в СМИ

В стране, ослабленной войной и вооруженными конфликтами, которая к тому же переживала разрушение общественных ценностей, авторитарный режим Слободана Милошевича содействовал росту числа развлекательных вещателей, которые режим считал полезными для своей политики. К тому же они предлагали обществу дешевые развлечения. Это привело к разрастанию частных теле- и радиостанций, которые характеризовались выпуском легких развлекательных программ. Собственниками таких вещателей стали приближенные к режиму. Сербской аудитории демонстрировали большое количество так называемой турбо-фолк-музыки, пиратские голливудские блокбастеры, шоу в прямом эфире с ясновидящими и предсказателями судеб и даже порнографию. Наиболее яркий пример такой деятельности — это телекомпания *Pink and Palma*, которая покрывала почти всю территорию Сербии благодаря активной технической помощи со стороны режима.

Согласно книге американского социолога Эрика Гордии «Культура власти в Сербии: национализм и разрушение альтернатив» (1999), феномен прихода к власти Милошевича и связь между политическим, пропагандистским и социальным фактором объясняют, почему режим настаивал на существовании таких телеканалов.

Показывая гламур и роскошь, молодых девушек, одетых в минимальное количество одежды, телекомпания предлагает эскапистский уход от реальности, в которой живет общество. Акцент на различных видах удовольствия дополнял официальные заявления о международных санкциях против Сербии и бомбардировке Хорватии и Боснии, иными словами, акцент был сделан на том, что те отдаленные события не произойдут дома.

В дополнение к потере вкуса в развлечениях телевизионные каналы показывали специальные шоу, чтобы убедить зрителей в том, что является оправданной не только политика войны, проводимая Милошевичем, но и общий упадок сербского общества. С этой целью государственные телеканалы показывали шоу с участием различных экспертов, астрологов, предсказателей и других «волшебников», пытаясь объяснить сербскому народу, что Сербия была целью огромного исторического, религиозного и экспансионистского заговора. В самом начале конфликта предлагаемое объяснение состояло в том, что этот заговор имел место в Германии и был связан с неоплаченными политическими долгами Первой и Второй мировых войн. Теория заговора также затрагивала Ватикан и его антиправославные амбиции. Иногда высказывалась иная теория, что Сербия стала жертвой американского Нового мирового порядка. Когда война началась в Боснии, теория заговора распространилась на исламский фундаментализм.

Такие государственные институты, как Вооруженные силы Югославии, которые в первой половине 1990-х годов создали команду Group 60 для парапсихологической борьбы, сыграли важную роль в создании теорий заговоров и распространении ксенофобии. Члены этой группы, офицеры и психологи, предпринимали попытки убедить общественность через СМИ в том, что Запад вел специальную войну «промывания мозгов» против Сербии. Они находили доказательства этому везде: в игрушках в ресторанах Макдоналдс, в компьютерных играх и музыке. Кроме распространения ксенофобии, эти группы также получили задание мистифицировать и возвеличить власть режима и армии. Так, государство и окологосударственные СМИ распространяли информацию о секретном суперразрушительном оружии и энергетических щитах. Было заявлено, что Group 69 состоит из парапсихологов, которые могут отклонять ракеты и бомбы от их курса.

Влияние гражданского протеста 1996 года на сербские СМИ

Война в Боснии закончилась подписанием Дейтонского мирного соглашения 21 ноября 1995 года, и пропагандистский механизм режима Слободана Милошевича адаптировался к новым политическим тенденциям. СМИ заменили лозунги о разжигании войны и распространении среди народов ненависти на заголовки, которые восхваляли мирную политику Белграда, называя Милошевича миротворцем и описывая его как ключевую фигуру в установлении стабильности в регионе. Однако завершение войны и послабление международных санкций против Белграда не только сильно повлияли на развитие независимых СМИ в Сербии, но и повлекли за собой ряд новых репрессивных мер, которые применил режим Милошевича. Белградский режим продемонстрировал свои стремления к полной власти над сербскими радио- и телевизионными каналами 15 февраля 1996 года, когда Белград и Сербия потеряли свою единственную независимую телевизионную станцию «Белградское телевидение Studio B». После того как сербская полиция вломилась в помещение телестанции в центре Белграда, она отключила все вещательное оборудование. Коммерческий суд аннулировал регистрацию Studio B как акционерного общества, позволив Муниципальной ассамблее Белграда, которая контролировалась милошевичской Социалистической партией Сербии (SPS), получить полное управление телестанцией.

С этого года режим Милошевича начал использовать военное оснащение при осуществлении своих планов относительно независимых СМИ. Методы электронной войны, в частности электронного глушения волн, активно использовались против политически несогласных электронных СМИ. Так, сигнал вещания лидирующей независимой сербской радиостанции Radio B92 был прерван 9 марта 1996 года во время разговора сербских оппозиционных лидеров Вука Драсковича и Зорана Джинджича.

Как ответная мера против давления режима на электронные СМИ, которое возросло с 1996 года, были учреждены две независимые ежедневные газеты. Целью газет было покончить с монополией режима Милошевича над прессой. Белградский журналист Славко Курувия учредил ежедневную газету *Dnevni Telegraf*, которая кроме объективных новостей публиковала также информацию на острые темы, часто раскрывая компрометирующие факты об официальной власти. Также при финансовой помощи Австрии в том же году была основана ежедневная газета *Blic*. Газета в доступной форме предлагала краткую и объективную информацию. Эти две газеты восполнили собой нехватку прессы в Сербии, предоставляя в простом формате объективную и беспристрастную информацию, приемлемую для всех слоев населения; это было то, чего не смогли сделать элитная малотиражная *Nasa Borba* или независимые *NIN* и *Vreme*. Эти ежедневные газеты немедленно получили признание в Сербии, а режимные газеты *Politika*, *Ekspres Politika*, *Vecernje novosti* и *Borba* впервые за последние годы ощутили дух состязательности. Начав с тиража в 50 000 экземпляров, *Blic* стремительно достигла 230 000 и стала сербской ежедневной газетой с самым высоким тиражом. Одновременно стали снижаться продажи прорежимных ежедневных газет. Самая популярная из них, *Politika*, снизила свой тираж до 50 000 в первые месяцы 1997 года. Такая тенденция продолжалась вплоть до падения режима Милошевича.

Поворотным пунктом в развитии сербских независимых СМИ стал ноябрь 1996 года, когда в Сербии были проведены выборы. Оппозиционная коалиция «Вместе» победила на этих выборах почти во всех главных городах Сербии, включая Белград, но милошевичский режим отказался признать результаты выборов, что, в свою очередь, вызвало массовые протесты по всей Сербии. Механизм милошевичской пропаганды, использовавшийся как инструмент для распространения этнической ненависти и разжигания войны на протяжении предыдущих лет, теперь использовался для нападок на сербский народ. Вначале государственные СМИ просто игнорировали реальность — факт, что тысячи белградцев ежедневно выступали с протестами. Позже они стали замечать, очень коротко, что «небольшое количество людей», «хулиганы» и «иностранные миссионеры», «мешали движению общественного транспорта в центре города». Аккуратно подобранные государственные телеканалы представляли извращенную картину реальности — кадры нескольких десятков или нескольких сотен демонстрантов, предназначенные для того, чтобы доказать несущественность протестов, а также поддельные обзоры общественного мнения, в которых специально отобранные люди высмеивали и часто осуждали эти протесты. Раздраженные виртуальной реальностью, предложенной режимом Милошевича и его пропагандой, уличные демонстранты часто проходили по так называемому «маршруту СМИ»: марш через улицы Белграда между издательствами государственных СМИ — RTS, *Politika*, Radio Belgrad, *Borba* и *Vecernje Novosti*. Со свистом и песнями демонстранты бросали тысячи яиц в здания государственных СМИ, выражая свое мнение о государственных СМИ и милошевичской версии реальности. Каждый вечер в 19.30, во время трансляции новостей сербскими государственными телеканалами, люди выходили на улицы, на свои балконы или выглядывали из окон, включали громко музыку или устраивали шум. Режим предпочел репрессивные меры против демонстрантов и прежде всего против независимых СМИ, которые освещали драматические события, происходящие на улицах сербских городов. Специальными целями режима стали Radio B92 и Radio Index, единственные независимые электронные масс-медиа, которые вещали на всей

территории Белграда, так что люди могли следить за текущими событиями и слышать последние новости.

В дополнение к серьезным электронным помехам, которые сербские службы безопасности использовали против этих радиостанций в первые дни протестов, власти пошли дальше и 3 декабря убрали передатчик Radio B92, используемый также Radio Index. Министерство транспорта и коммуникаций (FRY) дало очень краткое разъяснение, что радиостанции не имели действующей лицензии на свою деятельность, не упомянув, однако, что власти игнорировали соответствующий запрос радиостанции с 1991 года. Несколько других местных радиостанций в Центральной Сербии разделили такую же судьбу, например радио BOOM 93 в родном городе Милошевича Поцареваке. Тем не менее меры, принятые режимом, произвели обратный эффект, потому что они вызвали ещё более многочисленные демонстрации в Белграде и сильнейшее осуждение со стороны мирового сообщества. Кати Мартон из Комитета по защите журналистов⁷⁶² полетела в Белград, чтобы защитить радиостанции. Сильное давление со стороны общественных протестов и международного сообщества привело к тому, что режим Милошевича позволил Radio B92 возобновить вещание своих программ 5 декабря.

Во время демонстраций режим также сфокусировался на печатных СМИ. По распоряжению правительства государственное издательство *Vorba* сократило количество экземпляров наиболее популярной ежедневной сербской газеты *Blic* с 230 000 до 80 000. Издательство объяснило свои действия «техническими проблемами». Во время демонстраций *Blic* также столкнулась с конфликтом между своими редакторами и владельцами, которые требовали меньшего освещения гражданских протестов. Хотя этот конфликт был крайне ситуативным, некоторые из редакторов и журналистов *Blic* перешли в оппозиционную газету *Demokratija*, которая открыто проводила антимилошевичскую политику. Несмотря на драконовские меры режима, гражданские протесты продолжались до 11 февраля 1997 года, когда Слободан Милошевич признал результаты выборов.

1997 год — формирование сети независимых радио- и телевизионных станций

Вместе с победой на выборах 1997 года сербская оппозиция получила контроль над несколькими десятками местных радио- и телевизионных станций, чьи сигналы покрывали почти всю территорию Сербии. В новых условиях и по инициативе редактора Radio B92 Верана Матича в Сербии была учреждена Ассоциация независимых электронных СМИ (ANEM). Тридцать независимых теле- и радиостанций по всей Сербии присоединились к ANEM. Большинство членов ANEM столкнулись с множеством проблем, включая устаревшее оборудование и неопытный персонал. Сформированная сеть СМИ получила прочный «тыл» и поддержку со стороны американского правительства (особенно от USAID и IREX) и от британского посольства в Белграде. Шестнадцать станций стали передавать свои программы в прямом эфире в июне 1997 года, а к июню 1998 года их число возросло до тридцати трех. Члены ANEM транслировали новости Radio B92 и BBC на сербском языке, так впервые сербское население получило возможность слышать информацию, не поставляемую подконтрольной режиму национальной системой «Радио и телевидения Сербии» (RTS).

Война в Косово в 1998—1999 годах

В 1998 году другой вооруженный конфликт обострился в населенной преимущественно албанцами южной сербской провинции Косово. В течение года сербский режим проводил свою кампанию по подавлению и ограничению свободы

2 Комитет по защите журналистов — международная неправительственная организация, созданная для защиты права журналистов освещать события без страха перед репрессиями. См. веб-сайт URL <<http://www.cpj.org/>>.

независимых СМИ как часть подготовки к войне в Косово. В ноябре 1998 года сербский парламент принял печально известный Акт об общественной информации, намереваясь подавить любую критику в стране. Он стал продолжением предыдущих декретов о специальных мерах в условиях угрозы, которые применялись в ответ на угрозы армии НАТО атаковать Сербию. Этот репрессивный закон создал критическую ситуацию для сербских СМИ. В результате две наиболее важные ежедневные газеты — *Nasa Borba* и *Dnevni Telegraph* — были закрыты. Согласно Акту об общественной информации СМИ можно привлекать к суду за статьи, комментарии или интервью, которые не одобряют официальный режим. Заседания суда были более чем результативны, обвиненных удерживали 24 часа после предъявления обвинения, так что не было времени подготовить защиту, и штрафы были очень высокими. Практически все лидирующие независимые СМИ в Сербии были оштрафованы и наказаны в соответствии с этим законом. Иски предъявляли обычно фантомные прорежимные организации или объединения граждан. В то же время государство запретило независимым СМИ транслировать иностранные радио- и телевизионные программы.

Пока проходили мирные переговоры о Косово во французском городе Рамбуйе, НАТО предприняло длительную воздушную атаку против Югославии 24 марта 1999 года. Война, которая продлилась до июня 1999 года, была использована режимом как предлог для окончательного подавления независимых СМИ. Была введена цензура, диссидентские издательства, как, например *Dnevni Telegraph*, одна из лидирующих независимых ежедневных газет, просто остановили выпуск своих газет. Информация о войне в Косово была подвергнута жесткой цензуре, поэтому изгнание 800 000 этнических албанцев из провинции не было освещено местными СМИ. За день до начала воздушной атаки режим взял под контроль Radio B92. Славко Курувия, владелец *Dnevni Telegraph*, был убит в Белграде 11 апреля, и преступники до сих пор не найдены. Всего за несколько дней до его убийства режимная газета опубликовала такой комментарий Курувии: «Предатели, которые желают здесь американских бомб, напрасно считают, что их измена будет забыта». То, что НАТО выбрало своей целью здание Телевидения Сербии 23 апреля, вызвало множество разногласий. Считалось, что станция работает как центр пропаганды милошевичского режима. Шестнадцать человек погибло во время этой атаки, в основном технический персонал. В журналистских кругах появился ряд этических вопросов: была ли атака такой цели оправдана, и ответствен ли за неё режим, так как, несмотря на предупреждения о возможных атаках, он заставил работников оставаться в здании.

Цензура прессы была отменена с завершением войны в Косово в июне 1999 года. Radio B92, однако, оставалось в руках режима, и его сотрудники были вынуждены работать нелегально. Во второй половине 1999 года — первой половине 2000 года власти провели кампании против оппозиционных партий и независимых СМИ. Государственная фабрика под различными предлогами отказывалась предоставлять газетную бумагу независимым СМИ, суровое применение Акта об общественной информации прежде всего ставило под вопрос финансовое выживание СМИ. Электронные СМИ были закрыты, саботированы, и их вещание прервано. Режим «занимался» электронной прессой, которую могли видеть или слышать на территории Белграда. Ситуация в столице становилась критической: Radio Index теперь оставалось единственным источником информации, но его вещание прерывали, и полиция часто силой закрывала радио. Власти начали открыто угрожать убийствами. В феврале 2000 года заместитель премьер-министра Сербии Войслав Сеселий заявил независимым СМИ, что они «не выживут», и назвал их «преступниками» и «американскими миссионерами». Генеральные репрессии продолжались до падения режима Милошевича и его поражения на президентских выборах в Югославии 24 сентября 2000 года. Во время президентской кампании государственные СМИ сделали всё, что могли, чтобы отдать Милошевичу приоритет, часто используя очевидно искаженные версии

реальности. За три дня до выборов газета *Vecernje Novosti* опубликовала фотомонтаж предвыборной кампании Милошевича в Черногории. Фотография состояла из двух идентичных частей: одна и та же группа людей была сфотографирована дважды, и две фотографии были соединены вместе, чтобы создать впечатление большого количества людей. И всё же результаты выборов показали, что кандидат от оппозиции Войслав Коштуница одержал убедительную победу. Режим отказался принять тот факт, что выборы были им проиграны, чем вызвал гражданское неповиновение. Сербия замерла. 5 октября, когда режим Милошевича был свергнут, демонстрации возобновились. Символ режима и механизма его пропаганды, здание Сербского государственного телевидения, стал целью демонстрантов. Захват здания символизировал собой крушение режима и его пропагандистского механизма.

Государственные СМИ

Одним из наиболее заметных последствий падения режима Милошевича 5 октября 2000 года стало драматическое и неожиданное изменение редакторской политики государственных СМИ. 5—6 октября оплот милошевической пропаганды — Телерадио Сербии (RTS), ежедневные газеты *Politika* и *Vecernje Novosti*, а также агентство новостей *Tanjug* трансформировались в течение ночи в такие СМИ, чье освещение новостей стало подобным освещению независимыми СМИ. Их главы, предположительно приближенные Слободана Милошевича, были замещены бывшими работниками этих же СМИ, которые были ранее уволены за оппозиционность правящему режиму. Смена персонала затронула самые верхние эшелоны руководства государственных СМИ. Были замещены директора и редакторы, а также ведущие, которые являлись для аудитории символами милошевического режима и пропаганды. Неожиданное изменение редакторской политики повысило рейтинги государственных СМИ. Так, вскоре после 5 октября программа главных новостей и текущих событий телеканала *Dnevnik 2*, транслируемая в лучшее вечернее эфирное время в 19.30, снова стала одной из наиболее популярных передач новостей.

Чтобы продемонстрировать принятие новой редакторской политики, Сербское государственное телевидение показало документальный фильм ВВС «Крик из могилы», в котором расследовалось избиение в июле 1995 года более 7 000 мусульман в Сребренице, Боснии. Однако государственные СМИ стали заложниками нерешительности новых властей и их нежелания признать возможность морального очищения тех, кто тесно сотрудничал с режимом Милошевича в государственных институтах. Постепенно проблема чрезмерного количества работников, типичная для всех институтов Сербии, выступила на передний план. Наиболее драматическая иллюстрация этому — случай Телерадио Сербии (RTS), количество работников которого насчитывало до 5 октября 8 000 человек. После политических изменений 2000 года штат сотрудников RTS сократился до 1 000 работников, остальные были уволены или ушли сами по личным причинам. Сербское правительство согласилось на то, чтобы ОБСЕ и голландская аудиторская компания Andesen провели исследование трансформации Телерадио Сербии в общественное вещание. Исследование, занявшее 400 страниц, показало, что в будущем количество работников RTS не должно превышать 4 000 человек. Однако рекомендации исследования не могут быть применены, пока государственная общественная вещательная компания, которая находится в процессе образования, не станет полноценно действующей.

Ежедневная *Politika* — единственный позитивный пример изменений СМИ после 5 октября. Во время президентских выборов в Сербии в конце 2002 года медиа-аналитики нашли, что газета наиболее разносторонне освещала предвыборную кампанию. Она также стала первым сербским средством массовой информации, которое привлекло иностранный капитал после падения милошевического режима. В 2002 году немецкий консорциум инвестировал 25 000 000 евро в компанию и получил 50 % её акций.

Положение независимых СМИ после 5 октября 2000 года

Приход к власти нового правительства покончил с репрессиями старого режима, которым подверглись независимые СМИ в течение десяти лет. Новые власти немедленно прекратили действия печально известного Акта об общественной информации 1998 года и заново созвали парламент, который был распущен в феврале 2001 года. Сербское министерство информации было упразднено, был введен мораторий на новые вещательные лицензии около 700 теле- и радиостанций в Сербии. Однако новые власти не проявляли готовности провести реформы в медиа-сфере, препятствуя предоставлению равных возможностей независимым, государственным и частным вещательным компаниям.

Вскоре после 5 октября медиа-эксперты и журналисты создали проект нового Акта об общественном вещании и общественной информации, моделью для которого послужили законодательства демократических стран. Однако сербский парламент несколько раз откладывал утверждение документа, пока 19 июля 2002 года Акт об общественном вещании не был одобрен.

Как наиболее важное достижение в законодательстве о СМИ со времени правления Милошевича Акт предписывал создание общественного вещательного агентства, которое бы проводило наблюдение и контроль за деятельностью вещательных компаний. Это управляющее агентство предназначалось для создания стратегий развития общественного вещания, выдачи лицензий, составления требований к различным программам, надзора за деятельностью вещателей, а также для защиты интересов несовершеннолетних, авторских прав и назначения наказания за трансляцию программ, призывающих к дискриминации, насилию или ненависти. Главным органом общественного вещательного агентства стал Совет по публичному вещанию, члены которого назначались сербским парламентом по предложениям различных уполномоченных органов, среди которых — парламент Автономной провинции Воеводина, сербское правительство, исполнительный совет провинции Воеводина, университет, ассоциация общественных вещателей и журналистов, ассоциация актеров кино и театра, неправительственные организации, сербская православная церковь и другие религиозные комитеты.

Законопроект об общественной информации также определял обязательства государственных органов по созданию агентств по информированию людей о работе своих органов. Закон предоставлял право на ответную реакцию и на исправление опубликованной информации, определял процедуру наложения запрета на публичное вещание в случае нарушения закона, право на распространение информации и др.

Эффективность применения Акта о вещании была сомнительна. Правительство и парламент откладывали выдвижение своих кандидатов в Совет и превысили предельный срок учреждения этого органа на 6 месяцев. Когда наконец 11 апреля были избраны 8 членов Совета, это произошло очень поспешно, и 2 члена Совета нарушили процедуру, предписанную Актом: кандидатура Ненада Текица была объявлена за 3 дня до выборов, в то время как кандидатура Владимира Цветковица — только в день выборов, хотя в Акте значилось, что имена всех кандидатов (и их биографическая информация) должны быть опубликованы как минимум на 30 дней ранее.

Ситуация усложнилась с назначением девятого представителя от Косово. Избранный 27 мая, Горан Раденович не мог занять такую должность из-за несоблюдения законодательных предписаний во время проживания в Косово. К тому же его кандидатура была поддержана двумя формально незаконно избранными советниками.

Итак, 3 из 9-ти членов Совета были избраны незаконно, следовательно, законность органа стала вызывать сомнения с самого начала, и надежды на то, что он будет эффективно и активно решать многочисленные проблемы, постепенно уменьшались. Ситуация ещё более обострилась 4 июня 2003 года, когда на собрании Совета

председателем был избран один из «нелегальных» членов совета. В результате Снежана Миливойевич — советник, назначенный Ассоциацией профессиональных СМИ и журналистики, — подала в отставку, объяснив это тем, что решение продолжать формировать Совет, несмотря на огромное количество нарушений и нелегальных действий уже на начальном этапе, неприемлемо. Вскоре к ней присоединился кандидат от неправительственных организаций Владимир Водинелич, который заявил, что Совет нарушает закон, отказываясь рассмотреть петицию о снятии с должности Горана Раденовича (B92 2003).

Благодаря вмешательству ОБСЕ в июне—июле 2003 года были проведены парламентские дебаты и голосование, чтобы решить проблему трех нелегальных членов Совета. На голосовании 14 июля 2003 года парламент поддержал их членство. Примечательно, что, если бы было принято другое решение, а именно о переизбрании кандидатов, результаты могли бы быть совсем иными. Как показало голосование, «сомнительные» кандидаты не получили необходимой поддержки, чтобы быть переизбранными (так решило большинство), однако из-за процедурных сложностей они остались в Совете (ANEM 2003).

Согласно данным нескольких СМИ от неправительственных организаций в Сербии применение Акта о вещании с этих пор оказалось под вопросом. Было сделано множество заявлений о необходимости приватизации государственных СМИ и уравнивания власти в рамках Совета, но они не получили резонанса. 21 января 2000 года основные партии Сербии составили коалиционное соглашение с целью создания нового сербского правительства, а также свержения избранного в 2003 году Совета и организации новых выборов (Media Task Force 2004).

В своем анализе «СМИ в Сербии — десять месяцев» (август 2001 года) главный редактор независимого телерадиовещательного канала B92 Веран Матич выразил мнение, что недостаток необходимых изменений в сфере СМИ имел место не по причине неудачно сложившихся обстоятельств, но в результате сознательного стремления людей заполучить политическую власть, чтобы удержать важные механизмы, используемые ранее милошевичским режимом для давления на СМИ. Ближайшие последствия такой ситуации — это сращение со структурой, унаследованной от недавнего прошлого. Это касается частных телевизионных компаний, например Pink и BK TV, которые получили лицензии и большую территорию для вещания и восстановили все свои привилегии. Однако независимые СМИ не получили ничего, что бы возместило несправедливость, от которой они пострадали в прошлом. Вещание на маленькой территории ограничивало для них возможность получать более существенный доход.

Так, компания Pink транслировала свои программы приблизительно на 90 % сербской территории и получала почти 60 % дохода от рекламы, в то время как B92 из-за сокращения территории вещания не получала ни одного процента от рекламных доходов. Это не только повредило развитию B92, но и поставило вопрос о её выживаемости на рынке СМИ, как описала ситуацию в декабре 2001 года главный редактор B92 Веран Матич. В своих публичных заявлениях Ассоциация независимых электронных СМИ и лидирующая независимая телерадиокомпания B92 предупреждали новые власти о необходимости регулировать сферу электронных СМИ, однако правительство чаще всего игнорировало эти предупреждения. «Если кто-то проявил мужество и смелость во время режима Милошевича, мы дадим ему медаль, но не лицензию на телевещание», — сказал сербский премьер-министр Зоран Джинджич в Вашингтоне 6 ноября 2001 года. Джинджич также заявил, что подобные лицензии будут предоставляться через публичную состязательность, так как это главный принцип демократии и рыночной экономики. Однако ничего не было сказано о времени и месте публичного состязания.

Между тем отношения между независимыми электронными СМИ и сербским правительством ухудшались, приостановка внесения изменений в законодательство

СМИ была тесно связана с тем, что Желико Метрович и Боголюб Карич, владельцы Pink и BK TV, всё более укрепляли отношения с сербским премьер-министром Джинджичем. Выпуски новостей и информационные программы вышеназванных телекомпаний стали заметно отклоняться в сторону правительственной линии. Кульминация этого процесса политизации телеканалов имела место в сентябре 2002 года, когда Pink и BK TV начали порочащую кампанию против В92, обвиняя независимую компанию в нарушении приватизационного процесса. Ссылаясь на анонимные письма, полученные от работников В92, Pink и BK TV использовали лучшее эфирное время, чтобы обвинить владельцев «Радиотелевидения В92» в нарушении законов при приватизации компании. Атака на В92 перекинулась на улицы Белграда. 4 октября неожиданно появились тысячи постеров с изображением главного редактора В92 Верана Матича и логотипом В92, внизу было написано «Пойман на воровстве». Матич опровергал эти претензии, обвиняя власти в препятствовании В92 вещать в национальном масштабе. Эта сфабрикованная атака на лидера независимого сербского вещателя привлекла внимание внутренней и внешней аудитории, включая IWPR (Институт освещения войны и мира), которые получили копию записи нескольких минут собрания сотрудников компании, из которой было четко понятно, что большинство работников согласны с методом приватизации, предложенным руководством. Атаки на лидирующее телерадио прекратились после того, как международное сообщество оказало сильное давление на сербские власти.

Анализ IWPR показал, что главным вопросом было, то пыталось ли правительство удержать монополию над СМИ, которую оно унаследовало от режима Милошевича. Пример атаки на В92 показал, что, несмотря на существенный прогресс, достигнутый после 5 октября 2000 года, процесс установления демократического сербского общества и стабильных независимых СМИ находится ещё на начальной стадии. Новые власти не сделали ничего, чтобы остановить волну судебных дел в отношении репортеров, которые выступали против войн 1990-х годов, против правительственной политики ненависти, а сейчас проводят кампанию по установлению профессиональных журналистских стандартов. Почти по 300 таким случаям уже прошли судебные разбирательства; большое количество репортеров были обвинены сторонниками бывшего режима и членами правящей коалиции. В октябре 2002 года, например, представитель Демократической партии Джинджича Радослав Любисавлевич обвинил В92 в клевете после прозвучавшей информации о том, что ему в 1994 году был вынесен двухлетний условный приговор за фальсификации и оскорбление власти. Любисавлевич не опроверг факты, но обвинил В92 в нанесении морального ущерба. Случаи недемократического отношения новых властей к прессе были отмечены также и через несколько лет. Независимые журналисты были неоднократно допрошены, в полиции требовали раскрыть их информационные источники. Ни сербское, ни югославское законодательство не содержало никаких положений, предусматривающих право отказа журналиста от раскрытия информационного источника. Новые власти воспользовались этим, и 8 августа 2001 года главный редактор *Blic* Веселин Симонович и внутренний политический редактор Дуско Вукайлович были допрошены по поводу их источников информации. Веселин Симонович был допрошен второй раз 24 ноября 2001 года вместе с Владимиром Радомировичем, редактором независимой газеты *Reporter*. Радомирович и Симонович были допрошены в связи с опубликованием в *Reporter* и *Blic* списка около 360 бывших и практикующих сербских полицейских, которые предположительно находились в списке свидетелей и подозреваемых Гаагского суда. С тех пор как представители СМИ отказались раскрыть свои информационные источники, высшие чиновники сербского Министерства внутренних дел заявили, что полицейские, которые хотят подать иски в суд против журналистов, могут смело это делать, и пообещали предоставить им законную помощь. В результате тринадцать журналистов подали судебные иски о клевете против Симоновича в Первый городской суд в Белграде 14 декабря 2001 года.

Журналисты сталкиваются с новыми угрозами

Кроме вышеперечисленных проблем, журналисты снова столкнулись с угрозой для жизни, теперь из-за расследований, связанных с организованной преступностью. После убийства Славко Курувии во время воздушных рейдов НАТО 11 июня 2001 года в Сербии был убит корреспондент газеты *Vecerenje Novosti* Милан Пантич, который провел расследование о криминале и коррупции в городе. Перед убийством Пантич получил несколько угроз. Согласно оценке криминальных экспертов, расследовательская журналистика в Сербии стала рискованным занятием, особенно если объект расследования касался преступности и коррупции. В период правления Милошевича полицейские, которые лично были вовлечены в коррупцию, не беспокоились по поводу разоблачающих репортажей, так как полиция и судебная система были коррумпированы. Теперь же газетная статья могла стоить криминальным или коррумпированным слугам народа должности и свободы, поэтому они стали применять любые возможные средства, чтобы воспрепятствовать журналистским расследованиям. Сербские журналисты известны как наиболее надежные и настойчивые критики коррупции и военных преступлений. Это привело к тому, что расследовательская журналистика в Сербии стала крайне опасной работой.

СМИ и военные преступления

Факт военных преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии, — одно из наиболее жестких табу в постмилошевичской Сербии, особенно для сербских СМИ. Поднятие вопроса о военных преступлениях, совершенных на территории бывшей Югославии, оказывается одним из главных препятствий для профессионалов СМИ в Сербии.

Первый и главный шаг СМИ в этом направлении был сделан главным редактором В92 Вераном Матичем в его проекте «Независимость для правды». Проект включал теле- и радиопрограммы, такие как «Правда, ответственность и примирение», «Сербская сторона войны» и «Катарсис». Он также включал и документальные фильмы: «Западная Словения» о преступлениях против этнических сербов в Хорватии; «Экономика разрушения» о периоде 1989—1999 годов; «Хорошие люди во времена зла» — серия позитивных примеров того, как обычные люди в различных районах Боснии и Герцеговины помогали и защищали друг друга; «Suva Reka» — документальный фильм, снятый совместно с албаноязычным Koha Vision TV, о резне албанцев в Косово; серии о судах Гаагского трибунала, с которыми сербское население не было до конца ознакомлено; и серии «Нетерпимость». В радиопередаче «Катарсис» сотни жертв всех национальностей бывшей Югославии делились своими горькими воспоминаниями и страхами. Программа «Сербская сторона войны» была основана на свидетельских показаниях и оценках непосредственных участников войн на Балканах — солдат, призывников, добровольцев, резервистов. В качестве части проекта по В92 был показан фильм «Похищение», рассказывающий о первом большом преступлении, совершенном против югославских граждан, — похищении шестнадцати мусульман из деревни Северин, расположенной около сербской границы с Боснией и Герцеговиной. Фильм отслеживает судьбы людей, которые по дороге на работу были захвачены в заложники боснийско-сербскими военизированными группировками и предположительно убиты.

Согласно Ebart Media Documentation, частной компании, которая архивирует печатные СМИ в электронном формате, для того чтобы их могли использовать редакторы, медиа-аналитики, около 636 статей, опубликованных белградскими СМИ за период с 20 сентября по 19 октября 2002 года, касались конфронтации, которая имела место в недавнем прошлом. Наиболее характерными темами были военные преступления (271 статья), пропущенные через ревизионистский взгляд на недавнюю историю (95). Большинство опубликованных статей касалось событий 1999 года, а

именно происшедшего в Косово. Сербов чаще всего называли преступниками и виновниками (164 статьи) событий, описанных в статьях; затем упоминались исторические и культурные обстоятельства (115); затем обвинялись хорваты (106). Большинство таких статей было опубликовано в белградских газетах *Politika* (137) и *Danas* (132). *Nacional* оказалась наименее заинтересованной в данной тематике (47), как, впрочем, и *Blic* (49). Соотношение статей, авторы которых видели в сербах жертв, и тех, в которых сербов называли преступниками и виновниками конфликтов, в значительной степени зависело от издателя. Так, равное соотношение наблюдаем в *Nacional* и *Blic*, тогда как в *Danas* превалирует негативная оценка. В *Politika* и *Glas javnosti* сербы характеризуются как жертвы в двух третях опубликованных статей.

Судебные разбирательства в Международном криминальном трибунале по преступлениям в бывшей Югославии (ICTY) в Гааге — также важная часть процесса миротворчества для сербов, испытавших все тяготы последствий конфликта в бывшей Югославии, за что ответствен режим Милошевича. Так, сербы имели возможность видеть по В92 прямую трансляцию судебных заседаний Гаагского трибунала и получить много ранее недоступной информации. Другие телеканалы, независимая и государственная пресса тоже ежедневно сообщали о судах в Гааге. Через корреспондентов и ассоциации в Гааге и в Сербии, а также через еженедельные местные публикации IWPR содействовал информированию сербской общественности о ходе судебных процессов в Гааге и о проблемах военных преступлений с точки зрения представителей от Сербии. Ebart Media Documentation анализировала отношение сербских СМИ к Гаагскому трибуналу. Во второй половине 2003 года, с тех пор, как они начали исследовать вышеназванные проблемы, было опубликовано около 4 000 статей. Примерно половина из них рассказывала о судебном разбирательстве дела Слободана Милошевича. По большей части репортажи о ICTY были нейтральными: 65 % статей были написаны в нейтральном стиле; 8 % выступили в поддержку; 27 % процентов статей выражали негативное отношение.

Заключение

Средства массовой информации сыграли очень важную роль в демократизации и развитии сербского гражданского общества. Обычно, когда начинается переходный процесс, СМИ работают беспристрастно и объективно. Так, была установлена в некотором роде преемственность по отношению ко времени правления Милошевича. Государственные СМИ содействовали этому процессу, предоставляя разностороннюю информацию и распространяя ранее не существовавшее чувство состязательности между государственными и независимыми СМИ. Однако и государственные, и независимые СМИ теперь отражали многие проблемы сербского общества, а также специфические условия, в которых им приходилось работать в последнее десятилетие. Согласно обзору Независимой ассоциации сербских журналистов (NUNS) и опросу общественного мнения агентства «Стратегический маркетинг» 2002 года многие журналисты заявили, что с удовольствием сменили бы профессию. Более половины из них не желали, чтобы их дети стали журналистами. Наибольшее количество опрошенных ссылались на политическое давление на редакторскую политику (45 %), самоцензуру (37 %) и недостаток смелости у некоторых редакторов (23 %) как на ограничивающие факторы. Когда журналистов спрашивали, с каким словом они ассоциируют свою профессию, чаще всего называлось слово «стресс».

Проблемы сербских журналистов начинаются с базовых вещей, таких как манера коммуникации с аудиторией. Многие журналисты, работающие для независимой прессы, оказались дезориентированными и неспособными адаптироваться к ситуации, в которой постоянная тема для критики — режим Слободана Милошевича — уже больше не актуальна. Сарказм, ирония и двусмысленность, часто использовавшиеся в критике режима, сказались на способности журналистов выражать себя в типичных формах

современной журналистики, особенно в журналистском анализе. Осознав эту проблему, IWPR сфокусировал обучение своих журналистов в Сербии именно на дифференциации стилей речи, с акцентом на журналистский анализ, который требует выражения установочной и фактической аргументации, а не спекулятивной. Более того, журналисты государственных СМИ, привыкшие к исчерпывающим репортажам о деятельности правящей партии, теперь столкнулись с проблемой соблюдения баланса между деятельностью правящей партии и оппозиции, а также разграничения важных и менее важных новостей. Тот факт, что в Сербии было крайне недостаточно журналистов-экспертов в таких областях, как международная политика, европейская интеграция, деятельность военных и разведывательных служб, стал ещё одной важной проблемой сербской журналистики. Журналисты имели очень ограниченный доступ к профессиональной литературе. Поэтому многие из них которые освещали такие социальные темы, как военные реформы или присоединение к программе НАТО «Партнерство ради мира», часто подвергались манипуляциям со стороны различных заинтересованных групп югославской армии. Их репортажи были часто туманны и неточны из-за нехватки необходимых знаний.

Сербские независимые СМИ теперь отдавали предпочтение журналистским расследованиям, затрагивающим широкий круг вопросов: обнаружение массовых захоронений косовских албанцев на территории Сербии, организованная преступность и коррупция, контроль за работой правительства и государственных институтов. IWPR поддерживал и поощрял развитие исследовательской журналистики, помогая журналистам специализироваться, получать новые знания, а также предоставляя им шанс показать свои способности и возможности в исследовательских проектах, касающихся важных социальных событий. Среди поворотных пунктов в процессе информационных преобразований в Сербии оказались расследование IWPR массовых захоронений и межрегиональный репортаж о Вуковар. Кроме государственных и независимых СМИ, некоторые журналы в Сербии попали под влияние различных центров власти, от Сербской государственной службы безопасности до организованных криминальных групп. Ежедневный журнал *Nedeljni Telegraf* — пример издания, которое предположительно имело тесные связи со службой безопасности. По этой причине *Nedeljni Telegraf* часто публиковал информацию и материалы, к которым другие СМИ не имели доступа, например фотографии Слободана Милошевича, доставляемого в Гаагу на вертолете, или интервью с сотрудниками Государственной службы безопасности. Еженедельник *Identitet*, который позже обратил своё внимание на части иностранных разведывательных служб в Сербии, выразил беспокойство по поводу большого числа журналов, контролируемых организованными криминальными группами. Еженедельник открыто критиковал боссов соперничающих криминальных групп, прозападную политику властей и сотрудничество с Гаагским трибуналом. Журнал также открыто поддерживал милошевичское секретное полицейское диверсионно-десантное объединение «Специальное оперативное объединение» (JSO) и положительно оценивал его роль в войнах в бывшей Югославии, так как один из владельцев журнала был бывшим командиром JSO.

Независимые государственные околополицейские СМИ, приближенные к организованной преступности, — это отражение общей ситуации в сербском обществе в переходный период. Сербия разрывается между бременем милошевичского наследия и желанием интегрироваться в Западную Европу. Поэтому IWPR считает, что содействие и помощь в развитии независимой и активной журналистики в переходный период необходимо для того, чтобы установить в Сербии и во всем Балканском регионе принципы, присущие стабильному, демократическому и открытому обществу.

Постскриптум. СМИ в условиях чрезвычайного положения

После убийства премьер-министра Зорана Джинджича 12 марта 2003 года действующий сербский президент Наташа Митич ввел в стране чрезвычайное положение. Министерством внутренних дел, культуры и общественной информации было запрещено разглашение информации, касающейся причин трагедии, до представления официальной версии, кроме официальных государственных заявлений. Нарушение специальных мер чрезвычайного положения влекло за собой наказание, от официальных предупреждений, штрафов до запрета издательской деятельности или вещания. В марте 2003 года две газеты, Nacional и Identitet, за рассмотрение причин чрезвычайного положения были запрещены, это повлекло за собой специальные меры, ограничивающие свободу слова. Identitet с тех пор более не возобновила своей работы, Nacional оставалась в бездействии до ноября 2003 года.

Политические меры, принятые после убийства Джинджича, создали хаос среди СМИ, ограничив их возможности давать критические оценки. Ситуация ухудшилась после заявлений отдельных политиков, что убийство Джинджича было результатом заговора СМИ. Хотя, конечно, случаи проявления враждебности со стороны СМИ и попытки манипулировать Джинджичем⁷⁷³ имели место, огульное и грубое обвинение, высказанное в адрес СМИ в целом, привело к дальнейшей фрагментации сферы СМИ и усилению напряжения в уже нестабильных отношениях между СМИ и исполнительной властью.

Литература

ANEM MEDIA SCENE. 2003. «Another violation of the law by the Serbian Parliament». July 2003. Available online at URL <http://www.anem.org.yu/eng/medijska_scena/rd_savet.htm>.

B92. 2003. «Media in Serbia». 6 June. Available at URL <<http://www.b92.net/english/special/rds/media.php>>.

COMMITTEE TO PROTECT JOURNALISTS. Available online at URL <<http://www.cpj.org/>>.

GORDY, E. D. 1999. *The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Destruction of Alternatives (Post-Communist Cultural Studies)*. University Park: The Pennsylvania State University Press.

INTERNATIONAL RESEARCH AND EXCHANGES BOARD. 2004. «Monthly Update on Media Legislation». *Media Task Force, Stability Pact for SEE*. January 2004. URL <www.irex.org/pubs/media/Media%20legislation%20January%202004.pdf>.

THOMPSON, M. (ed.) 1999. *Forging War: The Media in Serbia, Croatia and Bosnia Herzegovina*. 2nd ed. Luton: University of Luton Press.

3 Анализ данной проблемы, сделанный и опубликованный в начале сентября, существенно изменил эти заключения. Из 3 259 текстов, касающихся Зорана Джинджича как сербского премьер-министра, опубликованных в наиболее известных печатных СМИ, более 80 % были нейтральными, 10 % — негативными и только 4 % — позитивными.

ЧАСТЬ IV

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОБОРОНА

Глава 1

Взаимоотношения СМИ с вооруженными силами и оборонные структуры в Великобритании

Стивен Блэкуэл

Введение

Со времени окончания холодной войны многие дискуссии, касающиеся взаимоотношений между СМИ и вооруженными силами, были сфокусированы на «эффекте CNN». Рост информационных служб и передаваемых ими новостей «в режиме реального времени» стал оказывать дополнительное давление на тех, кто принимает решения, и на развертывание войск (Shaw 1996). Однако в таких развитых демократиях, как Великобритания, ставится под сомнение то, что стремительный рост информационных потоков ведет, в некоторой степени, к «демократизированным» и фрагментарным отношениям между СМИ и вооруженными силами. Данная работа исследует три важных аспекта. Первый: британские СМИ стали чаще функционировать как форум для элитных дебатов о понятии оборонной политики и как средство влияния на бюрократические склоки на государственном уровне о ее развитии. Второй заключается в том, что эта тенденция, несмотря на успехи Даунинг-стрит в централизации управления СМИ, похоже, будет усиливаться под воздействием новых коммуникационных технологий и Интернета в СМИ. Третий аспект: сохраняющаяся неопределенность в отношениях между СМИ и правительством по поводу государственных тайн и национальной безопасности. Данные проблемы получили драматическое освещение в ходе судебного расследования смерти в июле 2003 года доктора Дэвида Келли, главного ученого советника министра обороны. Расследованием руководил лорд Хаттон. Положение дел в рассматриваемой сфере может быть осложнено спорной чертой СМИ оставаться совершенно независимыми, так как средства массовой информации стали объектом борьбы интересов корпоративного, правительственного и военного секторов.

Такой подход противоречит позиции, основанной на относительном общественном безразличии, предполагающем удобное соглашение между принимающей решения элитой, старшими военными офицерами и корреспондентами, специализирующимися на темах обороны, которое может определять условия дебатов о военной политике в Великобритании. Это становится особенно ясно, если учесть, что британское Министерство обороны (MOD) готово к сотрудничеству со СМИ. Распространение электронных СМИ, растущий уровень бюрократизации в сфере обороны и тенденция бюрократических элементов определять повестку дня через выборочные брифинги тоже являются важными факторами. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что возрастание общего риска для общества, связанное с четким осознанием угрозы терроризма или применения оружия массового уничтожения, скорее касается безопасности, чем просто обороны. Такая расстановка акцентов влечет за собой сближение понятий «эксперт» и «юрист». Заметим, что общественное мнение всегда учитывалось в процессе принятия решений в военной политике в определенных политической элитой пределах. Военные операции сегодня в большей степени зависимы от общественного мнения и осознания того, что острый конфликт подвергнется пристальному рассмотрению. Такие институты, как MOD, осознают необходимость в приобретении большего опыта в новостном менеджменте, другими словами, в «стратегической общественной дипломатии» (Badsey 2000, pp. 238—241).

Говорить о том, что в Великобритании военных преступников СМИ и общественное мнение «с неохотой вытащили на свет», означало бы слишком упростить ситуацию. Культурные преобразования на правительственном уровне стали существенным фактором демократизации информационных потоков. Более того, эти взаимосвязанные факторы

активно создают комплекс отношений между СМИ и вооруженными силами. Все активнее независимый журналистский контингент работает в конфликтных зонах, и скорость предоставления новых репортажей, которую обеспечивают современные коммуникационные технологии, делает более сбалансированными отношения между СМИ и вооруженными силами. Однако это автоматически привело к тому, что влиятельные круги британской обороны заявили о невозможности управлять информационными потоками, хотя на деле все обстоит противоположным образом. После интервенции в Косово MOD пришло к выводу, что нужно сделать все возможное для установления «немедленно наступающей ответственности» за репортажи, которые они посчитают ошибочными или вводящими в заблуждение (UK MOD 2000). Растущий комплекс отношений между правительством, вооруженными силами, СМИ и общественным мнением будет в дальнейшем усложнять ситуацию. Данная глава затронет три ключевых аспекта отношений между СМИ и вооруженными силами: отношения в мирное время, отношения в конфликтных ситуациях и ограничения в распространении информации и деятельности СМИ из соображений национальной безопасности.

Отношения СМИ и вооруженных сил в мирное время

Общепринятое отношение к вопросу обороны в Великобритании было обусловлено состоянием упадка Британии после 1945 года. Учеными горячо обсуждался вопрос о том, руководствовалась ли британская внешняя политика этого периода сдержанностью или в большей степени приоритетами и обязанностями (резюме главных отправных пунктов этих дебатов см.: Дормен 2001, pp. 9—28). Пока министр обороны занимался главным образом отношениями со СМИ, понятие оборонной политики распространилось на другие департаменты, такие как Министерство внутренних дел Великобритании и Министерство иностранных дел и по делам содружества. Наибольшей властью обладал кабинет премьер-министра и высшие круги межведомственной разработки политического курса, а именно Комитет обороны и внешней политики. Следует особо подчеркнуть, что, хотя в 1980-х годах британские военные операции проходили почти полностью в рамках запланированных НАТО операций холодной войны в Европе, последнее десятилетие показало высокий уровень интернационализма в британской политике безопасности и обороны. Начиная с операций коалиции под руководством США по выводу иракских войск из Кувейта в 1990—1991 годах, британские вооруженные силы находились на передовых позициях в Боснии и в Косово (Rees 2001, pp. 29—48). Примечательно, что все эти операции получили широкую парламентскую и общественную поддержку, несмотря на некоторый скептицизм, выраженный СМИ. Серьезная готовность провести международные операции была озвучена во время выборов лейбористского правительства в 1997 году. Стратегическая оборонная проверка (SDR), объявленная в 1998 году, была частично основана на утверждении, что специальные войска готовы к действиям в любой части света, где это необходимо (McInnes 1998, pp. 823—45).

Развитие британской оборонной политики в этот период было связано с крайней потребностью в «постдифференцированном» обществе и в как минимум искусственном разрушении социальных классовых структур, что оказало значительное влияние на отношение к действиям военных. Принципиальная отличительная характеристика того, что называлось «постмодернистские войска» — это «растущее взаимопроникновение гражданской и военной сфер, как структурное, так и культурное» (Moskos et al. 2000, pp. 1—13). Это также повлияло на отношения между СМИ и военными. Кристофер Дандекер (1999, pp. 36—38) отметил, насколько сильно британские вооруженные силы были вовлечены в комплекс международных операций, показывая растущее осознание понятий «солдат-политик» и «солдат-ученый» (Dandeker 2000, pp. 27—43). Офицерам был необходим опыт обращения со СМИ. Как и растущая сложность целей, эта тенденция является результатом «революции коммуникаций»: «Эта революция сократила время, отведенное для принятия политических и военных решений, без промедления выставляя последствия на обозрение

прессе. Так, стало очень рискованно задавать вооруженным силам цель без соответствующих средств и использовать технологию управления операциями на микроуровне; последствия повредят войсковой операции так же, как и гражданско-военным отношениям» (Dandeker 1999, p. 37). Такого рода требования способствовали тому, что «постмодернистские солдаты» были уверены: круг социальных ролей, требующих относительно высокой политической культуры, расширился.

В общем, развитие отношений между СМИ и военными в Великобритании (и в других странах также) после 1945 года можно охарактеризовать как отношения сотрудничества, а не конфликта, что в некоторой степени повлияло на восприятие обществом согласованных социальных структур как совершенно пассивного элемента стабилизации. Ситуация далее осложняется необходимостью удерживать правящие круги от сокращения количества общественных деятелей и политиков с опытом деятельности в военной сфере (Dandeker 1999, p. 38). Эта тенденция предполагает риск появления «менталитета осажденного» в рамках культуры вооруженных сил, что выглядит само по себе как «общество в обществе». Традиционное мнение о том, что внешняя политика не соответствует британскому общественному мнению (если учесть, что «информированная публика» играет «только периферийную и ответную роль в политическом процессе»), становится все более спорным (Clarke 1988, p. 77; Caritanchik 1977, pp. 255—282). Упрощение доступа к информации и ответная роль неправительственных организаций с большой степенью вероятности могут усилить надзор за государственной политикой. Пока степень влияния, которое эти тенденции могут оказать на аспекты безопасности и обороны, остается под вопросом, необходимость «информированного мнения» признается через попытки государства информировать такие группы интереса и устанавливать с ними контакт.

Отношения между обществом, СМИ и структурами обороны остаются проблематичными в рамках дебатов о целях, которым служат британские вооруженные силы после завершения холодной войны. Аспект «легитимности» вооруженных сил — ключевой фактор отношений между СМИ и вооруженными силами. Легитимность для Великобритании сводится к тому, насколько точно вооруженные силы представляют общество. Она также включает в себе как этические, так и культурно-ценностные аспекты, стойкую неспособность MOD адекватно реагировать на проблему гомосексуализма в армии. Эти проблемы становятся всё более острыми по причине недостатка военнослужащих и потребности армии соперничать с другими департаментами за ограниченное финансирование. В случае Великобритании эта проблема крайне сложна из-за исторической тенденции вооруженных сил воспринимать себя как общество внутри общества. Кроме того, вооруженные силы рассматривают себя как отражение общества, как минимум частичное. Всё чаще в отстранении видят единственный способ сохранить военный профессионализм и действенность (Callaghan et al. 2000, pp. 1—9). Проблема «уникальности» военных по сравнению с остальными членами общества заслуживает внимания.

Вооруженные силы, СМИ и бюрократическая политика в Великобритании

Часто в стандартной литературе о военно-гражданских отношениях рисуется идеальная модель деполитизированных вооруженных сил, которые способны предоставить оптимальный уровень профессионализма. Самюэль Файнер (1962), выражающий точку зрения гражданских властей, заявил, что правительства должны быть неустанно бдительны, чтобы предотвратить военное вмешательство, прямое или косвенное, в гражданскую политику. Уже сама природа бюрократических структур и распределение ограниченных финансовых ресурсов почти неизбежно ведет к политической активности структур обороны как минимум на скрытом уровне. Дэнис Хейли, министр обороны лейбористского правительства в 1964—1970 годах, прокомментировал ситуацию так: «Иногда мне кажется, что я ничего не знал о политике, пока я не встретился с руководством штаба» (Simpson 1962, p. 61).

Старшие офицеры были вполне готовы использовать СМИ для конфиденциальных брифингов по мере необходимости, чаще в борьбе против того, чтобы казначейство уменьшало финансирование. В подобном тоне премьер-министр Гарольд Мак-Миллан получил строгое предупреждение от министра обороны в 1958 году: «Руководству служб позволено достаточно активно проводить плохо информированную или устарелую агитацию от своего имени. Министры же не настолько популярны» (Duncan-Sandys Paper 1958). Сама природа таких вмешательств иллюстрирует, насколько сложно руководителям оборонных структур представлять единый фронт в глазах СМИ. Проявления внутриведомственного соперничества за финансирование через утечки информации в прессу или парламент были характерны для послевоенного периода, точнее, во время проверок оборонного сектора. Наглядным примером этому послужили напряженные военно-гражданские отношения и политиканство, которые сопутствовали периоду реформ Сэнди (1950-е годы), направленных на сектор обороны (Johnson 1980, pp. 47—48). В целом, отношения между гражданскими властями, вооруженными силами и СМИ не носят настолько сопернический характер, как принято считать, и могут отличаться комплексностью и взаимовыгодным сотрудничеством. Примером тому могут служить дебаты, вызванные попытками Михаэля Хезельтайна как министра обороны в 1984 году реформировать структуру для того, чтобы установить большую централизацию при принятии решений и обеспечить большую отдачу от затрат. Центральное место занимало предложение расширить полномочия Главы штаба обороны (CDS), находящегося на вершине централизованной структуры, при разработке политического курса. Предложения, которые составили основу последующего документа, базировались на убежденности министра в том, что создание единого министерства в 1964 году не дало результатов в искоренении внутриведомственной борьбы и что бюрократия MOD была переоценена. В этом случае СМИ, в частности *The Times* и *Sunday Times*, действуя как «посредники в корреспонденции» старших офицеров в основном пенсионного возраста, отражают дебаты внутри служб и MOD (Sweetman 1986, pp. 44—54). Отмечены и другие случаи сговоров между отдельными представителями руководства структур обороны и СМИ, например совместная критика военного оснащения, которое использовалось во время интервенции в Косово в 1999 году, о чем стало известно прессе вследствие утечки информации. Предположительно это было сделано для укрепления отношений прямого взаимодействия MOD с Министерством финансов по причине угрозы урезания бюджета на вооруженные силы и новые закупочные проекты.

Отношения СМИ и вооруженных сил различны в трех ситуациях: в мирное время, кризисное время, включая угрозу войны, и период проведения операций. Каждая из этих ситуаций закономерно отражает динамику разработки политического курса элитными бюрократическими структурами и их отношений с общественностью и СМИ. Сюда также следует отнести тот факт, что британские военные нуждаются в укреплении своей общественной позиции перед комплексными угрозами, а также должны столкнуться с настойчивыми требованиями эффективной деятельности и исключения бесполезной практики (Dandeker 1999, p. 38). Возросшая диверсификация СМИ, легкость, с которой добывается информация, и осторожное распространение британским правительством культуры открытости обеспечивают недопущение противостояния между СМИ и вооруженными силами. Всё это поддерживается действиями бывших офицеров, работающих на такие организации, как, например, Jane's, Brasseys and the Royal United Services Institute, которые определяют текущий политический курс на правительственном уровне и действуют как «неиссякаемый источник» информации для СМИ. Тенденция к предоставлению большего количества информации, обеспечению развития интернациональных потоков и распространению

корпоративных интересов при сохранении концепции «безопасности» может стать более очевидной в будущем.

Отношения СМИ и вооруженных сил в конфликтных ситуациях: интервенция в Косово

Ровные отношения между СМИ и вооруженными силами были характерны для операции «Союзнические войска» (кампания НАТО, направленная на предотвращение подавления югославской армией сопротивления этнических албанцев в Косово в 1999 году). Успех этой операции подтвердил тот факт, что отношения британских вооруженных сил и СМИ традиционно характеризовались гораздо меньшей враждебностью, чем, например, во время войны США во Вьетнаме. Также можно отметить Фолклендскую войну как пример жесткого управления СМИ со стороны государства; освещение войны было обусловлено изолированной географической позицией театра военных действий, а также особенной шовинистской атмосферой, которая была создана бульварной прессой. Отношения военных и СМИ были выстроены заново после холодной войны, когда правительство осознало, что природа военных операций теперь скорее основывается на требованиях более продуманного подхода со стороны вооруженных сил и более эффективной журналистской деятельности. Британское правительство работает над усовершенствованием подхода к отношениям между СМИ и вооруженными силами в конфликтных ситуациях. Манипуляционный подход, который имел место во время Фолклендской кампании, устаревает (Dandeker 1999, p. 39). В этом ключе MOD сегодня практикует систему аккредитации и регулярных пресс-конференций для содействия журналистам. Министерство опубликовало Зеленую книгу, в которой закреплены права и ответственность аккредитованных и неаккредитованных журналистов в конфликтных ситуациях (см.: UK Ministry of Defence, *Green Book*).

Последняя доктрина британских военных (как и американских) касательно проведения ограниченного числа войн была проиллюстрирована событиями во Вьетнаме. Результат — «осторожная» стратегия, основанная на высокой концентрации вооруженных сил для быстрого подавления врага и получения желаемого. Модель общественного мнения «замок на песке», которая предполагает, что общественная поддержка будет довольно ощутимой, но легко разрушится, если военная операция затянется или потребует много жертв, определяет такой подход (Badsey 2000, pp. 242—247). Аргументы в поддержку этой модели остаются неубедительными. В случае операции в Косово уровень общественной поддержки оставался постоянным независимо от хода кампании. Нежелание СМИ критиковать и недостаток оказываемого ими влияния на решение начать интервенцию в Косово объясняется во многом высоким уровнем политической уверенности, который характеризовал решение, принятое Вашингтоном и его союзниками в НАТО. Эффективность СМИ более вероятна, когда правительства колеблются в своих решениях, а СМИ предоставляют трогательные репортажи о людских страданиях (Robinson 2000, pp. 613—633).

Такое понимание, однако, не означает, что британское правительство не учится на ошибках руководства операцией НАТО против югославской армии. Впоследствии MOD будет утверждать, что «во многих отношениях передача наших сообщений на вещательных каналах и в печатных СМИ была так же важна, как и сама военная кампания» (UK MOD 2000). И хотя министерство заявило, что можно было сделать больше для культивирования его отношений со СМИ, оказалось, что в Южной Европе общественное мнение было специально подготовлено к позитивному восприятию национального участия в миротворческих операциях коалиции. Результаты тех опросов общественного мнения, которые были возможны во время конфликта в Косово, показали, что большинство британцев в основном благосклонно относятся к

международным операциям, которые направлены на разрешение этнических конфликтов и предотвращение жестокости (Badsey 2000). В докладе MOD об интервенции, представленном в 2000 году, акцент делается на том, что «удовлетворение желания СМИ своевременно получить новости было главным препятствием во время текущих круглосуточных операций и придавало операциям многонациональный характер». Это привело к практике аккредитования внедренных журналистов в составе коалиции под руководством США против Ирака в марте-апреле 2003 года. Хотя слишком рано делать определенные заключения по поводу специфики отношений военных и СМИ во время военных операций в Ираке, можно заметить, что приближение отдельных журналистов к вооруженным силам в некоторых случаях может привести к тому, что их цели будут скомпрометированы.

В результате британское правительство поставило себе целью улучшить представленность военных событий как части своей основной стратегии в отношениях со СМИ. Одна из особенностей недавних конфликтов, касающихся британских вооруженных сил: управленцы сектора безопасности воспользовались возможностью контакта с общественностью через Интернет. MOD также стало придавать большое значение своему веб-сайту как средству для создания своего позитивного имиджа в глазах общественности. В начале 2002 года среднее количество «попаданий» составило приблизительно 750 000 (UK MOD 2002). Следующим аспектом для рассмотрения должны стать отношения между национальными министерствами и международными органами управления. Осуществляя возрастающее количество международных операций, в которые обычно вовлечены британские вооруженные силы, пресс-офис MOD должен будет координировать отношения своих СМИ с такими структурами, как ЕС или НАТО. То, что пресс-брифинги, которые устраивало НАТО во время интервенции в Косово, были подготовлены совместно с национальными правительствами, вышло случайно. Однако частные оговорки некоторых британских офицеров о департаменте новых сил быстрого реагирования ЕС указывали на то, что отношения руководства оборонных структур с новыми службами не могут быть такими гармоничными, как со штабом НАТО.

The DA-Notice System, Закон об официальных секретах и Хаттонское расследование

Официальная тайная политика до сих пор продолжает влиять на отношения вооруженных сил и СМИ в Великобритании, хотя очень вероятно, что попытка реформы смягчила бы некоторые противоречия в данной области. Возможно, лучшая иллюстрация установившихся отношений между руководителями сектора безопасности и СМИ в данном случае — прерогатива общественного доступа к информации о сфере безопасности. Это привело к появлению в XX веке The D-Notice (DA-Notice) System, — в сущности, типично британского института, основанного на комбинировании формальных и неформальных структур. Главная его цель — функционировать как механизм, при помощи которого правительство и СМИ смогут предупредить необходимость в цензуре при помощи более важного соглашения о материале, который разрешено или запрещено будет публиковать. Действующий с 1912 года Комитет The D-Notice подвергся после 1945 года серьезным изменениям, которые были инициированы «джентльменским клубом» представителей служебных департаментов и собственниками СМИ для того, чтобы система лучше служила правительству. Журналисты, наряду с собственниками, заседали теперь в комитете, который находился под управлением заместителя министра обороны в 1962 году (Sadler 2001, pp. 37—38). Суэц стал разрушать доверие публики к системе, что привело к растущему недоверию и желанию прояснить, может ли понятие национального интереса иметь большее отношение к освещению политических затруднений правительства, чем к тому, чтобы узаконивать дела служб безопасности.

Последствием этого стало возросшее нежелание правительства раскрывать систему. Хотя правительство расширило представительство Министерства внутренних и иностранных дел в Комитете за счет MOD, эти изменения были квалифицированы как спорная правительственная инициатива для «присмотра» за официальными лицами, которые имеют доступ к важной информации, составляющей часть законодательства, принятого в 1967 году (Sadler 2001, pp. 39—45).

С позиции СМИ ситуация ухудшилась после выборов консервативного правительства в 1979 году. СМИ и многие парламентские критики вскоре заключили, что правительство старается противодействовать открытому обсуждению вопроса национальной безопасности. Свобода прессы была ограничена, недоставало ясности в отношениях между D-Notice System и законом, а система в целом устарела. Несмотря на рекомендованные реформы, правительство стремилось использовать скорее нормы, запрещающие публикации, чем обвинение в соответствии с Законом об официальных секретах по факту опубликования материалов (Sadler 2001, pp. 49—54). Классический пример этому — дело *Spycatcher*, когда правительство преследовало автора и бывшего офицера МІ6 Петера Райта, чтобы не допустить публикации его мемуаров. Неспособность правительства Тэтчер воспрепятствовать публикации *Spycatcher* повлияла на дальнейшее развитие ситуации. 1990-е годы стали в некоторой степени периодом смягчения системы. Количество пунктов The D-Notices, сегодня The DA (Defence Advisory)-Notice System, было сокращено с 8 до 6 в 1993 году, и до 5 в 2000 году.

Таким образом, D-Notice System видится однозначно британским институтом, которым управляет скорее ответственность перед неудачно созданным комитетом из представителей СМИ и правительственных департаментов, чем ответственность в рамках законодательных комитетов или санкций. Четкое действие системы сильно зависит от личности секретаря Консультативного комитета по делам обороны, прессы и телерадиовещания. The DA-Notice System «до сих пор остается удобным соглашением между СМИ и правительством». В данном случае общественный интерес сам по себе без определенной законодательной базы является неудачным положением. То же самое можно сказать о Разделе 5 Закона об официальных секретах 1998 года, который пострадал от отсутствия защиты со стороны общественного интереса, пока проходил проверку на действенность. СМИ, таким образом, остались уязвимыми для обвинения на основе «второго разоблачения» материала, который может повредить национальной безопасности (Liberty 2000, pp. 21—22; см. также веб-сайт The DA-Notice). Лейбористское правительство представило законодательство, касающееся свободы информации (например Акт об общественном раскрытии информации 1998 года), тем не менее правительство до сих пор уклоняется от обеспечения прозрачности в освещении деятельности структур безопасности и разведывательных служб.

The DA-Notice System можно рассматривать как классическую британскую структуру или как слегка завуалированное проявление насилия — наследие эпохи холодной войны (Liberty 2000, pp. 22—23). Высока вероятность того, что такая ситуация сохранится, обусловленная, в частности, необходимостью гармонизировать отношения существующего британского законодательства с Европейским законом о правах человека. Общественность и СМИ, однако, остаются объектами обвинений в нарушениях Раздела 5, и недавнее громкое дело бывшего офицера МІ6 показывает готовность правительства преследовать граждан, даже если газеты сегодня явно избавлены от цензуры в таких ситуациях. Отношения СМИ и вооруженных сил, культивируемые британским правительством, находятся в опасности, если журналисты предпочитают, осознанно или нет, игнорировать неминуемое смешение деятельности служб разведки и безопасности и дел сугубо военной компетенции. Контраст такой деятельности и актуальных военных операций безусловен. Дух

сотрудничества, проявившийся во время интервенции в Косово, способствует и сегодня эффективному проведению военных операций против режима Талибан в Афганистане, и британские СМИ поддерживают требование MOD воздержаться от оглашения списка стран, которые принимают самое активное участие в операциях, составляющих часть военной программы «Прочная свобода» (Hoyle 2001).

Действия службы безопасности и разведывательных структур являются деликатными аспектами британской национальной политики безопасности: актуальным императивом является реформирование существующей системы и признание тем самым легитимных интересов правительства, общественного мнения и СМИ. Это одно из основных заключений, которое было сделано после смерти ученого советника MOD Дэвида Келли в июле 2003 года. Проводимое якобы с целью детального изучения обстоятельств очевидного самоубийства ученого, следствие углубилось в отношения между британским правительством и СМИ. Много внимания было уделено роли Алистера Кэмпбелла, руководителя отдела связи кабинета Блэра, в принятии решения о предоставлении СМИ информации о том, что доктор Келли был причиной разоблачений, которые касались искаженного материала, предоставленного разведывательными службами общественности для оправдания военных действий (Hutton Enquiry Website 2003). Кэмпбелл, который был уволен в августе, был бы, скорее всего, оправдан в окончательном докладе Хаттона, но дело в общем затронуло серьезные проблемы того, как британское правительство подходит к особо важной деятельности разведки. Необходимо отметить стремление правительства оказывать давление на распространение информации о материалах разведывательных служб, а также стратегию управления СМИ при подготовке к военным действиям в Ираке. Это особенно касается официальных лиц службы безопасности и может вести к ухудшению отношений между правительством и СМИ по поводу государственных тайн до тех пор, пока не будет найдено удовлетворительное решение проблемы.

Заключение

В настоящее время отношения СМИ и вооруженных сил в Великобритании включают в себя как элементы открытости, так и традиционной замкнутости по отношению к СМИ. Хотя MOD сотрудничает с журналистами и в военное, и в мирное время, правительство реже затрагивает проблемы спорных законодательных ситуаций, что сдерживает свободное обсуждение вопросов национальной безопасности. Ситуация может измениться, если Великобритания согласится приравнять свое законодательство о секретности к законодательству ЕС о правах человека. Сильное противодействие таким изменениям исходит от устоявшейся замкнутости сфер безопасности и обороны. Желание правительства Блэра управлять СМИ и оказывать на них влияние с большой степенью вероятности можно назвать манипуляцией; в свете другой перспективы *quid pro quo* СМИ предоставляется больше возможностей в обмен на централизацию их отношений с правительством. Деятельность отдела по коммуникациям Даунинг-стрит была горячо раскритикована во время слушаний Хаттонского расследования в 2003 году, и вероятно, что после итогового доклада Хаттона роль таких представителей СМИ, как Алистер Кэмпбелл, будет пересмотрена. Центральное управление также не исключает ограниченной автономии отдельных министерств. Вообще, подобная деятельность характеризуется культурой информации и обязательными объяснениями своей структуры и целей и потому заслуживает одобрения. Тем не менее остаточная келейность воплощена в DA-Notice System, условия Закона об официальных секретах также до сих пор требуют внимательного рассмотрения.

Кроме отношений между вооруженными силами и СМИ в Великобритании, речь может идти об интернациональном контексте. Растущая вероятность коалиционных

операций также означает, что британским вооруженным силам необходимо продумать, как лучше приспособиться к стратегиям СМИ, которые приняты НАТО и предположительно в скором времени будут приняты ЕС. Другой фактор — растущая скорость информационных потоков и преобладающая над национальными интересами важность межнациональных, как происходит при создании неправительственных организаций или при размещении новостей в Интернете. Также важно правильно соотнести интересы, связанные с отношениями между СМИ и военными, и их влияние на освещение соответствующих событий. Это очевидно по отношению к некоторому количеству военных корреспондентов, которые имеют привилегированный доступ к информации. Переход таких вещательных компаний, как CNN и Sky, в частную собственность поднимает фундаментально важный вопрос о том, как в дальнейшем будут освещаться военные операции. То же происходит и во время открытых дебатов о концепции независимых и объективных СМИ, которые поддерживают текущие споры о будущем финансировании BBC. В настоящий момент СМИ критикуют за то, что они в большей степени управляемы событиями, чем публикациями, особенно во время репортажей об актуальных конфликтных ситуациях. Хорошим объяснением сложившегося контекста кризисных ситуаций может стать ответственность таких институтов, как MOD, а также СМИ. Это значит, что уровень общественного безразличия к деталям и контексту иностранных военных операций снимает все вопросы касательно того, изменит ли выражение альтернативных мнений текущую информацию. И всё-таки процесс, при котором отношения британского правительства и военного руководства с национальными СМИ эволюционируют к более открытым и взаимно поддерживающим, представляется неизбежным.

Литература

- BADSEY, S. 2000. «The Media, the Military and Public Opinion». In: S. BADSEY (ed.). *The Media and International Security*. London: Frank Cass, 238-241.
- CALLAGHAN J. et al. 2000. «Introduction: Armed Forces and Society in Europe — The Challenge of Change». In: J. KUHLMANN and J. CALLAGHAN (ed.). *Military and Society in 21st Century Europe: A Comparative Analysis*. New Brunswick & London: Transaction, 1-9.
- CAPITANCHIK, D. 1977. «Public opinion and popular attitudes towards defence». In: J. BAYLIS (ed.). *British Defence Policy in a Changing World*. London: Croon Helm, 255-282.
- CLARKE, M. 1988. «The Policy-Making Process». In: M. SMITH et al. (ed.). *British Foreign Policy*. London: Unwin Hyman.
- DANDEKER, C. 1999. «The United Kingdom: The Overstretched Military». In: C. C. MOSKOS et al. (ed.). *The Post Modern Military: Armed Forces after the Cold War*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- DANDEKER, C. 2000. «The Military in Democratic Societies: New Times and New Patterns in Civil-Military Relations». In: J. KUHLMANN and J. CALLAGHAN (ed.). *Military and Society in 21st Century Europe: A Comparative Analysis*. New Brunswick & London: Transaction, 27-43.
- DA-Notice Website (URL <<http://www.dnotice.org.uk/notices.htm>>).
- DORMAN, A. 2001. «Crises and Reviews in British Defence Policy». In: S. CROFT et al. *Britain and Defence 1945—2000: A Policy Re-evaluation*. Harlow: Longman, 9-28.

- FINER, S.E. 1962. *The Man on Horseback: the role of the military in politics*. London: Pall Mall Press.
- HOYLE, C. 2001. «RAF support vital for “Enduring Freedom”». *Jane's Defence Weekly*, 14 November 2001.
- HUTTON INQUIRY WEBSITE. 2003. URL <<http://www.the-hutton-inquiry.org.uk/>>. Counsel's analysis of Alistair Campbell's written statements to the Foreign Affairs Committee.
URL<http://www.thehuttoninquiry.org.uk/content/evidence/pkn_1_0002.pdf>.
- JOHNSON, F.A. 1980. *Defence by Ministry: The British Ministry of Defence, 1944—1974*. London: Duckworth.
- KEMP, I. 2000. «SDR on Track, says UK White Paper». *Jane's Defence Weekly*, 19 January 2000.
- Letter from Macmillan to Duncan Sandys, Private and Confidential, [undated] June 1958, Duncan-Sandys Papers 15/5, Churchill College Archive Centre, Cambridge
- LIBERTY, 2000. «Secrets, Spies and Whistleblowers: Freedom of expression and national security in the United Kingdom». *Liberty*, November 2000, 21-22.
- MCINNES C. 1998. «Labour's Strategic Defence Review». *International Affairs* 74 (4), 823-845.
- MOSKOS C.C. et al. 2000. «Armed Forces after the Cold War». In C. C. MOSKOS et al. (ed.). *The Post-modern Military: Armed Forces After the Cold War*. Oxford & New York: Oxford University Press, 1-13.
- REES, W. 2001. «Britain's Contribution to Global Order». In: S. CROFT, et al. *Britain and Defence 1945—2000: A Policy Re-evaluation*. Harlow: Longman, 29-48.
- ROBINSON, P. 2000. «The Policy-Media Interaction Model: Measuring Media Power during Humanitarian Interventions». *Journal of Peace Research* 37 (5), 613-633.
- SADLER, P. 2001. *National Security and the D-Notice System*. Aldershot: Ashgate.
- SHAW, M. 1996. *Civil Society and the Media in Global Crises: Representing Distant Violence*. London: Pinter.
- SIMPSON, K. 1992. «Frock Coats, Mandarins and Brass Hats: The relationship between politicians, civil servants and the military». *RUSI Journal*, February.
- SWEETMAN, J. 1986. «A Process of Evolution: Command and Control in Peacetime». In: J. SWEETMAN (ed.). *The Sword & the Mace: Twentieth Century Civil-Military Relations in Britain*. London: Brassey's, 44-54.
- TAYLOR, P.M. 2000. «The Military and the Media: Past, Present and Future». In: S. BADSEY (ed.). *The Media and International Security*. London: Frank Cass, 179-182.
- UK Ministry of Defence. 2000. *Kosovo: Lessons from the Crisis*. London: HMSO, chapter 6.
- UK Ministry of Defence. 2002. *Performance Report 2001/2002*. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence, November 2002, London: HMSO.
- UK Ministry of Defence. *The Green Book of Defence and the Media in Times of Emergency*. Available from URL <http://www.mod.uk/news/green_book>.

Глава 2

Конфликт и конфликтующие культуры: вооруженные силы и СМИ¹

Филлип М. Тэйлор

Контекст

В последние годы отношения между военными и СМИ, особенно в Великобритании, США и Австралии, тщательно исследуются учеными (Taylor 1997; Carruthers 2000; Jesser and Young 1997, Hudson and Stainer 1997). Есть признаки того, что такой же процесс происходит в Испании, Италии, Германии и Франции. Эти исследования концентрируются больше на переломных моментах в отношениях, на противоречиях и разногласиях, чем на сотрудничестве. Во время войн, однако, речь идет скорее о кооперации (по крайней мере «наших войн»), когда в сражениях участвуют «наши войска», иногда также «наши союзники» против четко определенных врагов и их союзников. Это приемлемо в случаях войны за национальное выживание, но в конфликтах со времен холодной войны, которые требуют военной интервенции, — «войны других людей», — данный феномен все равно имеет место. Сегодня в некоторых странах такие взаимоотношения не прочны, и причины этого будут рассмотрены в данной главе.

Введение

Конечно, существует опасность слишком глобального обобщения. Тот факт, что неразумно говорить о вооруженных силах как о едином, гомогенном организме, касается и дискуссий вокруг СМИ. В данной главе фокусируется внимание больше на новостных СМИ, чем на репрезентации вооруженных сил, к примеру, в фильмах или телевизионных документальных программах. Однако, если разделять СМИ на печатные, радио и телевидение, необходимо также признать, что каждое из них выдвигает различные практические требования. Телевизионные новости, например, предоставляют видео и зависят от него. Для большинства людей развитого мира, а особенно в таких странах, как Индия, телевизионные новости — первичный источник информации о мире, и наиболее компетентный⁷⁸². «Верю тому, что вижу» — сегодня аксиома, к которой нужно добавить другую, библейскую фразу: «В царстве слепых одноглазый — король». Без понимания того, как СМИ действуют на практике, мы рискуем обвинить их в том, чего они попросту не могут сделать. Это ещё более уместно с появлением в прямом эфире 24-часовых новостных служб, таких как CNN, BBC World, Sky News и Fox News. Эти организации предоставляют различные виды новостей в традиционные вечерние программы новостей, что тоже важно для данного исследования.

Нужно помнить, что даже термин «вещание» не совсем адекватен для мира, где у зрителей есть такой широкий выбор кабельных и спутниковых каналов, интерактивных и цифровых рассылок. Всего лишь 15 лет назад семья садилась вечером перед телевизором и выбирала один из трех или четырех национальных телеканалов, которые

-
- 1 Исследование частично поддержано грантом Совета экономических и социальных исследований как часть его программы «Внутренний менеджмент террористических атак», проведенной Королевским колледжем (Лондон).
 - 2 Недавно это было ещё раз подтверждено Церковным исследовательским центром в докладе «Что думает мир в 2002 году» от 4 декабря 2002 года, в котором значится, что «из 44 опрошенных наций почти каждая рассматривает телевизионные новости как доминантный источник информации о национальных и международных событиях» (см.: URL <<http://people-press.org/reports>>).

работали в одном формате: вечерние новости, затем игровое шоу, возможно, «мыльная опера», далее документальный фильм или программа о текущих событиях и, наконец, поздние вечерние новости, после которых — фильм или футбольный матч. Сегодня существуют кабельные и спутниковые каналы всех возможных жанров, а также доступ к международному вещанию на экранах трех или четырех телевизоров в каждом доме — надлежащие программы для надлежащей аудитории.

Более того, даже новости «24/7» в прямом эфире выглядят как-то старомодно. С появлением в 1992 году World Wide Web как доступной первой страницы в Интернете стало необходимо делать различие между «старыми СМИ» и «новыми СМИ». Интернет-журналистика господствует и нередко пополняется журналистами, которые мало уважают репортеров старых СМИ как купленных системой, где СМИ стали частью проблемы, определяемой, с их точки зрения, как «производство содержания» государством вместе со СМИ⁷⁹³. Популярные СМИ, например BBC, имеют свои успешные веб-сайты, но они относятся к содержанию в основном так же, как и их «традиционные» коллеги. Есть, однако, другие новостные сайты, которые практикуют новый подход⁸⁰⁴. Перекормленные традиционными редакторскими рамками и корпоративными интересами, новые репортеры используют появившиеся технологии в комбинации с полученной информацией для передачи «альтернативных голосов» глобальной аудитории через Интернет. Эти люди — новое поколение, чьи возможности постоянно возрастают, и теперь в данный момент ими заинтересовались разработчики политики военной общественной информации.

Часть проблемы касается количественных характеристик. Около 450 репортеров освещали высадку союзных войск на Атлантическое побережье Европы, но насчитывалось 1 500 аккредитованных репортеров в Саудовской Аравии во время войны в Персидском заливе 1991 года. Когда возник кризис в Косово в 1999 году, почти 4000 журналистов, в том числе и независимых, находились в боевых точках. Развитие СМИ сделало войну в Косово первой интернет-войной. Вдали от сражений любой пользователь компьютера мог делиться своими взглядами с глобальной аудиторией, удобно расположившись в кресле. Необходимо поместить упомянутое развитие СМИ в исторический контекст, когда, например, уже существовали телевизионные камеры в Корее во время войны 1950—1953 годов, но очень немногие люди имели телевизоры у себя дома. Вьетнам, часто ошибочно называемый «первой телевизионной войной», был только десять лет спустя. Война в Персидском заливе стала первой войной, освещаемой в реальном времени. Ко времени Косово около 8 % мирового населения были подключены к Интернету, в основном в Европе и Северной Америке. Интернет рассматривал события в Косово так, как телевидение — события в Корее. Интернет играл менее значительную роль, чем традиционные СМИ, во время конфликта в Косово, повторюсь, Вьетнам был только десять лет спустя после Кореи. Тем не менее нет сомнений в том, что возрастает число людей, которые хотят стать посредниками между избранными и большинством.

Отрезок истории

Неудивительно, что военные стремятся быть в курсе такого развития, меняющего саму форму журналистской профессии. Невозможно и дальше применять стратегию, в соответствии с которой они часто пытаются вести следующую войну, основываясь на уроках предыдущей. Технологии, доступные СМИ, развиваются гораздо быстрее, чем

3 Согласно Эдварду Херманну и Ноаму Хомскому

4 Одна из лучших, Altnet (URL <<http://www.altnet.org>>), заявляет, что на рынке СМИ все чаще доминируют коммерческие новости или развлекательная информация, заменяя собой серьезную. Результатом этой тенденции является глубокий разрыв между новостными СМИ и доверием общества. Хотя тысячи веб-сайтов предлагают общественную информацию, слишком многие из них остаются недоступными для опытных исследователей и случайных пользователей.

общеизвестные проблемы, связанные с военным оснащением. Например, в Афганистане журналистам нельзя было сопровождать специальные подразделения Великобритании и США, потому что такова была политика армии. Хотя журналистам было позволено отснять несколько материалов, и Джон Симпсон (2002) из ВВС получил разрешение транслировать действия с передовой через свой видеотелефон. И всё же война в Афганистане была самым закрытым для репортеров конфликтом с участием «наших войск». Напротив, за время войны в Персидском заливе 1991 года несколько тысяч репортеров были допущены в команды репортеров, или «бригады», сопровождавшие сухопутные войска, когда они наступали на Кувейт и Южный Ирак.

Система информационных опросов была разработана в 1980-х годах, частично как ответная реакция на то, что часто называют «вьетнамским синдромом». Это ошибочное мнение. Среди военных США укоренилось ошибочное мнение о том, что война в Юго-Восточной Азии была проиграна не на полях сражений, а в гостиных Америки. Враждебные репортажи тележурналистов, особенно после наступательной операции Tet в 1968 году, предположительно настроили американскую общественность против военных действий и стали причиной единственного поражения в американской истории. Никто из придерживающихся такого мнения не сможет объяснить, почему США продолжали войну без общественной поддержки на протяжении пяти лет — дольше, чем длилась Вторая мировая война. Однако широко распространенное сегодня мнение о том, что именно репортажи тележурналистов проиграли войну во Вьетнаме, появились благодаря британскому тележурналисту Робину Дюю, который поставил вопрос о том, могут ли демократии вообще вести войны в век телевидения. Ответ был четок: могут, однако причины войны и её длительность нужно оценивать справедливо и объективно. Действительной проблемой было выяснить, готовы ли демократические общества оказывать поддержку, когда количество убитых и раненых возрастает. С тех пор появилась установка на то, что общество не собирается мириться с жертвами с любой стороны. Это дало толчок к развитию высокотехнологичного оружия, созданного для поражения целей с точностью, беспрецедентной в истории, в то время как стратегия общественных отношений разрабатывалась для объяснения «побочными последствиями» того, почему дела идут плохо.

Считалось, что британцы нашли решение во время конфликта на Фолклендских островах в 1982 году, когда только 29 репортерам и съемочной бригаде (все британцы) было разрешено сопровождать оперативную группу. Репортеры наладили контакты с солдатами, и действия «наших ребят» получили самое благосклонное освещение, даже если что-то было сделано не так. Они жили в одинаковых условиях с военными, ели одну пищу и подвергались одинаковой опасности, таким образом, журналисты начали проявлять сочувствие к военным, когда оперативная группа отправилась на юг навстречу аргентинским войскам. Репортеры также доверили военным отсылать свои репортажи в Лондон, так что работа военных стояла на повестке дня. Как показывает историческое сотрудничество, реальность СМИ стала частью официальной машины пропаганды. Никогда это не было так очевидно, как в 1991 году, в период войны в Персидском заливе, когда предпочтительный для военных взгляд на конфликт как на чистую, «разумную» войну с минимальными жертвами с обеих сторон был отражен в СМИ. И это несмотря на багдадскую бойню, когда, впервые во время одной из наших войн, наши журналисты передавали репортажи из враждебной обстреливаемой столицы. Это было расценено в некоторой степени как акт предательства, и *Daily Mail* даже назвала ВВС «багдадской вещательной организацией», когда бомбовая атака на военные сооружения Аль-Фиродс в багдадском районе Амирия привела к гибели 400 людей, в основном женщин и детей. Более того, когда журналисты по завершении 100-часового сражения встретили разбомбленный конвой на так называемом «шоссе смерти», есть некоторые свидетельства тому, что увиденные и отснятые картины способствовали решению прекратить войну.

Официальный страх перед потенциальной способностью СМИ трансформировать провоенное общественное мнение в антивоенное — это интересный феномен, еще и потому, что он никогда в полной мере не наблюдался в действительности. Хотя таковым был механизм «вьетнамского синдрома». Он также уходит корнями во времена появления военных корреспондентов, когда гражданские пробирались на поля сражений, чтобы увидеть все своими глазами. Так было, когда Уильям Ховард Рассел из *The Times* освещал Крымскую войну в середине XIX столетия. Он был крайне потрясен тем, что увидел, и его газета обвинила военное руководство в создании плохих условий, оказании недостаточной поддержки солдатам и в принятии ошибочных решений. Резким ответом военных стало введение военной цензуры. Так установились напряженные отношения, о которых так много было написано в результате некоторого сотрудничества, существовавшего и во время Первой и Второй мировых войн.

История о двух (или трех) культурах

Есть существенное, институциональное и даже культурное различие между институтами СМИ и вооруженных сил. На первый взгляд, эти различия кажутся противоречивыми. Военные ценят власть, порядок, иерархию, кооперацию, командную работу и традиции. Они уважают лояльность, долг, честь, смелость, способность подчиняться и физическую подготовленность. СМИ не доверяют власти, деятельность репортеров носит индивидуалистский и состязательный характер. Когда военные делают ошибку, умирают люди. Когда делают ошибку СМИ, они публикуют опровержение. СМИ считают, что война — слишком грязное дело, чтобы быть отданным на откуп исключительно генералам, в то время как генералы понимают, что им нужно учитывать при выполнении своего демократического долга и соблюдении ответственности. Намного лучше иметь СМИ «на борту», чем затем испытывать их враждебность, а в войнах за выживание нации это в любом случае происходит. Даже в различного рода конфликтах, имевших место после войны в Персидском заливе, и иногда в так называемых «невоенные операциях» СМИ стали поддерживать международную интервенцию, например в Сомали, Боснии, на Гаити, в Косово, Восточном Тиморе и Афганистане. Так почему совместные действия вызывают подозрение?

Часть проблемы касается взаимоотношений в мирное время. Возможно, это прозвучит банально, но СМИ процветают за счет плохих новостей. Когда случается что-нибудь плохое в армии в мирное время — изнасилования в Окинаве и на Кипре, расследование убийства на военной базе, — это занимает первые полосы газет, как и тема гомосексуализма среди военных. Более того, до террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года было отчетливо заметно уменьшение количества корреспондентов, специализирующихся в сфере обороны. В мирное время военные обычно не привлекают внимания СМИ, за исключением правонарушений. Это вводит военных в заблуждение и делает их более раздражительными, когда в период войны всевозможные репортеры без необходимых знаний пытаются изучить или понять всю сложность военных действий. Пентагон и Министерство обороны Великобритании выпустили руководство к тому, что репортеры должны сообщать, а что нет. В Великобритании оно известно как Зеленая книга⁸¹⁵. Это требует от репортеров получения аккредитации, но лишь немногие из них получают доступ на линию фронта. Во время войны в Персидском заливе генерал Дуган (1992, р. 60) заявил журналистам: «Сегодня 1500 — это не неуправляемое количество, а количество, которое взывает к управлению». Однако проблема новой системы управления, касающаяся информационных бригад, заключается в том, что журналисты не желают делиться своими репортажами с другими репортерами или быть зависимыми от других репортеров в создании своих материалов.

Эта система содержит в себе потенциал хаоса. Уровень недовольства таков, что во время операции «Буря в пустыне» многие журналисты решили выйти из информационных бригад и освещать события без надзора со стороны военных. Заявив об «односторонности», такие репортеры раскрыли все характерные моменты, которых так боялись военные. Их могло быть больше, если бы команда CBS не была арестована иракцами на границе с Кувейтом в начале войны, упредив, таким образом, других потенциальных последователей. Фрагментарная природа групп СМИ была также проиллюстрирована в Рас-Кхафджи, когда американский морской флот впервые столкнулся с иракскими сухопутными войсками. Аккредитованные корреспонденты, сопровождавшие коалиционные войска, выразили крайнее недовольство «односторонними журналистами», которые делали свои критические репортажи. Оказалось, что многие журналисты были рады оказаться в информационных бригадах, что означало получение доступа и информации и безопасность в обмен на ограничения в том, что может быть сказано. Это удобно для военных, но беспокоит тех, кто не готов играть по правилам системы.

Для таких репортеров война — опасное занятие. Многие погибли в поисках альтернативной, или квазинезависимой, «правды». Однако необходимо просто выяснить, как много кусочков они помогли собрать для «мозаики» войны? По результатам опросов, проведенных в период войны в Персидском заливе, общество доверяло военным больше, чем журналистам. Либералы встревожились, узнав, что общество предпочитало принимать военную цензуру, если это ускоряло победу и спасало жизни. Американская публика приостанавливала распространение информации о том, что происходило, пока война не была выиграна. Репутации журналистов во время «Бури в пустыне» не помогло решение военных разрешить трансляцию пресс-конференций в прямом эфире, что позволило коалициям прямо заявлять общественности, во имя чего они сражаются, без посреднической роли журналистов. Когда журналисты задавали вопросы, они выглядели гораздо менее компетентными, чем военные, которые старались отвечать им, используя упрощенные термины. Для телестанций «24/7», таких как CNN, такие конференции заполняли важное эфирное время, но 24 часа — это долгий период времени. Эксперты — отставные генералы или опытные репортеры — также попадали в эфир, и это привело к огромному числу спекуляций, например в вопросе о том, когда и где имели место сражения. И это просто добавляло раздражительности в отношении военных к СМИ.

Многие служащие офицеры заявляют, что они бы с большей готовностью сражались в сфере СМИ, чем на полях боевых действий. Это, в некотором роде, и случилось в Афганистане, хотя несколько обозревателей, возможно, остались довольными поверхностным освещением военного конфликта. Более того, во время конфликта в Косово в 1999 году лишь очень немногие журналисты отправились в Косово после бомбардировки НАТО, поэтому обстановка освещалась в таком стиле, что если бомбы НАТО не убивали сербов, ими совершались акты геноцида, и они, конечно, хотели избежать, чтобы это зафиксировалось на пленке. Последствиями стали интенсивные медиа-спекуляции на актах геноцида. После войны оказалось, что ничего подобного в масштабах, описанных журналистами, не происходило. И снова, теперь уже во время операции израильских защитных войск в Йенине в 2002 году, было принято решение о полном выводе СМИ. В результате по всему миру СМИ распространили миф о «резне» палестинцев. Это было опровергнуто расследованием ООН. Другими словами, опасность исключения СМИ из военных операций может быть выше, чем риск от их участия. Это, однако, вовсе не мнение демократических военных структур.

Рост «управления восприятием»

Альтернативой стала военная Общественная информация (PI), если говорить на языке НАТО. В США это Общественные отношения (PA), в Великобритании — Операции СМИ (Media Ops). Из-за пролиферации общественных образований в этих странах после

холодной войны РІ стала профессиональной. Можно было ожидать, что современные организации будут уделять особенное внимание своему общественному имиджу, однако в прошлом в военной сфере это было ограничено рекрутскими кампаниями. Также из-за поддержки СМИ не было необходимости представлять деятельность военных как что-либо другое, кроме героической деятельности. Возможно, ситуация изменилась во время Первой мировой войны или после, когда масштабы массовых убийств стали известны и привели к росту пацифистского движения. Во время Второй мировой войны больше людей отказывалось от военной службы по политическим или религиозно-этическим убеждениям, чем во время Первой мировой. Более того, с развитием ядерных технологий и угрозы всеобщего уничтожения возросла необходимость разрешения даже незначительных конфликтов. К тому же пришло осознание, как минимум в демократиях, что деньги налогоплательщиков, идущие на расходы оборонного бюджета, требуют отчета и контроля. Это, в свою очередь, привело к возрастанию того, что являлось эффективной пропагандой, но получило другое название.

В ответ на Революцию военных отношений (RMA) военные обратились к «формированию информационного пространства». Новые или возрожденные доктрины, такие как Информационные операции (IO), рассматривали информацию как оружие военного времени или как инструмент в до- и послеконфликтных ситуациях. Возрастающая зависимость военных от коммуникационных технологий также усилила их уязвимость к воздействию того, что было описано как «электронный Пёрл-Харбор». Сегодня предоставляются новые возможности сформировать информационное пространство для сокращения очагов конфликтов. В начале 1990-х годов внимание акцентировалось более на системах (компьютер и Интернет), чем на людях. Однако с тех пор, как 19 террористов направили гражданские самолеты в здания Всемирного торгового центра и Пентагона 11 сентября 2001 года, произошел существенный сдвиг в том, что сегодня получило название «управление восприятием»⁸²⁶.

Управление восприятием — неудачная формулировка, выбранная из длинного ряда эвфемизмов западными демократиями, чтобы отвлечь внимание от факта пропаганды. Очевидная пропаганда сопутствовала техническим достижениям на протяжении XX столетия. Она базировалась на западных системах ценностей, которые уделяли большое внимание правдивости и избегали лжи, но такая терминология не была сильно изменена при обсуждении пропаганды. Теперь она помогает объяснить непонимание СМИ наиболее известного за последнее время скандала о пропаганде. Это случилось в рамках войны против терроризма, когда Пентагон объявил в начале 2002 года об учреждении Офиса стратегического влияния (OSI) для проведения глобальной кампании по созданию образа США как «силы добра в мире». Проблема появилась, когда было добавлено, что обман станет частью OSI. СМИ немедленно заявили о том, что Пентагон собирается использовать их как средство для обмана, когда будут искажены не только уроки предыдущих конфликтов, но и различия между обманом как древним оружием войны и другими формами операций влияния. Пентагон, сам переживающий конфликт по поводу данной проблемы с Государственным департаментом, не разъяснил этого четко. Неудача OSI увеличила разрыв, который появился между военными и СМИ, когда военные не могли объясниться со СМИ, верящими только в худшее.

Почему историческая традиция кооперации и взаимного доверия разрушилась так основательно? Частично проблема касается увеличения количества СМИ, которые, начиная с 1963 года в Великобритании и 1973 года в США, все реже сотрудничали с национальными военными службами. Англо-американские журналисты стали воспринимать военных как отдельную часть общества со своими собственными правилами, традициями и непонятным для непосвященных языком. Это в меньшей мере касается большинства европейских стран, где воинская повинность за последние годы

перестала быть долгом каждого гражданина. В Великобритании на протяжении десятилетий сражений с ИРА солдаты в униформе были мишенями для террористов, поэтому британцы стали всё реже видеть военную униформу на улицах, возрос уровень обоюдной сепарации. Военная одержимость оперативной безопасностью (OPSEC) была отмечена в США, так как американские военные, например в Ливане, стали прямой целью антиамериканских террористических атак. Это, наряду с последствиями Вьетнамской войны, создало параллельную одержимость защитой вооруженных сил. Такая политика, созданная для защиты жизней солдат внутри и за пределами страны, приняла философию оперативной секретности, обращенную скорее к скрытой, чем к публичной эффективности.

Преобразования в рамках организаций новостных СМИ также не помогли. Современная журналистика требует иного подхода к кадрам, чем в прошлом. Из-за создания групп корреспондентов или их командирования в различные конфликтные зоны по всему миру достаточное число репортеров, работающих на постоянной основе, стало роскошью, которую могут себе позволить только такие крупные новостные организации, как CNN или BBC. Малотиражные газеты, небольшие теле- и радиостанции полагаются либо на крупные англо-американские СМИ, либо на телеграфные службы, например Associated Press, Reuters и Agence France Presse. Хотя это означает, что одинаковые кадры будут показаны во всех странах, потому что телеграфные агентства предоставляют одинаковые копии, которые, в свою очередь, обрабатываются отдельными СМИ с учетом особенностей их аудитории; рядом с монополией возникает иллюзорность плюрализма. Более того, меняются репортеры. Все реже репортеры специализируются в сфере обороны, и их замещают «универсальные» журналисты, которых циник назвал бы «мастерами ничего».

Когда новостная организация решает послать репортера в зону конфликта, это обычно происходит, если дела у нее идут плохо. Если репортер неопытен, может случиться, что «парашютная журналистика» упустит контекст происходящего. Если доступные кадры шокируют (картины геноцида, беженцы, голодающие дети), значит, они отлично подойдут для телевидения, но некоторые политики считают, что такие кадры оказывают на них давление «сделать что-нибудь», чтобы прекратить этот ужас. В Сомали в 1992 году, например, часто заявлялось: «Телевидение нас приводит, и телевидение делает так, чтобы мы ушли». Это, однако, не соответствует академическому анализу, как показывают некоторые исследования (Robinson 2001). Всё вышесказанное можно назвать «эффектом CNN» (термин, вызывающий сильное негодование BBC); кадры голодающих сомалийцев стали появляться, как только было принято решение послать американские войска для «гуманитарной интервенции». Более того, печально известные кадры тела мёртвого американского рэйнджера, протасенного по улицам Могадишо, были показаны после решения Администрации Клинтона отводить войска. Однако влияние драматических телевизионных кадров человеческого страдания было преувеличено. Исследования говорят о том, что при твердой внешней политике (например, решение Вашингтона не вмешиваться в дела Боснии до 1995 года или в геноцид в Руанде) от подобных кадров воздерживаются. Там же, где нет такой политики или где она формируется или меняется, как в Северном Ираке после войны в Персидском заливе, кадры могут послужить стимулом для принятия политических решений.

Такая ситуация приводит управленцев к осознанию необходимости контроля над СМИ. И тогда предпринимаются малоэффективные действия со стороны поколения политиков, отученных от телевидения и владеющих политехнологиями. Правильным словом в демократическом контексте было бы не «контроль», а «влияние». А с учетом корпоративного опыта — «менеджмент». Ещё десять лет назад большинство экспертов по общественным отношениям в рамках корпоративного сектора разрабатывали стратегии, чтобы удерживать своих менеджеров подальше от новостей, теперь это обернулось более активной стратегией исключения плохих новостей через определение повестки дня. Опасность такой ситуации была подтверждена скандалами Enron and Worldcom в США, но

влияние все же распространилось на правительство и на вооруженные силы. Это могло бы хорошо сработать во время Фолклендской войны, но когда Департамент обороны показал фотографии захваченных заключенных «Алькаиды» в Гуантанамо Бэй, США попали под огонь критики, так как оказалось, что с заключенными плохо обращались. Ряд британских газет выразили крайнее возмущение по поводу некорректного поведения некоторых американских чиновников по общественным делам. И так, что могло бы хорошо подойти для американской аудитории, вызвало обратную реакцию СМИ со стороны ближайшего союзника США.

Между Тихим и Атлантическим океанами всё ещё сохраняется глубокий раскол, несмотря на разговоры о глобализации. Это настоящая проблема для Вашингтона в войне против терроризма. На данный момент СМИ США остаются активными, но возникает вопрос: как долго это будет продолжаться? За пределами США все ещё существуют препятствия для управления восприятием. Несмотря на распространение Интернета, главные баталии за сердца и умы разворачиваются в сфере международных СМИ. Интересно, почему в странах с наиболее развитыми коммуникациями так сильно заблуждаются по этому поводу? Например, во время бомбардировки Афганистана в октябре 2001 года представители движения «Талибан», которые настолько хорошо осознали потенциал влияния телевидения, что запретили его в своей собственной стране, и, кажется, намного лучше, чем Вашингтон, понимали глобальный новостной цикл. На восемь часов вперед, согласно временным зонам, они сообщали для дневных новостей о ходе войны. Они сделали заявление о несущественных разрушениях, вызванных американской бомбардировкой, о сбитых вертолетах и об успехах группировки «Талибан», так что американским представителям приходилось оправдываться, отвечая на заявления, сделанные днем раньше. Такая ситуация продолжалась до создания коалиционных информационных центров в Вашингтоне, Лондоне и Исламабаде несколько недель спустя.

Распространение управления восприятием привело к возрастанию подозрительности СМИ. СМИ нуждаются в официальных лицах, которые предоставляли бы им информацию, но если информация явно искажена, она служит особым целям. Офицеры по общественной информации часто заявляют, что не собираются оказывать влияние на СМИ и что они «просто предоставляют факты». Хотя это не совсем соответствует действительности, потому что они редко предоставляют все «факты». Возможно, по причинам оперативной безопасности у них есть на это свои причины. Проблема, с которой они сталкиваются, — это конфликт между традиционной секретностью и дилеммой гласности в эпоху глобальных коммуникаций. Американские чиновники столкнулись с ней во время конфликта в Косово из-за того, что сербы намного быстрее освещали на телевидении атаки НАТО и офицеры по общественной информации должны были объяснять их. Снова вынужденное защищаться, НАТО не могло сделать этого нужным образом до тех пор, пока политтехнолог Тони Блэра Аластар Кэмпбелл тщательно не изучил особенности информационной кампании НАТО. Именно он стоял за коалиционным информационным центром, созданным для борьбы с терроризмом.

Доктрина информационных операций признает PI как часть её операций влияния наряду с PSYOPS (группами психологических операций), общественной дипломатией, культурной дипломатией и другими «мягкими» элементами убеждения. Возможно, именно здесь скрывается главная опасность для гармоничных отношений между военными и СМИ. Свободные СМИ не рассматривают себя как инструмент для пропаганды или военных информационных операций. Вот почему они так болезненно реагируют на OSI, особенно после осознания того, что офис является частью доктрины IO. Хотя многие из репортеров в настоящий момент не осознают этого, СМИ в военных кругах рассматривают скорее как проблему, чем решение проблемы. Например, когда во время конфликта в Косово НАТО бомбардировали сербскую официальную телестанцию RTS, это была попытка «сформировать информационное пространство» через перекрытие доступа сербов к национальным информационным источникам. НАТО заявило, и не без основания,

что RTS являлся пропагандистским каналом, а значит, законной мишенью. Мировые СМИ говорили о свободе слова и резко критиковали действия НАТО, не осознавая, что доктрина информационных операций пришла к тому, что уже не заводы и верфи были первичной целью, как в прошлом, а радио-, телестанции и электростанции оказались теперь на линии фронта в информационной войне.

Заключение

Несмотря на многочисленные протесты, можно смело заявить, что СМИ не являются простыми обозревателями конфликта. Их присутствие в качестве обозревателей как гейзенберговский физический принцип меняет природу конфликта. Военные поняли это и, несмотря на свою инстинктивную институциональную реакцию избежать пристального взгляда СМИ, признают, что освещение СМИ является частью их обязанностей перед демократической общественностью. Однако соглашения военных с руководством СМИ скорее отвечают военным императивам, чем потребностям СМИ. В прошлом это не было большой проблемой, несмотря на разногласия в вопросе цензуры. Сегодня изменившаяся природа военных интервенций и зарождающихся доктрин не соответствует СМИ, которые уже больше не являются «друзьями» генерала Эйзенхауэра, как он их когда-то назвал. Ещё во время войны в Персидском заливе в главном отчете отношения военных и СМИ были описаны как «Американская команда: странная парочка». Гораздо сложнее оценивать войны тем демократическим обществам, которые предпочитают мир и процветание конфликтам и которые имеют широкий доступ к СМИ для выражения своих взглядов. Оказавшись под перекрестным огнем политических решений о войне и мире, военные были вынуждены разработать оперативные системы для контактов со скептически настроенной прессой, которая ищет плохих новостей. Поскольку отсутствие новостей само по себе является плохой новостью, — если сказать «без комментариев» журналистам, они будут думать, что ты что-то скрываешь, — активная PI остается причиной для обвинения военных в пропаганде. Если сегодня, в информационный век, доктрины по улаживанию конфликтов признаются в качестве основного оружия (или средства), и возникает необходимость в проведении «операций влияния», тогда такие обвинения неизбежны. Когда все сделано и сказано, это, возможно, более здоровая ситуация для демократий, чем когда какие-то структуры срочно начинают нуждаться в установлении тесного сотрудничества и попадают в зависимость от прошлого.

Литература

- AUKOFER, F. AND LAWRENCE, W.P. 1995. *America's team: the odd couple, a report on the relationship between the media and the military*. Nashville: The Freedom Forum First Amendment Center at Vanderbilt University.
- CARRUTHERS, S. 2000. *The Media and War*. Basingstoke Hampshire: Macmillan.
- DUGAN, M. (General) 1992. «Generals versus Journalists». In: H. SMITH (ed.). *The Media and the Gulf War: the press and democracy in wartime*. Washington: Seven Locks Press.
- HUDSON, M. AND STAINER, J. 1997. *War and the Media*. Stroud: Sutton Publishing.
- JESSER, P. AND YOUNG, P. 1997. *The Media and the Military: from the Crimea to Desert Strike*. Basingstoke Hampshire: Macmillan
- ROBINSON, P. 2001. *The CNN Effect: the myth of news, foreign policy and intervention*. London & New York: Routledge
- SIMPSON, J. 2002. *News from No Man's Land: Reporting the World*. Basingstoke Hampshire: Macmillan.
- TAYLOR, P.M. 1997. *War and the Media: Propaganda and Persuasion in the Gulf War*. Manchester: Manchester University Press.

UK Ministry of Defence. *The Green Book of Defence and the Media in Times of Emergency*.
Available from URL <http://www.mod.uk/news/green_book>.

ЧАСТЬ V

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИЦИЯ

Средства массовой информации, полиция и ответственность: американский опыт

Отвин Маренин

Полиция и СМИ существуют в непростом симбиозе. Полиция нуждается в СМИ и использует их, чтобы предавать гласности успехи в борьбе с преступностью и улучшать свой общественный имидж; СМИ находят в деятельности полиции неисчерпаемый источник для скандальных, криминальных и интересных для общественности историй. Подчас полиция и СМИ сталкиваются друг с другом. СМИ разоблачают должностные преступления полицейских и злоупотребление полномочиями, и полиция чувствует себя незаслуженно оскорбленной журналистскими интерпретациями своих действий.

Надзор СМИ за действиями полиции может быть формой и средством усиления ответственности, но только в определенных обстоятельствах. Основной вопрос, рассматриваемый в данной работе: оказывают ли СМИ воздействие на работу полиции, которое увеличивает ответственность, и если да, то при каких обстоятельствах? Ответ требует обсуждения в трех направлениях: характеристики СМИ, модели принятия решений СМИ и их обычного влияния на общественное мнение; детерминанты поведения полиции; обычной интеракции между полицейскими и сотрудниками службы новостей.

Потенциальный эффект ответственности, оказываемый СМИ на полицию, имеет место среди большого числа моделей и систем ответственности. Влияние СМИ на то, как полиция выполняет свои обязанности, будет связано с теми же силами, которые ограничивают все другие механизмы ответственности. Ограничения происходят от специфических характеристик этих механизмов (например гражданские наблюдательные советы или законные меры) — это их формальная компетенция, внутренние процессы принятия решений, доступные ресурсы и т. д., а также от внутренней динамики, которая определяет решения и действия полиции как на управленческом, так и на «уличном» уровне.

Я бы поспорил с тем, что СМИ оказывают в лучшем случае косвенный эффект ответственности. Их влияние, в том числе и механизмы ответственности, ограничено идеологией, культурой и установленной практикой, а также рутинным сбором информации и её распространением, целями, мотивациями и деятельностью СМИ. Заключение Антонсена (2001, р. 1), что «влияние СМИ на процесс принятия решений — не прямой, он ограничен рядом факторов и контекстом», также можно применить к влиянию СМИ на ответственность полиции⁸³¹.

Ответственность

Ответственность полиции — значимый и важнейший признак демократии. «Без эффективной политической ответственности действительная демократия не была бы возможна» (Lewis 2000)⁸⁴². В демократической системе управления конечная ответственность полиции перед политическими лидерами и обществом должна быть неоспоримой. Все-таки полицейские — это попросту государственные чиновники, которые выполняют определенные функции. Полиции иногда сложно принять такие условия, особенно если обществу недостает здравого смысла и сведений, чтобы справиться с криминальными проблемами и задачами полицейских (Sheehan and Cordner 1995, pp. 49—50).

Несмотря на опасения полицейских в демократическом обществе «ответственность «должна протекать по всем сосудам» полицейской службы, и это скорее зависит от культуры и этики данной

83 1 Работа Антонсена исследует влияние СМИ на решения Дании и Швеции участвовать в миротворческих операциях ООН. Методология и концептуализация влияния СМИ соответствуют моим аргументам.

842 Комментарии Льюис содержатся в интервью, в котором обсуждалась публикация её книги, написанной совместно с Эндрю Голдсмитом (Goldsmith and Lewis 2000), об ответственности полиции и реформах.

службы, чем от институционального механизма» (The Independent Commission 1999, p. 22). Полицейские не могут действовать безнаказанно, они должны отвечать за свое поведение.

Полиция имеет огромную власть над жизнями людей. В демократических обществах эта сила и власть могут проверяться контрольными механизмами, которые показывают то, что полиция использует свою власть как должно, и она может быть призвана к ответственности за свои действия, если действовала неверно и совершила ошибки, которых можно было избежать, или была вовлечена в криминальную сферу или коррупцию. Использование различных механизмов отражает национальный контекст и историю взаимодействия между полицией и обществом (например, Bayley 1997; Chevigny 1995, pp. 85—116, 256—273; Loveday 1999; Neild 2000; Perez 2000; Stone and Bobb 2002; Stone and Ward 2000; Walker 2001; Worrall 2001; Worrall and Marenin 1998).

Основное концептуальное определение ответственности слишком просто, чтобы писать о нем. Оно обычно включает три аспекта: ответственность «за что», «перед кем» и «как» (Skolnick and McCoy 1985; Walker 2001)⁸⁵³. Как отметил Маннинг (1997, p. 296), «ответственность — это комплекс мер, включающий следующие аспекты: чьи стандарты будут отставаться, как определить адекватное поведение и перед кем полиция политически ответственна». Менее четко определяются последствия ответственности полиции. Как должна действовать полиция, когда ответственность эффективна, когда она «работает»? Значение, цели и измерение ответственности обычно вытекают из предложенного определения.

Например, Зиглер и Найд (2002, p. 8) считают, что «ответственность полицейских служб требует действия внутренних и внешних контрольных механизмов, которые будут гарантировать то, что полиция выполняет свою работу, уважая закон и гражданские права человека, которые она должна защищать. Ответственные полицейские службы обеспечивают прозрачность процедур и операций». Можно говорить об ответственности, когда действия полиции прозрачны, подчинены закону и уважению гражданских прав. Раделет и Картер утверждают, что ответственность в широком смысле касается «качества полицейской деятельности, действует ли полиция так, как хочет общество, является ли полиция «хорошим товаром», предоставляя свои услуги, выполняет ли она свою часть «общественного договора». Ответственность достигается, когда качество полицейской деятельности высоко, когда её приоритеты и политика согласованы с потребностями общества, когда она эффективна и выполняет общественный договор (и это не злоупотребление властью, которая ей дана)⁸⁶⁴. Как эти стандарты проявляются в специфических полицейских функциях и в целом в поведении, менее понятно.

Не имеет значения, какие специфические определения и концепции ответственности влияют на стандарты и ценности поведения, которые полицейские должны принять и им следовать, и когда они предположительно нарушают стандарты, они должны сами давать объяснения. Если нарушения

853 Независимая комиссия (1999, pp. 22—27) выделяет пять типов ответственности в соответствии с применяемыми механизмами: демократическую, законодательную, прозрачную, финансовую и внутреннюю — и рекомендует институциональные соглашения для активизации всех пяти видов (pp. 28—39).

86 4 Сайт Коалиции полиции Торонто по ответственности (URL <<http://www.tpac.ca/issues>>) содержит девять специфических стандартов, которые составляют понятие ответственности. Среди них — полицейские управления, которые «содействуют общественным дебатам о полицейской деятельности, принимают решения о проводимой политике на общественных собраниях и следят за тем, чтобы сотрудники и руководство придерживались такой политики», реагирует на разнообразные нужды города, прозрачны во всех управленческих политических вопросах, «ответственны за гражданское общество и реагирование на общественные проблемы»; полицейские службы, которые находятся под гражданским контролем, общественным финансированием, не политизированы, представляют разные социальные группы Торонто и уважительно относятся к этой разнородности, «уважают разделение законодательной и исполнительной функций и нормы закона».

действительно были, что доказано в процессе расследования, полицейские будут отвечать за изменения в политике и деятельности, которые привели к нарушению установленных норм⁸⁷⁵.

Какие изменения или реформы в политике полиции, кратко- или долгосрочные, будут определять или усиливать ответственность — вопрос, требующий точного ответа как для полицейских, так и для обозревателей. Большинство оценок действий полицейских или эффективности реформ заключают, что формулирование целей (например при поручении заданий, на тренировке в академии или в процедурных инструкциях), даже наиболее стандартных, — это необходимый первый шаг, но его недостаточно. Необходимы специальные процедуры внутри полицейских служб для установления соответствия стандартам и целям. Райнерс (1992, pp. 232—233) отмечает, что понятие ответственности — это вопрос того, как поддерживать деятельность полиции, особенно когда полицейским приходится действовать по своему усмотрению, в законодательных рамках и в одном направлении с общественными ценностями. Он приводит практический аргумент в пользу того, что контроль над полицией требует сотрудничества с ней и поддержания полицейской культуры, что означает: формальная ответственность — это не критическая точка, и борьба за номинальный контроль над полицией, что отчуждает полицию, может не принести эффекта (p. 220).

Наиболее общие внешние контрольные механизмы — это политический надзор (например, полицейские бюджет, приоритеты и персональная политика определяются местными, окружными и национальными ассамблеями и административными органами, такими как Министерство внутренних дел в Великобритании); законные действия различных видов и форм (гражданские и уголовные обвинения в предполагаемых правонарушениях, крупные уголовные расследования); установленный административный надзор (например соглашения между местными полицейскими службами и Департаментом юстиции, которые местная полиция должна выполнять в установленном порядке под федеральным надзором); органы гражданского надзора по вопросам ответственности; гражданские активисты; специальные следственные комиссии (например, комиссия Кристофера провела касающееся полицейского департамента Лос-Анджелеса расследование избиения Родни Кинга и последующих судебных процессов над офицерами), организации омбудсменского типа и надзор со стороны СМИ.

Внутренние механизмы, которые устанавливаются сами полицейские, включают следовательские объединения внутри департамента, административные методы (личный состав, исполнение, продвижение, дисциплина), обеспечивающие подчинение организационным правилам; формальную социализацию; идеологию и стратегию собственной политики, которые усилят активность по отношению к обществу (например общественно-ориентированная деятельность политики), и профессиональные кодексы этики и поведения.

Три положения признают все обозреватели. Во-первых, ответственность требует различных механизмов надзора. Ни внешние, ни внутренние средства по отдельности не смогут обеспечить соблюдение ответственности полицией. Во-вторых, ответственность — это сложная задача, возложенная на полицейских. Они подозреваются в противодействии или трансформировании требований внешних источников, с которыми не согласны. В-третьих, хотя и существует консенсус, в соответствии с которым типы надзора и дисциплины наиболее эффективны в поддержании и ответственности, известно, что любая попытка управлять полицией через внешние механизмы будет иметь результат только при внутренних изменениях и реформах. Точнее, реформы успешны только тогда, когда ответственность становится управленческим и административным приоритетом. Попытки реформирования, которые направлены на усиление ответственности, произведут кратковременный эффект, пока организации полицейских структур не будут интегрированы в сферу

87 5 Наиболее часто упоминаемые стандарты тесно связаны с правами человека и кодексами поведения, сформулированными международными и национальными организациями (например Das and Palmiotto 2002).

культуры. Главная причина в том, что инициативы внешнего контроля чаще характеризуются «неадекватными, некорректными и туманными целями или, в большинстве случаев, просто символами». В свою очередь, полицейские часто практикуют активное и пассивное противостояние требованиям извне, которые не соответствуют их пониманию того, что такое служебные обязанности, или они обращаются к общественным отношениям как к средству защиты (Ross 2000, pp. 28—30).

Требования ответственности и проведения реформ должны учитывать специфические характеристики ответственности. Можно выделить два аспекта: ответственность деятельности и ответственность событий. Райнер (1992, pp. 210—211) утверждает, что «фундаментальная проблема заключается в том, как контролировать полицейские службы в свете значительной свободы их действий... Проблема того, как неизбежная и существенная свобода действий полиции может быть контролируема, состоит из двух уровней: уровня выработки политики в целом <...> и уровня действий рядовых офицеров». Различные механизмы будут более адекватными и эффективными для ответственности за происходящее, а не за политику. Ответственность полиции отражает отвечающие общественным предпочтениям и содействующие общественному благосостоянию базовые демократические ценности, которые должны отражать все правительственные институты. Ответственность за события проистекает из специфических инцидентов, в которых полиция предположительно нарушает принятые и ожидаемые нормы поведения.

Так, реформирование ответственности преследует две основные цели: усилить ответственность за события и за проводимую политику. Эффективная ответственность за события означает, что полиция должна объяснять свое поведение в специфических ситуациях, в которых она предположительно нарушает принятые нормы, и предотвращать условия и действия, которые могут привести к жалобам на то, что она делает или не сделала. Ответственность за события должна вести к снижению числа проблемных ситуаций.

Ответственность за проводимую политику отражает базовое требование демократии, которое заключается в том, что правительственные институты в своей основной идеологии, стратегиях и проводимой политике должны отвечать гражданским приоритетам и требованиям. Ответственность за события ставит целью быстрое сокращение числа должностных преступлений. Ответственность за проводимую политику конструирует долгосрочные институциональные ответы на вопрос «Какова роль полиции в жизни общества?». События могут привести к изменениям в политике, которые способны усилить ответственность полиции перед требованиями общества, но это требует определенных управленческих и профессиональных убеждений и ценностей, а также действующей культуры. Демократические полицейские структуры должны работать для осуществления обоих типов ответственности.

Полиция

Полиция — это часть структуры безопасности во многих обществах, но она фундаментально отличается от других служб безопасности (вооруженные силы, разведка, пограничные службы). Следовательно, возможности и процессы, ведущие к установлению ответственности, или модель контроля над полицией, характеризуются различными движущими силами. Во-первых, основная масса полицейской работы выполняется офицерами, работающими индивидуально или в паре (за исключением, например, случаев совместных действий с полувоенными подразделениями или во время столкновений с массовыми демонстрациями). Ответственность тогда рассеивается, требуя более сложных методов для оценки и контроля, чем применяется к групповым действиям.

Во-вторых, очень часто полицейская работа предполагает существенную свободу действий со стороны отдельных офицеров, следовательно, вопрос правоты так же относителен, как и вопрос, учитываются ли законы и правила при оценке действий офицеров. Оценка законности действий дается сложнее, чем соответствия установленным правилам.

В-третьих, объем власти и свободы действий, дозволенных полиции, рассматриваются в недостаточно ясных ситуациях. Часто единственными участниками происшедшего (нужны ли здесь вопросы о свободе действий?) являются офицер и виновник события. Более того, когда описание

событий, предлагаемое полицейскими, различается с тем, что утверждает другая сторона, их слова, которые получают больше общественного доверия, и их письменные показания становятся причиной столкновения. Например, то, что офицеры написали в своих отчетах после избиения Родни Кинга, могло бы считаться тем, что «действительно произошло», если бы свидетель не предоставил альтернативную интерпретацию этого столкновения. Как было выяснено в ходе последующего судебного разбирательства, даже запись была интерпретирована по-разному, и это было сделано двумя судьями независимо друг от друга. Один из них не видел убедительных доказательств полицейского правонарушения на кассете, другой видел.

В-четвертых, ответственность ограничена тем, что происходит после столкновения. Например, закон может стать средством контроля в двух случаях: если подозреваемый попал под суд и во время судебного разбирательства были выявлены и доказаны правонарушения полицейских или если жалоба предъявлена группой гражданских активистов.

В-пятых, большая часть полицейской работы непосредственно не включена в правоохранительную деятельность и не касается уголовных преступлений и преступников. Выполнение различных услуг и попытка обеспечить безопасность граждан (и необходимая документация, которая должна быть заполнена) занимают большую часть рабочего времени офицера. Ответственность в большей мере обусловлена стандартами, которые могут быть сообщены офицерами при применении закона (например процессуальные правила допроса), чем предоставление своих услуг и суждений офицерами при нарушении порядка (например домашние ссоры, шумные вечеринки, которые мешают соседям). Менее ясно, какими должны быть эти стандарты. Так же сложно определить, как контролировать полицейские суждения в таких ситуациях так, чтобы ретроспективный взгляд на события не вводил в заблуждение офицера в том, как делать свою работу и как она будет оценена. Офицерам должно быть честно разъяснено, как будут выноситься решения относительно их действий. Они не могут выполнять свои обязанности, зная, что, если их поведение будет поставлено под сомнение, вышестоящие лица «откажут» им. Движение за общественно ориентированную полицию обостряет эти сложности (Alpert and Moore 1993)⁸⁸⁶.

В-шестых, и это наиболее важно, полиция — самая «заметная» из служб безопасности. Многие люди никогда не пересекут границы своего государства, не будут иметь дел с разведывательными или военными службами, но они наверняка имели контакты с полицией или видели её, лично или через СМИ. Полиция — это служба безопасности на все случаи, служба для разрешения чрезвычайных обстоятельств и установления порядка в стране, к ней обращаются люди, когда у них неприятности (только служба скорой медицинской помощи имеет такой же статус). Как следствие, деятельность полиции имеет наиболее сильный легитимирующий потенциал из всех служб безопасности. Недостаток ответственности среди полицейских или безнаказанность их действий, которые нарушают законодательные и общественные нормы, — основная причина недоверия общества не только полиции, но и правительству, которое полиция представляет. Положения общественного договора, о котором говорилось ранее, сильнее всего нарушаются, как и легитимность правительства, когда полиция ведет незаконную деятельность и не привлекается к ответственности. Люди увидят и узнают об этом, поскольку такое сложно скрыть⁸⁹⁷.

История и уроки реформ и различие механизмов ответственности показывают, что полиция чувствует себя достаточно уверенно в отклонении и переопределении требований, которые, на их взгляд, несправедливы или представляют собой вмешательство в то, как они, будучи опытными

886 Это относится к полицейской рутине, которая видна обозревателям. Контроль над демонстрантами, уличные бои, спортивные и музыкальные мероприятия или политические съезды попадают в эту категорию.

897 Напротив, неизвестно, совершают ли должностные преступления сотрудники разведывательных служб и как часто; пограничные службы работают в специфической атмосфере, которая легитимирует более тщательный обыск и наблюдение за пересекающими границу; у вооруженных сил также есть своя законодательная система, функционирование которой обычно неизвестно публике.

практиками, делают свою работу. Понятно, что среди различных заявлений и требований, предъявляемых полиции, большинство исходит от их коллег или администрации. Офицеры полиции, работающие на улицах, найдут ответы на вопросы о том, как организовать свою работу и что следует делать, скорее у своих коллег, чем в законах, руководствах или правилах профессиональной этики (Klinger 1997).

Требования внешних институтов или групп вряд ли будут слушать или принимать, пока они не станут соответствовать существующей культуре поведения полиции. Полицейские — практики. У них нет времени разбираться с моральными дилеммами, пока они делают свою работу; точно так же они будут руководствоваться при использовании свободы действий существующими нормами поведения, главная из которых — защищать порядочных людей от преступлений — допускает некоторые отклонения или уклонения от законодательных и административных регуляторов. Такие отклонения оправданы морально для большинства полицейских, пока они помогают им исполнять свой долг эффективно⁹⁰⁸. Подвергнуться критике за то, что хорошо делаешь свою работу (как они на это смотрят), — это слишком оскорбительно.

Полицейское руководство стремится расширить взгляд на свои отношения с обществом, в котором работает. Руководители должны поддерживать диалог как с внутренней аудиторией (своими работниками), так и с внешней, которая предоставляет финансирование, политическую поддержку, политические и законодательные указания, а также критикует деятельность полицейских. Руководители всегда очень хорошо осведомлены о стоимости проигранного дела, возбужденного против офицера, о негативном влиянии злоупотребления властью на имидж полиции и департамента, о возможностях гражданской активности, которая может повредить определенной проводимой политике или процедурам (например расовое разделение)⁹¹⁹. Одна из основных причин разногласий между рядовыми полицейскими и руководством — это то, что уличная полиция часто чувствует, что руководство уделяет больше внимания внешней аудитории, чем нуждам сотрудников. Однако даже руководители согласны с тем, что обвинения против поведения полицейских должны вначале рассматриваться внутри департамента. «Дайте нам их классифицировать», — наиболее типичный ответ.

Средства массовой информации

СМИ отличаются от внутренних и большинства внешних механизмов в одном значительном аспекте. У них нет никаких формальных отношений с полицией. В отличие от судов, которые могут санкционировать поведение полицейских служб, или гражданских активистов, которые используют политическое давление на полицейские организации, или внутренних следовательских объединений, от которых может зависеть карьера офицеров, СМИ — это просто арена для предоставления информации, иногда в различных идеологических перспективах. Такая структурно специфическая позиция СМИ в обществе является как большой силой для отдельных видов ответственности, так и большой слабостью для остальных.

Чтобы оценить способность СМИ быть движущей силой ответственности, необходимо определить их типы. Портрет полиции, представленный масс-медиа, показывает объединенные,

⁹⁰⁸ Можно возразить, что утверждение, которое базируется на признании того, что эффективность и защита прав и обязанностей сбалансированы и не могут симулироваться, довольно спорно. Насилие скорее разрушит, чем повысит эффективность (Bailey 2002).

⁹¹⁹ Расовые различия могут иметь значение для полицейской активности на улицах. Например, торговля наркотиками осуществляется обычно латиноамериканцами и неграми, поэтому именно за ними нужно вести отдельное наблюдение. Для руководства расовое различие (по крайней мере в последнее время в США) является постоянной серьезной проблемой в отношениях с обществом. Обвинения в расовой дискриминации отдельных лиц или групп, особенно в густонаселенных районах с многонациональным населением, представляют полицейских как расистов. Многие знают, что такое «DWB» или «DWM» («Беги, если ты черный» или «Беги, если ты мексиканец»), на собственном опыте.

часто конфликтующие усилия полиции, работников СМИ и общественных групп, каждая из которых стремится создать имидж полиции, наиболее соответствующий своим интересам и ценностям.

Нет гомогенных СМИ. У каждого из них — своя динамика и свои приоритеты. Общая классификация — это разделение на информационные и развлекательные СМИ. Первые включают в себя газеты, журналы, книги, радио и телевизионные новости и расследовательские сериалы (такие как «60 Minutes» и «Dateline» в США). Развлекательные СМИ — это телевидение, фильмы, радио-шоу, криминальные и полицейские сериалы. Так называемые полицейские шоу (такие как «Cops», «Greatest Police Car Chases» или «Unsolved Mysteries») показывают реальную работу полицейских, но с акцентом на развлекательность. Гибрид информационного и развлекательного представления информации — это полицейские преследования, которые сегодня часто показывают в прямом эфире со специальных вертолетов, прослеживающих развитие событий до конца. Такие формы новостей предпочитают подростки, которые ожидают финального рокового столкновения. Растущее количество информации, доступной в Интернете (так, несколько ссылок на веб-сайты, приведенные ниже, можно с легкостью размножить в стократном размере), является другим источником, который связывает факты, мнения и вымысел так, что невозможно распутать этот узел.

Распространение электронных технологий — частных видеокамер; камер видеонаблюдения в общественных местах (например на пешеходных зонах в городе) и в частных помещениях (например в офисах, банках или больших торговых предприятиях); камер, установленных в полицейских машинах, чтобы записывать столкновения; группы наблюдателей, которые следят за тем, что делают полицейские; новые вертолеты, передающие в прямой эфир полицейские погони за подозреваемыми, — все эти средства предоставлены общественности, а также полицейским для тщательного надзора. Надзор, оправданный как средство эффективной борьбы с полицейскими преступлениями, как противодействие группам, борющимся за частные права, сегодня также используется. Полицейские знают, что их работу записывают (или они не могут быть уверены, что этого не делают), и знают, что записи, особенно нелестные для них, будут показаны ещё и ещё раз в новостях и реалити-шоу. Недостаточная видимость действий полицейского недопустима, однако если он переместит свою деятельность в стены управления, он будет защищен от обвинений солидарностью его сотрудников⁹²¹⁰. Это может привести к злоупотреблениям. Наиболее известный случай — «дикое» нападение и изнасилование бегуньи в Центральном парке в Нью-Йорке. Пять подростков сознались в изнасиловании, что было записано, и были обвинены. Тест ДНК позже показал, что кто-то другой совершил изнасилование, ДНК подростков на жертве не было найдено. Подростки были освобождены. Оказалось, что их признания были ложными, подозреваемые допрашивались полицией часами, пока не сознались, что и было записано на пленку. В настоящее время только три штата (Аляска, Массачусетс и Миннесота) заявляют, что их полиция записывает на пленку весь процесс допроса.

Я сфокусирую внимание на информационных СМИ, печатных и электронных. Если учитывать то внимание, которое люди уделяют общественным проблемам, и то, как им в этом помогают СМИ, можно сказать, что это самые широко используемые общественностью СМИ. Также искажение информации о полиции намного чаще встречается в развлекательных СМИ.

Дискуссии о роли СМИ всё чаще фокусируются на их коммуникативной, формирующей общественное мнение силе. СМИ — главный источник информации для общества (а часто также для политиков и полиции), распространяющий информацию, образы и интерпретации преступлений,

⁹²¹⁰Полицейские используют записи, но скупо. Недавняя критика полиции касалась того, как они записывают свои допросы. Многие служители закона жалуются на то, что признания делаются вынужденно, а не добровольно. Простым решением проблемы было бы записывать весь процесс допроса на пленку, от начала до конца, в интересах как обвиняемого, так и полицейского. Однако обычно полиция начинает запись только на последней стадии допроса, когда обвиняемый готов сделать признание или заявление. Полицейские знают, что если они запишут процесс допроса полностью, их поведение не будет соответствовать законодательным стандартам принуждения. Они не хотят предоставлять защитнику и обвиняемому свидетельства, которые могут повредить им самим.

преступников и правосудия. Многие люди никогда не столкнутся с реальностью преступлений или уголовного правосудия, и даже если они будут иметь контакт с системой уголовного правосудия, включая полицию, это не будет показательное или типичное столкновение (или эти люди не будут знать, типичен ли их опыт). Большая часть информации, которую получают люди, — из вторых рук, прошедшая через социальные интеракции и обсуждения, через формальную социализацию и через повторяющееся освещение СМИ. Образы и символы собраны и интерпретированы СМИ, интерпретированы заново полицией и общественностью, затем ещё раз — новым потоком СМИ, и в этом процессе получают почти ритуальное и неопровержимое значение (Manning 1998). Становится всё труднее определить, где правда, а где интерпретация и домыслы⁹³¹¹.

Когнитивное и интерпретативное влияние СМИ на массы и на элиту было описано как создающее (вместе с другими факторами) социальную конструкцию реальности (Bailey and Hale 1998; Barak 1995; Jenkins 1994; Surette 1998), как мифологизированные преступления, правосудие и работа криминальных контролирующих служб (Hall et al. 1978; Kappeler et al. 1996), как создающее интерпретативную основу, которую использует общественность для понимания специфических событий и тенденций (Chermak 1994; Ericson et al. 1991; Sasson 1995).

Доминирующее не прямое влияние СМИ проявляется через их способность создавать интерпретативные рамки — «способ, которым СМИ показывают события так, чтобы распространить определение проблемы, интерпретацию причины и моральную оценку и/или трактовку» (Anthonson 2001, p. 5). Интерпретативные рамки используются всеми индивидами и группами, они являются подходящим и необходимым источником массивного потока эмпирической, концептуальной и моральной информации, которую они предоставляют ежедневно в виде многозначных интерпретаций и образов. Такие рамки упрощают и искажают реальность, но они также помогают понимать и действовать. По словам Суретт (1998, p. XIII), «люди используют знания, полученные от СМИ, для контраста образу происходящего во всем мире и ведут себя, основываясь на воспринятой реальности этого образа». То, что этот образ неточный, искаженный, частичный и ложный, не имеет значения.

Рамки существуют в каждом обществе. Они различаются в зависимости от идеологий и мнений. Индивиды, в свою очередь, — это «активные собиратели значений». Чтобы собрать «сырой материал в связанные и многозначные понятия, они выбирают из круга интерпретативных рамок доступный своей культуре», который предоставляет значения, подходящие базовым идеологическим договоренностям (Sasson 1995, pp. 9—10)⁹⁴¹². Интерпретативные рамки как таковые культурно обусловлены и отражают персональные черты и предпочтения индивида.

Изучение того, как основные СМИ показывают криминальную сферу, правосудие или полицию, говорит о том, что интерпретативные рамки, предложенные СМИ, характеризуются вниманием к консервативным политическим позициям и необходимости установления порядка и контроля над преступниками, которые обычно воспринимаются как опасные незнакомцы из маргинальных слоев; ярким освещением преступлений, связанных с применением насилия, которые совершили эти незнакомцы; недостаточным освещением преступлений, совершенных состоятельными лицами (например преступления «белых воротничков», корпоративные

⁹³¹¹Одно из интересных наблюдений Маннинга, сделанных в этой статье, заключается в том, что даже офицеры полиции смотрят полицейские реалити-шоу и развлекательные программы и делают свои собственные заключения о том, насколько правильно ведут себя полицейские в показанных ситуациях. Даже офицеры полиции попадают на крючок вымышленной реальности.

⁹⁴¹²Люди будут иметь основу для своих идеологических мировоззрений об управлении, социальных отношениях (например расовые и гендерные различия) или на причины таких социальных проблем, как преступность. В исследовании, которое было проведено для того, чтобы узнать, как люди объясняют преступность для себя и других, Сассон пришел к выводу, что участники опрошенных групп уже выработали своё понимание и способы интерпретации действий других, и они рассматривают информацию в этих созданных рамках. Нередко им приходится прилагать усилия, чтобы принять ту или иную интерпретацию.

мошенничества); вниманием к сенсационным промахам системы уголовного правосудия, которые выявляют преступления на процессуальной основе или среди полиции (например стажеры, которые совершили серьезные преступления или, как сказано в процессуальных требованиях, воспрепятствовали эффективности деятельности полиции), — интерпретация, которая предполагает, что осуждение промаха в контроле за преступностью зависит от либеральности судей и заботы о правах обвиняемого. СМИ фокусируют внимание скорее на эпизодах и событиях, чем на тематических выпусках и политическом курсе, и, в основном, представляют только ограниченную и одностороннюю картину реальности преступления и контроля над преступностью (см., например, 2000, pp. 138—147). Достаточно часто внимание СМИ и их интерпретации играют активную роль в создании моральной паники и криминальных волн на основе малоизвестных фактов и социальных стереотипов (Hall et al. 1978).

Что касается полиции, СМИ обычно преувеличивают опасность и стресс от пребывания в должности офицера полиции; определяют полицейских как борцов с преступностью и служителей закона, которые стоят между законопослушными гражданами и преступниками; недостаточно освещают порядок, методы и административные аспекты полицейской работы; фокусируются на влиянии событий и происшествий и редко рассматривают последствия полицейских реформ. Короче говоря, то, что слышит и, возможно, знает общественность о деятельности полиции, — это лишь малая толика их работы, показанная, однако, как объективная реальность их социальной роли и работы. «Имидж полиции, созданный СМИ, ...это отражение реальности, сконструированной из него в соответствии с организационными императивами медиа-индустрии, идеологическими рамками креативных сотрудников и аудитории и меняющимся балансом политических и экономических сил, влияющих на реальность и на имидж полиции» (Reiner 1992, p. 172). Скольник и Мак-Кой (1985) пришли к выводу, что репортеры, освещающие деятельность полиции, не могут создать и передать точный имидж полиции, потому что они задают вопросы, которые сфокусированы скорее на событиях, чем на качестве полицейской работы или на институциональной практике; они акцентируют внимание более на сенсационных случаях, чем на повседневной практике, и всё чаще представляют происшествия как типичные. Основное влияние, однако, заключается в том, что «фактические и вымышленные презентации политической деятельности широко легитимируют роль полиции, представляя её как необходимую и большей частью эффективную службу» (Reiner 2000, p. 162).

Причины того, почему СМИ представляют неполный образ полиции, нетрудно определить. Развлекательным СМИ нужно развлекать аудиторию, а обычные реалии полицейских на дорогах не содержат сюжетов, наполненных происшествиями с применением насилия. Очень редко случается что-нибудь действительно драматическое, и даже такие типичные полицейские действия, как использование оружия, преследование или арест, редко происходят в жизни рядового офицера. Даже лучшим шоу приходится сгущать реальность, исключая рутинную и скучную полицейскую работу из своих сюжетов.

Информационные СМИ работают на различных условиях. Исследования показывают, что криминальные истории, включая работу полиции, составляют большую часть национальных и локальных новостей, хотя процентное соотношение варьируется (Maguire et al. 1999). Причины этому ясны. Преступлением и контролем над ним интересуются многие, потому что боятся стать жертвами или их привлекают драматические, необычные и захватывающие аспекты криминальных историй. Как заметил Гайот (1991, p. 151), «криминальные новости — наиболее легко добываемый вид новостей, потому что истории уже написаны в виде полицейских отчетов и могут быть легко переписаны с маленьким дополнением деталей или без»; и полиция «скармливает» СМИ истории своих успехов или использует СМИ для содействия и получения информации.

Деятельность полиции попадает в поле зрения СМИ различными путями. Многотиражные городские газеты и телевизионные новостные каналы имеют репортеров, специализирующихся на криминальных происшествиях и деятельности таких служб, как полиция, прокуратура, суды или исправительные учреждения (Doppelt 1992). Многие репортеры изменили такую специализацию, так как она не касается ни наиболее гламурных, ни наиболее серьезных новостей. Слоган «Если печатается, значит, требуется» отражает попытки руководства привлечь зрителей и читателей, но

статус криминальных репортеров в новостной иерархии падает. Некоторые репортеры работают в этом направлении в течение длительного времени и имеют крепкие отношения и множественные контакты с различными СМИ, для которых они предоставляют репортажи. Опытный криминальный репортер будет знать больше о преступлениях и полиции, чем кто бы то ни было в городе⁹⁵¹³. Большинство историй криминальных репортеров — это перечни преступлений, полицейские аресты, судебные заседания — широкое разнообразие историй, показанных в местных новостях и представляющих интерес для политиков и рядовых граждан.

Второй способ, при помощи которого информация о деятельности полиции проникает в потоки новостей, — через общественную инициативу (например, Франк Серпико в конце концов привлек внимание к коррупции в рядах полиции Нью-Йорка, когда он пришел к журналистам после того, как получил отказ от своего руководства) или через инициативу СМИ. Такие инициативы могут вылиться в расследования, которые приводят к раскрытию злоупотреблений властью и последующим скандалам, а далее вызвать политическое и общественное давление на полицию с целью признать правонарушение и наказать виновных, создание (иногда) комиссий по расследованиям (такие как комиссия Кнаппа в Нью-Йорке, которая была создана в случае с Серпико) и реформы полицейских служб.

Третье средство, при помощи которого полиция делается объектом репортажа, — это истории, которых просто невозможно избежать, настолько они драматичны. Например, случай Абнера Лоуима, который подвергся жестокому избиению и истязанию.

В-четвертых, преступление и полиция становятся темами для колонки редактора и авторских колонок. Журналисты могут найти исходные причины, попытаться детально исследовать рассматриваемые нарушения правосудия, которые затрагивают невинных и добропорядочных граждан.

В-пятых, полиция сама становится всё более активной в снабжении СМИ информацией.

Влияние СМИ на действия полиции

Джеффри Росс (2000, pp. 1—33) видит в интеракции между СМИ и деятельностью полиции четыре этапа: инициатива СМИ, пробуждение общественного внимания, реакция полиции и последствия. Этап привлечения СМИ при помощи специфических репортажей внимания отражает как природу местных СМИ (тираж, гендерные характеристики, статус, опыт и количество репортеров, редакторские процессы), так и характеристики эпизодов насилия со стороны полиции; репортажи СМИ пробуждают внимание и активность общественных групп, политических лидеров и полиции; полиция реагирует на внимание со стороны СМИ и общества через уклонение, анализ, оправдание изменений и кампаний по улучшению отношений с общественностью; последствия (положения, законы, институты и процессы ответственности) отражают динамику процессов и статус, способности, полномочия действующих лиц.

СМИ могут повлиять на деятельность полиции, только если полиция уделяет внимание тому, что СМИ говорят и показывают. Руководство и офицеры полиции не обращают внимания на репортажи СМИ. Им очень хорошо известно, как СМИ могут отзываться о полиции — неэффективная, нарушающая гражданские права, плохие полицейские используют своё оружие, коррумпированные представители закона, требующие денег и услуг от граждан, жертв и преступников. Каждый офицер полиции видел известные инциденты, повторяющиеся местным и национальным телевидением: избиение Родни Кинга или избиение нелегальных иммигрантов полицией Сан-Диего. Они слышали и суждения о делах Абнера Лоуима и Амаду Диалло в Нью-Йорке или об убийстве наркоторговцев хьюстонской полицией. Эти истории распространяются СМИ, а также публикуются в профессиональных журналах, предназначенных для полицейских (например

⁹⁵¹³Испытанные репортеры пользуются доверием полиции, местных властей и гражданских активных групп. Они знают всю подоплеку полицейской службы. Они знают, когда, как и почему полиция обманывает общественность, и знают скрытые намерения гражданских активистов или местных политиков. Они не всегда сообщают о том, что знают, так как это может нарушить доверие. Однако они всегда знают контекст происходящего.

Police Chief, Law and Order, Law Enforcement News, FBI Bulletin). Возникает вопрос: как пригодится эта информация полицейскому?

Полицейские — это не пассивные наблюдатели производства новостей и информации о них самих. Отношения со СМИ являются стандартной темой в полицейских руководствах по управлению (например Radelet and Carter 1994, pp. 490—98; Miller and Hess 1998, pp. 415—443)⁹⁶14, и наиболее крупные полицейские департаменты имеют в своем составе как минимум одного офицера или гражданского, ответственного за отношения со СМИ. Увеличение числа офицеров по связям с общественностью (PIOs) в полицейских департаментах совпало с развитием философии общественно ориентированной полиции, которая убеждала администраторов, что более благоприятные и устойчивые отношения со СМИ пойдут им на пользу (Surette 2001, p. 108).

Офицеры по связям с общественностью устанавливают тесные отношения с репортерами, специализирующимися на криминале; выпускают пресс-релизы и информационные бюллетени; устраивают пресс-конференции в своих департаментах, объясняют офицерам, как отвечать на вопросы СМИ; реагируют на информационные запросы и стараются предупредить появление ложной информации⁹⁷15. Преследуя свою главную цель, PIOs представляют свой департамент в лучшем свете и не допускают, чтобы информация, полученная СМИ и общественностью, превратилась в бессистемные, эпизодические и неподготовленные выяснения отношений между СМИ и полицией. Они действуют как информационные привратники. В эпоху технологических достижений, мгновенных коммуникаций в реальном времени и экстенсивного потенциала наблюдения (обществом и СМИ над полицией) полиция не может сидеть и пассивно ждать подходящего момента, чтобы рассказать свою историю (Chan 2001).

Полиция будет реагировать на истории СМИ, которые критически описывают её деятельность, точно так же, как это делали бы большинство официальных лиц и отдельных граждан. Полицейские будут доказывать, что такие происшествия не типичны для полиции; что их деятельность изображена неточно, неполно, необъективно, а в основе лежит идеологический и персональный антагонизм к полиции со стороны репортеров, сенсационной или (в случае США) либеральной прессы или гражданских активистов, которые используют СМИ для достижения своих целей; что только сами полицейские могут понять динамику, сложность и проблематику своей работы⁹⁸16; что доказанные правонарушения будут исправлены; что они делают сложную работу, которая защищает даже тех, кто их критикует, при этом могут происходить незначительные правонарушения в интересах общего порядка и безопасности. Полиция полагает, что «неважно, что полиция делает или не делает, невозможно проверить полицейскую власть правительства в многонациональном, стратифицированном обществе с различными мнениями о причинах преступности без частой и существенной критики полиции и требований реформ». Полиция не может выиграть, что бы она ни делала. Многие из требований реформ «не всегда основаны на понимании природы и сущности «полицейских проблем», они нацелены на то, чтобы удовлетворить общественность, чья критика полиции основана на беспричинных, если не иррациональных, ожиданиях и предубеждениях»

9614Скольник и Мак-Кой (1985) в своих интервью с двадцатью пятью начальниками полиции выяснили, что последние считают хорошие отношения со СМИ очень важным аспектом (девять баллов из десяти).

9715Как заметил Гайот (1991, p. 151), отношения со СМИ включают в себя необходимость информирования репортеров, которые обычно молоды и неопытны, о реалиях полиции. Департаменты должны образовывать новых репортеров в их «суждениях и вкусах».

9816Билл Реттс (2002), практикующий в Калифорнии офицер, говорит о том же: «Только те, кто сегодня работают в полиции, могут оценивать сегодняшние политические действия». Даже люди, которые когда-то были офицерами полиции, не могут этого сделать, так как изменились условия. Ещё более далеки от этого рядовые граждане. Если дать им оценивать работу полиции, «получится, будто автомобильному механику дали выполнять работу сержанта». Интересно, что полиция считает свою деятельность одной из требующих наибольшего количества способностей и профессионализма.

(Roberg and Kuykendall 2000, p. 290)⁹⁹17. Маннинг (1997, pp. 156—157) услышал аналогичные рассуждения во время интервьюирования лондонских офицеров полиции. Один офицер сказал ему, что «сегодняшнее душевное состояние полицейских похоже на то, что испытывали евреи в нацистской Германии в конце 30-х годов. Мы боимся стука в дверь поздно ночью и многого другого, и это иногда случается».

Внимание со стороны СМИ и требуемые реформы должны иметь смысл для полиции. Пока применяется право для предотвращения преступлений, полиция будет отвергать надзор извне. Roberg et al. (2000, p. 376) заявляют, что разнообразие и частота проблем, с которыми сталкивается полиция — а не надежды на реформирование полицейских структур или администрации определяют то, как полиция работает и что важно для нее. Внешние контрольные системы часто не учитывают этой простой истины и часто вызывают негодование и усиление секретности. Полиция не изменится, пока в какой-то степени не изменится среда ее работы. Когда реформаторы и администраторы усиливают свои попытки повлиять на ответственность полиции с невероятной целью — полиция для демократии, возрастают секретные элементы полицейской культуры¹⁰⁰18.

Это мнение поддержал Байли (Ziegler and Neild 2002, p. 10), который предположил, что «разумная тактика по отношению к полиции — не стучать им по голове для того, чтобы они уважали внешние методы контроля над ответственностью, многие из которых я поддерживаю сам, но работать вместе с ними и переманить их на нашу сторону, изменив менталитет их руководства».

Что касается влияния СМИ, Петер Маннинг (1997) заявляет, что работа полиции символична; речь идет о специфической репрезентации деятельности полицейских. Полиция, а особенно руководство, заботятся о позитивном имидже своей деятельности. Они будут стараться максимизировать образы быстрого реагирования, эффективности, безопасности. Они это делают «путем систематических презентаций своей активности и уделяют особенное внимание контролю над доступом к информации о своих слабых местах» (p. 43). Полиция знает, что она не может полностью выполнить своё поручение, раскрывая источники и способы давления, с которыми она работает.

Репрезентативные стратегии полиции (положения о борьбе с преступностью, профессионализме, бюрократическом контроле, общественно ориентированной полиции) стремятся уверить общественность в своей эффективности, в том, что им можно доверять и что прошлые репортажи СМИ о том, как действительно работает полиция, включая нарушения правил и законов, преувеличены, необъективны, незавершенны и просто неправдивы.

Говоря более кратко, СМИ предоставляют сцену для дискуссий представителям полиции и общественным группам. Они могут стать катализаторами реформ или усиления ответственности, но только косвенным способом и когда обстоятельства на их стороне. СМИ — особенно когда идеологическое разнообразие и альтернативные мнения становятся доступными для главного потока прессы — вынуждают полицию к открытости. Их монополия на предоставление информации

⁹⁹17 Офицеры, проинтервьюированные Кэном (2001, p. 155), высказали мнение, что информационные технологии, доступные полиции и внешним наблюдателям, приводили к ситуациям, когда ответственность была преувеличена, что руководство требовало объяснений каждого принятого решения и стало, по словам некоторых офицеров, «сходить с ума от управленческого риска». Офицеры сказали, что дальнейшее подобное наблюдение и проверка их работы привели к снижению продуктивности и, по мнению четырех из десяти, к «менее доверительной и параноидально бюрократической атмосфере».

¹⁰⁰18 Файф (1998), обозреватель политической деятельности и офицер в прошлом, прокомментировал ситуацию так: для того чтобы защитить себя от обвинений по гражданскому и уголовному законодательству, полиция утаивает те свидетельства (или манипулирует ими), которые не соответствуют их интерпретации событий, и даже если офицеры совершили должностное преступление, к ним не применяются серьезные санкции.

о деятельности полиции непрочна. Когда СМИ разнообразны, «журналист неизбежно становится стратегическим фактором для полиции» (Wisler 2000, p. 7)¹⁰¹¹⁹.

СМИ зависят от других информационных источников так же, как и от своих. СМИ предоставляют пространство для различных интерпретаций правонарушений полицейских; для защиты стандартов и политических мероприятий, которые предоставят процедурные и институциональные виды наказаний за такие правонарушения. Как катализатор СМИ могут инициировать политические и полицейские реформы. Многообразие СМИ предоставляет и умножает возможность гласности для разнообразных гражданских групп и их мнений. Очень важно существование динамического гражданского общества, которое поощряет создание специальных организаций и выражение различных позиций как одинаково законных и потенциально влиятельных. Пространство для обсуждения, предоставляемое СМИ, не может заполняться различными мнениями и существенными аргументами СМИ. Только энергичная гражданская активность может пополнить его необходимой информацией и мнениями. СМИ косвенно влияют на полицию, если руководство серьезно воспринимает информацию, предоставляемую ими. И если так происходит, СМИ:

— предупреждают интерпретативные рамки и символические репрезентации, которые полиция может создать. Альтернативные описания того, что такое полиция и как она работает, ограничивают возможность полиции репрезентировать себя;

— создают социальную конструкцию деятельности полиции, которая более комплексна (включая плохое и хорошее), чем большинство идеологических образов (которые демонизируют полицию или изображают её как спасителя общества);

— пробуждают у полиции сознание того, что за ней будут наблюдать, что может привести к упреждающей ответственности среди полицейских. Полиция может проводить такую политику, которая приведет к снижению правонарушений, и будет более внимательной к раскрываемой информации;

— помогут руководству осознать, что ему нужно идти навстречу репортажам: им лучше попытаться воспользоваться своим доступом к СМИ, чтобы создать адекватную интерпретацию, чем ждать критической оценки СМИ своей деятельности. Распространяется тенденция среди СМИ объединять впечатления и интерпретации в конвенциональное знание: «вот что действительно происходит сегодня». Если пойти на встречу таким тенденциям, их можно сдержать;

— могут привести к требованиям политических реформ, которые затем станут законодательной и политической основой для утверждений, что полиция устранила проблему или изменила свою политику. СМИ могут быть объявлены полицией необъективными и неинформированными. Однако политическое и законодательное давление сложно игнорировать. Обвинения в коррупции среди прессы, которых касались разоблачений Серпико, можно представить как беспорядочные мысли непрофессионального, мстительного и раздраженного сотрудника. Но учрежденная комиссия Кнаппа доказала невозможное.

Я бы, однако, поспорил, заявив, что СМИ очень мало влияют на правонарушения патрульных офицеров. То, что влияет на их работу, заключается в директивах администрации, санкциях или наградах. Офицеры полиции просто не высоко ценят мнения посторонних в отличие от мнений своих коллег и проверенного опытом знания. К тому же у них имеется бесчисленное количество когнитивных и идеологических средств защиты и оправдания должностных преступлений.

Учитывая два способа ответственности, способность СМИ усиливать значение событий может стать существенной с тех пор, как практикуется критика полиции, основанная на установленных фактах и вызывающая готовность руководства избежать компрометирующих ситуаций, которые возникают при каждом заявлении о чрезмерном применении силы, дискриминирующем отношении, финансовой коррупции и обычных преступлениях. Полицейское руководство выработает символическую и реальную политику для предотвращения конфликтных ситуаций, даже если это означает применение санкций к своим офицерам в отдельных случаях. Однако они также

10119 В своем исследовании освещения СМИ демонстраций и мятежей в Цюрихе Уислер показывает, что СМИ стали более комплексно показывать действия и раскрывать мотивацию демонстрантов и полицейских.

индивидуализируют критику как отдельные события (включая «гнилые яблоки»), чтобы избежать запятнанной репутации. Стратегии, касающиеся заявлений о непростительных правонарушениях, которые не входят в компетенцию суда и не являются ошибкой, могут быть институализированы внутри полиции. Заявления о чрезмерном применении силы могут быть символически названы зовом справедливости, сегодняшняя проводимая полицией политика стремится к ограничению применения силы (например обучающие и регулирующие положения, эффективные внутренние следовательские объединения, кумулятивные санкции за повторные преступления, предупреждающие офицеров системы о вероятности поступления жалоб) и искоренению коррупции (например положения, которые являются частью оперативной картотеки, внутренние проверки, внутренние предупреждающие системы, когда офицер предположительно злоупотребляет своими полномочиями).

Влияние СМИ на ответственность полиции незначительно. Полиция больше реагирует на политическое давление и общественные требования, чем на репортажи и разоблачения масс-медиа. Следующая причина заключается в том, что СМИ часто не очень внимательны к полицейским событиям и поэтому редко освещают их содержательно и разносторонне.

Недостаток прямого надзора со стороны СМИ за должностными преступлениями полиции, преобладание иных механизмов внешнего и внутреннего контроля — в этом слабость и сила СМИ. СМИ не могут диктовать полиции, что делать, и угрожать санкциями в случае неповиновения. Это играет не в их пользу и, возможно, не в пользу других внутренних и внешних процессов установления ответственности. Сила СМИ заключается в том, что они могут разоблачать, расследовать, обвинять и устанавливать препятствия для полиции намного эффективнее, чем другие механизмы, которые сами зависят от СМИ. СМИ могут привлечь внимание большего количества людей, чем следственные комиссии, гражданское полицейское управление или распоряжение суда, и, не имея официальной формальной власти над полицией, они подвергаются меньшим нападкам со стороны полицейского руководства. Полиция же может выработать свои собственные способы реагирования на критику — ценная возможность, которой они лишены в конфронтации с законодательными внешними институтами.

Несмотря на вышесказанное и на ограниченную возможность средств массовой информации призывать полицию к ответственности, разнообразные, свободные и хорошо осведомленные СМИ являются существенной частью демократической жизни. Без свободно функционирующих и даже чрезмерно стремящихся к сенсации СМИ полиция (по сути, государственная служба) оказалась бы под слишком незначительным давлением, чтобы соответствовать демократическим стандартам¹⁰²²⁰. Правительственный контроль над информацией сделал бы крайне сложным (если вообще возможным) воспрепятствование интерпретациям, навязанным государством. Общество знало бы, что оно неправо, но у него была бы только одна возможность исправиться. Без свободных и разнообразных СМИ, т. е. не контролируемых государством, судебные процессы против полицейских не получили бы огласки; доносчики не нашли бы своей аудитории; активисты не смогли бы выражать свое недовольство обществу; расследовательская журналистика, раскрывающая должностные преступления полицейских, была бы наказуема. СМИ, возможно, не имеют прямого видимого влияния на специфические процессы и политику, проводимую полицией. Однако их

¹⁰²²⁰ Можно сказать, что усилившаяся ответственность и использование Интернета понизят роль и влияние СМИ на поведение полицейских. Интернет обладает способностью распространять информацию более быстро и широко (а точнее, глобально), чем СМИ, и позволяет коммуникации, невозможные ранее, на глобальном уровне. Что касается ответственности полиции, просмотр соответствующих веб-сайтов и обмен информацией между гражданскими активистами, сотрудниками СМИ и политической элитой могут привести к демонстрации широкой общественности поведения полиции, а значит, к оказанию усиленного давления на него. Как показывает опыт закрытых обществ (например СССР до 1989, а сегодня Китай или Иран), для правительства стало намного сложнее, если вообще возможно, контролировать потоки и содержание информации.

присутствие пробуждает осторожность полиции в действиях и подталкивает к активности и реформам.

Литература

- ALPERT, G. P. and MOORE, M. H. 1993. «Measuring Police Performance in the New Paradigm of Policing». In: *Performance Measures for the Criminal Justice System*. Washington, D.C.: Department of Justice, Bureau of Justice Statistics, 109—142.
- ANTHONSEN, M. 2001. «State Participation in UN Interventions: Do Media Matter?» Paper given at the International Studies Association Conference, Hong Kong, July.
- BAYLEY, D. 1997. «The Contemporary Practices of Policing: A Comparative View». In: *A Role for Democratic Policing, Civilian Police and Multinational Peacekeeping — A Workshop Series*. Washington, D.C.: National Institute of Justice.
- BAYLEY, D. 2002. «Law Enforcement and the Rule of Law: Is There a Tradeoff?» *Criminology & Public Policy* 2, 1, 133—153.
- BAILEY, F. and DONNA, H. (ed.). 1997. *Popular Culture, Crime and Justice*. Belmont, CA: West/Wadsworth.
- BARAK, G. 1995. «Media, Society and Criminology». In: G. BARAK (ed.). *Media, Process, and the Social Construction of Crime. Studies in Newsmaking Criminology*. New York: Garland Press.
- CHAN, J. L. 2001. «The Technological Game: How Information Technology is Transforming Police Practice». *Criminal Justice* 1(2), 139—159.
- CHERMAK, S.A. 1994. «Body Count News: How Crime is Presented in the News Media». *Justice Quarterly* 11 (4), 561—582.
- CHEVIGNY, P. 1995. *Edge of the Knife. Police Violence in the Americas*. New York: The New Press.
- CRANK, J. P. and CALDERO, M. A. 2000. *Police Ethics. The Corruption of Noble Cause*. Cincinnati, OH: Anderson Publishing.
- DAS, D. and PALMIOTTO, M. J. 2002. «International Human Rights Standards: Guidelines for the World's Police Officers». *Police Quarterly* 5 (2), 206—221.
- DOPPELT, J. C. 1992. «Marching to the Police and Court Beats: The Media-Source Relationship in Framing Criminal Justice Policy». In: J. D. Kennamer (ed.). *Public Opinion, The Press, and Public Policy*. Westport, CT: Praeger, 113—130.
- ERICSON, R. V., BARANEK, P. M. and CHAN, J. B. L. 1991. *Presenting Order: Crime, Law, and Justice in the News Media*. Toronto: University of Toronto Press.
- FYFE, J. J. 1998. «Good Judgement: Defending Police Against Civil Suits». *Police Quarterly* 1 (1), 91—117.
- GOLDSMITH, A. and LEWIS, C. (ed.). 2000. *Civilian Oversight of Policing: Governance, Democracy and Human Rights*. Oxford and Portland, OR: Hart Publishing.
- GUYOT, D. 1991. *Policing as Though People Matter*. Philadelphia: Temple University Press.
- HALL, S. et al. 1978. *Policing the Crisis. Mugging, the State, and Law and Order*. London: The MacMillan Press LTD.
- JENKINS, P. 1994. *Using Murder. The Social Construction of Serial Homicide*. New York: Aldine de Gruyter.
- KAPPELER, V. E., BLUMBERG, M. and POTTER, G. W. 1996. *The Mythology of Crime and Criminal Justice*. 2nd ed. Prospect Heights, IL: Waveland Press.

- KLINGER, D. A. 1997. «Negotiating Order in Patrol Work: An Ecological Theory of Police Responses to Deviance». *Criminology* 35, 277—306.
- LEWIS, C. 2000. Cited in URL <<http://www.pso.adm.monash.edu.au>>.
- LOVEDAY, B. 1999. «Government and Accountability of the Police». In: R. I. MAWBY (ed.). *Policing Across the World. Issues for the Twenty-first Century*, London: UCL Press, 132—150.
- MAGUIRE, B., SANDAGE, D. and WEATHERBY, G. A. 1999. «Crime Stories as Television News: A Content Analysis of National, Big City, and Small Town Newscasts». *Journal of Criminal Justice and Popular Culture* 7 (1), 1—14.
- MANNING, P. K. 1997. *Police Work. The Social Organisation of Policing*, Second Edition, Prospect Heights, IL: Waveland Press.
- MANNING, P. K. 1998. «Media Loops». In: F. BAILEY and D. HALE (ed.). *Popular Culture, Crime and Justice*, Belmont, CA: West/Wadsworth, 25—39.
- MILLER, L. S. and HESS, K. M. 1998. *The Police in the Community. Strategies for the 21st Century*, Belmont, CA: West/Wadsworth.
- NEILD, R. 2000. *Themes and Debates in Public Security Sector Reform. A Manual for Civil Society. External Controls*, Washington, D.C.: Washington Office on Latin America.
- PEREZ, T. E. 2000. «External Governmental Mechanisms of Police Accountability: Three Investigative Structures». *Policing and Society* 10 (1), 47—77.
- RADELET, L. A. and CARTER, D. L. 1994. *The Police and the Community*, Fifth Edition. New York: MacMillan College Publishing Company.
- REINER, R. 1992. *The Politics of the Police*, Second Edition. Toronto: University of Toronto Press.
- REINER, R. 2000. *The Politics of Police*, Third Edition. Oxford: Oxford University Press.
- RHETTS, B. 2002. cited in URL <http://www.salemthesoldier.us/police_action.html>.
- ROBERG, R. R., CRANK, J. and KUYKENDALL, J. 2000. *Police & Society*. Los Angeles: Roxbury Publishing Company.
- ROBERG, R. R. and KUYKENDALL, J. 1997. *Police Management*, Second Edition. Los Angeles: Roxbury Publishing Company.
- ROSS, J. I. 2000. *Making News of Police Violence. A Comparative Study of Toronto and New York City*. Westport, CT: Praeger.
- SASSON, T. 1995. *Crime Talk. How Citizens Construct a Social Problem*. New York: Aldine de Gruyter.
- SHEEHAN, R. and CORDNER, G. W. 1995. *Police Administration*. Third Edition. Cincinnati, OH: Anderson Publishing.
- SKOLNICK, J. and MCCOY, C. 1985. «Police Accountability and the Media». In: W. GELLER (ed.). *Police Leadership in America: Crisis and Opportunity*. New York: Praeger, 102—135.
- STONE, C. and BOBB, M. 2002. «Civilian Oversight of the Police in Democratic Societies». Global Meeting on Civilian Oversight of Police, Los Angeles, 5—8 May 2002. Available from: URL <<http://www.vera.org/project>>.
- STONE, C. and WARD, E. H. 2000. «Democratic Policing: A Framework for Action». *Policing and Society* 10, 11—45.
- SURETTE, R. 1998. *Media, Crime, and Criminal Justice. Images and Realities*. Second Edition. Belmont, CA: West/Wadsworth.

- SURETTE, R. 2002. «Public Information Officers: The Civilianization of a Criminal Justice Profession». *Journal of Criminal Justice* 29 (2), 107—117.
- The Independent Commission on Policing for Northern Ireland (Patten Commission), 1999. *A New Beginning: Policing in Northern Ireland*. Available from URL <<http://www.belfast.org.uk/report.html>>.
- WALKER, S. 2001. *Police Accountability: The Role of Citizen Oversight*. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning.
- WISLER, D. 2000. «Polizisten und Journalisten: Eine Beziehungsgeschichte. Flexibel dominieren». In: *Klartext. Das Schweizer Medien-Magazin*, Nummer 6, 7—9.
- WISLER, D. and TACKENBERG, M. 2000. «The Role or the Police: Image of Reality?» In: R. BESSEL and C. EMSLEY (ed.). *Patterns of Provocation. Police and Public Disorder*. New York and Oxford: Berghahn Books, 121—142.
- WORRALL, J. L. 2001. *Civil Lawsuits, Citizen Complaints, and Policing Innovations*, New York: LFB Scholarly Publishing LLC.
- WORRALL, J. L. and MARENIN, O. 1998. «Emerging Liability Issues in the Implementation and Adoption of Community Oriented Policing». *Policing* 21 (1), 121—35.
- PRESBYTERIAN CHURCH OF THE USA. *Police Accountability Statement* [online]. Available from: <http://www.horeb.pcusa.org/srm_justice/police>.
- HOUSTON COPWATCH. *Civic Activism* [online]. Available from <<http://www.houstoncopwatch.org>>.
- MEDIASCOPE. (2001). *Reality Based Police Programs* [online]. Available from <<http://www.mediascope.org/pubs/#briefs>>.
- NATIONAL LAWYERS GUILD. (2003). *National Police Accountability* [online]. Available from <<http://www.nlg.org/npap>>.
- NATIONAL ORGANISATION OF BLACK LAW ENFORCEMENT OFFICERS. Available from <<http://www.nobleatl.org>>.
- TORONTO POLICE ACCOUNTABILITY COALITION. *Issues* [online]. Available from <<http://www.tpac.ca/issues>>.
- ZIEGLER, M. and NEILD, R. 2002. *From Peace to Governance. Police Reform and the International Community*. Washington, D.C.: Washington Office on Latin America (WOLA)

Глава 2

***Quis custodiet?* Полиция, средства массовой информации и демократия**

Доминик Уислер

*История делается скорее не теми,
кто её делает, а теми, кто её рассказывает.*
Гегель «Уроки философии истории»

В свете деятельности СМИ применение силы стало ахиллесовой пятой полиции. Сегодня принудительное вмешательство полиции почти неизбежно влечет за собой недовольство общественности. Вмешательство полиции подвергается тщательному надзору, привлекаются критики, противоречивые оценки событий выносятся на суд общественности. Так было не всегда. Журналисты 1960-х годов, как показывает анализ опыта Швейцарии, благоговейно относились к полицейским информационным источникам; версия происшествия, предоставленная полицией, сообщалась общественности без критического анализа. 1970-е годы порождают новые формы журналистики, которые предоставляют общественной сфере беспрецедентный доступ для неофициальных и противоречивых заявлений. В то же время количество коалиций по гражданским правам существенно увеличивается. Возрастает уязвимость полиции к общественной критике, что привело к изменениям в обеих сферах, которые повлекли за собой другие процессы, основательно трансформировавшие западные полицейские службы. Легитимирующие голоса, которые позволяли применять силу, частично переместились из области госуправления в общественную сферу, о чем будет сказано далее. Многие инициативы и реформы, касающиеся деятельности полиции за последние десятилетия, — осуществление общественной политики и политика удовлетворения протестов — можно интерпретировать как реакции на критическую общественную сферу и как смелые попытки восстановить утраченное влияние общественности.

Появление видеозаписывающих устройств в обществе еще больше повысило уровень уязвимости полиции. В то время как официальные (журналистские) камеры часто запечатлевали «многоэтапные» события или действия полицейских, предупрежденных журналистами, анонимы снимали спонтанные малозаметные происшествия, как, например, аресты посреди ночи. Неофициальные видеосъемки всё чаще использовались организованными группами гражданского общества для надзора за деятельностью полиции. Гражданское общество создало «общественное око», пренебрегающее журналистами. Официальные камеры и видеосъемки гражданского общества исказили миф «большого брата»: общество постоянно наблюдает за полицией.

Большинство материалов, использованных в этой статье, взяты из исследований о деятельности полиции в четырех швейцарских городах. Заключение будут сделаны на основе интервью, проведенных с главными полицейскими офицерами этих городов, а также на основе результатов исследования, представленных Уислером и Такенбергом (2003).

Социальная реконструкция насилия в масс-медиа

Уличные столкновения между полицией и демонстрантами — это объект вербальной реконструкции в общественной сфере двумя противостоящими коалициями, которые здесь будут названы коалицией за общественный порядок и коалицией в защиту гражданских прав. В этой новой беспорядочной борьбе полиция и демонстранты дополняются политиками, журналистами, экспертами, представителями неправительственных организаций, чиновниками или судьями. Каждая коалиция

мобилизует ресурсы по двум противоположным готовым сценариям, в рамках которых очерчиваются и интерпретируются события. По сценарию гражданских прав полиция обычно изображается как грубая, провокационная и неподконтрольная, и жестокость демонстрантов — вполне понятная реакция мирных граждан на провокацию полиции. И наоборот, сценарий закона и порядка показывает поведение полицейских как правильное, применение силы — как необходимое средство для восстановления главенства закона и как соответствующую реакцию на умышленное стремление к конфронтации организованного и опытного меньшинства экстремистских лидеров и их преданных, молодых и неразумных последователей. Эти сценарии не обязательно лежат в основе актуальных уличных столкновений; более того, тот факт, что отдельные СМИ или политические партии часто становятся активными сторонниками одного из этих сценариев, вероятно, является результатом указаний и решений кого-то ещё, например, избранных властей.

Результатом такой конфронтации является «общественное мнение». Согласно Хабермасу (1962), выражения «общественное мнение» и «мнение общества» используются как специальные термины. Общественное мнение можно описать как следствие публичных заявлений представителей общественной сферы (активных сторонников), другими словами, это выигрышный сценарий. Мнение общества — это концентрация индивидуальных мнений членов общества. В то время как анализ общественного мнения требует содержательного анализа публичных речей, анализ мнения общества обычно представлен опросами мнений.

Опираясь на эти различия, можно прийти к выводу, что общественное мнение, как оно проявляется в публичной сфере и СМИ, со временем стало существенным фактором влияния на решения полицейских. Этот тезис может быть подкреплён когнитивными представлениями старших полицейских офицеров о самих себе. В Швейцарии эти офицеры подчеркивают тот факт, что в последнее время они получили существенную автономию от политических исполнителей в стратегических и тактических решениях для контролирования поведения толпы. Следующая цитата иллюстрирует этот аспект.

«За последние несколько лет в Женеве мы научились работать в соответствии с нашими собственными интересами, это значит, не в политических интересах, а в интересах общественного порядка. Мы всегда просили политиков не вмешиваться в операции по обеспечению общественного порядка и... так и происходит. Мы не получаем ни устных, ни письменных инструкций, такая оговорка касается всех уровней. Конечно, единственным негативным аспектом является то, что полиция будет раскритикована в первую очередь, если что-то пойдет не так» (интервью, Женева, 20 июня 1994 года).

Общественное мнение, выражаемое прессой, выполняет политическую функцию для деятельности полицейских. Общественное мнение — это собранная, проанализированная и усвоенная полицией и другими службами суть адаптации полицейских стратегий для будущих событий. Рассмотрим несколько подтверждающих высказываний старших офицеров:

«Конечно, мы просматриваем комментарии прессы (после каждой операции по установлению общественного порядка), это несомненно!» (интервью, Цюрих, апрель 1995 года).

«Мы выслушиваем критику от СМИ, анализируем её и там, где мы думаем, что могли бы действовать лучше, мы действуем лучше» (интервью, Женева, 24 ноября 1994 года).

«Пресса не выполняет никакой прямой функции, косвенную — да. Во время уличных протестов офицеры используют насильственные средства для того, чтобы справиться с ситуацией. Но времена меняются, и, возможно, 20 или 30 лет назад мы применяли силу против людей гораздо чаще, чем сегодня. Сегодня, как только полиция применит силу, нам приходится сталкиваться с прессой, которая немедленно ставит под вопрос необходимость нашего вмешательства...» (интервью, Женева, 24 ноября 1994 года).

«Строгое применение закона требовало бы немедленно разогнать толпу. Полиция отлично справляется с этой работой. Однако, принимая во внимание СМИ (телевидение, а также прессу), как мы отметим позже, можно предвидеть, что (постулируя репрезентацию общественного мнения через СМИ) население будет ожидать от нас соблюдения дистанции и проявления толерантности, и даже слабое вмешательство вызовет критику и негативные отзывы, идентифицирующие наши действия с «полицейским государством» (Муниципальный совет, отклик на парламентское вмешательство, 18 марта 1972 года).

Есть существенные ограничения «автономии» полицейских в определении их целей и интересов. Рискованные предприятия, в отличие от стандартных, дают таким ограничениям проявиться, как отметили Эрикссон и Хаггерти (1997). Встречи глав правительств обычно подпадают под категорию рискованных мероприятий, и в этих случаях полиция разрабатывает свои стратегии в соответствии с официальными инструкциями правительств и с незначительным учетом общественного мнения. Однако разграничение между рутинными и рискованными событиями не всегда легко провести. Общественный протест против способов, при помощи которых итальянская полиция контролировала антиглобалистский съезд во время встречи «Большой восьмерки» в Генуе в июле 2001 года, оказал на полицию серьезное давление. Судьи говорили о фактах полицейских «пытках», президент Совета Массимо Д'Алема сравнивал действия полицейских с имевшими место в Чили, представитель ОБСЕ по свободе прессы заявил о плохом отношении к представителям прессы со стороны полиции (Wisler and Taskenberg 2003, pp. 5—7). Вследствие общественного протеста три старших офицера полиции были уволены, и, хотя последствия событий в Генуе всё ещё нужно анализировать, стало очевидно, что даже во время рискованных ситуаций полиция уязвима для надзора со стороны СМИ.

Исторически, по крайней мере в последние годы, общественные протесты вынуждают полицию пересмотреть свою доктрину. Хорошим примером в случае Швейцарии является демонстрация «Чернобыль», имевшая место 26 апреля 1987 года. В день первой годовщины Чернобыльской ядерной катастрофы 15 000 демонстрантов собрались в Берне. Полиция, столкнувшись с демонстрантами, которые решили пойти по запрещенному маршруту, в конечном счете решила разогнать толпу при помощи слезоточивого газа, что усугубило конфронтацию. Полиция немедленно стала объектом острой критики со стороны политиков и общественного мнения в СМИ. Лидирующая газета драматически назвала свой репортаж «Катастрофа в Берне» — название, достойное репортажа о ядерной катастрофе (*Tages-Anzeiger*, 26 April 1987). В местный парламент поступило более двадцати апелляций и ходатайств. Восемь месяцев спустя эхо этих дебатов отозвалось на административном уровне в виде формального требования президента Конференции полицейских департаментов кантонов (политический орган) к начальнику полиции Швейцарии сформулировать новый свод тактик и техник, с учетом принципа «нарушителя спокойствия» во время контроля массовых протестов. 31-го декабря 1989 года группа начальников полиции издала новые директивы, которые подробно излагали необходимость изолировать нарушителей спокойствия и воздержаться от использования принудительных мер против мирных демонстрантов.

Стратегии средств массовой информации в социальной интерпретации насилия

Члены обеих коалиций не чувствуют себя свободно в присутствии СМИ. Пока путем ловкого использования социальных отношений они могут получить доступ к общественной сфере и повлиять на общественное мнение, журналист является главным и часто недооцененным участником борьбы. Журналист выбирает «сценарий», который он/она будет использовать в своем репортаже, решает, кто будет героем истории, а кто

будет играть роль злодея; более того, журналист может комментировать или переводить тексты активных сторонников (к примеру пресс-релизы). Другими словами, журналист выполняет существенную идеологическую работу в деле производства общественного мнения.

Что касается источников, журналист может применять одну из трех главных стратегий: почтительность, низложение или «нейтралитет» (критическая).

— При использовании почтительной стратегии журналист поддерживает официальный или государственный источник, тем самым усиливая власть (заимствование, истолкование).

— Выбрав методы стратегии низложения, журналист отдает предпочтение неофициальным голосам: в случае протеста он/она примет точку зрения бросающих вызов и поставит легитимность действий полиции под вопрос (денатурализация, деконструкция).

— Критическая стратегия — это стратегия беспристрастности: официальным и неофициальным источникам придается одинаковая степень важности. В этой стратегии ни сценарий, ни источник не имеют преимущества, и оба представлены в газетном репортаже.

Трансформация общественной сферы и перманентные противоречия

До 1960-х годов Скольник и Файф заявляли, что американские репортеры не являются «сторожевыми псами» полиции. «Традиционный полицейский репортер, — утверждали они, — почти никогда не рассказывает о полиции как об организации. Он, а это обычно он, «болтается с копами», выпивает с ними после работы и патрулирует улицы вместе с ними. <...> Такие взаимоотношения препятствуют серьезной критике в прессе работы департамента. Полицейские репортеры даже не думают о полиции как о местном институте» (Skolnick and Fyfe 1993, pp. 217—218).

То же касается и швейцарских репортеров. Действительно, в Швейцарии журналисты стали создавать более критические репортажи о деятельности полиции только в начале 1970-х годов. В подтверждение этого аргумента можно использовать базу данных газетных статей о 50 массовых демонстрациях, которые происходили в швейцарских городах в 1965—1995 годах. Статьи собраны из десяти швейцарских газет. В каждой статье было подсчитано количество строк, предписываемых говорящему (коалициям в защиту гражданских прав или за закон и порядок). Следующий график показывает, что полиция утратила своё первенство рассказчика в начале 1970-х годов, с тех пор журналисты отдают обеим коалициям почти равное количество печатного пространства. На графике зависимая переменная — это оставшиеся строки, отданные коалиции в защиту гражданских прав, которые были выведены из общего количества строк для коалиции за закон и порядок. Если линия приближается к нулю, это означает, что обе коалиции получили одинаковое количество печатного пространства.

Одним из объяснений такого изменения является то, что новые социальные движения 1970-х годов получили поддержку от социалистической партии. После того как социал-демократов дополнила коалиция в защиту гражданских прав, сила и статус сценария гражданских прав возросли, и, следовательно, им было отдано больше места в печатных СМИ. Второе объяснение таким изменениям больше касается общественной сферы. Почтительная стратегия стала непригодной для журналистской профессии. Вместо неё появилась «нейтральная» как новая ценность для журналиста. Сегодня нейтральность неизменно упоминается первой при перечислении ценностей западной журналистики. Успех сценария борьбы за гражданские права в 1970-х годах СМИ могли объяснять новой, более критической формой журналистики, равно как и окрепшей коалицией в защиту гражданских прав.

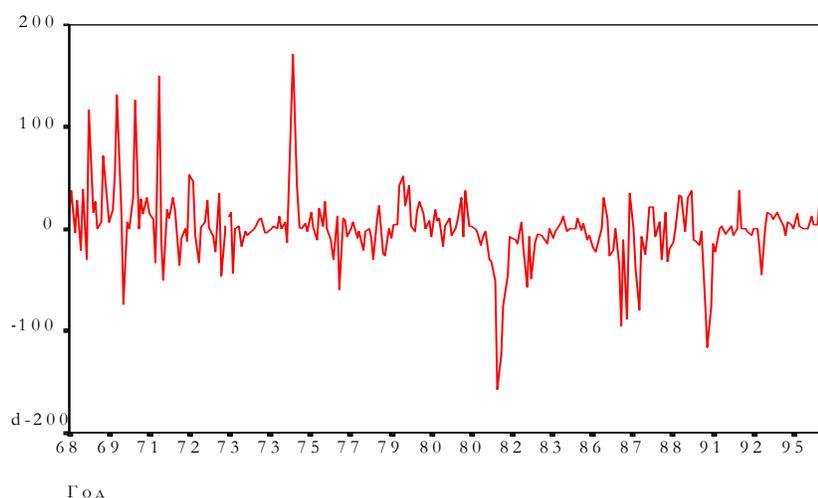

График 1. Полиция и протестующие как источники информации в швейцарской прессе

Перманентные противоречия: деконструктивные дискурсы

В более широком смысле три главных аспекта характеризуют основную практику новой критической журналистики. Во-первых, противоречивая деятельность полиции описывается с двух точек зрения (полиция и демонстранты), а не только с одной, как при почтительной стратегии. Во-вторых, источник дискурса упоминается открыто, а не тихо и неявно. В-третьих, журналист передает наиболее приближенные к действительности заявления своих источников. Полиция же практикует квазинатуральную и неизменную презентацию применения силы. Её пресс-релизы будут содержать предложения с обязательной модальностью, например: «Полиции пришлось использовать слезоточивый газ, когда...» («пришлось»). Критический журналист по возможности пропустит нормативную обязательную тональность («пришлось») и просто напишет: «Полиция использовала слезоточивый газ...»

Немедленным последствием практики новой критической журналистики стала трансформация фактов принудительных действий полиции в систематические противоречия. Методы деятельности полиции, которые были приемлемы в контексте почтительной формы журналистики, стали противоречивыми, когда журналисты начали предоставлять доступ к публичной сфере сценарию гражданских прав. Утрата полицией статуса главного рассказчика в общественной сфере дополнилась денатурализацией/деконструкцией процесса полицейской практики, которая считалась установленной. Новое равновесие между двумя соперниками возникло в общественной сфере и создало условия для важных изменений в парадигме деятельности полиции в случаях протестов, которые стали заметны в последующие десятилетия.

Прежде чем обратить внимание на этот аспект, можно проиллюстрировать различие между практикой новой критической журналистики и почтительной журналистикой через оценки двумя местными газетами специфических обстоятельств — столкновения между полицией и демонстрантами во время протеста в Цюрихе 2 июня 1982 года. В последующей выдержке из *Tages-Anzeiger*, главной (либеральной) газеты Цюриха, журналист в беспристрастной манере приводит два противоречивых заявления — со стороны полиции и со стороны свидетелей.

«Согласно заявлению полиции, офицеры вмешались, используя слезоточивый газ, после того, как демонстранты стали бросать камни в полицейских. События происходили около Дома молодежи Drahtschmidli. Площадь Шпитц была заполнена газом. По показаниям свидетелей, полицейские первыми стали стрелять резиновыми

пулями по людям, сидящим за столиками на террасе ресторана, и только после этого в них полетели камни» (*Tages-Anzeiger*, 4 июня 1982 года).

Те же события были очерчены совсем по-другому в *Neue Zürcher Zeitung* (NZZ). Репортер NZZ написал: «Группа хулиганов атаковала офицеров полиции возле Дома молодежи Drahtschmidli, бросая в них камни; в результате полиции пришлось вмешаться, применив слезоточивый газ и резиновые пули» (NZZ, 4 июня 1982 года).

Процесс «натурализации» представлен NZZ различными способами. Во-первых, полицейский предтекст (полицейский релиз) использован журналистом имплицитно, т. е. без цитирования и без упоминания оригинального источника. Это создает впечатление, что репортер сам был свидетелем событий, в то время как это была оценка событий полицейскими. Во-вторых, факт применения силы сообщен при помощи использования обязательной модальности («пришлось») — прием представления принудительных действий как естественных или логических. В-третьих, демонстранты были названы не демонстрантами, а «группой хулиганов». Такой ярлык, часто используемый в полицейских релизах, клеймит тех, кто бросает вызов, и повторяется периодически в сценарии закона и порядка. В конечном счете никакой альтернативной оценки событий предложено не было. Фактически все описанные практики типичны для почтительной журналистики.

Репортаж *Tages-Anzeiger* — отличная иллюстрация новой критической журналистики. Газета открыто ссылается на полицейский источник, избегая использования обязательной модальности для описания полицейского вмешательства, и уравнивает точку зрения полиции альтернативной интерпретацией (полиция первой применила силу), выраженной «свидетелем», уклоняясь от использования клеймящих ярлыков для характеристики демонстрантов. Плюрализм точек зрения *Tages-Anzeiger*, переданный в газете, трансформирует деятельность полиции в случае протеста в противоречивую. Полицейская практика при таком виде журналистики становится типичным объектом для публичных диспутов и противоречий.

От «злости» — к общественным отношениям

Многие инициативы и реформы, проводимые полицейским управлением за последние два или три десятилетия, являлись ответной реакцией на возрастающий критицизм общественной сферы. Наиболее очевидный факт — это включение общественных отношений в полицейские институты. Полицейские департаменты по работе с прессой были созданы в Швейцарии в 1980-х годах, только после того, как полиция осознала необходимость восстановления контроля публичного дискурса. Общественная полиция — это также стратегия, разработанная для восстановления контроля над мнением общества через сотрудничество с обществом и вовлечение публики в определение повестки дня полицейской деятельности.

Тем не менее первоначальная реакция полиции на возросший критицизм в обществе не была «позитивной» и активной. Новая форма журналистики виделась сквозь призму идеологии холодной войны. Полиция поставила СМИ диагноз «политизация» и заявила о проникновении в масс-медиа ниспровергателей. Новая журналистика была названа «дезинформацией», «агитацией», «низложением», как показывает исследование политической швейцарской полиции (Kreis 1993). В 1981 году в репортаже о политической полиции Цюриха значилось: «Низложение публикой стало специфическим объектом внимания наших служб в последние годы, и сегодня мы можем сказать, что ситуация стабилизировалась. Однако это не касается СМИ, радио и телевидения. Мы знаем о вещательных компаниях, которые беспокойны, даже агитационны. Здесь не нужны комментарии. <...> Если новый генеральный директор [телевидения] не способен исправить ситуацию, эффект от дезинформации скоро проявится» (цит. по: Commission 1991, p. 125).

Вся журналистская профессия попала под подозрение и стала объектом полицейского наблюдения. В 1990 году расследование под руководством парламентской комиссии Цюриха о муниципальной полиции (не федеральной) раскрыло существование «журналистских» файлов, содержащих 3 340 личных карточек. Официальное расследование о деятельности федеральной полиции выявило несколько случаев обмена между полицией и менеджерами телекомпаний информацией о деятельности журналистов. В интервью высокопоставленный полицейский чиновник заявил: «Полиция 1968 года направляла свои действия исключительно против журналистов и фотографов». Полиция, естественно, отбирала камеры или открывала их, засвечивая пленку. Заявляя о праве сохранять свой имидж, полиция пыталась запретить журналистам снимать или фотографировать во время расследований. Профессиональные ассоциации журналистов постоянно жаловались на плохое отношение к журналистам со стороны полиции. Такая практика имела место до 1980-х годов (с некоторыми оговорками, касавшимися швейцарского региона). Цена таких конфронтационных стратегий оказалась слишком велика для общественного имиджа. Враждебно настроенные журналисты, естественно, не хотели писать дружелюбные репортажи. Несколько случаев плохого обращения с журналистами вызвали общественные протесты и серьезные проблемы. Парламент все чаще ставил под вопрос действия полиции.

Постепенно разрабатывался иной подход. Полиция кантонов начала учреждать свои собственные пресс-офисы. В Женеве такой офис был открыт в 1979 году, в Берне — в 1985, во Фрибурге — в 1988 и в Баселе — в 1999. Роль пресс-офицера первоначально выполняли полицейские офицеры, но затем они были замещены профессионалами СМИ, которым также была предоставлена возможность карьерного роста до должности старшего офицера. Изменение парадигмы подтверждается следующим интервью с высокопоставленным офицером полиции Цюриха: «В Бюлахе мы могли контактировать с прессой и имели пресс-офицера, который собирал журналистов и сообщал им о происходящем. Это срабатывало очень хорошо. У нас были журналисты в местной прессе и в соседних округах, а также в *Tages-Anzeiger* и *Neue Zürcher Zeitung*. Другие СМИ, например *Wochenzeitung*, не принимали участия. Мы получали в основном благосклонные отзывы в прессе. Нужно сказать, что мы, полицейские, ошибались, когда представляли серьезные негативные последствия контактов с прессой. Мы говорили, что телевидение было против нас, что пресса была против нас и т. д., и мы ничего не делали, чтобы заслужить симпатию прессы. Это и создало негативный имидж» (интервью, Цюрих, апрель 1995 года).

Цивилизованность в действиях полиции во время протестов

Другая сфера — действия полиции во время протестов — также требует нового подхода. По иронии, Полицейский институт Neuchâtel выпустил в 1969 году единственное руководство для швейцарской полиции по установлению общественного порядка. Руководство предлагало милитаризованные стратегии по установлению общественного порядка, которые устарели ко времени возникновения критической общественной сферы. В начале 1970-х годов из-за противоречий вокруг полицейской деятельности полицейские были вынуждены искать альтернативные стратегии для замещения силовой модели. Полиция получала множество сигналов, говорящих о том, что силовые стратегии больше не могут применяться. Полицейские Женевы стали свидетелями волны заявлений об отставках вследствие протестов 1968 года и пережили значительные трудности, связанные с нехваткой новых кадров. Влиятельные комментаторы женевской прессы оказывали давление на полицию, призывая к диалогу с новым поколением протестантов и высказываясь против слепого применения силы для подавления волны протестов.

Резкий упадок общественной поддержки после протестов 1968 года не был характерен исключительно для Швейцарии. Делла Порта (1998, р. 247) цитирует итальянского офицера, который делится схожими наблюдениями об Италии: «Насколько мне известно, с точки зрения общественных отношений, в 1960-х годах — со всеми этими столкновениями на улицах и убийствами людей и демонстрантов — мы наблюдали самый низкий уровень отношений между людьми и силами порядка, которые воспринимали негативно, будто они действовали железной хваткой. В Эмили и на севере это стало настоящей проблемой» (интервью, Милан, ноябрь 1994 года).

Полиция отреагировала на новую ситуацию радикальными изменениями своего подхода к происходящим событиям. «Неумеренная сила» была вскоре заменена «договорным менеджментом», моделью избежания физического контакта с демонстрантами как исходной цели (McPhail, Schweingruber and McCarthy 1998). Такое изменение парадигмы в западных демократиях было относительно полно отражено в нескольких исследованиях, наиболее важным из которых стало «Действия полиции во время акций протеста», изданное della Porta и Reiter в 1998 году. Методы деятельности полиции во время протестов изменились следующим образом:

- юридический метод применения закона заменен практическим. В 1970-х годах пропорциональность, так же как и возможность, стала важным законодательным правилом полицейской деятельности;

- стиль коммуникации изменился с конфликтного на договорной и посреднический. Протестанты сегодня уже больше не враги, а партнеры. Деятельность полиции во время акций протеста — это услуга, а не «защита». Маршрут демонстрантов оговаривается заранее; во многих случаях открыта коммуникационная линия между организаторами демонстрации и руководителем полиции (номер мобильного телефона и др.); даже небольшие беспорядки улаживаются с помощью полиции. Для труднодоступных групп местные лидеры часто используются как посредники между полицией и демонстрантами;

- применение средств принуждения — это уже не физическая конфронтация (использование полицейских дубинок), а использование дистанционных методов (слезоточивый газ), которые считаются более мягкими (по крайней мере, с точки зрения телевидения);

- вмешательство происходит не проникающим, а селективным путем. В большинстве случаев операция разгона обозначала рассеивание сплоченной толпы, однако сегодня полицейское вмешательство направлено на отдельных наиболее активных нарушителей порядка;

- ответственность стала характеризоваться прозрачностью. Сегодня предоставляется много информации о действиях полиции во время акций протеста; для проведения соответствующих исследований научные сотрудники получают доступ к полицейским архивам;

- в рамках профессии заметна тенденция к специализации (например управление общественным порядком).

Философия общественной полиции

Кроме новых методов деятельности полиции во время акций протеста весь институт полиции стал развивать инновационные стратегии, для того чтобы вернуть благосклонность общества. Для конкретизации данного аргумента можно использовать типологию Моньярдета. Он выделил три типа полицейской деятельности в соответствии с её функциями и объектами:

- функция государственной полиции (телохранители, политическая полиция, защита) как государственной службы;

- судебная полиция обслуживает судей (криминальные расследования);

— общественная полиция предоставляет необходимые услуги гражданам и обществу.

Хотя полиция хорошо осуществляет свои государственную и судебную функции, нельзя сказать того же о функции общественной службы. Новая критическая журналистика 1970-х годов, увеличившая разрыв между обществом и полицией, показала слабость этой функции. Первыми, кто ответил на общественные программы, стали англо-саксонские страны (1970-е годы). Их усилия были возобновлены и систематизированы в 1990-х годах и привлекли к участию многие европейские страны, например Италию и Францию.

Как гласит теория 1990-х годов, цель философии общественной политики — открыть повестку дня полицейской деятельности для требований общественности. Организация была создана внутри полицейских структур для улучшения контактов с общественностью. Процесс начался с анализа местных общественных потребностей (типичная диагностика сектора безопасности и общественные собрания), и организация в конечном счете адаптировалась. Общественные программы часто уделяют большое внимание поддержке жертв, децентрализации, проектам партнерства между государством и гражданским обществом, разрешению проблем, а также поднимают вопросы применения жестокости, разрабатывают способы уменьшения субъективных страхов и, наконец, стремятся к большей прозрачности и ответственности в сфере безопасности. Инициативы общественной полиции можно рассматривать как очередную ответную реакцию на трансформацию общественной сферы в 1970-х годах и как попытки восстановить потерянное доверие общества.

Неофициальное внимание общественности

В конце 1990-х годов появляется новое изобретение — видео. Вместе с появлением дешевого видеоборудования (HI-8 аналоговая камера стоит \$300, цифровая — от \$1000) уязвимость полиции для общественного мнения достигла нового уровня. Наиболее известной иллюстрацией такой уязвимости является избивание Родни Кинга, которое было записано на кассету прохожим (Холлидэй). Видеозапись показывает: «Высокий черный мужчина стоит на четвереньках, затем повален на землю, дважды к нему применяется электронное оружие TASER, он поднимается и снова падает, все это время его избивают, удар за ударом — десятки ударов, в общей сложности пятьдесят шесть, по голове, шее, спине, коленям, локтям, ногам, ступням, — два полицейских офицера, орудуя своими черными металлическими дубинками, как бейсбольными битами. Также видны третий офицер, который пинает Кинга, и около десятка полицейских, наблюдающих за избиванием вместе с соседями Холлидея» (Skolnick and Fyfe 1993, p. 2). 90-секундная видеозапись была показана несколько раз по CNN для национальной и международной общественности.

Неофициальное видео отличается от официальной камеры журналиста в нескольких существенных аспектах.

Во-первых, в то время как официальные медиа-образы создаются новостными журналистами, видеозаписи делаются непосредственно членами общества. Официальные СМИ являются «общественным оком», пока его не заменит анонимное видео. Последнее характеризуется правдивостью, которая репрезентирует точку зрения общества и, тем самым, получает большие возможности.

Во-вторых, видео, в отличие от того, что обычно снимает официальная камера, не освещает многоэтапные события (сконструированные для официальных камер полицейскими профессионалами по связям с общественностью), но записывает неконтролируемую, малозаметную деятельность, в которой полицейская субкультура играет важную роль. Этот неконтролируемый характер записи показывает, насколько ограничены общественные отношения. Пока официальная съемка происходит по договоренности журналистов с полицией, она не может считаться анонимной.

В-третьих, любительское видео предлагает различные материалы, часто плохого качества, что показывает: материал был снят при помощи скрытой камеры или, в лучшем случае, камеры реалити-шоу. Такая съемка символизирует нечеткость, неустойчивость и грубость реальности как таковой, вызывает ощущение достоверности, реальности того, что обычно утаивается от общества. Способ здесь значителен сам по себе.

В-четвертых, неофициальные видео могут заснять полицейскую деятельность почти в любое время, и полицейские не будут об этом знать. Демократизация видео привела к тому, что почти любой член общества может снимать полицейских. Официальных операторов, напротив, немного, и их легко контролировать.

Неофициальное видео всё чаще имеет место и становится средством надзора гражданского общества за государством. В конце 1990-х годов общественные движения начали проверять полицейскую деятельность. Антиглобалистское движение способствовало «видеоактивности» и бдительности. Видеоактивисты сопровождали общественные акции протеста и записывали происходящее, фокусируясь на деятельности полицейских. Сегодня видеоактивисты организованы в коллективы во многих странах западного мира. Всемирная паутина и альтернативные медиа-центры используются как средство для распространения видеокассет, как ресурс для советов по их использованию. Кроме протестующих, есть другие примеры социальных групп, в основном антирасистских, организующих видеонаблюдение за полицией для предотвращения проявлений агрессии и недостойного поведения. Последний пример подала радикальная исламистская группировка — Арабская европейская лига (AEL), основанная в Антверпене (Бельгия). Группа организовала круглосуточное наблюдение за полицией при помощи видео- и цифровых камер. Она также распространяет брошюры с надписями «Плохие полицейские, AEL наблюдает за вами».

После появления съемки Родни Кинга стали появляться другие примеры фиксирования при помощи неофициальных видеокамер недостойного поведения полицейских. Вот несколько таких случаев:

— Мак-Дональд и Паромчик упомянули случай с патрульным полицейским, ехавшим по шоссе в машине со встроенной видеокамерой. Целью было задокументировать, как ведут себя подозреваемые во время ареста, что было бы крайне полезно для арестов за вождение в нетрезвом виде и в случае сопротивления при аресте. Однако камера сняла полицейского офицера, который вытащил женщину из машины и избил за то, что она долго отказывалась остановиться (1996, р. 2).

— Инцидент в тюрьме в Японии привел к тому, что пять тюремных охранников были обвинены в жестоком обращении с арестантами. Они поместили арестанта в изолятор и перевязали его живот кожаным ремнем так сильно, что мужчине потребовалось хирургическое вмешательство. Начальник тюрьмы сначала отрицал какое-либо правонарушение, но случившееся было записано на кассету системой наблюдения, установленной в тюрьме для предотвращения суицидов.

— Видеоактивисты отсняли видео о деятельности полицейских во время съезда антиглобалистов, сопровождающего встречу «Большой восьмерки» в Генуе. *Wall Street Journal* написал: «Записаны несколько эпизодов незаконного применения силы со стороны полицейских против протестантов. Видео об офицерах, которые использовали дубинки и слезоточивый газ во время мирной демонстрации, — даже по отношению к пожилым женщинам, поднявшим вверх руки в знак повиновения, — быстро распространилось по всей планете через Интернет. Вскоре записи были использованы главными итальянскими медиа-компаниями для инициирования общественных протестов и уголовных расследований поведения полицейских» (11 сентября 2001 года).

Каковы последствия? Для полиции...

Неофициальные видео усиливают интенсивность общественного надзора. Обычно малозаметные действия полицейских записываются на пленку; нежурналистской съемкой сложнее управлять; качество видеозаписей достаточно хорошее для того, чтобы их можно было транслировать по телевидению; кроме того, эти записи признаются судом как доказательства. Все эти характеристики усиливают давление на полицию и увеличивают их уязвимость для общественного надзора.

Ответом на такую ситуацию стало усовершенствование подготовки. Современные центры полицейской подготовки разработали новые педагогические цели, требующие практических навыков и теоретических знаний. Акцент делается не на правовых и теоретических знаниях, а на умении правильно вести себя в предложенных ситуациях (Lupien 2000, pp. 53—54). Полицейские-студенты получают такие навыки в специально создаваемых ситуациях, учителя становятся инструкторами студентов, навыки нарабатываются в междисциплинарных модулях (обучение в командах), спроектированных по примеру часто встречающихся ситуаций (арест, контроль и т. д.).

Дальнейшее обучение этике — ещё одна ответная реакция. В рамках описанной выше новой педагогики этика стала существенной и востребованной областью знания. Преимущество такого типа обучения заключается в том, что вместо абстрактных конвенций и кодексов на первый план выходит практические этические навыки, тем самым снижается уязвимость полиции к СМИ и общественности. Возможно, в будущем ученые-полицейские будут делать всё больший акцент на этике на всех уровнях обучения (см. также: Lupien 2000, p. 54).

Большая ответственность и прозрачность деятельности — это очередная ответная реакция на усилившийся общественный надзор. Полиция добровольно предоставляет возможности для общественного надзора для того, чтобы восстановить доверие общества. Во время антиглобалистского съезда в 1998 году в Женеве полиция решила санкционировать телевизионную съемку приготовлений к событию и даже прикрепить микрофон к воротничку командующего офицера (мероприятие обернулось беспорядками, и офицер давал свои распоряжения в прямом эфире). Офицер прокомментировал это в интервью: «Я хочу сказать, что люди, молодежь не согласны... Я утверждаю, что эффективность нашей работы, прежде всего, представляет проблему для тех, кто предпочитает верить, что полицейские глупые, жестокие и т. д. Пора признать, что это не так. Мы действуем открыто на обоих уровнях: на персональном и на уровне средств массовой информации. Нам нечего скрывать» (интервью, Женева, 7 января 1999 года).

В аналогичном случае интервенция турецкой жандармерии в курдские деревни сопровождалась видеокомандами, которые снимали эти действия для предотвращения жалоб на неправомерное поведение. Швейцарский офицер объяснил, что он считает необходимым наличие внутренних камер наблюдения в тюрьмах для того, чтобы предотвратить голословные заявления арестантов о жестоком обращении.

Прозрачность представляется лучшим оружием полиции против недобросовестных действий СМИ.

...для совместных программ в переходных демократиях

Общественное мнение стало главным фактом, объясняющим действия полиции. Деятельность полиции не должна быть просто продуктом политических режимов или государства (della Porta 1998), скорее, её нужно рассматривать как барометр общественного мнения. СМИ представляют общественное мнение с тех пор, как были выполнены два условия: во-первых, политика и правительство перестали прямо вмешиваться в действия полиции, во-вторых, журналистская профессия нуждалась в адаптации к новой практике критической и плюралистической журналистики. Совсем недавно мнение общества стало играть более заметную роль в полицейской

деятельности благодаря инициативам общественной полиции или организованным попыткам гражданского общества наблюдать за полицией.

Основная идея данной работы заключается в том, что реформа полиции должна быть представлена как сектор с различными деятелями вне институтов полиции, включая гражданское общество и общественную сферу. Программа демократических реформ в странах переходного периода развития часто чрезмерно фокусируется на развитии государственных возможностей при несущественной активности других институтов (исследовательские институты, неправительственные организации, сотрудники СМИ). Окончательным результатом такого сосредоточения на реформе стал увеличивающийся, несмотря на все усилия, разрыв между государством и обществом (мнением общества). Назрела необходимость в применении целостного подхода, что, однако, представляется довольно сложным.

Литература

- COMMISSION. 1991. «Staatschutz der Stadt Zürich». In: *Bericht der Untersuchungskommission und den Gemeinderat von Zürich*. Zürich.
- COURRIER INTERNATIONAL. no 630, 28 November to 4 December 2002.
- DELLA PORTA, D. 1998. «Police knowledge and Protest Policing: Some Reflections on the Italian Case». In: D. DELLA PORTA AND H. REITER (ed.). *Policing Protest*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 228-252.
- DELLA PORTA, D. AND RUCHT, D. 1995. «Left-Libertarian Movements in Context: A Comparison of Italy and West Germany, 1965-1990». In: J. C. JENKINS AND BERT KLANDERMANN (ed.). *The politics of social protest*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 229—273.
- ERICSON, R.V. AND HAGGERTY, K.D. 1997. *Policing the Risk Society*. Toronto: University of Toronto Press.
- HABERMAS, J. 1962. *L'espace public*. Paris: Payot.
- KREIS, G. 1993. *La protection de l'Etat en Suisse*. Berne: Haupt.
- LOUBET DEL BAYLE, J.-L. 1992. «La police». *Approche socio-politique*. Paris: Montchrestien.
- LUPIEN, M. 2000. «Ethique et déontologie dans la formation à l'Institut de police du Québec». *Ethique publique* 2 (1), 51—55.
- MCDONALD, W. F. AND PAROMCHIK, S. 1996. «Transparency and the police: external research, policing and democracy». In: *Policing in Central and Eastern Europe: Comparing Firsthand Knowledge with Experiences from the West*. College of Police and Security Studies: Slovenia.
- MCPHAIL, C., SCHWEINGRUBER, D. AND MCCARTHY, J. 1998. «Policing Protest in the United States: 1960—1995». In: D. DELLA PORTA AND H. REITER (ed.). *Policing Protest*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 49—69.
- MONJARDET, D. 2002. «Les policiers». In: L. MUCCHIELLI AND P. ROBERT (ed.). *Crime et sécurité. L'état des savoirs*. Paris: La Découverte, 265—274.
- SKOLNICK, J. H. et FYFE J. J. 1993. *Above the law. Police and the excessive use of force*. New York: The Free Press.
- TABLE RONDE. 1997. *Les Cahiers de la sécurité intérieure* 27, 136—149.
- WALL STREET JOURNAL. 11 September 2001.

- WISLER, D. AND GIUGNI, M. 1999. «Under the spotlight: The impact of media attention on protest policing». *Mobilization. An International Journal* 4 (2), 171—188.
- WISLER, D. AND TACKENBERG, M. 1999. «The role of the police in public disorders: image or reality?» In: R. BESSEL AND C. EMSLEY (ed.). *Patterns of provocation*. New York: Berghahn Publishers, 121—142.
- WISLER, D. AND TACKENBERG, M. 2003. *Des pavés, des matraques et des caméras*. Paris: L'Harmattan.
- WISLER, D. 1999. «La couverture médiatique de l'action protestataire. Etude à partir du cas suisse». *Revue française de sociologie* XL, 121—138.

ЧАСТЬ VI

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ

Соотношение национальной безопасности и общественного права быть информированным после 11 сентября

Эрик Д. Миллер

Введение

Еще до ужасающих террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне можно было заметить, что Администрация Буша начала процесс усиления контроля над потоками правительственной информации. Хотя трагические события 11 сентября 2001 года привели к укреплению системы национальной безопасности США, они также повлияли на стремление Белого дома ограничить доступ общественности и СМИ к мониторингу операций федерального правительства и Пентагона.

В отношениях между сектором национальной безопасности и СМИ всегда существовала напряженность, действия Пентагона в этом вопросе напоминают раскачивающийся маятник. Сегодня, когда США ведут войну против «Альгаиды» и пытаются восстановить порядок в Ираке, маятник продолжает отклоняться в сторону сокращения доступа к информации и ослабления гражданского контроля над вооруженными силами.

С 11 сентября Администрация Буша резко усилила политическое противодействие террористическим атакам, используя соображения национальной безопасности как средство для усиления исполнительной власти и влияния Пентагона. В результате появилась тенденция к сокращению прозрачности и ограничению публичного доступа к процессам функционирования и принятия решений внутри федерального правительства. В последние месяцы Администрация сделала политическое заявление, что внутреннее наблюдение является приемлемым и необходимым инструментом для мониторинга возможных террористических действий. Это было неверным шагом. Чрезмерная реакция на то, что разведывательные службы оказались не способны предвидеть атаки 11 сентября, таила потенциальную опасность политических сдвигов, грозившую повторением внутренних скандалов США о шпионаже 1960-х и 1970-х годов.

Бесчисленные мероприятия, проведенные за последние два года, напоминают продуманный в деталях маршрут, по которому можно вычислить последний пункт назначения, определенный Администрацией. Эти действия затрудняют процесс предоставления общественности информации о деятельности правительства по предотвращению терроризма внутри США и за их пределами. Действия, которые дают основания для беспокойства, включали в себя:

*26 октября 2001 года президент Буш подписал Патриотический акт США, который предоставляет федеральным следователям расширенные права выслеживать и задерживать подозреваемых в участии в террористических объединениях внутри страны и за её пределами, блокировать доступ террористов к финансовым источникам, поддерживать законы и положения, препятствующие отмыванию денег, и ужесточать иммиграционные законы с целью закрыть границы США для террористов. И хотя некоторые из этих действий после атак террористов являются вполне оправданными, гражданские борцы за свободу опасаются, что новый закон грозит нарушить и без того шаткий баланс между эффективным применением права и индивидуальными свободами граждан США.

*13 ноября 2001 года президент Буш подписал военный указ, предписывающий судить подозреваемых в терроризме особыми секретными военными трибуналами, находящимися вне подчинения федеральной судебной системы. Вследствие принятия данного указа более 1 000 подозреваемых в терроризме были арестованы и заключены в тюрьмы, а их имена и имена важных свидетелей редко упоминались даже в официальных документах и публикациях. Несмотря на то что, возможно, были случаи, когда обвиняемые действительно представляли угрозу национальной безопасности, в атмосфере секретности

было нарушено их конституционное право быть судимыми на открытых судебных заседаниях.

* Месяцем позже событий 11 сентября министр юстиции и генеральный прокурор США Джон Ашкрофт издал жесткую директиву, которая позволяла федеральным службам утаивать информацию, запрашиваемую на основе Акта о свободе информации. В сущности, директива разрушала многолетнюю практику, предполагающую, что такого рода запросы, если нет веских причин для отказа, должны выполняться.

— Департамент обороны стал выполнять свою собственную программу «информационного анализа». Разработанный Агентством по передовым исследовательским оборонным проектам «Проект тотальной информационной осведомленности» (после выражения общественного протеста относительно возможного масштабного вмешательства в частную жизнь он был переименован в «Программу информационной осведомленности о террористах» (TIA Program)) сейчас работает над созданием компьютерной системы, которая будет собирать и накапливать огромное количество сведений, получаемых путем записи телефонных разговоров, транзакций кредитных карточек, туристических передвижений и медицинских записей, и на их основе разрабатывать методы и стандарты, с помощью которых можно идентифицировать потенциального террориста. Программа сейчас горячо обсуждается в Конгрессе, находится в стадии рассмотрения и законодательство, призванное обуздать власть Пентагона над процессом сбора информации. В начале 2003 года Сенат США предпринял некоторые шаги для временного развертывания проекта, после того как потребовал от президента Буша подтверждения, что остановка проекта «подвергнет опасности национальную безопасность США». Рон Уиден, демократ из Орегона, который предложил дополнительное финансирование этой статьи, рассказал *The New York Times*, что его поправка прошла легко и некоторые сенаторы-республиканцы отозвались о ней так: «Это наиболее перспективное предложение о правительственном надзоре, которое мы когда-либо слышали».

* Законопроект 2002 года о Национальной безопасности включает условия, которые уберут из Акта о свободе информации доступ к информации, относящейся к безопасности, инфраструктуре, действующей в чрезвычайных ситуациях, и о защитных системах. Эта информация, которая сейчас предоставляется свободно и регулярно правительству частными компаниями, будет скрыта от общественности.

— Белый дом Буша предпринимал много шагов для того, чтобы заблокировать публикацию важных исторических документов. Эти включало различные действия – от отказа вице-президента Ричарда Чейни передать Конгрессу записи специальной энергетической комиссии Администрации до непосредственно приказов президента Буша засекретить документы предыдущих президентов.

— В период после 11 сентября федеральные службы удалили со своих веб-сайтов информацию, которая могла бы повредить национальной безопасности. После годового обзора федеральных веб-сайтов секретарь Департамента обороны Дональд Рамсфелд распорядился, чтобы работники Пентагона сократили подачу информации на сайт, поскольку она, являясь секретной, может быть использована во вред стране. Правительственные адвокаты раскритиковали директиву Рамсфелда, так как сокращение количества публичной информации на веб-сайте проводится без оценивания ее потенциальной опасности.

* Государственные чиновники от Калифорнии до Род-Айленда активно пытались создать свои собственные варианты офисов национальной безопасности и предлагали юридическую базу для ограничения прямого доступа к правительству. В Нью-Джерси, например, губернатор Джеймс Мак-Гриви попытался убрать из открытого доступа более 500 категорий общественных записей лета 2002 года, но, получив в ответ негативную общественную реакцию, прекратил эти попытки. Он объяснил свои действия причинами национальной безопасности, хотя многие из записей не имели никакого отношения к этому.

* US Airlines, JetBlue Airways недавно подтвердили, что в сентябре 2002 года они предоставили правительственным оборонным структурам информацию о маршрутах 5 000 000 своих пассажиров. JetBlue позже извинились за такое раскрытие информации, так как это, несомненно, нарушило их собственную политику конфиденциальности (Singel 2003).

В результате этих и подобных действий укоренилась позиция «с нами или против нас», которую генеральный прокурор Ашкрофт в своих показаниях Юридическому комитету Сената охарактеризовал так: «Тем, кто настраивает коренных американцев против иммигрантов и граждан против неграждан, тем, кто пугает миролюбивых людей фантомами потерянной свободы, моё послание таково: ваша тактика только помогает террористам в ослаблении нашего национального единства, вы недооцениваете нашу решительность. Эти люди дают оружие в руки врагов Америки и приводят в замешательство друзей Америки. Они принуждают людей доброй воли хранить молчание перед лицом зла».

Открытость границ и наличие густонаселенных центров делают США уязвимыми для возможных террористических атак, как это случилось 11 сентября. СМИ должны быть ответственны за последствия, к которым может привести содержащаяся в их теле- и радиорепортажах информация, для национальной безопасности. Федеральное правительство и сектор национальной безопасности тоже должны нести ответственность за предоставление сведений общественным представителям, печатным и вещательным СМИ.

Эксперт по секретным технологиям Нейл Ливингстоун, председатель Global Options Inc., заявил на недавней конференции СМИ в Вашингтоне, что сегодня сильнее, чем когда-либо, необходимо заверить граждан, что ситуация под контролем. «Напуганные люди принимают опасные решения», — предупреждает он (Livingstone 2003).

«Мягкие и пушистые» СМИ

После 11 сентября новостные СМИ попали под сильное влияние и были раскритикованы за свою пассивность в борьбе с Администрацией за доступ к правительству. Исследования, проведенные в октябре 2002 года Миссурийской школой журналистики и Центром первой поправки, показали, что после террористических атак 2001 года журналисты при получении доступа к информации сталкиваются с большими затруднениями, чинимыми федеральным правительством. Более 90 % издателей и 70 % директоров новостных агентств склоняются к тому, что Администрация Буша использует доступ к информации для манипуляции прессой (Kennedy and Thorson 2002, p. 8).

«Доступ к информации о национальном правительстве усложнился, и большинство сотрудников новостных служб почувствовали, что Администрация использует информацию для манипулирования новостями, — заключается в исследовании. — Однако лишь немногие респонденты возмущены, значительно большая их часть воспринимает происходящее как неизбежное явление военного времени» (Kennedy and Thorson 2002, p. 19). Опрос журналистов, проведенный через девять месяцев после 11 сентября профессором Миссурийского университета Уэйном Уантом, тоже показывает возрастание недоверия журналистов к их источникам информации. «Большинство упомянутых изменений заключается в том, что источники стали более осторожны и предусмотрительны в отношении своей информации. Кроме того, журналисты почувствовали, что источники в целом, и в частности государственные, стали вести себя иначе» (Wanta 2002, p. 104).

Одну из причин ухудшения отношений с источниками, в частности из сектора национальной безопасности, можно объяснить атмосферой секретности внутри Департамента обороны. Его высокопоставленные чиновники угрожают сотрудникам Пентагона, которые допускают утечку информации, увольнением и даже судебным преследованием. Сегодня в кругах СМИ не слышно возгласов протеста. Согласно исследованию, это можно объяснить возросшей политкорректностью поведения и волной патриотизма среди журналистов. Предыдущие исследования показали, что большинство журналистов видели себя слева от центра политического спектра. Однако, исследование в

октябре 2002 года отметило: респонденты как печатных, так и вещательных СМИ были одинаково разделены слева, в центре и справа (Kennedy and Thorson 2002, p. 9).

Кроме того, более 80 % респондентов заявили, что их сюжеты чаще касаются патриотизма, 3/4 издателей и 85 % редакторов новостей отметили, что они показывают флаг или изображают патриотические символы чаще, чем делали это ранее. Около 60 % ведущих новостей и штатных работников вещательных компаний надевают флажки или другие патриотичные символы во время трансляции новостей (Kennedy and Thorson 2002, p. 8).

Однако не следует всю вину возлагать на СМИ. Конгресс также был охвачен эмоциями во время атак и не возражал против жесткой риторики Администрации о национальной безопасности, выбрасывая миллиарды долларов на решение проблем безопасности и борьбу с терроризмом. Страх любых политических выпадов в сторону военных привел к увеличению полномочий и росту бюджета исполнительной власти, в частности в сферах национальной обороны, безопасности и законодательства. Стивен Косяк, директор Департамента изучения бюджета Вашингтонского центра бюджетных и стратегических оценок, проведя в январе 2003 года исследование, пришел к выводу, что после террористических атак 11 сентября финансирование обороны и национальной безопасности США, а также борьбы против терроризма возросло до \$145—160 миллиардов, и это без учета последних решений Конгресса выделении дополнительных \$87 миллиардов для установления безопасности в Ираке (Kosiak 2003, p. 7).

Конгресс расширяет полномочия федеральных служб

Цель Патриотического акта США – оказание помощи в розыске и привлечении к ответственности террористов, организовавших и осуществивших атаки 11 сентября, и предотвращение их в будущем. Новый закон повышает значимость информации о террористах, расширяет число поправок к Закону о чрезвычайных полномочиях, разрешает выдавать ордера на обыск при расследовании действий террористов внутри и за пределами страны, смягчает государственный доступ к конфиденциальной информации, разрешает генеральному прокурору брать образцы ДНК у заключенных, которые обвиняются в любом федеральном преступлении с применением насилия или терроризме, и увеличивает срок давности привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с терроризмом.

Кроме того, этот Закон расширяет права федеральных служб, как было ранее зафиксировано в Части 3 Сборника законов о контроле над преступлениями и в Акте о безопасности улиц 1968 года. Так, федеральные процедуры уголовных расследований выслеживания и сбора информации о коммуникациях были модифицированы с тем, чтобы: разрешить автоматическую регистрацию телефонных звонков и просмотр электронной почты, выдачу судебных ордеров внутри страны на прослушивание телефонных разговоров и доступ к сохраненной электронной почте; расценивать сохраненную голосовую почту как сохраненную электронную, добавить террористические и компьютерные преступления в список нарушений, способствовать кооперации между правоохранительными сотрудниками США и следователями иностранных разведывательных служб. Новый закон также разрешает использование так называемого «блуждающего» надзора — решения суда, которые не требуют особого распоряжения касательно применения специфических наблюдательных устройств или мест локализации, где происходит наблюдение. Это требует от работников служб безопасности архивировать доклады о подозрительной активности, запрещает финансовым институтам открывать корреспондентские счета в иностранных банках и обязывает их не позволять клиентам утаивать свою финансовую активность. Также дается определение новым преступлениям, таким как отмывание денег, террористические атаки в условиях массовой транспортировки,

обвинения, касающиеся биологического оружия, укрывательство террористов и оказание им материальной поддержки.

Хотя многие из этих расширенных полномочий выглядят вполне разумными в условиях террористической угрозы, отдельные критически настроенные круги заявляют о том, что закон зашел слишком далеко. Особенно неоднозначными являются такие действия, как просмотр электронной почты, международный обмен информацией среди разведывательных служб, расширенные полномочия на конфискацию имущества и введение новых требований к бухгалтерии финансовых институтов¹⁰³¹.

Оставить общество в неведении

В течение десятилетий Акт о свободе информации (FOIA) служил эффективным средством, используемым СМИ, обществом и неправительственными организациями, для того, чтобы приподнимать занавес правительственной секретности. Однако несмотря на это даже до 11 сентября генеральный прокурор и министр юстиции Джон Ашкрофт пытался установить новые политические ограничения на ответы по запросам общественности и СМИ в федеральные службы, основанным на вышеуказанном акте. Как результат — бюрократия и проволочки в предоставлении запрашиваемых документов.

Усилия Ашкрофта, направленные на то, чтобы ослабить политику FOIA, увенчались успехом. 12 октября 2001 года всем главам правительственных департаментов и служб была разослана директива, которая заменила директиву бывшего генерального прокурора Жаннет Рено от октября 1993 года. Директива Рено призывала к «презумпции разоблачения» — даже при условии, что у государства есть причины скрывать, пока это не будет угрожать неминуемой опасностью. Директива Ашкрофта призывает федеральных чиновников к утаиванию информации, если на это имеются «законные основания»: «Конгресс и суды должны осознать, что действительные законодательные привилегии обеспечивают объективность и полноправность деятельности служб без страха её оглашения... Если аккуратно следовать требованиям FOIA и скрывать документы, целиком или частично, можно быть уверенными, что Департамент юстиции будет защищать подобные действия, пока они не утратят законных оснований или не подвергнут риску действия других служб по защите иных важных документов» (Ashcroft Memorandum 12 October, 2001).

Комментируя эти и другие изменения, историк Колумбийского университета Алан Бринкли заявил *The New York Times*, что секретность стала очень привлекательной темой для президентов, а Администрация Буша «подняла её на новый уровень». Между прочим Бринкли сказал, что инстинкт Администрации — ничего не публиковать (Clumer 2003a). Со стороны лидеров Конгресса также всё чаще звучат жалобы на то, что стало труднее получать информацию от Администрации, поэтому нужно принимать важные решения.

Однако директива Ашкрофта была только одним из серии препятствующих действий, подтверждающих стремление Администрации Буша держать общественность в неведении задолго до 11 сентября. Первые активные действия были предприняты в марте 2001 года, когда советник Белого дома Альберто Гонзалес распорядился, чтобы национальные архивы не предоставляли ученым 68 000 страниц записей периода президентства Рональда Рейгана (Clumer 2003a). Распоряжение Гонзалеса также блокировало пользование документами бывшего вице-президента Джорджа Буша. Оно было дано, несмотря на заверения архивных работников в том, что использование этих документов не

1031 Согласно заявлению сенатора США Патрика Леаха, демократа от Вермонта, в октябре 2003 года 190 обществ в 34 штатах приняли резолюции против Патриотического акта. Критические заявления различных групп, от Американского объединения по гражданским свободам до библиотечных, о том, что акт будет сдерживать дебаты и препятствовать информационному доступу, привели к тому, что министр юстиции США Джон Ашкрофт отправился в летний тур по всей стране с целью защиты акта.

содержит никакой угрозы национальной безопасности и личной неприкосновенности. Затем, 1 ноября 2001 года, президент Буш выступил с ещё более жестким распоряжением о блокировании доступа к президентским документам, если это грозит раскрытием информации, которая может повредить вооруженным силам, дипломатическим и национальным секретным службам, президентским контактам и юридическим консультациям.

Есть и другие индикаторы, показывающие склонность Администрации к сокрытию информации. Эту тенденцию некоторые исследователи называют «погодными переменами» правительственной открытости (Slumer 2003a). В течение 2001 года — период первого года президентства Буша — 260 978 документов были классифицированы как секретные, что на 18 % больше, чем за предыдущий год (Slumer 2003a). Чиновники Администрации не скрывают факта, что этот отход от открытости сделан для того, чтобы дать исполнительной власти зеленый свет. Например, отказ вице-президента Ричарда Чейни передать документы, связанные со специальной комиссией по энергетической политике, которой он руководил, можно считать открытым вызовом Конгрессу. Чейни признал, что его борьба с Управлением общей бухгалтерской отчетности США — это попытка в очередной раз подтвердить силу исполнительной власти, которая не нуждается в «объективном совете» общества, так как это создало бы препятствия президенту в сборе информации для принятия трудных решений. Чейни заявил в новостях ABC в январе 2001 года:

«Я неоднократно констатировал признаки разложения власти и неспособность президента США выполнять свою работу. Мы наблюдали это в Акте о праве на объявление войны или в Акте против замораживания президентом финансовых средств, ассигнованных ему Конгрессом. Мы наблюдали это ранее в аналогичных случаях, когда требовалось, чтобы президент уступил или пошел на компромисс в принципиально важных вопросах. Одна важная вещь, которую я чувствую себя обязанным сделать, о чем я неоднократно заявлял, это передать наш аппарат служащих в лучшем состоянии, чем мы их получили» (Chenev 2002).

По иронии, самыми строгими обвинителями Чейни в Конгрессе были республиканцы, и борьба за информацию в Белом доме не ограничилась событиями, связанными со специальной энергетической комиссией. Были более жесткие «битвы» Конгресса со Службой защиты окружающей среды и Департаментом юстиции по поводу запросов информации, а также с Белым домом по вопросам дела о страховании здоровья престарелых.

Пентагон: доступ — это зло

Из всех закрытых дверей наиболее неподатливая — дверь Департамента обороны (DoD) и его наиболее известного представителя, секретаря обороны Дональда Рамсфелда. Пентагон ежедневно принимает решения о том, какой доступ для СМИ должен или не должен предоставляться, на основе своих собственных интересов, лишь слегка касаясь общественного права быть информированным. Проще говоря, у военных нет реального стимула раскрывать процесс принятия своих решений до факта их окончательного утверждения, если только они не показывают Пентагон в выгодном свете. «Я думаю, важно обратить внимание Пентагона на то, что они думают, а не на то, что они говорят, — заявил корреспондент журнала по национальной безопасности на недавнем форуме вашингтонских СМИ о войне против терроризма. — Они говорят «источник зла», а думают: «Доступ — это зло» (Thompson 2003).

Наиболее сложные препятствия для доступа после 11 сентября чинились в стенах Пентагона, где, по словам журналистов, даже самую обычную информацию теперь получить сложнее, чем когда бы то ни было. С одной стороны, секретарь Рамсфелд всегда придерживался мнения генералов Пентагона в своих попытках изменить систему

гражданского контроля над вооруженными силами. С самого начала секретарь как главный представитель DoD взял инициативу на себя. Он ежедневно обрушивал шквал критических и часто противоречивых директив на Объединенный комитет начальников штабов и членов военного командования. Сотрудники Пентагона отмечали, что Рамсфелд фактически отнял у генералов Пентагона возможность контролировать военные действия в Афганистане. Попытка взять верх над вооруженными силами была позитивным шагом, однако в то же время популярный секретарь обороны лично ответствен за наложение запрета на информацию, исходящую из Пентагона. Рамсфелд возглавил кампанию по предотвращению общения лояльных военных офицеров и гражданских сотрудников Пентагона с масс-медиа. В сущности, сразу после событий 11 сентября Рамсфелд угрожал дисциплинарными взысканиями тем сотрудникам Пентагона, кто допустит утечку информации в прессу. Во время своей речи 21 ноября 2001 года перед Командованием специальными военными операциями он заявил: «Я не думаю, что американцы хотят что-нибудь знать о том, что может вызвать смерть любого из этих талантливых, преданных и отважных людей, которые собрались здесь сегодня» (Rumsfeld 2001).

Пентагон напомнил также своим подрядчикам о необходимости учитывать в военной сфере потенциальную опасность, исходящую от использования даже самой рутинной информации. В директиве от 2 октября 2001 года заместитель секретаря обороны ЕС Пит Олдридж подчеркнул: «Я также хотел бы отметить, как во время этой национальной катастрофы важна осмотрительность во всех публичных заявлениях, пресс-релизах и во время коммуникационных мероприятий, которые устраивают соответствующие компании и ваши основные поставщики. Как мы все знаем, даже, казалось бы, безопасная промышленная информация может содержать много сведений о военных действиях и намерениях для обученного персонала разведывательных служб. Статистика, производство, информация о контрактах и поставках способны предоставить огромное количество данных, которые могут оказаться ценными для вражеских разведывательных служб. Это вдвойне важно в свете потенциальной национальной угрозы» (Aldridge 2001).

В августе 2002 года военный секретарь Томас Е. Уайт и глава штаба генерал Эрик К. Шинсеки направили в войска устрашающую директиву: «Несанкционированная попытка использования секретной информации абсолютно неприемлема и наказуема законом. В лучшем случае такая утечка информации скомпрометирует наших политиков на национальном уровне, в худшем она приведет к смерти людей. ...Существует здоровое напряжение в отношениях между американским общественным правом быть информированным о деятельности военных служб и потребностью в оперативной секретности, но армейские служащие не ответственны за снятие этого напряжения. Это компетенция наших избранных сенаторов».

Напряжение, упомянутое в военной директиве, было большей частью разрешено в пользу Пентагона, а не в пользу общественности. В действительности, по мнению секретаря Рамсфелда, такие журналисты, как Марк Томпсон из *Time*, делают тщетными попытки скрыть от СМИ даже такую базовую информацию, как число войск, развернутых на Среднем Востоке, или составление сметы о войне в Ираке. «Я думаю, есть некоторые фундаментальные вопросы, которые люди имеют право знать, — сказал Томпсон. — Пентагон скажет, что они повлияют на оперативную безопасность. Подходящим ответом на это являются «бессмыслица», «вздор» или другие подобные слова» (Thompson 2003).

Отказывая таким репортерам, как Томпсон, в ответах на такие элементарные вопросы, как «Много ли войск находится на поле боя?», военные уходят от более важных, например «Были ли они использованы эффективно?». О скрытой проблеме в освещении деятельности Пентагона говорил эксперт по свободе информации Скотт Армстронг, основатель Вашингтонского архива национальной безопасности. С тех пор как журналисты стали задавать вопросы, на которые военные и представители служб национальной безопасности не имеют права отвечать, одним из способов поддержания равновесия между

национальной безопасностью и общественным правом быть информированным является установление и укрепление связей средств массовой информации с надежными источниками в федеральных службах. «Это единственный способ для общественности получить ту информацию, которая ей необходима, — констатировал Армстронг на конференции СМИ в Вашингтоне в январе 2003 года. — Это наша работа — не скрывать информацию, наша работа — поставлять ее. Наша работа — проверять правительство, понимает ли оно, что публикуется. 90 % из опубликованной информации не вызывает беспокойства. Однако есть такие области, в частности относительно секретных операций, где мы должны вести разумный диалог».

«Чаще всего проблема возникает даже не из-за публикации самой информации, а когда некоторая разведывательная информация упоминает ее источник. В некоторых ситуациях репортеры, предполагая, что получили доступ к некоторым частям информации, не до конца понимают, как отдельные кусочки складываются в мозаику», — сказал Роберт Мак-Намара, бывший генеральный советник Центрального разведывательного управления, на Вашингтонской конференции СМИ (McNamara 2003). Отсутствие целостного представления о положении дел может угрожать жизням тех, кто предоставляет информацию о разведывательных службах, и подвергать опасности многомиллионные программы. «Трудность состоит в том, что отдельные части этой информации могут быть известны только отдельным лицам, поэтому разведывательные и военные службы будут знать точно, откуда была получена информация, — сказал Мак-Намара. — Я думаю, иногда это делается непреднамеренно, и это нужно учитывать всем нам».

Леонард Доуни, исполнительный редактор *Washington Post*, сказал, что он не видит достойных аргументов из числа приведенных консультантом по национальной безопасности Кондолизой Райс (Downie 2003). В прошлом году Райс сделала несколько телефонных звонков на вещательные каналы и предупредила, что видео- и аудиозаписи Усамы бен Ладена не должны попадать в эфир, так как это может повредить национальной безопасности США. «Утверждение, что мы не должны публиковать ничего связанного с Усамой бен Ладеном или кем-то ещё как пропаганду, показалось мне довольно глупым» — сказал Доуни. — Мы публикуем пропаганду президента США каждый день, и наши читатели могут решать сами, является ли та или иная публикация об Усаме бен Ладене пропагандой или правдой. Чем больше ты публикуешь, тем лучшие решения будут приняты». До сих пор, по словам Доуни, *Washington Post* была очень осторожна в публикации репортажей, которые могут раскрыть информацию, важную для национальной безопасности. Он задает два вопроса касательно таких репортажей. Во-первых, есть ли причина их публиковать? И во-вторых, будет ли информация пагубной для национальной безопасности или человеческих жизней? (Downie 2003).

После 11 сентября правительственные чиновники сильно критиковали СМИ за показанные в эфире и напечатанные репортажи о возможных видах террористических атак, которые могли бы иметь, быть, от применения самолетов для распыления биотоксинов до загрязнения воздуха в метро больших городов. Доуни считает, что такая критика необоснованна. Сюжеты не были настолько специфичны, чтобы послужить инструкцией для террористов, утверждает он. «Более важно то, что, на наш взгляд, для общественности и правительства было необходимо увидеть такие возможности, чтобы они могли выработать соответствующую программу действий» (Downie 2003).

Конец истории

В течение XX века в Пентагоне существовала практика подвергать цензуре копии репортажей из горячих точек еще до того, как они доходили до редактора, однако за последние несколько десятилетий цензура Пентагона в военное время стала дополняться ограниченным доступом к информации, т. е. СМИ не позволялось сопровождать войска во

время боевых действий. Такая политика по отношению к средствам массовой информации начала проводиться в основном после вьетнамской войны, которую журналисты назвали «войной в гостиную», потому что репортерам было разрешено записывать войну детально, сопровождая войска.

Репортер *Time* Марк Томпсон заявил, что Пентагон после 11 сентября как минимум дважды не дал разрешения группе журналистов следовать за войсками в Афганистане. Журналистов удерживали на отдаленных позициях, не позволяя наблюдать за ходом действий до окончания большинства из них. «Чаще всего информация о военных действиях в Афганистане приходила из дневных новостных брифингов, проводимых Пентагоном в Вашингтоне вместе с главным представителем DoD секретарем Рамсфелдом» (Thompson 2003).

Томпсон и другие корреспонденты, специализирующиеся на национальной безопасности, отнеслись скептически к плану Департамента обороны о внедрении репортеров в военные отряды во время войны с Ираком, хотя это был позитивный шаг для прессы. Многие журналисты говорили, что во время таких передвижений вместе с войсками они могли только ближе видеть сражения, но были отрезаны от целостной картины развития военных событий. В результате «будто смотришь на происходящее через соломинку» (Thompson 2003). Опыт Афганистана оставил горький привкус у многих журналистов. «Мы не получили ничего, что бы представляло хоть какой-нибудь интерес, за период кампании [в Афганистане]», — заявил главный международный корреспондент CNN Кристиан Аманпур на форуме в Мичиганском университете, посвященном проблемам освещения войны и биотерроризма. Аманпур заявил, что вооруженные силы должны установить разумный баланс между безопасностью и тем, «в чем мы, пресса, нуждаемся согласно нашим обязанностям» (Associated Press 2003).

Выполнение таких обязательств связано с большими трудностями. Сотрудники СМИ являются не только глазами и ушами общества во время военных конфликтов, они также ведут документальную летопись войны. Несколько журналистов заявили недавно, что отказ Пентагона оставить СМИ вместе с войсками во время конфликта в Персидском заливе означал, что историки будут навсегда лишены документальных описаний и съемок войны, во время которой произошло одно из крупнейших танковых сражений современности. «У нас нет независимого подтверждения того, что они делали, как хорошо они это делали, как можно было сделать лучше, — сказал Марк Томпсон. — Я думаю, американцы должны знать об этом» (Thompson 2003).

Редактор *Washington Post* Доуни заявил также, что опыт войны в Афганистане был крайне разочаровывающим для СМИ. «Всё, что мы знаем о том, что происходит в Афганистане, получено из независимых репортажей американских журналистов, которые, в буквальном смысле, рисковали своими жизнями, не только не получая помощи, но часто встречая враждебность со стороны американской армии, — сказал он. — В них целились, им угрожали, насильно уводили с мест, откуда они хотели вести свои репортажи. Беспокоит то, что мы не знаем, что происходит во время реальных сражений. Это не те секретные вещи, которые могут нанести ущерб национальной безопасности. Что случилось в Тора Бора? Как удалось уйти бен Ладену? Мы не знаем, потому что нас там не было. Мы могли бы там быть, если бы подошли ближе с другой стороны, не подвергая риску военные действия. Всё, что мы могли видеть, — ошибки, которые сами же делали, хотя это могли быть те сведения, которые Пентагон сейчас скрывает. Это очень серьезно. Оглядываясь на опыт Афганистана, я всё ещё скептически оцениваю возможность того, что Пентагон допустит реальное освещение этой [иракской] войны» (Downie 2003).

Поскольку журналисты по большей части не имели доступа к информации во время войны в Персидском заливе, Пентагон делал пространные, даже ложные репортажи о предполагаемом успехе «Бури в пустыне», подтверждая необходимость для журналистов

видеть всё своими глазами. Например, всесторонняя оценка от 1997 года американской войны в воздухе над Персидским заливом, сделанная Управлением общей бухгалтерской отчетности США (GAO), «сторожевого пса» Конгресса, оспорила многие заявления Пентагона о том, что американские технологии способствовали революционным приемам ведения войны. Вот несколько из таких «мыльных пузырей» из репортажа GAO о «Буре в пустыне» (Spartacus 2002, p. II):

* бомбардировщики F-117s «Stelth» были провозглашены «звездой» войны, но не сделали большей части из того, что было заявлено американской общественности. Эффективность ударов F-117 по целям была разрекламирована как 80-процентная, но на самом деле соответствовала лишь сорока процентам. Было привлечено 167 других самолетов, включая A-10s, F-4Gs и F-18, для того, чтобы разрушить цели в течение первой ночи воздушной кампании;

* только половина ракет, выпущенных американскими военными, достигли своих целей;

* военные лидеры США заявили об успехе ракетной системы «Пэтриот», объявляя о почти полном успехе при отражении атак иракских ракет «Скад». Фактически изучение хода войны GAO и специальными комитетами Конгресса не смогло найти доказательств о хотя бы одной сбитой ракете;

— популярный лозунг «Одна бомба — одна цель», придуманный Пентагоном для «Бури в пустыне», следовало бы заменить на «12 бомб — одна цель», как заключила GAO в своем исследовании.

Такого рода искажения и даже совершенная ложь продолжались и после отрезвляющих событий 11 сентября. Качество и эффективность систем оружия, которые будут использоваться США в дальнейшем, вызывают сомнения. Программа по надзору за правительством (POGO), объективная общественная группа в Вашингтоне, регистрировала случай за случаем использование неэффективных, завышенных по ценам, даже опасных систем оружия, начиная с 1980-х годов. В 1980-х годах POGO раскрыла, что военные заплатили \$7600 за кофеварки и \$436 за молотки (POGO 2002, p. 5).

POGO недавно раскрыла до сих пор не разрешенные проблемы в сфере военного снабжения:

* использование в морской пехоте самолета V-22 Osprey, что происходило несмотря на многочисленные серьезные поломки и несколько аварий, которые привели к смерти 30 военных;

* планы военно-морского флота по использованию истребителя F-18 E/F Super Hornet, несмотря на предупреждения главного независимого испытательного офиса Пентагона о том, что серьезные недостатки прицельной системы должны быть исправлены еще до войны в Ираке;

* крайне затратный план ВВС арендовать 100 переоборудованных в воздушные заправщики Boeing B-767, причем стоимость аренды на несколько миллионов превышала затраты на их приобретение;

— попытки ВВС объявить самолет C-17 Cargo «коммерческим проектом» как способ сокращения бумажной волокиты для поставщика. Предложение пренебрегало бы прозрачностью контракта и требованием к поставщику предоставить детальную калькуляцию для того, чтобы гарантировать приемлемую цену;

— план поспешного запуска в ограниченное производство истребителя ВВС F-22 до того, как будут закончены испытательные тесты, требуемые Конгрессом;

— директива секретаря Рамсфелда, урезающая проверочные требования и сокращающая финансовый надзор за Национальной ракетно-оборонной программой, программой развития, которая потратила около \$8 миллиардов к концу 2003 года.

Эти разноплановые проблемы – во многом результат укрепления «удобных» отношений между оборонными поставщиками и Пентагоном. Такая тенденция «услуга за услугу» — достаточная причина для СМИ активно бороться за доступ к сектору национальной безопасности.

Заключение

Правоохранительные и разведывательные службы сталкиваются с серьезными вызовами при защите граждан США от террористических атак. События 11 сентября выявили слабость разведывательных служб и необходимость внесения ряда существенных корректив, и опасность их повторения остается высокой.

После 11 сентября СМИ не слишком настойчиво требовали от Пентагона и Белого дома доступ к правительству. Результатом, согласно британской газете *Guardian*, стало распространение «беспощадности», ознаменовавшей собой сильную концентрацию власти в руках исполнительных органов (Davis 2002).

СМИ, от уличного репортера до топ-менеджеров гигантских издательств, не должны позволять Администрации Буша вести США дорогой секретности и ограниченного доступа к правительству. Нужно выделить больше средств на детальное исследование затрат на пост-военную безопасность Ирака и расходов на восстановление разрушенной страны.

Профессиональные медиа-группы должны создать широкие коалиции для информирования и просвещения общественности об опасности правительственной секретности. И печатные, и вещательные средства массовой информации должны воодушевлять своих журналистов по всей стране писать статьи о проблемах доступа к информации, разъясняя общественности, какие это будет иметь последствия. Индустрия печатных и вещательных новостей должна информировать Конгресс о влиянии законодательства о доступе на СМИ и общественность.

Редакторы СМИ должны всегда быть в курсе событий и вдохновлять на создание репортажей, детально рассматривающих проблемы появившейся секретности в Администрации Буша. Уровень недоверия между правительством и СМИ заметно вырос в течение 18 месяцев после 11 сентября. Как мог прокурор Департамента юстиции решиться сказать федеральному судье, что тот должен доверять правительству решать то, что люди имеют право видеть, а что нет? Так называемая «мозаичная теория», выдвинутая Администрацией и используемая как основа, позволяющая судить подозреваемых в терроризме военными трибуналами, является извращением базовых принципов демократии.

Демократическое правительство, которое действует на основе предположения, что оно имеет право сохранять всё в секрете, пока не будет уверено на 100 %, что это не повредит никому, — это правительство, остро нуждающееся в надзоре. Точно так же правительство, которое верит, что имеет право сохранять всю информацию в секрете потому, что оно не уверено в последствиях её раскрытия, — это правительство, которое подвергает опасности основные свободы своих граждан.

Литература

ALDRIDGE, P. 2001. «Memorandum to U.S. defence contractors», 2 October 2001.

ASHCROFT, J. 2001. «Memorandum to heads of all U.S. federal departments and agencies», 12 October 2001.

- CENTER FOR DEFENSE INFORMATION. 2003. «Security After 9/11: Strategy Choices and Budget Tradeoffs», January 2003.
- CHENEY, R. 2002. White House transcript, ABC-TV's «This Week», 27 January 2002.
- CLYMER, A. 2003a. «Government Openness at Issue as Bush Holds on to Records». *The New York Times*, 3 January.
- CLYMER, A. 2003b. «Senate Rejects Privacy Project». *The New York Times*, 24 January.
- DAVIS, C. 2002. «Press Needs to Challenge New Concentration of Power». *IRE Journal*, January-February.
- DOWNIE, L., THOMPSON, M., ARMSTRONG, S., McNAMARA, R., LIVINGSTONE, N. 2003. «The Media and the War for the Fourth Freedom, Covering the War on Terrorism. Conference». Washington, D.C.: National Press Club, 16 January.
- DOYLE, C. 2002. *The USA Patriot Act: A Sketch*. Congressional Research Service, Washington, D.C.: The Library of Congress.
- EDMONSON, G. 2003. «Rumsfeld Wants Sensitive Info Off Defense Web Sites». *The Atlanta Journal-Constitution*, 18 January.
- GOODMAN, D. 2002. «Reporters Wary of Pentagon's Promise of Access to Troops». *Associated Press*, 27 January.
- KENNEDY, G. and THORSON, E. 2002. «Hometown News: How American Journalists Are Covering the Post-9/11 World». Research compiled by the Missouri School of Journalism and First Amendment Centre, Nashville, TN. *Journalism and Terrorism: How the War on Terrorism Has Affected the Practice of Journalism*.
- LAYTON, C. 2002. «The Information Squeeze». *Columbia Journalism Review*, September.
- LEAHY, (US SENATOR) P. 2003. US Senate Judiciary Committee Hearing, «Protecting Our National Security from Terrorist Attacks: A Review of Criminal Terrorism Investigations and Prosecutions», Statement, 21 October.
- PROJECT ON GOVERNMENT OVERSIGHT. 2002. *POGO 20th Anniversary Report*.
- REPORTERS COMMITTEE FOR FREEDOM OF THE PRESS. 2002. *Homefront Confidential: How the War on Terrorism Affects Access to Information and the Public's Right to Know*. Arlington, VA., March. White Paper.
- RUMSFELD, D. 2001. Department of Defense, Transcript, Speech to the Army's Special Operation Command, Fort Bragg, N.C., 21 November.
- SHINSEKI, E. and WHITE, T. 2002. «Memorandum for all Army personnel, Army Directive #4 — Handling Classified Information», 2 August.
- SINGEL, R. 2003. «JetBlue Shared Passenger Data». *Wired News*, 18 September.
- SPARTACUS. 2002. *Operation Desert Storm: Evaluation of the Air Campaign*. Washington, D.C.: Ross & Perry, Inc.
- WANTA, W. 2002. «Changes in Reporters» Relationships with Sources». Research compiled by the Missouri School of Journalism and First Amendment Centre, Nashville, TN (Study conducted for the Centre for Advanced Social Research at the University of Missouri, by New York public relations firm of Stanton and Crenshaw). Nashville, TN: The Freedom Forum.

Глава 2

Сторожить «сторожевых псов»: роль СМИ в надзоре за разведывательной службой Германии

Антъе Фритц

Введение

Свободные СМИ и непредвзятая журналистика — ключевые элементы демократии. Журналисты предоставляют информацию, в которой нуждается общество для обсуждения текущей политики, общественных проблем, социальных угроз или необходимых реформ. Таким образом, журналистика выполняет главную демократическую функцию, которая предполагает значительную ответственность, — ясное освещение событий и помощь гражданам в получении соответствующей информации и контроле действий государственной исполнительной власти (Ward 2004).

Но даже если эти предпосылки удовлетворительны, некоторые сферы общества, особенно те, которые касаются вопросов безопасности, плохо поддаются публичному контролю, особенно когда в них вовлечены разведывательные службы: «Хотя практически все секторы публичной политики, СМИ и члены гражданского общества выполняют полезную и важную функцию надзора, их роль в сфере действий разведывательных служб остается двусмысленной. (...) Роль представителей СМИ и гражданского общества гораздо более ограничена в сфере действий разведывательных служб, чем в других сферах. Секретность и классификация информации, касающейся разведывательных программ, бюджета и операций, играют здесь важную роль, определяя степень доступности информации. Тем не менее во многих демократических обществах роль СМИ в качестве «сторожевого пса» сектора безопасности и разведывательных служб относительно слаба, так как небольшое число журналистов заняты в данной области» (Saraçin 2002, p. 9).

Однако были случаи, когда СМИ сыграли важную роль в мониторинге разведывательных служб¹⁰⁴. Тогда пресса выступала как разновидность «неофициальной оппозиции» или резервный механизм подотчетности: если внутренний контроль не реагирует на подозрительное поведение, а внешний контроль не препятствует ему, в свободном обществе это может стать темой для журналистского расследования» (Saraçin 2002, p. 9).

Кроме функции СМИ способствовать обнаружению правонарушений и проводить мониторинг легитимных и общепринятых норм, нужно учитывать ещё один фактор — превентивную функцию критической и расследовательской журналистики: пока проинформированные и введенные в курс дела граждане наблюдают за службами безопасности, менее вероятно, что разведывательные службы смогут практиковать какие-либо нелегальные действия (Wong 2002, p. 14). «Более того, наблюдение со стороны общества может показать, что цели разведывательных служб благотворны скорее для общества в целом, чем для отдельных политических партий или элитных групп» (DCAF 2003, p. 56).

За последние два года условия, определяющие взаимоотношения между СМИ и сектором безопасности, значительно изменились. События 11 сентября создали новую прочную законодательную основу для разведывательных служб. В то же время контрольные механизмы были охарактеризованы как препятствующие эффективности действий — в чем-то обманчивый вывод, так как называет эффективность и контроль «элементами игры в ноль» (Gill 2003, p. 2). Общественный контроль и надзор отошли на

¹ Одним из наиболее заметных случаев стало разоблачение правонарушений ЦРУ в 1974 году Сеймуром Хершем, журналистом *The New York Times*. Освещение событий СМИ привело к расследованию Церковного комитета и впоследствии — к фундаментальным изменениям в процессе контроля и надзора за разведывательными службами США.

второй план, в то время как в центре внимания оказалось укрепление разведывательных служб. В таких условиях СМИ играют особенно сложную роль. Разведывательным службам стало легче контролировать средства массовой информации, чем последним доводить информацию, касающуюся разведывательных действий, до сведения общественности.

Отношения между СМИ и службами разведки можно описать при помощи метафоры «баланса», т. е. маятника, раскачивающегося между демократическими правами, включая свободу прессы, свободу информации, свободу мнения, и факторами безопасности, которые вводят ограничения на эти права. В настоящее время в различных западных обществах, включая почти полностью США и Германию (маятник особенно активен в последней), разведывательные службы существенно укрепили свои возможности получения информации как об общественных деятелях, так и о рядовых гражданах. В то же время позиции СМИ стали более слабыми в вопросе получения доступа к информации, а в некоторых случаях они связаны обязательством о неразглашении (Zelizer 2002; Miller 2004; RCFP 2003). Оправданием этому служит безопасность государства, однако последствия могут противоречить намерениям, что в результате приводит к ослаблению базовых демократических элементов.

Вот почему эта метафора была жестко раскритикована такими обозревателями, как, например, Гилл (2003, р. 18), который утверждает, что «нам не следует принимать этот «баланс»: права, касающиеся частной собственности, свободы слова и др., нельзя просто сравнивать с факторами безопасности... ограничение прав и свобод не ведет к большей безопасности; оно способствует меньшей демократичности обществ...»

Ситуацию в Германии можно использовать для иллюстрации отношений между СМИ и разведывательными службами, в частности вызовов, с которыми сталкиваются журналисты, расследующие или пишущие о разведке и секретных вопросах. Это особенно интересно наблюдать, так как контрольные механизмы в Германии стали провозглашаться образцовыми. Помимо механизмов парламентского контроля, СМИ Германии признаны важным фактором в надзоре за разведывательными службами. Согласно официальному мнению, взаимоотношения средств массовой информации со службами безопасности носят позитивный и взаимовыгодный характер, созданы благоприятные предпосылки для информирования общественности и демонстрации прозрачности разведывательной деятельности.

Традиционно позитивная оценка деятельности СМИ как «сторожевого пса» в Германии может быть подвергнута сомнению по двум причинам. Во-первых, потому, что немецкие профессионалы масс-медиа не разделяют это мнение; и, во-вторых, так как развитие событий после 11 сентября показало, что ситуация существенно изменилась и сильно повлияла на роль СМИ в демонстрации прозрачности разведывательной деятельности.

Задача данной главы — описать и проанализировать роль, которую немецкие СМИ играют в надзоре за разведывательными службами. В работе представлены важные аспекты, факторы и препятствия, которые имеют место при написании статей о разведывательных службах, а также отражены изменения, последовавшие после событий 11 сентября. Говорится об ответственности СМИ и о предпочтительных подходах к рассмотрению деятельности масс-медиа относительно надзора за разведывательными службами. Работа включает практические аспекты, которые необходимо принимать во внимание при написании статей о секторе безопасности и разведывательных службах. В заключение предлагается небольшой перечень полученных сведений и реакций на некоторые перспективные изменения в области развития роли СМИ как базового механизма демократического надзора.

Журналисты как «сторожевые псы» разведывательных служб в Германии

После Второй мировой войны ЦРУ создало разведывательную службу под названием «Организация Гелена» (OG) в Западной Германии. Эта служба была подчинена генералу

Р. Гелену, бывшему главе военной разведывательной службы Вермахта. В 1950-х годах ОГ была переименована в *Bundesnachrichtendienst* (BND) — Федеральную службу разведки и контрразведки, официальный правительственный орган, ответственный перед канцлером. Параллельно с этим были созданы внутренняя служба безопасности *Bundesamt für Verfassungsschutz* (BfV) — Федеральное ведомство по защите Конституции и военная контрразведка *Militärischer Abschirmdienst* (MAD). В 1980-х годах была учреждена *Amt für Nachrichtenwesen der Bundeswehr* (ZNBw) — военная разведывательная служба (Shpiro 2002, pp. 294—315)¹⁰⁵².

BfV — главный орган службы безопасности на федеральном уровне. Ряд предписаний, декретов и директив определяют его статус и функции. Похожие структуры (*Verfassungsschutzbehörde*) существуют в каждой стране, и каждый орган имеет свою региональную компетенцию и регулируется местным законодательством (WEU Assembly 2002).

После распада СССР и объединения Германии потребовалось обсуждение эффективности деятельности, экономических и общих нужд разведывательных служб. Они, по большей части, получили одобрение касательно своих структур, и Шпиро описал «реально существующую разведывательную службу как неотъемлемую и нормальную часть демократических государственных механизмов, выполняющих различные предписываемые функции по защите и охране демократии, регулируемые законодательством, финансируемые государством и обслуживающие общество в максимальном объеме» (Shpiro 2002, pp. 294—295).

Строгая система сдержек и противовесов направлена на предотвращение случаев злоупотребления полномочиями в разведывательных службах. В Германии существуют четыре основных механизма надзора за разведывательными службами: парламентский¹⁰⁶³, административный, законодательный и публичный контроль. В случае BfV контроль осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровне (WEU Assembly 2002).

Существует три типа административного контроля BfV: 1) контроль, осуществляемый службами Министерства внутренних дел, 2) контроль *Bundesrechnungshof* (Федеральная счетная палата) и 3) контроль *Bundesbeauftragter für den Datenschutz* (Федеральное бюро по защите информации). Все три органа ответственны перед Бундестагом (WEU Assembly 2002).

Парламентский контроль включает в себя дебаты в Бундестаге, вопросы правительству, ответственность министра внутренних дел перед парламентом, отчеты комитетов, ответственных за внутренние дела, бюджет и петиции, а также отчеты

2 Для получения дальнейшей информации о немецких разведывательных службах см. следующие официальные сайты:

<<http://www.bundesnachrichtendienst.de>>; <<http://www.verfassungsschutz.de>>;
<<http://www.bund.de/Verwaltung-in-Deutschland/Bund/Der-Bund-von-A-Z-.4606.35066/Amt-fuer-den-Militaerischen-Abschirmdienst.htm>>;
<<http://www.bund.de/Verwaltung-in-Deutschland/Bund/Der-Bund-von-A-Z-.4606.35075/Amt-fuer-Nachrichtenwesen-der-Bundeswehr.htm>>

На он-лайн — основе <<http://www.Geheimdienste.org>> (как информационный портал о немецких разведывательных службах) предоставляет информацию об истории, структуре, целях и т. д. различных служб. Сайт представлен как журналистский проект и стремится всесторонне освещать работу служб. Информация основывается на официальных материалах, включая пресс-релизы самих служб и независимые информационные источники. Сайт также предлагает различные ссылки, включая ссылки на местные отделения Федерального ведомства по защите Конституции в немецких землях.

3 Информацию о парламентском надзоре разведывательных служб см.:

<http://www.assembly-weu.org/en/documents/sessions_ordinaires/rpt/2002/1801.html>.

специальных комитетов. Механизмы парламентского контроля были «отточены многолетней практикой» (Shpiro 2002, pp. 310—311), и они «намного прочнее, чем в таких странах, как Франция или Великобритания» (Livingston 2001). Многосторонняя система контроля включает четыре отдельных парламентских органа, работающих в тесной взаимосвязи. Их деятельность четко определена парламентским законодательством.

Главным органом является *Parlamentarisches Kontrollgremium* (PKGr), или Парламентская контрольная комиссия, которая занимается политическими и оперативными вопросами. Комиссия состоит из 9 членов, избираемых Бундестагом. Политическая структура комиссии отражает парламентскую. Члены PKGr проводят секретные заседания четыре раза в год. В принципе, власть комиссии не ограничена. Она имеет право изучать архивные судебные материалы и обращаться к мнениям экспертов, опрашивать работников разведывательных служб и посещать служебные офисы (WEU Assembly 2002). «Бундестаг определяет новый состав Парламентской контрольной комиссии в начале каждого избирательного срока; до этого группа, назначенная во время предыдущих выборов, продолжает работать» (Born 2002, pp. 18—19).

Комитет G-10 (*Gremium*)¹⁰⁷⁴ и Комиссия G-10 (*Kommission*)¹⁰⁸⁵ решают вопросы защиты частной собственности. Эти два субъекта регулируют ограничения, которые касаются индивидуальной корреспонденции и телекоммуникаций и предназначены для предотвращения злоупотреблений. Четыре члена Комиссии G-10 являются также членами Комитета PKGr (WEU Assembly 2002).

Комитет доверенных лиц (*Vertrauensgremium*) проверяет бюджет разведывательной службы. Орган зависит от административной поддержки Канцелярии федерального канцлера (*Bundeskanzleramt*), так как она координирует исполнительный контроль над разведывательными службами¹⁰⁹⁶.

В январе 2002 года вступил в силу Закон о борьбе с терроризмом, его основное требование заключается в том, что Комиссия должна предоставлять дополнительный отчет Бундестагу. Остальная система, в сущности, осталась прежней.

Кроме того, существуют базовые внутренние контрольные механизмы. «Предполагая, что их деятельность эффективно контролируется парламентскими комитетами и находится под тщательным наблюдением СМИ, разведывательные службы сами подвергают проверке то, что потенциально может перерасти в правонарушение или должностное преступление» (Shpiro 2002, pp. 310—311).

Считается, что СМИ играют существенную роль в надзоре за разведывательными службами. «Комитеты Бундестага проводят профессиональные, демократичные форумы для осуществления контроля, в то время как СМИ способствуют как раскрытию правонарушений, так и созданию положительного имиджа» (Shpiro 2002, p. 308).

Роль немецких СМИ в надзоре за разведывательными службами: разные точки зрения

Согласно официальному мнению, которое прослеживается в заявлениях Бундестага (Deutscher Bundestag 2003) и отражено в статье Шломо Шпиро «Парламент, СМИ и контроль за разведывательными службами в Германии» (2002, pp. 294—315), немецкие СМИ могут рассматриваться как ведущий исполнитель в процессе надзора за разведывательными службами страны. Шпиро (2002, pp. 310—311) утверждает, что «в Германии... парламент и масс-медиа дополняют друг друга в процессе осуществления

4 Интересующую информацию см.: <http://www.bundestag.de/gremien15/parlkon/index.html>.

5 Интересующую информацию см.: http://www.bundestag.de/gremien15/g10/g10_gesetz.html.

6 С интересующей информацией об этих органах, их структуре и их контрольных функциях можно ознакомиться на официальном сайте немецкого *Bundestag* <http://www.bundestag.de/gremien/parlkonneu/parlkon3.html>.

демократического контроля над разведывательными службами». СМИ — один из катализаторов, который выносит вопросы, касающиеся деятельности разведывательных служб, на общественное обсуждение и который может оказать сильное влияние на политические решения, касающиеся разведывательных служб» (Shpiro 2002, p. 305).

Согласно официальным заявлениям немецкого Бундестага, критическое освещение событий в средствах массовой информации помогает выявить недостатки и нарушения и создать платформу для общественного обсуждения сущности, целей и рамок деятельности разведывательных служб. СМИ информируют общество и, поддерживая общественные дискуссии, помогают легитимировать разведывательные службы. К тому же они оказывают помощь парламенту в выполнении его контрольной функции. В репортажах о разведывательных службах они проясняют значимые аспекты и тем самым помогают парламенту и парламентским комитетам правильно сформулировать свои вопросы и требования (Internetdienst des Deutschen Bundestags 2002)¹¹⁰⁷.

Немецкие журналисты получили особые права и привилегии, которые, согласно широко распространенному мнению, способствуют осуществлению контроля со стороны средств массовой информации над разведывательными службами. Такие благоприятные условия «дают средствам массовой информации возможность, выполняя функцию «сторожевого пса», способствовать демократическому контролю над разведывательными службами. Не ограниченные законами о секретности и цензурой, немецкие СМИ свободны в своих журналистских расследованиях деятельности разведывательных служб и в опубликовании их результатов. Свобода СМИ, включая полную защиту источников информации и иммунитет от наблюдений, помогает им выполнять демократическую функцию без страха перед властями» (Shpiro 2002, p. 310).

Шпиро (2002, p. 306) заключил, что очень высокий уровень журналистской свободы предупреждает произвол со стороны разведывательных служб. Это является косвенным свидетельством большой значимости роли СМИ в надзоре за разведывательными службами. Такая позитивная картина существенно отличается от взгляда профессионалов в сфере масс-медиа¹¹¹⁸. Несмотря на разность в подходах, журналисты и медиа-аналитики сходятся в одном: писать о разведывательных службах намного проблематичнее, чем принято считать. Безусловно, при расследовании и написании статей о разведывательных службах можно столкнуться с труднопреодолимыми препятствиями. Прежде чем перейти к анализу возникших препятствий, необходимо остановиться на специфических характеристиках немецкой журналистики.

Краткий обзор немецкой медиа-структуры

Медиа-структура в Германии, а особенно телевидение, радио и Интернет, является базовым социальным элементом, который помогает обеспечивать функционирование политической и экономической систем.

Немецкие СМИ, как и большинство СМИ в других западноевропейских странах, пытаются найти компромисс между стремлениями частного сектора к прибыли, с одной

7 Дальнейшую информацию см.: <http://www.bundestag.de/gremien/parlkonneu/parlkon3.html>.

8 В диссертации Уинкельмана (1993) были рассмотрены препятствия, с которыми сталкиваются журналисты при написании статей о разведывательных службах. Другая публикация (Agee *et al.*, 1987) частично основана на исследованиях и обсуждениях, проводимых во время семинара «О СМИ и разведывательных службах», который был организован Немецким союзом журналистов (*Deutsche Journalisten-Union*). Шмидт-Энбум описал случаи использования журналистов и факты манипулирования ими Немецкой разведывательной службой BND (1999).

стороны, и общественным поручением¹¹²⁹, с другой. В итоге сокращается многообразие из-за концентрированности прессы¹¹³¹⁰, со стороны рекламной индустрии и собственных интересов издателей возникает угроза для независимости издательств, а также открывается плачевная перспектива коммерциализации и падения качества публикаций. Приняты контрмеры, представляющие собой свод довольно строгих правил, которые направлены на реформирование активно критикуемой сегодня немецкой медиа-системы¹¹⁴¹¹ (Schmitt-Beck 2003, p. 14).

Корпоративные отношения между элитой СМИ и правящей элитой не так очевидны, как в других странах, например в Италии или США, но, конечно, существуют. Примером тому могут служить дебаты, вызванные вскрытием факта финансовой связи ряда немецких политиков с немецким предпринимателем в медиа-сфере Лео Кирхом. Наблюдается явная тенденция СМИ Германии к концентрации и информационно-развлекательным мотивам¹¹⁵¹², а также к налаживанию связей между владельцами масс-медиа и политиками (Hartwig, Schröder 1999, pp. 275—293)¹¹⁶¹³.

Законодательная система определяет специальные привилегии и обязанности журналистов и СМИ в целом¹¹⁷¹⁴. Основной принцип — свобода прессы — содержится в статье 5 Основного Закона Германии¹¹⁸¹⁵.

Немецкий Совет прессы, или *Presserat*, является базовым механизмом самоконтроля немецкой журналистики. Совет следит за соблюдением принципа свободы слова и открывает доступ к новостным источникам. Совет издал Немецкий кодекс прессы, который определяет журналистские принципы и руководство редакторской деятельности¹¹⁹¹⁶.

Среди качественной немецкой прессы, т. е. той, которая придерживается высоких стандартов при передаче политической информации, можно назвать *Süddeutsche Zeitung* (SZ), *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ), *Die Welt*, *Frankfurter Rundschau* (FR), *Tageszeitung* (taz) и *Die Zeit*. *Der Spiegel* и *Focus* — лидирующие немецкие журналы новостей. Эти газеты и журналы можно точно разделить по политическому критерию на лево- и правоцентристские (Schmitt-Beck 2003, p. 27).

Германия имеет двойную систему телерадиовещания, состоящую из телевизионных корпораций под общественным руководством, с одной стороны, и частных каналов, с другой стороны. Общественное телевидение поддерживается и контролируется

9. Немецкие СМИ получили «общественное поручение» (*Öffentlichkeitsgebot/Öffentliche Aufgabe der Medien*), что закреплено в положениях о прессе в *Länder* (*Landespressegesetze*). Согласно этим положениям, частным и общественным СМИ вменяется в обязанность делать события прозрачными и выносить их на суд общественности (раздел «Политический базис и экономические ограничения»).

10 На сегодняшнем рынке доля 5 крупнейших немецких издательств составляет 42 %, из них наибольшая — у издательства Axel-Springer (Schmitt-Beck, 2003, p. 43).

11 Критики часто указывают на то, что общественные СМИ находятся под защитой государства и получают поддержку с его стороны (см. следующий раздел о немецком телерадиовещании и телесистеме).

12 Ссылка на тенденцию развлекательных новостей, в которых ведущие и журналисты играют роль артистов. Эта тенденция описана и раскритикована в книге Нейла Постмэна *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business* (1986).

13 Информацию о деле Кирха см. «Affären: Wie Altkanzler Kohl seinem Freund Leo Kirch half», *Der Spiegel* 18/2003 (28 April 2003) и «Affären: Auch Ex-Postminister Schwarz-Schilling stand auf Kirchs Payroll», *Der Spiegel* 17/2003 (19 April 2003).

14 Чтобы получить дополнительную информацию, см. раздел о законодательных перспективах.

15 См.: <<http://www.artikel5.de/>>; Основной Закон Германии доступен на сайте: <<http://www.bundestag.de/gesetze/gg/>>.

16 Детальную информацию о немецком *Presserat* и немецком *Pressekodex* можно найти на сайте: <<http://www.presserat.de/index.shtml>>.

государственными органами. Оно в основном финансируется за счет доходов от продажи телевизионных лицензий, и только небольшая часть телекомпаний пользуется прибылью от рекламы. Телевидение на общественных правах должно предоставлять всестороннюю информацию о культурных и социальных аспектах жизни страны — это обязанность, называемая «*Grundversorgung*», обеспечение информацией, в соответствии с данной обязанностью, является первоочередной задачей (Martin 2003, pp. 3—4).

Частное телевидение появилось на немецком рынке только в 1980-х годах. Такие телеканалы первоначально относились к зоне свободного предпринимательства и функционировали как частные фирмы на экономическом рынке. Частное телевидение особенно противостояло тенденциям СМИ к концентрации (например Бертельсманн или бывший предприниматель Кирх). Подобные каналы могут создавать свои программы с учетом прибыльности и зрительского интереса, но они, согласно «*Staatsvertrag*», обязаны предоставлять необходимый минимум общественно-политической информации. Их проверяют государственные органы контроля (*Landesmedienanstalten*); несмотря на это частные каналы работают не в таком строгом режиме, как общественные корпорации. (Martin 2003, pp. 2—3, 5).

Продолжающийся экономический кризис в Германии привел к упадку рекламного рынка, что вызвало крупнейший издательский кризис со времен Второй мировой войны. Кризис продолжает существенно влиять на систему немецкой прессы, его последствиями стали сокращение персонала, закрытие издательств, перестали выпускаться многие газеты и газетные приложения. Растущее экономическое давление оказало негативное влияние на качество журналистики (Schmitt-Beck 2003, p. 34).

Немецкая журналистика, в сравнении с англо-американской, имеет специфические характеристики, которые влияют на сферу действия СМИ так же, как и на взаимоотношения немецких СМИ с общественными деятелями. Эти характеристики будут рассмотрены в следующей части.

Немецкая «информационная» журналистика в сравнении с «расследовательской» англо-американской

Расследовательская журналистика представляет собой отличный противовес тайной государственной политике (Winkelmann 1993, p. 357). Поэтому предполагается, что контрольная и надзорная функции СМИ базируются на суровой и критической расследовательской журналистике. Здесь необходимо более внимательно изучить расследовательскую журналистику в Германии в сравнении с классической англо-американской моделью.

Пока расследования, включая разглашение фактов и информации, составляют неотъемлемую часть англо-американской журналистики (Esser 1999), немецкая модель «информационной» журналистики ориентирована на более «мягкий» (а также более экономичный и эффективный) способ получения и производства информации (Winkelmann 1993, p. 357). Немецкие журналисты обычно получают информацию для своих репортажей от агентств новостей без дальнейшего изучения деталей и без попыток получить более глубокую дополнительную информацию. В основном они просто добавляют свои собственные комментарии к материалам агентства новостей без исследования контекста.

В то время как англо-американские журналисты часто основывают свои репортажи на интервью с экспертами, свидетелями и информаторами, немецкие предпочитают положиться на пресс-релизы или сообщения официальных агентств новостей и отводят гораздо меньше времени на проведение персональных интервью.

Сравнительные опросы среди журналистов показали, что есть четкое различие в способах и подходах к профессиональной деятельности: немцы отказываются от жестких расследовательских методов, в то время как британские журналисты готовы проводить серьезные расследования, нередко затрагивая область частной и даже интимной жизни отдельных личностей (Esser 1999). Наиболее заметным исключением для Германии

является журнал новостей *Der Spiegel*, который следует англо-американской модели журналистских расследований.

Существует ряд причин такой пассивности к проведению журналистских расследований. Одна из них — недавно возникшая тенденция в поведении политиков резко реагировать, если они чувствуют себя задетыми¹²⁰17. Провокационные разоблачения могут повлечь за собой негативные последствия для журналистов. Другие причины обусловлены достижениями в сфере актуальных методов СМИ. Лидеры, которые фокусируют внимание на ценах, видят приоритет в эффективности, а не в детальных расследованиях. Кроме того, законодательный аспект — это тоже немаловажный фактор: американские журналисты могут рассчитывать на Первую поправку, которая предоставляет им конституционную поддержку. Они могут оспорить запрет на доступ к информации, ссылаясь на Акт о свободе информации, и в конечном счете им не придется волноваться о личных правах, в отличие от немецких коллег (Esser 1999).

Структура редакторской работы также играет свою роль: немецкие журналисты вовлечены в получение и производство информации. Они воспринимают себя как универсальных журналистов, а их англо-американские коллеги стремятся разделить свою работу, фиксируя внимание на расследованиях и на получении доступа к информации или на самом процессе информирования и создании статей. Расследовательские группы, которые широко распространены в США и Великобритании, в Германии просто не существуют. К тому же есть ещё несколько различий в процедурах редактирования. Немецкие журналисты получают окончательное согласие интервьюируемого после окончания интервью. После того как статья написана, она проходит через контрольное редактирование главным редактором или его коллегами. Это дополнительное утверждение, или постредактирование, не получило широкого распространения в Великобритании (Esser 1999).

Таким образом, роль «сторожевого пса» не характерна для журналистов Германии или, по крайней мере, не осознается ими в такой степени, как в Великобритании и США. Это хорошо объясняет, почему немецкие журналисты не воспринимают себя в качестве «четвертой ветви власти» в своем государстве, как их американские и английские коллеги. Хотя в немецких редакциях появляется тенденция к поддержке расследовательской журналистики, усилению необходимой инфраструктуры и созданию журналистских объединений и обучающих программ (Esser 1999).

Следует отметить, что по экономическим причинам в Великобритании и США заметна тенденция к снижению уровня и сокращению журналистских расследований. Цена тщательного расследования относительно высока, поэтому расследовательские группы постепенно прекращают работать. Урезание бюджета, дополнительные редакторские поручения и растущая «таблоидность» прессы ведут к упадку англо-американской расследовательской журналистики (Esser 1999).

Журналисты, пишущие о разведывательных службах в Германии

Очень нелегко найти журналиста, пишущего на темы безопасности и деятельности разведывательных служб. Не существует обновляющегося списка журналистов и списка тем, на которых они специализируются¹²¹18. Последним исследованием работы журналистов, пишущих о разведывательных службах, стали опросы, проведенные в 1980-х годах с участием небольшого количества опрошиваемых (Winkelmann 1993). С тех пор как

17 См. подраздел о деле Spiegel (в разделе о законодательных перспективах).

18 Немецкая ассоциация журналистов (DJV) предлагает базу данных, на которую журналисты могут подписаться и предоставлять информацию по своей специализации. Но в 2004 году только 4 журналиста были записаны в категории «специализирующиеся на политике разведывательных служб» и только один — в категории «специализирующиеся на разведывательных службах». См.: <http://www.djv.de/datenbanken/index_freie.shtml>.

сама природа данной темы предполагает недостаток информации и соответствующие исследования приняли общий характер, результаты преподносятся сжато, без претензий на репрезентативность.

Когда Винкельман проводила свои исследования в 1985 году, она старалась найти членов различных целевых групп, несмотря на то что не было никаких новых зафиксированных имен журналистов, работающих над специфическими темами. Статьи в газетах о разведывательных службах были часто подписаны «из нашего офиса в Бонне»¹²²19, но не называли никаких сведений об авторах. Винкельман решила обратиться к журналистам, аккредитованным *Bundes-Pressekonferenz* (Федеральная пресс-конференция — это институт, организующий пресс-конференции для немецких журналистов, чтобы информировать их о федеральной политике), рассчитывая на то, что среди них найдутся несколько журналистов, пишущих о службах разведки (Winkelmann 1993, pp. 316—324). Опросный лист¹²³20 заполнили около 20 журналистов, и результаты всего лишь показали тенденции, а не представили ясную картину целевых групп.

Все респонденты были высококвалифицированными журналистами с профессиональным стажем в среднем около 20 лет. Это говорит о том, что с тематикой, касающейся деятельности военных служб, в основном работают те журналисты, которые имеют много контактов (включая контакты с политическими информаторами) и обладают доступом к множеству разнообразных источников (Winkelmann 1993, p. 338).

На вопрос о том, почему они решили писать о разведывательных службах, респонденты ответили, ссылаясь на высокий уровень публичного интереса к этой теме, обнаруживающей много захватывающей информации. При написании своих репортажей журналисты особенно заинтересованы в информации, касающейся внутренней организации и структуры служб, эффективности их работы, нелегальной практики и злоупотреблений полномочиями (Winkelmann 1993, pp. 341, 347).

Эти расследования основывались на их собственных и независимых наблюдениях, на советах коллег, имеющих «контакты», сведениях, полученных от личных информаторов, а также от информационных агентств и на пресс-конференциях. Рассказывая об информационных источниках, журналисты упоминали о контактах с правительственными чиновниками и экспертами, бывшими служащими разведки, о личных взаимоотношениях с экспертами разведывательных служб и о слухах. Когда им задали вопрос о законности взаимодействия с разведывательными службами, большинство журналистов выступили против такого взаимодействия на оплачиваемой основе, но, в принципе, были не против неформального обмена информацией. С одной стороны, они утверждали, что обмен информацией на основе «дать-взять» можно признать, с другой стороны, ясно представляли опасность быть слишком вовлеченными и слишком зависимыми от разведывательных служб (Winkelmann 1993, p. 342, 345).

Восприятие журналиста и его мнение (не только в свете определенной темы, но и вообще в связи с особенной ролью журналиста в обществе) — два очень относительных фактора. Как показало исследование, журналисты, добиваясь прозрачности освещения политических событий, следуют высшим приоритетам, включающим освобождение информации от зависимости, давления и неправильного управления. В то же время они согласны, что раскрытие информации нужно прекращать, как только это начинает угрожать населению (например захват заложников), демократии (например террористические атаки) или безопасности государства (Winkelmann 1993, pp. 339—340).

В анкете был также предложен вопрос о том, на каких основаниях принимается решение об опубликовании статей, затрагивающих сферу секретности. Почти все ответили,

¹⁹ Когда проводились исследования, Бонн ещё был столицей Германии, где находились немецкое правительство и парламент. Каждая газета и журнал имели свои офисы в Бонне, откуда журналисты освещали политические события.

²⁰ Были опрошены только журналисты, специализирующиеся на деятельности разведывательных служб или, как минимум, писавшие на подобные темы.

что решения зависят от конкретной ситуации и нет общепринятого правила. Только те, кто недооценивает важность деятельности разведывательных служб, публикуют все соответствующие теме материалы без опасения каких-либо потенциальных последствий для деятельности служб.

Почти все журналисты согласились с тем, что СМИ должны осуществлять контроль над разведывательными службами, но только половина опрошенных уверена в том, что средства массовой информации в состоянии с этим справиться. Те же, кто выразил по этому поводу сомнение, всё-таки признают необходимость надзора в политической сфере, а значит, совершенствования механизма парламентского контроля, от чего журналисты также получают выгоду. Они смогут получать больше информации от ответственных контролирующих комитетов внутри парламента. Журналисты также отметили важность взаимодействия с официальными лицами разведывательных служб в целях получения необходимой информации. В то же время референты хорошо осознавали значимость критического переосмысления информации, которая была получена из источников разведывательных служб. Они также говорили о потребности, чтобы больше информации о деятельности разведывательных служб предоставляли агентства новостей. В итоге журналисты сошлись на мнении о необходимости улучшить качество своих исследований, т. е. на том, что журналисты должны прилагать больше усилий и проявлять больше мужества, когда речь идет об освещении разведывательной деятельности (Winkelmann 1993, pp. 340—342).

Разногласия и препятствия в процессе создания статей о разведывательных службах

Существует ряд факторов, которые нужно учитывать при оценке той роли, которую выполняют СМИ в контроле над службами безопасности и разведки в Германии: политическая основа, экономические ограничения, профессиональный и практический аспекты, законодательный и этический факторы.

Политический базис и экономические ограничения

Современная политика Германии основана на принципе представительной демократии, которая делегируется и контролируется гражданами. *Öffentlichkeitsgebot*, т. е. обязанность проводить прозрачную политику и выносить её на суд общественности, базируется на демократических принципах и распространяет общественный контроль на государственные органы. СМИ — важный исполнительный элемент общественного долга. Прессу можно рассматривать не только как посредника между обществом и избранными парламентскими и государственными представителями, но и как инструмент, который помогает определять общественное мнение и развивать политическую коммуникацию. Среди важных социальных функций СМИ — информировать, критиковать и контролировать. Для того чтобы выполнить свои задачи, журналисты получают определенные привилегии, в частности право быть проинформированными и обязанность властей предоставить информацию¹²⁴21.

Тем не менее журналистские привилегии и ответственность перед обществом не могут предотвратить влияние экономического фактора. Тщательные расследования требуют больших затрат и чаще сворачиваются редакторами или издателями по экономическим причинам. Прежде всего, тщательные расследования требуют временных затрат. Журналист, занятый работой над статьей, которая требует значительных вложений времени и сил, не может выполнять другие задания.

Статьи на тему разведывательной деятельности трудоёмкие и дорогостоящие. Информация может быть невероятно дорогой, если она предоставляется секретным

21 См. закон о государственной прессе Бранденбурга: <<http://www.junge-medien.de/d/lv/jmbr/lpgesetz.htm>>.

источником и оплата необходима для доступа. Из-за потенциальных последствий таких статей значительное количество дополнительных усилий следует приложить для проверки и подтверждения достоверности материала. Чаще всего крупные и успешные издательства начинают серьезно заниматься такими темами, как только они могут позволить себе консультации экспертов и юристов. Если публикация статьи приводит к судебному разбирательству, журналистам необходимо найти свидетелей и экспертов. Однако последние часто относятся к сфере безопасности, поэтому они редко получают разрешение на дачу показаний (Bissinger 1987, p. 59).

Экономический фактор также определяет готовность журналистов сотрудничать в «информационном бизнесе» с разведывательными службами. Службы предлагают интересную информацию, и журналист соглашается использовать ее в своей статье. Однако он расплачивается или информацией, которая может пригодиться службам, или тем, что соглашается делать благоприятные для служб публикации. Такие экономические факторы, как увеличение тиражей и возможность влиять на расходы и доходы издательства, доминируют над этическими ограничениями (Winkelmann 1993, p. 203).

Профессиональный распорядок и институциональное влияние

Освещение СМИ деятельности разведывательных служб определяется разноаспектными факторами профессиональной специфики и сложившейся практики: профессиональным распорядком, институциональным влиянием, отбором и обработкой информации, информационными источниками и информаторами, а также влиянием собственно информационной политики разведывательных служб. Одна из профессиональных задач журналиста — это отбор информации. Чтобы сократить количество информации, предлагаемой аудитории, журналисты отбирают подходящую, интересную, содержательную информацию. Экстраординарность — одно из самых важных качеств новости, ассоциирующейся с чем-то секретным. Разведывательные службы выполняют экстраординарную и секретную работу, что возбуждает любопытство и вызывает повышенное внимание. СМИ используют этот потенциал как прибыльный коммуникативный стимул. По словам Джона Дилейна, главного редактора *The Times* в 1852 году: «Пресса живет за счет разоблачений» (Larsen 1970, p. 8). Разоблачение тайн — жизненно важный для успешных продаж аспект, и издательский рынок и расследовательская журналистика представляют собой стратегию продажи секретов. Ни одна другая тема не содержит столько тайн, сколько может предложить деятельность разведывательных служб, она является практически неисчерпаемым источником для журналистской активности (Winkelmann 1993, p. 83).

Как бы то ни было, типичный рабочий день журналиста определяется временными рамками и потребностью произвести продукт. Обыкновенные служебные инструкции, так же как и зависимость от системы СМИ, накладывают ограничения на её возможности руководить тщательным расследованием. Журналист не только должен постоянно взвешивать все за и против (учитывая затраты времени и денег) такого расследования, но и осознавать свое служебное положение и возможности. Коллега может предоставить 4 статьи или даже предложения достойной информации, пока он или она проводят свои расследования для одной статьи (Stark 1980, p. 76). Такие обстоятельства даже более вероятны для немецкой системы, где разоблачения не являются обязательными составляющими журналистики, в отличие, например, от США.

И всё же разведывательные службы — это та тема, которая просто требует расследования. Официальная информация, исходящая от пресс-служб разведывательных структур, является неполной и часто подвергается цензуре. Тщательные расследования нужны для обеспечения хотя бы минимальной прозрачности происходящего. Вернемся к рассмотренным ранее условиям для журналистских расследований в Германии. Как уже было сказано, расследовательская журналистика нуждается в определенной инфраструктуре в рамках медиа-системы, включая профессиональный юридический отдел

в издательстве журналиста. Недостаток таких поддерживающих структур в Германии вызывает существенные препятствия для проведения тщательных расследований редакциями. Более того, расследовательская журналистика сильно зависит от информаторов. Многие громкие скандалы и интриги, включая Уотергейт, стали известны СМИ из-за утечки информации (Winkelmann 1993, pp. 250—251). Это означает, что властям и официальным лицам следует практиковать спланированные утечки информации для того, чтобы способствовать разоблачениям и дать расследовательской журналистике шанс на успех.

Обработка информации — ещё один релевантный фактор. Журналисты часто получают и обрабатывают информацию, так, как будто складывают мозаику или головоломку. Один чиновник предоставляет одну часть информации, другой добавляет следующую. Целостная картина, таким образом, выстраивается по кусочкам (*Der Spiegel* 1962b, pp. 56—63). Однако даже эти кусочки нелегко добывать. Получение доступа к информации, касающейся деятельности разведывательных служб, остается главной проблемой.

Доступ к информации и зависимость от официальных источников

Право журналиста на получение информации и обязанность властей информировать — основы журналистской работы. Государственные законы о прессе (*Landespressegesetze*) определяют «общественное поручение» прессы, которое включает в себя: сбор и распространение информации, выражение мнений и критики для того, чтобы помочь формированию общественного мнения. *Landespressegesetze* также обязывает власти помогать прессе в выполнении «общественного поручения»²².

Тем не менее во время подготовки статей о разведывательных службах журналисты постоянно сталкиваются с регуляторами, которые установлены для защиты деятельности служб. Немецкие разведывательные службы — Федеральная служба разведки и контрразведки, Федеральное ведомство по охране Конституции, Военная служба обороны, Федеральное управление уголовной полиции и другие властные структуры — освобождены от обязанности предоставлять информацию. Нет ни права на получение доступа к информации, которое касалось бы деятельности этих секретных институтов, ни какого-либо другого подходящего юридического понятия в противовес информационной блокаде. Прозрачность и контроль возможны только в той степени, в которой позволяют власти. Права на основную информацию, которые гарантированы федеральным законодательством о прессе, не применяются для расследований, касающихся разведывательных служб (Winkelmann 1993, p. 353).

В результате журналисты оказываются в слабой позиции, как только дело касается доступа к информации, относящейся к сфере безопасности. Их интересы диаметрально противоположны интересам разведывательных служб, которые постоянно стараются противостоять бесконтрольному накоплению, анализу, оценке и распространению информации журналистами.

Кроме того, журналистам приходится бороться против ещё одного структурного препятствия — их зависимости от источников, а значит, и от информаторов. «Журналисты редко, если вообще когда-либо, могут сами установить правду, тем самым они почти полностью зависят от «источников», заинтересованных в создании версии события для статьи» (Epstein 1975, p. 3).

«Влиятельные круги»: те, кто замалчивает информацию

Журналисты при написании статей о разведывательных службах часто зависят от неформальных контактов. Немецкая пресса напрямую зависима от лиц, вовлеченных в

22 См. закон о государственной прессе Бранденбурга: <<http://www.junge-medien.de/d/lv/jmbr/lpgesetz.htm>>.

политику и имеющих доступ к конфиденциальной информации. Можно наблюдать около тридцати влиятельных кругов, представляющих разные уровни политической иерархии. Неофициальные контакты предполагают непринужденное общение за чашкой кофе с премьер-министром, неофициальные встречи с министрами, государственными секретарями, партийными лидерами или главами парламентских групп. Эти круги вовлечены в информационную политику и оказывают на неё влияние.

Нет правил, определяющих, кто имеет доступ к неофициальным контактам прессы с политиками и журналистами. Журналист не может использовать все, что он услышал во время таких встреч. Тот, кто предоставил информацию, остается под защитой своего круга, а тот, кто её получил, лучше проинформирован и делает то, что совершенно несвойственно для журналистской профессии: замалчивает информацию. Количество разглашаемой информации определяется информатором. Поэтому, с одной стороны, журналист проинформирован, с другой — становится инструментом в руках политиков и официальных лиц. Зависимость от официальных источников влияет на готовность журналистов участвовать в такой игре (Winkelmann 1993, pp. 325—327). И это касается не только политиков как информационных источников, но и сотрудников разведывательных служб как информаторов.

Взаимодействие и сотрудничество журналистов с разведывательными службами

Зависимость от разведывательных служб как от информационного источника влияет на готовность журналиста принимать участие в информационном бизнесе и близком сотрудничестве со службами. Более того, потребности разведывательных служб определяют их заинтересованность в близких контактах с журналистами.

Работа журналистов протекает так же, как и работа сотрудников разведывательных служб. Они собирают, отбирают, обрабатывают и анализируют информацию. Однако у журналистов есть огромная привилегия. Теперь им намного легче получить доступ к информации, так как они могут сослаться не только на профессиональный интерес, но и на общественное поручение. Способы, с помощью которых они получают доступ к темам, персоналиям, объектам и документам, не будут рассматриваться в этой статье. Заметим только, что используются многообразные и многочисленные средства, включая неофициальные. За это журналисты высоко ценятся разведывательными службами, чем объясняется их частое сотрудничество, происходящее в следующем ключе: «Вам нужна информация, нам тоже. Мы получаем информацию от вас, а вы — от нас на условиях, что мы скажем вам, какую информацию можно использовать и каким способом». Журналист может сказать «нет», но есть одна существенная проблема: он/она зависит от информации и информационного источника. Следовательно, риск быть вовлеченным в «информационный бизнес» крайне высок (Winkelmann 1993, pp. 269—270, 308).

История такого взаимодействия началась в период холодной войны. Хайнс Фельфе, бывший глава Федеральной службы разведки и контрразведки (BND), утверждает, что почти все наиболее влиятельные немецкие журналы и газеты в какой-то мере сотрудничали или, как минимум, имели взаимоотношения с BND. По его мнению, немецкие журналисты были главным информационным источником (1986, pp. 269—270). Авторитетное издание, затрагивающее тему отношений СМИ и разведывательных служб в Германии, подтверждает такое утверждение (Schmidt-Eenboom 1999). В книге рассказывается об отдельных случаях сотрудничества и взаимодействия между журналистами и BND. Любое взаимодействие такого рода может быть рискованным для журналистов, так как любые указания на сотрудничество могут использоваться против них¹²⁶23.

23 Впервые опубликовано в 1970-х годах. В связи с делом о шпионаже «Guillaume» необходимо заметить, что данный документ содержал имена немецких журналистов,

Ситуация обостряется, если журналисты сотрудничают с иностранными разведывательными службами. Один из вариантов сценария такого взаимодействия может привести как минимум к испорченной журналистской репутации. Пример — недавний случай с журналистом Гюнтером Уолраффом.

Риск в информационном бизнесе: случай Гюнтера Уолраффа

Специализирующийся на разоблачениях социальной несправедливости и скандалах в Германии, Гюнтер Уолрафф стал героем немецких левых. Он заслужил достойную репутацию своими репортажами о положении иностранных рабочих в Германии, о деятельности немецкой газеты *Bildzeitung*, а также расследованиями нацистского прошлого Германии (NZZ, 5 September 2003)¹²⁷²⁴. Обвинения в сотрудничестве с восточногерманской разведывательной службой *Staatssicherheit (Stasi)*, которые только недавно были доказаны, можно рассматривать как реванш правых за разоблачения, сделанные журналистом. Когда летом 2003 года ЦРУ передало базу данных *Stasi Rosenholz* (где были зафиксированы имена информаторов *Stasi*) в руки BND, ситуация резко изменилась. В конце августа 2003 года Комиссия Гаука, которая была ответственна за изучение документов бывшей восточногерманской разведки, объявила, что Гюнтер Уолрафф был зарегистрирован как неформальный сотрудник *Staatssicherheit* и предоставлял информацию разведывательным службам. Власти установили, что Уолрафф принимал активное участие в «информационном бизнесе» в период с 1968 по 1971 год. Согласно нескольким источникам, журналист установил контакты со *Stasi*, согласился на сотрудничество и предоставлял им информацию о химической промышленности, химическом и биологическом оружии, тренировочных мероприятиях Западногерманских вооруженных сил (*Bundeswehr*) и о некоторых военных событиях (NZZ, 5 September 2003; FAZ, 5 September 2003, p. 1)¹²⁸²⁵. Уолрафф активно отрицает эти обвинения (NZZ, 9 September 2003, p. 3).

Деловые бумаги и документы журналиста свидетельствуют не только о том, что сотрудничество действительно имело место, но и о том, что амбиции журналиста были использованы *Stasi* для преднамеренной дезинформации во время пропагандистских кампаний против ФРГ. В 1969 году восточногерманская разведывательная служба предоставила фальсифицированные материалы журналисту, который, как предполагалось, должен был доказать, что несколько исследовательских институтов и химических компаний Западной Германии разрабатывают химическое и биологическое оружие по поручению министра обороны. Уолрафф использовал материалы в нескольких публикациях и тем самым вызвал волну общественного негодования. В восточногерманских досье Уолрафф именовался «полезным информационным инструментом», который содействовал интересам правительства Восточной Германии в торможении политики «сближения» между правительством Западной Германии и СССР (NZZ, 9 September 2003, p. 3; Stadt 2003, p. 3).

Вышеописанный случай — яркая иллюстрация риска, с которым может столкнуться журналист при расследовании дел, касающихся разведывательных служб. Передаваемая

которые сотрудничали с Федеральной разведывательной службой BND. Утверждалось, что BND использовала журналистов, чтобы повлиять на общественное мнение и получить необходимую информацию. Некоторые из журналистов получали оплату до 15 000 немецких марок в месяц. Многие из них заявляли о своей невинности и охарактеризовали опубликование списка как «грязную кампанию» (Winkelmann 1993, p. 261).

24 Статью можно найти на сайте: <<http://www.nzz.ch/2003/09/05/em/page-article92QHE.html>>.

25 Эта статья доступна на сайтах: <<http://www.nzz.ch/2003/09/05/em/page-article92QHE.html>>; <<http://www.faz.net/s/Rub594835B672714A1DB1A121534F010EE1/Doc~ED0A033FFE6734994ACA315270BFA38BF~ATpl~Ecommon~Sspezial.html>>.

информация может быть использована против адресата, и чем более глубокие сферы будет затрагивать журналистское расследование, тем выше риск перейти границу дозволенного и подвергнуть опасности свою карьеру. Последствия непредсказуемы, особенно если в деле активно задействованы СМИ, что сыграло свою роль в деле Уолраффа. Власти передали информацию о сотрудничестве журналиста с разведывательной службой сначала в масс-медиа и только потом самому Уолраффу (*Spiegel Online*, 6 September 2003). Заявление журналиста о том, что разведка использовала его без его ведома и что он «не танцевал и не флиртовал с дьяволом» (Heims 2003, p. 6; Sümening 2003), не помогло ему защитить свою репутацию, и, как отозвались по поводу ситуации другие журналисты, Уолрафф силен «поколотить гору ваты» (Diez 2003, p. 33). Тем не менее нельзя не признать, что Уолрафф — наиболее известное имя расследовательской журналистики Германии, возможно, первый среди многих. Обнародование базы данных Rosenholz в июле 2003 года могло привести к целой серии разоблачений сотрудничества журналистов ФРГ с восточногерманской разведкой, если учесть, что между 1950 и 1989 годами по меньшей мере 12 000 западногерманских журналистов сотрудничали со *Stasi* (Speck 2003).

Информационные стратегии разведывательных служб: между секретностью, прозрачностью и манипулированием

Немецкие разведывательные службы делают первые шаги к большей прозрачности действий после многолетнего пребывания в полной изоляции от общественности. BND и BfV учредили пресс-офисы и определили официальных лиц по связям с общественностью, которые занялись отношениями со СМИ. Они публикуют пресс-релизы, проводят брифинги и собрания журналистов. Таким образом они надеются улучшить отношения со СМИ (Shpiro 2002, pp. 307—308). Тенденцию к большей прозрачности можно обнаружить также в информационной подборке на тему деятельности разведывательных служб в Интернете¹²⁹²⁶, постоянно обновляющиеся сайты содержат множество информационных текстов аналогичной тематики¹³⁰²⁷.

Цель недавно созданного Форума разведывательных служб в Берлине — обеспечить большую прозрачность их деятельности. Бывшими членами немецкой *Bundesnachrichtendienst* был создан Форум для того, чтобы подпитывать информацией и инициировать обсуждения актуальных задач и целей немецких секретных служб. Кроме того, его работа направлена на восполнение текущего дефицита информации, так как немецкие службы на протяжении многих лет не открывали свои архивы, препятствуя историческим исследованиям и широкому обсуждению проблем и вызовов, с которыми сталкивается разведка (NZZ, 1—2 November 2003, p. 5).

Однако в последнее время разведывательные службы активно вовлечены в информационную политику и информационное манипулирование. *Bundesnachrichtendienst* (BND) «сформировала разветвленную сеть контактов со СМИ с целью своевременного получения предостережений и быстрого реагирования на враждебные настроения в обществе, пусть и не на официальном уровне» (Shpiro 2002, p. 307). Один из способов направить деятельность СМИ в нужное русло — это приглашать журналистов и редакторов

26 См. например: <<http://www.verfassungsschutz.de>>; <<http://www.bundesnachrichtendienst.de>>; <<http://www.militaerischerabschirmdienst.de>>

27 См.: <<http://www.Geheimdienste.org>>, который предоставляет информацию об истории, структуре, целях и т. д. различных служб. Сайт представлен как журналистский проект и стремится всесторонне отражать работу служб. Информация основывается на официальных материалах, включая пресс-релизы самих служб и независимые информационные источники. Сайт также предлагает различные ссылки, включая ссылки на местные отделения Федерального ведомства по защите Конституции в немецких землях.

на так называемые «беседы» с высокопоставленными чиновниками BND, включая начальствующий состав службы. Начало такой традиции положил первый директор BND Рейнард Гелен, позже она стала практиковаться его последователями. Цели таких бесед — помочь в создании или инициировать статьи определенной тематики, предотвратив появление публикаций на закрытые темы. В то же время эти собрания предполагают помощь разведывательным службам в получении информации о штатных сотрудниках издательств, редакций и телевизионных каналов (Bissinger 1987, p. 67).

Так как журналистам приходится полагаться на ту информацию, которую они получают, они стали отличным инструментом в инициировании статей и репортажей, которые отвечают интересам разведывательных служб. В конечном итоге активное стремление к управлению общественным мнением может привести к искажению и манипуляции информацией. Это предполагает уход в сторону от реальной практики и фокусирование на позитивной и нейтральной информации. Различные стратегии подготовки такого типа публикаций довольно успешно используются (Winkelmann 1993, p. 19, 272). Эрих Шмидт-Эенбум подробно описал случаи информационной манипуляции BND и использования немецких СМИ разведывательными службами в своих целях (Schmidt-Eenboom 1999, pp. 275—299).

Особые препятствия и угрозы при освещении деятельности разведывательных служб

Расследования, публикации и коммуникация на тему деятельности разведывательных служб могут стать рискованными для журналистов. Биссингер и другие описывают различные угрозы, которые немецкие журналисты получали при освещении работы разведывательных структур, включая запугивание, шантаж и даже финансовое разорение вследствие серьезных расследований. Авторы ссылаются на случаи, когда сотрудники разведывательных служб пытались оказать давление на немецкие газеты, отдельных журналистов и редакторов. В случае с журналом новостей *Der Stern*, который расследовал практику BND мониторинга почты между Западной и Восточной Германией, а также с журналом, публиковавшим компрометирующие BND материалы, давление на редакторов оказалось столь сильным, что даже половины полученного материала не вышло в печать (Bissinger 1987, pp. 68—69).

В некоторых случаях разведывательные службы устанавливали наблюдение за журналистами. Такие примеры показывают, что при прослушивании телефонных разговоров и наблюдении за контактами журналистов игнорируются право на защиту журналистских информаторов и право прессы на отказ от дачи свидетельских показаний (Spoo 1987, p. 95). Более того, известны случаи, когда информация о журналистах, собранная разведкой или при помощи коллег из того же издательства, использовалась для оказания давления на журналистов, чтобы повлиять на ход освещения событий или вообще не допустить их разглашения (Bissinger 1987, p. 70)¹³¹²⁸. В отдельных случаях, когда секретные материалы, принадлежавшие службам, были опубликованы, журналисты стали жертвами домашних обысков, прослушивания телефонных разговоров и досудебного задержания, включая одиночное заключение (Spoo 1987, p. 76).

Некоторые журналисты заявили об отсутствии солидарности среди коллег. Большинство журналистов и работников СМИ полагают, что следует оставить разведывательные службы в покое и не удивляться, оказавшись в беде при освещении такой темы (Bissinger 1987, p. 61; Jürgens 1987, p. 15).

Законодательные перспективы

28 Ряд случаев был также описан Шмидтом-Эенбумом (1999).

В основе немецкой журналистики лежит принцип свободы прессы, который закреплен в ст. 5 немецкого Основного закона¹³²29 и в журналистском законодательстве Германии. В нескольких официальных заявлениях Федеральный конституционный суд подтвердил политическую важность свободы мнения и свободы слова (см., например, *The Spiegel judgement of 1966* (Schmitt-Beck 2003, p.26)).

Более того, немецкое законодательство предоставляет журналистам ряд законодательных прав и привилегий, которые, как предполагается, окажут им соответствующую поддержку при выполнении общественного поручения. Эти права определяются государственными законами для прессы (*Landespressegesetze*), которые также содержат такие обязанности, как сбор и распространение информации, выражение мнений, критика и содействие в формировании общественного мнения. Среди особых привилегий — право журналиста на получение информации¹³³30, право прессы на публикацию информации, обязанность властей предоставлять информацию, право журналиста отказаться от дачи свидетельских показаний и право на редакторскую тайну. Эти права включают защиту информационных источников и информаторов, иммунитет против прослушивания телефонных разговоров и обыска редакционных офисов. Среди обязанностей прессы — обязанность соблюдать осторожность, публиковать ответные отзывы и печатать имена тех, кто выполняет основную редакторскую работу, в том числе главного редактора (Schmitt-Beck 2003, p. 30)¹³⁴31.

Выстраивая свои рассуждения на вышеперечисленных правах и привилегиях, Шломо Шпиро заключил, что немецкие журналисты «могут работать более эффективно при расследовании деятельности разведывательных служб и других острых тем, которые в других странах подвержены цензуре или утаиваются от общественности другими способами», и что «свобода расследований такого рода и опубликование их результатов без препятствий со стороны властей делает СМИ эффективным инструментом обнаружения правонарушений и их оглашения» (Shpiro 2002, p. 306). По сравнению с британскими коллегами немецкие журналисты заметно выигрывают в своих возможностях. У британских журналистов нет аналогичного права получать информацию от властей, поэтому ситуация для их работы не так благоприятна (Esser 1999). Однако позиция немецких журналистов гораздо слабее, чем позиция американских. Первая поправка предоставляет американским журналистам более широкие и существенные права в получении информации.

Тем не менее, когда дело касается разведывательных служб и безопасности, ситуация выглядит не так радужно. Критики утверждают, что в отношении разведывательных служб права и привилегии журналистов существуют больше в теории, чем на практике, и выражают требования ускорить принятие соответствующих законов, поддерживающих право журналистов на получение информации.

Другим препятствием является то, что законодательные рамки деятельности СМИ довольно неопределенны в отношении разведывательных служб и служб безопасности. Долгое время законодательство о защите государства и положения о государственной измене являлись главной профессиональной сложностью для журналистов, связанной с риском раскрыть тайную информацию.

Риск раскрытия тайной информации: «мозаичная теория» и «теория подтверждения»

Основной проблемой при формировании немецких положений о защите государства был недостаток необходимых определений. Определение государственной безопасности

29 Дословно см.: <<http://www.artikel5.de/>>; см. Основной закон Германии на сайте:<<http://www.bundestag.de/gesetze/gg/>>.

30 См., например: <<http://www.junge-medien.de/d/lv/jmbr/lpgesetz.htm>>.

31 См также: <<http://www.junge-medien.de/d/lv/jmbr/lpgesetz.htm>>.

как «фактов, событий и знаний, особенно документов, рисунков, моделей или формул, или сведений о них, секретность которых полезна для Федеративной Республики Германии или одной из её земель в первую очередь в отношениях с иностранными правительствами»¹³⁵32, не является полным.

Риск неосознанного нарушения государственной секретности очень высок. Согласно «мозаичной теории» официально принятая интерпретация безопасности почти разрушительна. Теория гласит, что большую часть уже известных и даже опубликованных фактов можно интерпретировать как грубое нарушение положений о безопасности, что является основанием для возбуждения дел по обвинению в государственной измене, так как если собрать все информационные кусочки и соединить их, можно восстановить информацию, не предполагающую разглашение. Другой способ интерпретации, согласно «теории подтверждения», заключается в том, что действия, которые уже известны иностранным правительствам, но нуждаются в дополнительном подтверждении, должны быть засекречены. Так, простое констатирование фактов в журналистских публикациях может повлечь уголовные обвинения согласно положениям государственной безопасности (Winkelmann 1993, pp. 135, 152—153).

«Мозаичная теория» и «теория подтверждения» выявляют довольно небезопасное правовое положение журналистов. С одной стороны, предполагается, что журналисты выполняют свои обязанности по информированию общественности согласно ст. 5 немецкого Основного закона, с другой стороны, они рискуют быть обвиненными в государственной измене, если добытая ими информация становится достоянием общественности. Степень того, насколько обе теории интерпретации государственной безопасности ограничивают журналистскую деятельность, может продемонстрировать случай журнала *Der Spiegel*, подтвердивший в очередной раз, что журналист должен осознавать профессиональный риск обвинения в государственной измене.

Дело журнала *Der Spiegel* и его последствия

В октябре 1962 года полицейские арестовали главных редакторов журнала новостей *Der Spiegel* в их офисах в Гамбурге и в Бонне¹³⁶33. Такие меры последовали после публикации статьи под названием «Частично готовы к обороне», вышедшей в *Der Spiegel* 10 октября 1962 года. В статье обсуждались действия НАТО, которые имели место осенью 1962 года (FALLEX 62), и защитная концепция ФРГ. Суть статьи состояла в жесткой критике концепции вооружения, представленной министром обороны Францем Джозефом Штраусом, который настаивал на ядерном оснащении немецких вооруженных сил и пренебрегал защитой при помощи других видов оружия (*Der Spiegel* 1962a, pp. 32—53). Автор заключил, что страна была не готова к обороне.

Статья в основном опиралась на информацию, полученную от официальных представителей министерства обороны, которые считали, что нужно остановить Штрауса в его стремлении к ядерному вооружению. Они связались с военным экспертом Конрадом Алерсом, который выступил против того, чтобы вся предоставленная информация была опубликована, и предпочел скрыть наиболее острую информацию. Он также посоветовал обратиться в Федеральную разведывательную службу для проверки информации. Кроме того, Алерс обратился к высокопоставленным чиновникам, включая Генерального инспектора и члена Генерального штаба, чтобы узнать их мнение по данному вопросу. Однако этих мер оказалось недостаточно. После того как статья была опубликована, офис федерального прокурора запросил экспертный отчет из офиса службы безопасности и

32 Staatsgeheimnisse (...) sind Tatsachen, Gegenstände oder Erkenntnisse, insbesondere Schriften, Zeichnungen, Modelle oder Formeln, oder Nachrichten darüber, deren Geheimhaltung vor einer fremden Regierung für das Wohl der Bundesrepublik (...) oder eines ihrer Länder erforderlich ist» (цит. по: Winkelmann 1993, pp. 145—146).

33 Детальное описание дела *Der Spiegel* можно найти у Шопса (1997, pp. 56—81).

Министерства обороны, который подтвердил, что статья раскрывала несколько важных военных тайн (Schöps 1997, pp. 62—63).

Эта газета не была первым печатным органом, который написал о маневрах НАТО. В сентябре немецкие газеты писали о том же, делая такие же выводы, но в государственной измене была обвинена только *Der Spiegel*. Большая часть немецкого общества склоняется к мнению, что обвинения стали следствием личной мести министра обороны газете.

С тех пор как офисы и оборудование *Der Spiegel* были опечатаны, выживание этого издания стало возможным только благодаря активной поддержке общества, которая заключалась в проведении демонстраций и хорошо организованных акций протеста. Возможно, самым главным стало то, что журнал новостей получил поддержку других издательств, которые предоставили свои офисы, телефоны и пишущие машинки в распоряжение штата *Der Spiegel*, чтобы они могли продолжать свою работу (Schöps 1997, pp. 58—59, 67—68).

Данное дело имело свои последствия. Министр обороны и министр юстиции были уволены, а кабинет канцлера Аденауера сформирован заново. Кроме политических последствий имели место законодательные, положения о защите государства были жестко раскритикованы и усовершенствованы.

Только после дела *Der Spiegel* многие журналисты поняли законодательную сложность и небезопасность условий своей работы. Обвинение показало прессе, насколько слабы ее позиции в случае конфликта с властями. Положения о государственной безопасности являются серьезным инструментом в руках властей, который при необходимости можно использовать для сдерживания критики. Официальные лица, сообщившие СМИ информацию, не считали её секретной, в то время как официальные лица, отреагировавшие на негативные последствия ее публикации, заявили о её секретности. Такая гибкая интерпретация не могла бы иметь место в США, где ответственность за раскрытие секретных документов или материалов возлагается скорее на источники и информаторов, чем на журналистов (Winkelmann 1993, p. 174).

Вопрос, выдала ли газета государственные тайны, остался без ответа. Федеральный высший суд закрыл дело за недостатком доказательств. Согласно постановлению суда, ни «теория подтверждения», ни «мозаичная теория» не могут быть применены, в случае компиляции информации иностранными разведывательными службами. Статья, следовательно, не содержала никакой информации, представляющей ценности для них (*Der Spiegel* 1962b, pp. 56—63).

Der Spiegel позже подала конституционную жалобу, чтобы доказать, что обвинение было неправомерным. После долгой волокиты Федеральный Конституционный суд, наконец, вынес следующее решение. По заключению судей, ответственность правительства поддерживать военную секретность в интересах общественной безопасности и ответственность журналистов поддерживать и защищать принцип свободы прессы не взаимоисключающие факторы. Скорее, правительство и пресса выполняют одинаковые задачи по укреплению ФРГ (BVerfGE 20 1966, pp. 162—230)¹³⁷34.

Потребовалось более шести лет, чтобы полностью реабилитировать обвиненных редакторов. В середине 1968 года немецкий Бундестаг согласился на внесение существенных поправок в политическое уголовное право. Оно стало более либеральным по отношению к прессе в двух важных аспектах: во-первых, ограничено и сужено определение «государственная тайна»¹³⁸35, во-вторых, разграничены понятия «государственная измена» и «обнародование государственных секретов» (Hengsberger 1974, paragraph 93).

34 См. также: <<http://www.oefre.unibe.ch/law/dfr/bv020162.html>>.

35 «Государственные тайны — это факты, события или знания, которые доступны только узкому кругу лиц и должны скрываться от иностранных властей во избежание нанесения существенного вреда сфере внешней безопасности Федеративной Республики».

На сегодняшний день защите подлежат только факты сферы внешней безопасности страны, определяемые военными рамками. Дипломатические и другие тайны, которые не касаются внешней безопасности, не попадают под защиту. Не учитывается также применение «мозаичной теории». Комбинирование известных фактов с целью формулирования соответствующих заключений больше не рассматривается как раскрытие государственных секретов.

Таким образом, государственная тайна — тайна, которая не должна быть доступна и которую нельзя делать доступной. Документ, содержащий государственную тайну, должен быть теперь помечен как секретный, например с помощью печати, как практикуется в США. Государство несет ответственность за сохранение тайны, и обвинение в раскрытии государственных секретов может иметь место только в том случае, если государство сделало все, что в его силах, чтобы защитить тайну (Löffler 1969, p. 247). Только в том случае, если журналист проигнорировал строгие предостережения, он может быть обвинен. Однако до сих пор суд решает, можно ли классифицировать публикацию как необходимую для того, чтобы сделать процессы, происходящие в государстве, более прозрачными. (Winkelmann 1993, pp. 187—188).

Согласно новому определению секретности, в компетенции судов все еще входят решения по каждому отдельному случаю. Однако — и в этом разница — общественные требования на получение и публичное обсуждение информации, касающиеся национальной безопасности, стали более весомыми (Schueler 1982, p. 18).

Этические перспективы

Два главных вопроса можно вынести на обсуждение в рамках этического аспекта отношений между СМИ и разведывательными службами. Во-первых, готовность журналистов сотрудничать с разведкой и участвовать в «информационном бизнесе», но также и готовность воздерживаться от такой практики. Во-вторых, журналистскую ответственность при написании статей на темы национальной безопасности и секретности и анализ последствий таких публикаций, а также готовность воздерживаться от такого рода статей.

Касательно первого вопроса, немецкий Совет прессы, *Presserat*³⁶, обратил внимание на то, что любое сотрудничество журналистов с разведывательными службами неприемлемо, особенно если оно оплачивается. Сотрудники прессы, вовлеченные в такое сотрудничество, подрывают доверие к прессе и, пренебрегая профессиональной обязанностью соблюдать конфиденциальность, разрушают конфиденциальную основу журналистики. Хотя нормы платного сотрудничества определены достаточно четко, существующие указания по поводу неформального обмена информацией довольно размыты. Определение касается «активного шпионажа». Являются ли те, кто обменивается информацией, автоматически «задействованными в шпионаже»?³⁷ Оставляет ли эта формулировка «путь к отступлению»? В свете стремления прессы придерживаться принципа доверия ответ будет отрицательным. Примером может послужить то, что информатор старается передать информацию в руки журналиста. Как он или она может чувствовать себя под защитой, если журналист сотрудничает с разведывательными

36 Указания разработаны, дополнены и опубликованы *Presserat*. Данное ведомство является основным механизмом самоконтроля немецкой журналистики. Оно наблюдает за соблюдением права свободы прессы и доступом к новым источникам. Детальную информацию о немецком *Presserat* можно найти на сайте:

<<http://www.presserat.de/index.shtml>>. Кодекс прессы см. на сайте:

<<http://www.presserat.de/site/pressekod/kodex/index.shtml>>.

37 *Nachrichtendienstliche Tätigkeiten von Journalisten und Verlegern sind mit den Pflichten aus dem Berufsgeheimnis und dem Ansehen der Presse nicht vereinbar.* См. немецкий Кодекс прессы. Указание 6.2. доступно на сайте:

<<http://www.presserat.de/site/pressekod/kodex/index.shtml>>.

службами и разглашает не только конфиденциальную информацию, но и имена информаторов? (Winkelmann 1993, p. 305, 310)

В ходе рассуждения о нормах и этике возникает вопрос о том, как их применять и какие санкции при этом использовать. Как можно вычислить журналиста, который сотрудничает с разведывательными службами? Какие это будет иметь для него последствия? Шанс выявить таких журналистов путем мониторинга равен нулю. Эффективные наказания не могут иметь место в рамках немецкой медиа-системы. Можно исключить журналиста из немецких журналистских ассоциаций, но даже это не станет препятствием для его дальнейшей работы (Winkelmann 1993, p. 305).

Влияние профессиональных норм на работу журналиста — только один из многих факторов. Практически потребности и требования оказывают серьезное влияние на решения и деятельность журналистов, и часто они намного жестче, чем этический анализ. Экстраординарность информации, поступающей от разведывательных служб, — важная причина для вовлечения в информационный бизнес. Этические нормы могут стать серьезным противовесом такой системе (Saxer 1988, p. 280). Современная этика СМИ и профессиональные принципы не являются эффективными контрольными механизмами. Они только служат легитимации журналистской работы, но на них не ссылаются при принятии решений о создании статей и публикации информации о разведывательных службах (Winkelmann 1993, p. 311).

В отношении второго аспекта ситуация ещё менее определена, когда она касается журналистской ответственности и национальной безопасности и секретности. Немецкий Кодекс прессы не содержит никаких замечаний по поводу данного аспекта. Однако, хотя пресса всё чаще пытается превратить политику в новостные «скандалы», журналисты стремятся прогнозировать последствия своих публикаций и готовы нести ответственность за свою деятельность. Тем не менее, журналисты, как и медиа-аналитики, утверждают, что в реальности эти стремления потеряли всякий смысл с того момента, как стали пренебрегать основными профессиональными принципами. Журналист никогда не соберет полную информацию по тому или иному вопросу и никогда не сможет предсказать всех последствий своей публикации. Поэтому он в некоторой степени действует методом проб и ошибок, который можно описать меткими немецкими выражениями «бросать камни в воду и ждать, какие появятся круги» или «никто не знает, кто в конце концов утонет в водовороте». Это аргумент в пользу того, что, хотя этический анализ не может препятствовать «скандальным» событиям или расследованиям, он может проявить себя в сглаживании острых углов, фокусируя расследования в большей степени на структуре и социальной значимости аспекта, чем на отдельных незначительных событиях в рамках исследуемого аспекта (Winkelmann 1993, pp. 256—257).

Требования анализировать последствия публикаций были ужесточены в интересах национальной безопасности, особенно после событий 11 сентября и в рамках войны с терроризмом. В то время, когда страх, негодование и возрастающая национальная лояльность влияли на все виды общественной активности, требование информировать общество об определенных событиях и не обнародовать материалы, которые могут повредить национальной безопасности, породило неофициальную и внутреннюю цензуру в редакциях и издательствах.

Установки СМИ на саморегулирование и самоцензуру в освещении терроризма в настоящее время в большей степени присущи США. Определить, насколько эффективно они функционируют, не представляется возможным. При обсуждении этого вопроса были высказаны противоречивые мнения.

Явление саморегулирования и самоцензуры не характерно для Германии. Петербургская резолюция, принятая Немецким союзом журналистов (DJV) после 11 сентября, постановила, что немецкие журналисты не желают принимать ни цензуру, ни внутреннюю цензуру, пусть даже на время национального кризиса. Более того, документ обращает внимание на то, что немецкие СМИ не хотят быть использованы чиновниками

сферы национальной безопасности. Когда национальная безопасность поставлена на карту, свобода мнения и информации — важнейшие элементы, которые могут помочь найти решение проблем. Так, Петербургский конгресс обозначил важность открытого диалога между СМИ и структурами национальной безопасности, который может быть осуществлен только на основе объективности и профессионализма СМИ¹⁴¹³⁸.

Немецкие СМИ и разведывательные службы после 11 сентября

После событий 11 сентября усилилось напряжение между службами национальной безопасности и гражданскими свободами. Во многих странах, включая Германию, правительства отреагировали путем обнародования антитеррористического законодательства и принятия мер, некоторые из которых ограничивали основные демократические права и свободы. Попытки государства бороться против терроризма привели к балансированию между безопасностью и свободой, что повлияло на различные социальные структуры, включая разведывательные службы, с одной стороны, и СМИ — с другой.

В качестве реакции на террористические атаки немецкое правительство приняло ряд срочных мер, включая, например, возврат к компьютерному поиску по различным категориям лиц, объявленных в розыск, увеличение штата и финансирования государственных служб безопасности¹⁴²³⁹, особенно полиции и разведывательных структур. Были приняты также два «положения о секретности», которые, особенно второе, вызвали ожесточенные споры в немецких СМИ и среди общественности.

Первое положение о безопасности включает ограничения законодательства об ассоциациях, направленные, в основном, против экстремистских религиозных организаций, изменения в уголовно-процессуальном кодексе и установление свободы на получение информации от телекоммуникационных провайдеров¹⁴³⁴⁰. В то время как это положение получило поддержку немецкого Бундестага, второе положение встретило обратную реакцию. Оно включает в себя значительные поправки к законодательству о сфере безопасности, а особенно сфере разведывательных служб: модификация законодательства о федеральной защите Конституции, о военной контрразведке (MAD), о Федеральной службе разведки и контрразведки (BND) и далее — поправки к законодательству о Федеральной пограничной охране (*Bundesgrenzschutz*), и о Федеральном управлении уголовной полиции, (*Bundeskriminalamt* — это центральная организация по расследованию военных и следственных преступлений). Кроме того, были внесены изменения в законодательство и положения о статусе иностранцев.

Главной целью так называемого «второго положения о безопасности» было ужесточение санкционирования институтов безопасности и содействие распространению информации среди них. Имело место фокусирование на усовершенствовании контроля за иностранцами. В результате полиция получила право на доступ к информации, предоставляемой Федеральной службой разведки и контрразведки (BND), а также на информацию, предоставляемую Федеральным ведомством по защите Конституции (BfV). Более того, и BND, и BfV получили доступ к информации, предоставляемой банками и другими финансовыми службами, о счетах, их владельцах и денежных переводах. Три

38 Петербургская резолюция и результаты заседания конференции доступны на сайтах: <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/29_08_02.shtml>, <<http://www.djv.de/aktuelles/themen/petersbergerkongress/referate.shtml>>

39 Интересующую информацию см. на сайтах: <http://www.bundesregierung.de/servlet/init.cms.layout.LayoutServlet?global.naviknoten=7694&link=bpa_notiz_druck&global.printview=2&link.docs=63590>, <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Pressemitteilung/ix_63537.htm>.

40 Положение о безопасности I можно найти на сайте: <http://www.bundesregierung.de/servlet/init.cms.layout.LayoutServlet?global.naviknoten=41&link=bpa_notiz_druck&global.printview=2&link.docs=59654>.

немецкие разведывательные службы, BND, BfV и MAD, получили санкцию на доступ к информации через все возможные телекоммуникационные каналы, ответственные за внешнюю безопасность, теперь они могли вести и внутреннюю разведывательную деятельность.

В целом I и II положения о безопасности потребовали исправления или ужесточения около 2 десятков законов, не считая большого количества соответствующих предписаний. Критики, а особенно критикующие положение о безопасности II, были обеспокоены новыми правами разведывательных служб на получение информации о частных лицах от банков, телекоммуникационных провайдеров и авиалиний. Они беспокоятся по поводу того, что усложнился контроль над разведывательными службами (Sanders 2002). Другая проблема состоит в том, что положение о безопасности II включает меры, которые, с одной стороны, существенно ограничивают гражданские свободы, не будучи полезными, с другой стороны, для предотвращения террористической деятельности.

Продуманное применение старого законодательства о безопасности, возможно, привело бы к более эффективным результатам. Те, кто придерживается такого мнения, считают, что государство более не обеспечивает баланс между гражданскими свободами и национальной безопасностью и тем самым подвергает опасности внутреннюю демократическую стабильность в стране (Sanders 2002; Meyer 2002)¹⁴⁴41.

Два года спустя после принятия положений о безопасности министр иностранных дел Германии Отто Шили критически пересмотрел их и пришел к выводу о позитивной роли положений в создании базы для предотвращения и борьбы с терроризмом. В последнее время наметившееся международное сотрудничество по обмену информацией и сведениями о личных данных продолжает крепнуть и развиваться. Развитие технологий безопасности стало основным приоритетом (Bundesministerium des Inneren 2003)¹⁴⁵42.

И всё-таки представители СМИ до сих пор уверены если не в прямых, то в косвенных ожидаемых в скором будущем последствиях нового законодательства о безопасности. Одной из первых реакций не только по отношению к Германии, но и к международным событиям, стало заявление организации «Репортеры без границ» в январе 2002 года. Проанализировав деятельность 15 государств, в которых были существенно ограничены гражданские свободы, эксперты организации поместили Германию на пятое место (после США, Великобритании, Канады и Франции) и назвали новое законодательство «катастрофическим». Одним из основных предметов исследования стало сокращение разрыва между задачами разведывательных служб и полиции и доступом разведывательных служб к базам данных полиции. Более того, журналисты были встревожены неограниченным правом государства на доступ к телекоммуникациям и информации, кто и с кем обменивается телефонными звонками и электронной почтой. В конечном счете они указали на неопределенность, с которой сформулировано новое законодательство (Friedenspolitischer Ratschlag 2002; Reporter ohne Grenzen 2002)¹⁴⁶43.

В то время как прямые и очевидные последствия для СМИ кажутся приемлемыми и вполне понятными, как, например, ограничения на получение разрешения, чтобы снять репортаж об атомной электростанции или аэропорте, косвенные последствия нового законодательства о безопасности предстают в виде дамоклова меча над головами журналистов.

Во-первых, новое законодательство о мониторинге телекоммуникаций также может быть применено к журналистам. Бывшие привилегии журналистов, которые защищали их

41 Доступно на сайтах: <<http://www.dradio.de/cgi-bin/es/neu-hintergrund/736.print>>, <<http://www.uni-kassel.de/fb10/frieden/themen/Innere-Sicherheit/meyer.html>>.

42 Доступно на сайте: <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Pressemitteilung/ix_92936.htm>.

43 Доступно на сайтах: <<http://www.uni-kassel.de/fb10/frieden/themen/Innere-Sicherheit/bericht.html>>, <http://www.reporter-ohnegrenzen.de/cont_Dateien/bilanz.php>.

от прослушивания телефонных разговоров полицией, больше недействительны. Решение было принято Федеральным конституционным судом в марте 2003 года (*Der Journalist* 2003a)¹⁴⁷44, оно имело серьезные последствия для защиты информаторов и их права отказываться от дачи свидетельских показаний в суде. Некоторые немецкие земли интенсивно продвигаются в этом направлении (Goblirsch 2003). Журналисты Германии выразили беспокойство по поводу расширяющегося права государства на наблюдение за телекоммуникациями, так как это жестко ограничивает свободу прессы. Доступ государства к телекоммуникациям СМИ — прямое нарушение ст. 5 немецкого Основного закона. Отношения, построенные на доверии между информаторами и журналистами, — основа любого серьезного и тщательного расследования. Подвергаясь риску постоянного наблюдения со стороны государства, эти существенные предпосылки станут менее прочными. С помощью нового законодательства о телекоммуникациях обвинительные службы смогут не только отслеживать информаторов, но и допрашивать их касательно расследований (DJV 2002c и 2002d; *Netzwerkrecherche* 2003a)¹⁴⁸45. Эти первые шаги в направлении, которое немцы называют «Großer Lauschangriff», были описаны как современный вид цензуры. Опасаясь прослушивания телефонных разговоров в издательских офисах, информанты будут воздерживаться от разглашения взрывоопасного материала, что сделает ненужной государственную цензуру (Seim, 2003, p.1)¹⁴⁹46.

Второй вопрос, который появляется после ужесточения мер безопасности, — это тактика постоянного откладывания одобрения законодательства о свободе информации в Германии. Законодательство должно, как и Акт о свободе информации в США, предоставлять всем гражданам право знакомиться с правительственными документами без необходимости подтверждать свой запрос. Инициатива закона о свободе информации в Германии относится к 2000 году¹⁵⁰47, она была частично представлена на государственном уровне, но не прошла на федеральный уровень (DJV 2002e и 2002f; *Netzwerkrecherche*, 2003b; Redelfs 2003; *Der Journalist* 2003b)¹⁵¹48.

Третий вопрос, который активно обсуждался в Германии после событий 11 сентября, касается роли и обязанностей СМИ, а также ответственности в случаях угрозы национальной безопасности. Спустя год после террористических атак Союз немецких журналистов пригласил 200 журналистов, медиа-аналитиков, исследователей и представителей сферы безопасности на конгресс в Петерсберг (Германия), чтобы обсудить специфическую роль СМИ во время угрозы национальной безопасности. Опубликование Петерсбергской резолюции стало показателем того, что немецкие СМИ не хотят становиться инструментом ни для террористов и их интересов в использовании СМИ как проводника их посланий, ни для руководителей государственных структур безопасности и их интересов получить позитивную, лояльную оценку и всеобщую патриотическую поддержку. Согласно резолюции, независимость и доверительность остаются неоспоримыми приоритетами немецких масс-медиа. В документе утверждается, что

44 Доступно на сайте: <<http://www.journalist.de/>>.

45 Доступно на сайтах:

<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/03_06_02.shtml>,

<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-21_10_02.shtml>,

<<http://www.netzwerkrecherche.de>>.

46 Доступно на сайте: <<http://www.journalist.de>>.

47 Проект закона и подробная информация доступны на сайтах:

<http://www.bmi.bund.de/Anlage3096/Entwurf_eines_Informationsfreiheitsgesetzes_IFG_mBegruendung.pdf>,

<http://www.bmi.bund.de/dokumente/Artikel/ix_28349.htm>,

<http://www.bmi.bund.de/dokumente/Artikel/ix_28324.htm>.

48 Доступно на сайтах: <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-06a_06_02.shtml>,

<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-11_10_02.shtml>, <<http://www.netzwerkrecherche.de>>, <<http://www.journalist.de>>.

неоспоримое право журналистов — информировать объективно и разнопланово, обращаясь также к критической информации. Цензура даже в случаях критических комментариев — неприемлема.

Петерсбергская резолюция провозгласила, что деятельность СМИ должна базироваться на общепринятых ценностях и иметь определенные границы согласно профессиональным нормам и журналистской этике. Бульварщина, используемая для увеличения объема тиражей, неприемлема, так как это явление отвечает интересам террористов, привлекая максимум внимания и распространяя страх и предубеждение среди населения.

В резолюции также акцентируется внимание на том, что принцип пропорциональности применим не только к освещению СМИ, но и к борьбе против терроризма, которая не приемлет государственных ограничений свободы прессы, свободы информации и свободы мнения, опирающихся на немецкий Основной закон, Европейскую конвенцию о правах человека и Всеобщую декларацию прав человека. Правительства обязаны гарантировать необходимые условия для реализации этих прав.

Более того, согласно резолюции, задача СМИ и журналистов в демократическом обществе — освещать события всестороннее, объективно, правдиво и критически. СМИ держатся на расстоянии от действующих лиц, отказываясь играть роль инструмента для государства и властей, и уважают частную неприкосновенность. Придерживаясь этих демократических и этических принципов, СМИ смогут выполнять своё общественное поручение в рамках свободы и демократии (DJV 2002g и 2002a)¹⁵²⁴⁹.

Докладчики Петерсбергского конгресса согласились с тем, что ни цензура, ни внутренняя цензура не могут стать решением проблемы во время национального кризиса. Свобода мнения и информации — существенные элементы, которые могут помочь прийти к решению проблем, и это особенно важно, когда под угрозой находится национальная безопасность. В ходе работы было достигнуто соглашение о поддержании открытого диалога между СМИ и структурами безопасности, который является единственным путем к сотрудничеству на условиях объективности и профессионализма¹⁵³⁵⁰.

Придерживаясь «золотой середины»: дебаты об ответственности СМИ

Ответственность и пропорциональность

Борьба СМИ и разведывательных служб между секретностью и прозрачностью, которая достигла нового пика после 11 сентября, показала, насколько необходимо найти новый разумный серединный курс. Этот курс должен следовать принципу пропорциональности. Службы безопасности должны достигнуть баланса в своем противодействии предоставлению информации, в то время как журналисты должны достигнуть баланса в удерживании информации от опубликования. Такая идея могла бы привести к концепции разделенной ответственности, как описал это Борн, чтобы разделить функцию демократического надзора между политическими лидерами и руководителями сектора безопасности (Wom 2002, p. 10). Концепцию можно расширить и распространить на другие общественные структуры, включая СМИ, если говорить об эффективной политике безопасности. Например, Миллер отмечает, что СМИ должны учитывать последствия своих статей и репортажей для национальной безопасности. С другой стороны, федеральное правительство и сектор национальной безопасности также ответственны за

49 Доступно на сайте: <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-29_08_02.shtml>.

50 Заседания конференции можно найти на сайте: <<http://www.djv.de/aktuelles/themen/petersbergerkongress/referate.shtml>>.

предоставление доступа общественным представителям и различным СМИ (Miller 2004, p. 247).

Мнения по поводу того, как далеко могут зайти СМИ в поиске компромисса, существенно отличаются. Некоторые отказываются признавать возможные последствия и не высказывают своего отношения из принципа. Так, Уорд (2004, p. 125) утверждает, что «первичная этическая обязанность журналиста, даже во времена кризиса, — не патриотизм в слепой преданности и даже не журналистика приглушенной осторожной критики. Первичная обязанность журналиста касается не государства, а общества. Общественная обязанность требует бескомпромиссных новостей, расследований, анализа и разнообразной разработки наиболее важных вопросов».

Другие соглашаются, что такие фильтры, как саморегулирование СМИ, имеют социальное и культурное обоснование. Но эти фильтры должны быть пропорциональны и не могут заменить компетенцию СМИ. Сейм (2003, p. 7) заявил, что то, что приемлемо для демократии, непостоянно, а потому не может быть фиксированных и окончательных условий и результатов. По этой причине крайне важно, чтобы журналисты не переставали внимательно наблюдать за своими государствами и обществами.

Немецкий медиа-аналитик Кепплингер (2001, p. 631) отмечает другой аспект. Учитывая риск опубликования определенной информации, журналисты также должны помнить о риске наказания за утаивание информации. Кто может предугадать последствия решения не публиковать информацию? В отдаленной перспективе эти последствия могли бы быть хуже, чем если бы общественность была проинформирована. Потенциальные негативные последствия опубликования материала должны быть соотнесены с последствиями отказа от публикации.

Уолдманн, немецкий социолог, эксперт по последствиям политических правонарушений, проанализировал взаимоотношения СМИ и руководителей сектора безопасности в различных странах. Он описал различные виды сотрудничества и соглашений между властями и масс-медиа, все плюсы и минусы саморегулирования СМИ, когда национальная безопасность находится под угрозой. Последующие рассуждения частично основаны на полученных им результатах (Waldmann 2002)¹⁵⁴⁵¹.

Активная и агрессивная деятельность средств массовой информации Аргентины в 1970-х годах, которая привела к военному перевороту, — пример негативных последствий журналистского вмешательства. С другой стороны, Уолдманн рассказывает о случаях, когда СМИ сыграли позитивную роль и способствовали довольно благотворным преобразованиям. Репортажи о невинных жертвах террористов в Северной Ирландии, а также в Басконии вызвали движение протеста, ослабившее позиции террористов в этих странах. Расследования журналистов помогли отследить заговорившие организации и воспрепятствовать террористическим атакам. Уолдманн выразил мнение о том, что точное, объективное и разностороннее описание контекста террористических атак имеет позитивный эффект, который помогает предотвратить обострение ситуации.

Великобритания имеет интересный опыт взаимодействия СМИ и правительства в вопросах, касающихся национальной безопасности. Здесь применялась смешанная система, которая включала в себя частично внешний контроль и частично самоцензуру, что показало хорошие результаты. Прежде всего, было заключено почти джентльменское соглашение между полицейскими и масс-медиа по поводу ограничения освещения в СМИ случаев похищения и киднэпинга. В свою очередь полиция согласилась ежедневно предоставлять узкому кругу журналистов детальную и актуальную информацию. Вторым элементом стало соглашение между полицией и СМИ о координировании усилий, направленных на разрешение Ольстерского конфликта. Третий элемент был особенно интересным, так как он был основан на неформальном сотрудничестве средств массовой информации и полиции в подготовке статей и публикаций на темы национальной

безопасности. Некоторые журналисты критиковали систему самоцензуры, ссылаясь на осязаемое психологическое давление, которое было на них оказано. Результатом этого стало нежелание многих журналистов иметь дело с событиями, касающимися конфликта в Северной Ирландии. Третий элемент не оправдал себя в данной ситуации. Только когда все участники стали говорить о мире и получили общественную поддержку, ситуация наладилась.

В настоящее время указания на саморегулирование и самоцензуру при освещении СМИ терроризма в основном характерны для США. Однако сложно оценить эффективность их функционирования. Аргументы в пользу таких указаний следующие:

1. Право на информацию и право на свободное мнение не должны противоречить праву на жизнь и личную безопасность (например случай похищения).

2. Профессиональные и этические нормы журналистики должны быть пересмотрены с учетом таких ситуаций, как террористические атаки. СМИ должны осознавать возросшую ответственность за свои действия.

3. Терроризм неизбежно ведет к напряжению между СМИ и службами безопасности. И вместо того чтобы тратить силы на противостояние, есть смысл поискать компромиссы.

Аргументы против таковы:

1. Основная сила СМИ в многообразии. Граждане в состоянии сделать выбор из различных новостных источников.

2. Добровольная самоцензура — первый шаг к ограничению свободы информации и свободы мнения, в чем и заинтересованы террористы, действуя против демократии.

3. Контроль СМИ особенно важен, так как нет уверенности в том, что органы безопасности следуют демократическим принципам на основе закона.

Взвесив все аргументы, Уолдманн пришел к выводу, что только в некоторых исключительных случаях можно принять ограничения свободы прессы, а именно при прямой угрозе человеческой жизни (Waldmann 2002)¹⁵⁵52.

Не одни только СМИ должны помнить об ответственности и пропорциональности, который может быть применен и к законодательству. Например, когда новые законы расширили права немецких институтов безопасности, включая разведывательные службы, СМИ и общество должны были также стать сильнее в своих правах на доступ к информации. Одним из важных шагов в этом направлении может стать принятие законодательства о свободе информации в Германии¹⁵⁶53.

Расследовательская журналистика: подходящая модель для наблюдения СМИ за разведывательными службами?

Вопрос заключается в том, как лучше журналистам выполнить свое общественное поручение, чтобы сделать события, касающиеся деятельности разведывательных служб, прозрачными для общественности. Нужно ли им обращаться за разрешением к властям, особенно когда на кону общественная безопасность, или им следует стать более усердными «сторожевыми псами», пока рассматривается новое законодательство?

Общепринятое мнение таково, что расследовательская журналистика — верный ответ на тайную политику государства. Пример Сеймура Херша и его разоблачений, связанных с деятельностью американских разведывательных служб, которые привели к расследованиям Церковного комитета в 1970-х годах и в результате — к более строгой системе наблюдения Конгресса за разведывательными службами, может стать доказательством такого тезиса.

52 Доступно на сайте: <http://www.djv.de/downloads/petersberg_waldmann.pdf>.

53 Интересующую информацию о законодательстве см. в разделе о немецких СМИ и разведывательных службах.

Эта тема нуждается в дальнейшем обсуждении, особенно после 11 сентября. Расследовательская журналистика в США не сработала в качестве предупредительной системы. Многие важные вопросы, широкое обсуждение которых могло бы стать предупреждением террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне, оказались вне поля зрения. Например, недостаточно освещенными были следующие темы: роль ЦРУ, возможности разведывательных служб в координации информации, нормы безопасности в аэропортах США, антиамериканские настроения мусульманского населения, глобальный риск биотерроризма (Weischenberg 2002, p. 10).

Североамериканские СМИ выразили беспокойство по поводу того, как развивалась журналистика в США в последние 20 лет. Появилась тенденция к информационно-развлекательным передачам, в которых доминируют уход от политики, секс и скандалы. «Вирус» быстро распространился на Европу, хоть и проявил себя там в меньшей степени. После 11 сентября у североамериканской журналистики появился шанс на новый старт, в расчете на понимание своей сущности и важности (Weischenberg 2002, p. 10). Тем не менее другой тенденцией стало давление на СМИ: патриотизм, социальная ответственность и в результате — распространение самоцензуры (RCFP 2003; Zelizer 2002)¹⁵⁷54.

Информационно-развлекательные тенденции, бульварщина, проявление острого патриотизма и лояльности вместо разнообразия и прозрачности — все эти тенденции не вступают в противоречие с англо-американским стилем расследовательской журналистики. И если ожидание проявлений патриотизма и лояльности может быть объяснено экстраординарностью ситуации в США после 11 сентября, информационно-развлекательные тенденции и бульварщина — это долгосрочные явления, которые нельзя оправдать таким же образом.

Является ли расследовательская журналистика эффективным методом контроля и надзора за разведывательными службами, если она подвержена влиянию в вопросах национальной безопасности и испытывает еще более сильное давление со стороны общества, ориентированного на развлекательную информацию? Ответ пока остается положительным, но совершенно ясно, что этот тип журналистики не может стать единственным решением. Позиции масс-медиа в обществе должны быть укреплены, а нормы их профессиональной деятельности и журналистской этики должны быть пересмотрены и конкретизированы с учетом негативного опыта. Проведение тщательных расследований, связанное с наличием ресурсов и готовностью к затратам по времени, должно подвергаться всестороннему обсуждению. Журналист должен быть достаточно осведомлен и уверен в надежности источников, предоставляющих высококачественную информацию и анализ. Он должен иметь возможность действовать независимо от коммерческого или идеологического давления. Более того, ему должен быть гарантирован доступ к правительственным записям. Журналист обязан соблюдать не только законодательство о свободе информации, но и правила использования материалов¹⁵⁸55. Законодательный, политический и общественный климат может стать опорой для критической журналистики даже в нестабильное и опасное время (Ward 2004, p. 367).

Назрела необходимость борьбы с бульварщиной и информационно-развлекательными тенденциями — явлениями, которые, безусловно, ослабляют роль СМИ как «четвертой власти» и тем самым делают более шатким их положение в обществе.

Роль СМИ в надзоре за разведывательными службами не должна быть ограничена условием ухода от скандалов. Напротив, общественные обсуждения должны отражаться на легитимности и демократичности целей разведывательных служб. Важно, чтобы то, что

54 The RCFP White Paper доступна на сайте: <http://www.rcfp.org/homefrontconfidential>.

55 См.: DCAF 2003, p. 56. См. также: Banisar 2002.

разведывательные службы действуют в рамках закона, отталкиваясь от законодательных стандартов и демократических надзорных механизмов, было заявлено общественности.

Когда пишешь о разведывательных службах...

В специальной литературе уделяется большое внимание вопросу создания журналистских статей о деятельности разведывательных служб. Приоритетом для каждого журналиста должно быть объективное информирование общественности, с учетом того, что он может быть использован в качестве инструмента для дезинформации разведывательными службами. Официальные заявления и служебные сообщения нужно воспринимать критически. Информацию, полученную от разведывательных служб, нельзя распространять без предварительного расследования. Используя такую информацию, журналисты должны всегда осознавать возможность определенного расчета со стороны властей, передающих эту информацию (Spoo 1987, p. 85).

Когда разведывательные службы пытаются активно влиять на работу журналиста, ему следует обратить на это внимание общественности или, по крайней мере, обсудить это с коллегами, чтобы таким образом получить поддержку от структур СМИ (Spoo 1987, pp. 99—100).

Лучшая основа для открытого диалога между институтами безопасности и СМИ — это объективное и профессиональное освещение деятельности служб безопасности (Kersten 2002). Это означает, что журналисты основывают свои статьи на детальных расследованиях, разоблачениях скрываемой информации, глубоком анализе и прямых комментариях. Информация о разведывательных службах и органах безопасности не должна быть представлена в скандальной или бульварной манере. По словам Уорда, «как журналисты мы должны стремиться действовать как общественные информаторы и интеллектуалы, не преследуя цель стать звездой или знаменитостью» (Ward 2004, p. 380).

Заключение

Роль, которую СМИ играют в надзоре за сектором безопасности и разведывательными службами в Германии, можно охарактеризовать как важную, но ее выполнение в действительности связано с гораздо большим количеством препятствий, чем принято считать. Журналисты, как правило, сталкиваются с препятствиями при написании статей о деятельности разведывательных служб. В данной главе был описан широкий круг проблем: экономические ограничения, профессиональная рутина, институциональное влияние, зависимость от источников разведывательных служб. Риск быть использованными службами разведки для дезинформации, нечетко определенные законодательные рамки, этические и профессиональные нормы и слабая традиция исследовательской журналистики в Германии — это те явления, которые нужно учитывать, рассматривая роль СМИ в надзоре за разведывательными службами в Германии. Приняв во внимание все вышеперечисленное, мы можем сравнить журналистов скорее с легкоатлетами, соревнующимися в беге с препятствиями, чем с бдительными сторожевыми псами. Участие в таких «соревнованиях» не стало менее сложным после 11 сентября. Как было сказано выше, препятствия нового законодательства о безопасности привели к ограничению основных журналистских привилегий, в частности права на защиту от прослушивания телефонных разговоров полицией, что повлияло на право отказываться от дачи свидетельских показаний, а также на защиту информаторов. Долгожданное принятие Акта о свободе информации, схожего с американской моделью, откладывалось несколько раз после 11 сентября и до сих пор ждет одобрения на федеральном уровне. К тому же немецкие журналисты не были избавлены от требований нести ответственность за возможные негативные последствия своих публикаций и, значит, отграничить публикации информации, касающейся аспектов безопасности.

Продолжающиеся дебаты по поводу ответственности СМИ очень наглядно свидетельствуют о крайней важности принципа пропорциональности. Руководители служб

безопасности должны придерживаться пропорциональности при противодействии предоставлению информации, а журналисты должны придерживаться пропорциональности, когда вынуждены утаивать информацию от общественности. Концепция разделенной пропорциональности может служить основой при определении общности: СМИ и разведывательные службы нуждаются друг в друге, чтобы достичь эффективной политики безопасности, с одной стороны, и демократической легитимности — с другой. Поэтому «фильтры», включая саморегулирование, в некоторой степени оправданны, хотя в то же время очень важно, чтобы журналисты не перестали обзирать дела общества и государства, внимательно наблюдая за ними. Но как правильно это делать? Расследовательская журналистика обычно рассматривается как подходящий способ для освещения тайной политики государства. Однако такой подход стоит еще обсудить. Как уже было замечено, последние тенденции, такие как сокрытие информации, рост бульварщины и стойкого патриотизма, подвергают опасности надзорную функцию СМИ. Эти негативные тенденции нужно минимизировать, а предпосылки для разведывательной журналистики — усилить в социальном контексте и внутри самой медиа-системы. С другой стороны, журналисты должны учитывать нормы и стандарты качества при освещении деятельности разведывательных служб. Как было замечено ранее, тщательные расследования и объективное предоставление информации можно назвать в числе наиболее существенных показателей работы. Объективное и профессиональное освещение СМИ деятельности разведывательных структур создает необходимый базис для открытого диалога между институтами безопасности и СМИ.

В заключение следует указать ещё на один аспект: нужно помнить, что невозможно говорить о «журналистах» или о «СМИ» в целом, когда вопрос касается отношений СМИ и институтов безопасности. Культурные и социальные различия определяют развитие различных видов журналистики. Роль, которую журналистика и политическая коммуникация в целом играют в различных странах, безусловно, многопланова (Esser and Pfetsch, forthcoming; Gunther et al. 2000; Thomaß und Tzankoff 2001). Даже в развитых западных демократиях журналистские модели существенно отличаются. Расследовательскую журналистику, типичную для Великобритании, можно рассматривать как эффективную, особенно в свете демократической роли СМИ — наблюдать. Однако — и это стало особенно ясно после 11 сентября — даже наиболее выраженная расследовательская журналистика может утратить характерные черты. Последние тенденции англо-американской журналистики включают такие аспекты, как рост развлекательной информации, концентрация частных СМИ, уменьшение количества источников и сокращение разнообразия выражаемых мнений, бульварщина, склонность к острому патриотизму, лояльность и самоцензура в США. Эти тенденции показывают, что даже традиционные примеры не могут служить фиксированными моделями журналистики. Нет «рецепта», нет золотого правила.

Тем не менее выполнение СМИ роли основного механизма демократического надзора предполагает усиление роли расследовательской журналистики в таких странах западной демократии, как Германия, а также странах, в которых расследовательская журналистика традиционно практикуется, например Великобритания и США, где негативные тенденции стали очевидными.

В то же время расследовательская журналистика может послужить моделью для стран переходного периода. Как немецкая журналистика нашла свой путь после Второй мировой войны в рамках перехода к демократии, так и современные страны переходного периода найдут свои собственные способы и инструменты.

Кроме негативных тенденций в некоторых странах переходного периода, где бульварщина и цензура являются преобладающими факторами в развитии СМИ, можно также найти и позитивные. Проведенные исследования политической культуры и роли СМИ в посттоталитарных странах показали, что «есть свидетельства поддержки средствами массовой информации принятия демократических норм и их конструктивной роли в

политическом укреплении стран» (Esser and Pfetsch, forthcoming; Schmitt-Beck and Voltmer 2001b). В ряде восточноевропейских стран СМИ, как и во многих западных странах, являются противниками политической апатии и оказывают влияние на повышение активности общества (Schmitt-Beck and Voltmer, 2001a). Только время покажет, как различные политические культуры регионов повлияют на СМИ с тем, чтобы они могли выполнять роль ответственного надзора за государственными институтами безопасности. Отношения между СМИ и сектором безопасности в западных странах с их хорошо развитыми демократическими традициями показывают, что путь вперед будет тернистым, и не только для стран переходного периода.

Литература

AGEE, P., AUST, S., BISSINGER, M., JÜRGENS, E., SPOO, E. (ed.). 1987. *Unheimlich zu Diensten. Medienmißbrauch durch Geheimdienste*. Göttingen: Steidl.

ARNDT, A. 1963. Demokratische Rechtsauslegung am Beispiel des Begriffes «Staatsgeheimnis». *Neue Juristische Wochenschrift*, 16 (1-2), 24-26.

ARNDT, A., LÖFFLER, M. 1969. *Presserecht. Kommentar Band I. Allgemeine Grundlagen. Verfassungs — und Bundesrecht*. 2nd edition. Munich.

ARTIKEL 5. DE. 2002. «Artikel 5 Grundgesetz». Available from URL <<http://www.artikel5.de/>> [Accessed 19 September 2003].

BANISAR, D. 2002. *Freedom of Information: International Trends and National Security*. Paper presented at the Workshop on Democratic and Parliamentary Oversight of Intelligence Services, 3-5 October 2002, organised by the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF).

BECKER, E. (erika_becker@hotmail.com). (26 August 2003). *Re: Fischer-Lex*. Personal correspondence via e-mail to A. Fritz (a.fritz@dcaf.ch).

BISSINGER, M. 1987. «Bundesnachrichtendienst: Warum so viele Journalisten für den Geheimdienst arbeiten». In: P. AGEE, S. AUST, M. BISSINGER, E. JÜRGENS, E. SPOO (ed.). *Unheimlich zu Diensten. Medienmißbrauch durch Geheimdienste*. Göttingen: Steidl, 57-72.

BORN, H. 2002. *Democratic and Parliamentary Oversight of the Intelligence Services: Best Practices and Procedures*. DCAF Working Paper Series No. 20. Geneva: DCAF. Available from URL <http://www.dcaf.ch/publications/Working_Papers/20.pdf> [Accessed 4 September 2003].

BUNDESMINISTERIUM DES INNEREN. 2001a. «Eckpunkte zum Sicherheits— paket II». Available from URL <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Pressemitteilung/ix_61828.htm> [Accessed 16 September 2003].

BUNDESMINISTERIUM DES INNEREN, 2001b. *Finanzielle und personelle Ausstattung für die innere Sicherheit wird 2002 erheblich ausgebaut*. Available from URL <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Pressemitteilung/ix_63537.htm> [Accessed 28 September 2003].

BUNDESMINISTERIUM DES INNEREN. 2002. «Entwurf eines Informationsfreiheitsgesetzes (IFG)». Stand 20.12.2002. Available from URL <http://www.bmi.bund.de/Anlage3096/Entwurf_eines_Informationsfreiheitsgesetzes_IFG_mit_Begruendung.pdf> And: <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Artikel/ix_28349.htm> <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Artikel/ix_28324.htm> [Accessed 28 September 2003].

BUNDESMINISTERIUM DES INNEREN. 2003. *Zwei Jahre nach dem 11. September 2001: Schily sieht Erfolge bei der Bekämpfung des internationalen Terrorismus*. Available from URL <http://www.bmi.bund.de/dokumente/Pressemitteilung/ix_92936.htm> [Accessed 28 September 2003].

BUNDESREGIERUNG. 2001. *Sicherheitsbehörden bekommen 2002 deutlich mehr Stellen und Finanzmittel*. Available from URL

<http://www.bundesregierung.de/servlet/init.cms.layout.LayoutServlet?global.naviknoten=7694&link=bpa_notiz_druck&global.printview=2&link.docs=63590> [Accessed 16 September 2003].

BUNDESREGIERUNG. 2002. *Erstes Anti-Terror-Paket*. Available from URL <http://www.bundesregierung.de/servlet/init.cms.layout.LayoutServlet?global.naviknoten=413&link=bpa_notiz_druck&global.printview=2&link.docs=59654> [Accessed 16 September 2003].

CAPARINI, M. 2002. *Challenges of control and oversight of intelligence services in a liberal democracy*. Paper presented at the Workshop on «Democratic and Parliamentary Oversight of Intelligence Services», held in Geneva 3-5 October 2002, organised by the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces.

DER JOURNALIST. 2003a. «Freibrief für Fahnder». *Der Journalist*, 5. Available from URL <<http://www.journalist.de/>> [Accessed 4 September 2003].

DER JOURNALIST. 2003b. «Informationsfreiheit lässt auf sich warten». *Der Journalist*, 6. Available from URL <<http://www.journalist.de/>> [Accessed 4 September 2003].

DER SPIEGEL. 1962a. «Bedingt abwehrbereit». *Der Spiegel*, No. 41, 10 October, 32-53.

DER SPIEGEL. 1962b. «Geheim ist, was den Ämtern nützt. Spiegel-Gespräch mit der amerikanischen Journalistin Marguerite Higgins». *Der Spiegel*, No. 49, 5 December, 56-63.

DER SPIEGEL. 2003a. «Affären: Auch Ex-Postminister Schwarz-Schilling stand auf Kirchs Payroll». *Der Spiegel*, 17/2003, 19 April 2003.

DER SPIEGEL. 2003b. «Affären: Wie Altkanzler Kohl seinem Freund Leo Kirch half». *Der Spiegel*, 18/2003, 28 April 2003.

DER SPIEGEL ONLINE. 2003. «Stasi-Vorwürfe. Wallraff fühlt sich nicht rechts— staatlich behandelt». *Der Spiegel Online*, 6 September 2003. Available from URL <<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,264622,00.html>> [Accessed 18 November 2003].

DEUTSCHER BUNDESTAG [No date]. «Die parlamentarische Kontrolle der Nachrichtendienste». Available from URL <<http://www.bundestag.de/gremien/parlkonneu/parlkon3.html>> [Accessed 23 September 2003].

DEUTSCHER BUNDESTAG. 2002. «Grundgesetz der Bundesrepublik Deutsch — land». Available from URL <<http://www.bundestag.de/gesetze/gg>> [Accessed 25 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV), 2002a. «Petersberger Erklärung». Available from URL :<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/29_08_02.shtml> [Accessed 23 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002b. «Petersberger Kongress. Schlaglichter aus den Referaten». Available from URL <<http://www.djv.de/aktuelles/themen/petersbergerkongress/referate.shtml>> [Accessed 23 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002c. «Internet — Überwachung gefährdet Pressefreiheit. DJV warnt davor, Überwachungsvorschriften in der Telekommunikation auszuweiten». DJV Press release, 03 June 2002. Available from URL

<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/03_06_02.shtml> [Accessed 8 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002d. «Keine Wanzen gegen Journalisten». DJV Press release, 21 October 2002. Available from URL <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-21_10_02.shtml> [Accessed 8 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002e. «Bundesbehörden dürfen weiter im Dunkeln munkeln. DJV: Scheitern des Informationsfreiheitsgesetzes ist ein politisches Armutszeugnis». Press release, 6 June 2002. Available from URL

<http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-06a_06_02.shtml> [Accessed 8 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002f. «Recht auf Akteneinsicht muss ausgebaut werden. Journalistenorganisationen fordern von Bundesregierung die zügige Verabschiedung eines Informationsfreiheitsgesetzes». Press release, 11 October 2002. Available from URL <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-11_10_02.shtml> [Accessed 8 September 2003].

DEUTSCHER JOURNALISTENVERBAND (DJV). 2002g. «Petersberger Kongress: Journalisten lassen sich nicht instrumentalisieren». Press Release, 29 August 2002. Available from URL <http://www.djv.de/aktuelles/presse/archiv/2002/druck-29_08_02.shtml> [Accessed 8 September 2003].

DEUTSCHER PRESSERAT. 2003. «Pressekodex». Available from URL <<http://www.presserat.de/site/pressekod/kodex/index.shtml>> [Accessed 2 October 2003].

DIEZ, G. 2003. «Günter Wallraff. Jetzt mal ganz unter uns». *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, 14 September, p.33. Available from URL

<<http://www.faz.net/s/Rub8A25A66CA9514B9892E0074EDE4E5AFA/Doc~EC8C601EB77514114BA7B190F44749A9E~ATpl~Ecommon~Scontent.html>> [Accessed 18 November 2003].

ENTSCHEIDUNGEN DES BUNDESVERFASSUNGSGERICHTS. 1966. «Zur Frage der Verfassungsmässigkeit von Durchsuchungen von Presserräumen», Vol. 20 (BVerfGE 20), No. 15, 162-230. Available from URL <<http://www.oefre.unibe.ch/law/dfr/bv020162.html>> [Accessed 4 September 2003].

EPSTEIN, E.J. 1975. *Between Fact and Fiction. The Problem of Journalism*. New York: Random House.

ESSER, F. 1999. «Gehemmter Investigativgeist». *Message*, 2. Available from URL <<http://www.message-online.de/arch0299/92esse.htm>> [Accessed 18 November 2003].

ESSER, F. and PFETSCH, B. (Forthcoming). «Comparing Political Communication: Reorientations in a Changing World». In: F. ESSER, B. PFETSCH (ed.). *Comparative political communication. Theories, cases, challenges*. New York: Cambridge University Press.

FELFE, H. 1986. *Im Dienst des Gegners: 10 Jahre Moskaus Mann im BND*. Hamburg: Rasch und Röhring.

FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG. 2003. «Stasi-Mitarbeit. Birthler gesteht Fehler — Wallraff wehrt sich». 5 September 2003, 1. Available from FAZ.NET at URL <<http://www.faz.net/s/Rub594835B672714A1D B1A121534F010EE1/Doc~ED0A033FFE6734994ACA315270BFA38BF~ATpl~Ecommon~Sspezial.html>> [Accessed 18 November 2003].

FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG. 2003. «Stasi-Mitarbeit. Birthler gesteht Fehler — Wallraff wehrt sich». 5 September 2003, 1. Available from FAZ.NET at URL <<http://www.faz.net/s/Rub594835B672714A1D B1A121534F010EE1/Doc~ED0A033FFE6734994ACA315270BFA38BF~ATpl~Ecommon~Sspezial.html>> [Accessed 18 November 2003].

FRIEDENSPOLITISCHER RATSCHLAG. 2002. «Pressefreiheit in Gefahr: 120 Tage Angriffe auf die unveräußerlichen Freiheiten. "Reporter ohne Grenzen" kritisieren 15 Staaten — Eine Studie über die "Top 15" der freiheitsbeschränkenden Staaten». Available from URL <<http://www.uni-kassel.de/fb10/frieden/themen/Innere-Sicherheit/bericht.html>> [Accessed 19 September 2003].

GENEVA CENTRE FOR THE DEMOCRATIC CONTROL OF ARMED FORCES (DCAF). 2003. *Intelligence Practice and Democratic Oversight — A Practitioner's View*. DCAF Occasional Paper Series No.3. Geneva: DCAF. Available online at: URL <http://www.dcaf.ch/publications/Occasional_Papers/3.pdf> [Accessed 4 September 2003].

GILL, P. 2003. *Democratic and Parliamentary Accountability of Intelligence Services after September 11th*. DCAF Working Paper No. 103. Geneva: DCAF.

GOBLIRSCH, M. 2003. «Abhören ohne Grenzen». *Der Journalist*, 9. Available from URL <<http://www.journalist.de/>> [Accessed 4 September 2003].

GUNTHER, R., MUGHAN, A. 2000. *Democracy and the Media. A Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

HARTWIG, K.-H., SCHRÖDER, G. 1999. «Das deutsche Mediensystem zwischen Markt— und Politikversagen — Wege zu einer rationalen Medienpolitik». Sonderdruck aus: *Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts— und Gesellschaftspolitik* 1999, 275-293.

HEIMS, H.J. 2003. «Günter Wallraf weist Stasi-Vorwürfe zurück. "Habe mit dem Teufel weder getanzt noch geflirtet"». *Süddeutsche Zeitung*, 9 September 2003, 6. Available from URL <<http://www.sueddeutsche.de/sz/politik/red-artikel1173/>> [Accessed 19 September 2003].

HENGESBERGER, H. 1974. «Landesverrat und Gefährdung der äußeren Sicherheit». In: P. Baldus, G. Willms (ed.). *Strafgesetzbuch. Leipziger Kommentar*. Vol. 2, §§ 80-262. 9th edition. Berlin, New York.

INTERNETDIENST DES DEUTSCHEN BUNDESTAGS. 2002a. «Die parlamentarische Kontrolle der Nachrichtendienste». Available from URL <<http://www.bundestag.de/gremien/parlkonneu/parlkon3.html>> [Accessed 18 November 2003].

INTERNETDIENST DES DEUTSCHEN BUNDESTAGS. 2002b. «Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland». Available from URL <<http://www.bundestag.de/gesetze/gg/>> [Accessed 9 September 2003].

JÜRGENS, E. 1987. «Wo die Pressefreiheit anfängt und der Freiraum für Dienste aufhört». In: P. AGEE, S. AUST, M. BISSINGER, E. JÜRGENS, E. SPOO (ed.). *Unheimlich zu Diensten. Medienmißbrauch durch Geheimdienste*. Göttingen: Steidl, 9-20.

JUNGE MEDIEN DEUTSCHLAND e.V., Landespressegesetz. «Pressegesetz des Landes Brandenburg vom 13 Mai 1993». Available from URL <<http://www.junge-medien.de/d/lv/jmbr/lpgesetz.htm>> [Accessed 18 November 2003].

KEPPLINGER, H.M. 2001. «Medien im Krieg. Journalistische Berichterstattung zu den Terroranschlägen vom 11 September». *Forschung & Lehre* 12, 630-631.

KERSTEN, K.U. 2002. *Für eine seriöse Berichterstattung zum Thema Terrorismus: Bundeskriminalamt ist zu offenem Dialog mit den Medien bereit*. Paper presented at the Petersberg Congress, Bonn, 29 August 2002. Available from URL <<http://www.djv.de/>> [Accessed 23 September 2003].

LARSEN, E. 1970. *Die Zeitung bringt es an den Tag*. Stuttgart.

LIVINGSTON, R. G. 2001. «Germany's Intelligence Failure». *The Washington Post*, 19 October 2001.

MARTIN, S. 2003. *Mediengattung Fernsehen. Medien und Märkte: Ökonomische Grundlagen der Massenkommunikation in Deutschland*. Vortragsmaterialien. Dresden, 2003. Available from URL <<http://www.tudresden.de/phfkw/semapp/ss03.pat/Mediagattung%20Fernsehen.pdf>> [Accessed 8 September 2003].

MEYER, B. 2002. «Die innere Gefährdung des demokratischen Friedens. Staatliche Terrorismusabwehr als Balanceakt zwischen Sicherheit und Freiheit». *Friedenspolitischer Ratschlag*. AG Friedensforschung an der Uni GH Kassel in Kooperation mit dem Bundesausschuss Friedensratschlag. Available from URL <<http://www.uni-kassel.de/fb10/frieden/themen/Innere—Sicherheit/meyer.html>> [Accessed 19 September 2003].

MILLER, E.D. 2004. «Balancing National Security and the Public's Right to Know after 9/11». In: M. CAPARINI (ed.). *Media in Security and Governance*. Baden-Baden: NOMOS, 265-279.

NETZWERK RECHERCHE. 2003a. «Telefonüberwachung: Lauschen am Rande der Legalität stoppen». Resolution des Netzwerks Recherche zur Telefonüberwachung, Hamburg: *Netzwerk Recherche*, 23 May. Available from URL <<http://www.netzwerkrecherche.de>> [Accessed 4 September 2003].

NETZWERK RECHERCHE. 2003b. «Informationsfreiheitsgesetz muss zügig verabschiedet werden — Aktionsbündnis macht sich für mehr Behörden— transparenz stark». Joint Press Release of *Netzwerk Recherche*, *Transparency International* and *Humanistische Union*, 27 May. Available from URL <<http://www.netzwerkrecherche.de>> [Accessed 4 September 2003].

NEUE ZÜRCHER ZEITUNG (NZZ). 2003. «Wallraff dementiert die Stasi-Vorwürfe. Die Gauck-Behörde hält an ihrer Darstellung fest». *Neue Zürcher Zeitung*, 09 September, 3.

NEUE ZÜRCHER ZEITUNG (NZZ). 2003. «Dunkelmänner suchen das Licht. Gründung eines Forums für Nachrichtendienste in Berlin». *Neue Zürcher Zeitung*, No. 254, 1—2 November, 5.

NEUE ZÜRCHER ZEITUNG ONLINE. 2003. «Günter Wallraff im Zwielficht. Neue Anhaltspunkte für Mitarbeiter bei der Stasi». *Neue Zürcher Zeitung Online*, 5 September. Available from URL <<http://www.nzz.ch/2003/09/05/em/page-article92QHE.html>> [Accessed 18 November 2003].

PÄTZOLD, U. 1980. «Hofberichterstattung oder Recherchenjournalismus — Zur Philosophie journalistischer Arbeit». In: W.R. LANGENBUCHER (ed.). *Journalismus & Journalismus. Plädoyers für Recherche und Zivilcourage*. München: Ölschläger, 21-33.

REDELFS, M. 2003. *Stellungnahme zum Referentenentwurf für das Informationsfreiheitsgesetz: Start in die Informationsfreiheit nur mit angezogener Handbremse?* Available from URL <<http://www.netzwerkrecherche.de>> [Accessed 4 September 2003].

REPORTERS COMMITTEE FOR FREEDOM OF THE PRESS (RCFP). 2003. *Homefront Confidential. How the War on Terrorism Affects Access to Information and the Public's Right to Know*. ARLINGTON: RCFP. Available from URL <<http://www.rcfp.org/homefrontconfidential>> [Accessed 18 September 2003].

REPORTER OHNE GRENZEN. 2002. «Bilanz der Pressefreiheit im Jahr 2002». Available from URL <http://www.reporter-ohne-grenzen.de/cont_dateien/bilanz.php> [Accessed 13 September 2003].

SANDERS, C. 2002. *Nichts ist mehr so, wie es mal war... Die Innere Sicherheit in Deutschland nach dem 11. September 2001*. Deutschlandfunk: Hintergrund Politik. Manuskript vom 13.09.2002. Available from URL <<http://www.dradio.de/cgi-bin/es/neu-hintergrund/736.print>> [Accessed 23 September 2003].

SAXER, U. 1988. «Journalistische Ethik im elektronischen Zeitalter — eine Chimäre?» In: L. Erbring, S. Russ-Mohl, B. Seewald, B. Sösemann (ed.) *Medien ohne Moral. Variationen über Journalismus und Ethik*. Berlin: Argon, 267-283.

SCHMIDT-EENBOOM, E. 1999. «Undercover». *Wie der BND die deutschen Medien steuert*. München: Droemer.

SCHMITT-BECK, R. 2003. «Mediensysteme, Medienpolitik und Demokratie». Vortragsmaterialien. No. 3: *Die Freiheit der Presse*. Institut für Politikwissenschaft, der Gerhard-Mercator-Universität Essen-Duisburg.

SCHMITT-BECK, R., VOLTMER, K. 2001a. *New Democracies without Citizens? Political Culture and the Mass Media in Six Post-Authoritarian Countries*. Paper presented to the Political

Communication division of the International Communication Association, 51st Annual Conference, Washington D.C., May 2001.

SCHMITT-BECK, R., VOLTMER, K. 2001b. *The Mass Media in Third-Wave Democracies: Gravediggers or Seedsmen of Democratic Consolidation?* Paper prepared for the conference of the CNEP2 project, Santiago de Chile, 10-13 December 2001.

SCHÖPS, H.J. 1997. «Ein Abgrund von Landesverrat. Die Spiegel-Affäre und ihre Folgen für die Bundesrepublik». *Der Spiegel. Sonderausgabe 1947-1997*, 56-81.

SCHUELER, H. 1982. «Was ist heute noch geheim?». *Die Zeit*, 22 October 1982, 18.

SEIM, R. 2003. «Eine Zensur findet nicht statt ... oder?» Vortrag auf der Jahrestagung der Journalistenakademie der Konrad-Adenauer-Stiftung vom 17-19 Januar 2003 auf Schloss Eichholz. *Journalist* 3, 1-7. Available from URL <<http://www.journalist.de>> [Accessed 4 September 2003].

SHPIRO, S. 2002. «Parliament, Media and the Control of Intelligence Services in Germany». In: J.P. BRODEUR, P. GILL AND D. TÖLLBORG (ed.). *Democracy, Law and Security. Internal Security Services in Contemporary Europe*. Aldershot: Ashgate, 294-315.

SPECK, U. 2003. «Ausgespart. Der Fall Günter Wallraff». *Frankfurter Rundschau online*, 5 September, Available from URL <http://www.fr-aktuell.de/ressorts/kultur_und_medien/feuilleton/?cnt=294368> [Accessed 18 November 2003].

SPOO, E. 1987. «Verfassungsschutz I: Schutz der herrschenden Meinung». In: P. AGEE, S. AUST, M. BISSINGER, E. JÜRGENS, E. SPOO (ed.). *Unheimlich zu Diensten. Medienmißbrauch durch Geheimdienste*. Göttingen: Steidl, 73-102.

STAADT, J. 2003. «Günter Wallraff: "Giftgas für die Bundeswehr"». *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 5 September, No. 206. Available from URL <<http://www.faz.net/s/Rub594835B672714A1DB1A121534F010EE1/Doc~E6931D78E1F4F4C208CBCBA1A02630566~ATpl~Ecommon~Scontent.html>> [Accessed 18 November 2003].

STARK, F. 1980. «Die offene Recherche und ihre Feinde. Gedanken beim Wiederlesen von Karl R. Popper». In: W.R. LANGENBUCHER (ed.). *Journalismus & Journalismus. Plädoyers für Recherche und Zivilcourage*. München: Ölschläger, 73-86.

SÜMENING, M. 2003. «Ich habe niemals mit dem Teufel getanzt». *Der Spiegel Online*, 8 September. Available from URL <<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,264793,00.html>> [Accessed 19 September 2003].

THOMAS, B., TZANKOFF, M. (ed.). 2001. *Medien und Transformation in Osteuropa*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

WALDMANN, P. 2002. *Medien versus Regierung. Konfliktdimension und Lösungsansätze*. Paper presented at the Petersberg Congress, Bonn, 29 August 2002. Available from URL <http://www.djv.de/downloads/petersberg_waldmann.pdf> [Accessed 23 September 2003].

WARD, S.J. 2004. «Global Journalism Ethics: Ethics in a Time of Terror». In: M. CAPARINI (ed.). *Media in Security and Governance*. Baden-Baden: NOMOS, 129-140.

WEISCHENBERG, S. 2002. «Apocalypse how? Journalismus und Patriotismus». Paper presented at the Petersberg Congress, Bonn, 29 August 2002. Available from URL <<http://www.djv.de/>> [Accessed 23 September 2003].

WEU Assembly, 2002. *Parliamentary oversight of the intelligence services in the WEU countries — current situation and prospects for reform*. Document A/1801. Available from URL <http://www.assemblyweu.org/en/documents/sessions_ordinaries/rpt/2002/1801.html> [Accessed 18 November 2003].

WINKELMANN, M. 1993. *Berichterstattung aus dem Dunkel der Geheimdienste. Journalisten auf verlorenem Posten? Untersuchung zu den Entstehungsbedingungen eines Themas politischer Kommunikation*. Münster, Hamburg: Lit.

ZELIZER, B., ALLAN, S. (ed). 2002. *Journalism after September 11*. London, N.Y., Routledge.

Заключение

Заключение

Душан Рельик

Мировая ассоциация газетных издателей (WAN, Париж) констатировала, что события последних лет свидетельствуют об упадке института свободы прессы во всем мире. Ассоциация сообщила факты, согласно которым в 2003 году были убиты 53 журналиста и работника СМИ, 15 из них — во время войны в Ираке или в последующий период. WAN также сообщает о новых случаях ограничения правительствами свободы самовыражения, всплеске конфликтов внутри стран и нападениях на журналистов¹⁵⁹¹. Серьезные ограничения свободы самовыражения в виде законов о национальной безопасности и законов о клевете в системе уголовного права означают, что множество журналистов заключены в тюрьмы, а практика самоцензуры продолжает развиваться. Есть факты, свидетельствующие об ухудшении условий для работы СМИ и зловещих перспективах для свободы прессы.

Доклад WAN, таким образом, подтверждает прогнозы создателей этой книги, которые в начале 2003 года, приступив к работе над своими главами, довольно пессимистически оценивали развитие отношений между новостными СМИ и властями по поводу надзора за правительством и службами безопасности во всем мире. У них сложилось впечатление, что последние глобальные политические изменения, особенно после террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года, привели к ограничению гражданских свобод во всем мире. С этим связано уменьшение возможностей СМИ в выполнении функции надзора за сектором безопасности и поддержании ответственности в различных странах.

В условиях кризиса демократия и законодательные нормы испытывают серьезные сложности с утверждением своей нормативной роли, даже в странах со стабильными правительствами, демократическими традициями и экономической стабильностью. Изменения на Западе немедленно сказались на политике СМИ в других регионах. Многие авторитарные власти в странах бывшего СССР и некоторых других странах переходного периода не могли не принять ещё более ограничивающие законы о национальной безопасности и вследствие этого «зажали в тиски» СМИ. Тот факт, что ведущие западные страны делают то же самое, служил им в качестве необходимого оправдания. Так, многие страны бывшего СССР, следуя примеру России, были готовы адаптировать свои так называемые доктрины о национальной безопасности, которые служили как законное прикрытие жесткого обращения с непокорными СМИ и журналистами. На Западе, однако, или как минимум в Западной Европе до сих пор существуют эффективные препятствия для авторитаризма, несмотря на то, что в странах переходного периода нормы права только начинают укрепляться.

За последние несколько лет появилось 3 группы негативных факторов, влияющих на функции СМИ по осуществлению надзора за сектором безопасности и поддержанию ответственности:

1. Шаги, предпринятые правительством США и многими другими западными правительствами, по ограничению свободны освещения событий, которые, согласно утверждениям властей, могут повредить борьбе против терроризма. Уже во время атак НАТО в Сербии в 1999 году стала очевидной готовность демократически избранных правительств считать новостные организации законными военными целями. Это было продемонстрировано во время бомбардировки НАТО Сербского государственного телевидения (RTS) в апреле 1999 года. Израильтяне наносят удары по палестинским СМИ. Вероятно, и другие атаки на организации СМИ без объяснения причины не заставят себя ждать. Особенно беспокоит неспособность Международной федерации журналистов и других журналистских объединений и организаций по правам человека «разбудить» общественность и получить

¹ World Association of Newspaper Publishers, «53 Journalists Killed in 2003; 15 Died in Iraq», Press Release, 18 March 2004, URL <<http://www.wan-press.org/article3992.html>>.

поддержку для политических действий, которые могли бы изменить политику демократических стран.

2. Непрерывающиеся конфликты в Афганистане и Ираке и возрастающее количество террористических атак и конфликтов внутри стран, а также другие формы насилия, особенно на Дальнем и Среднем Востоке, продолжают отклонять развивающиеся страны от курса на увеличение свобод и расширение возможностей для своих СМИ. Плохие экономические условия на периферии глобальной экономической системы препятствуют скорейшему развитию новостных СМИ.
3. Консолидация глав правительств, таких как Владимир Путин в России и Леонид Кучма в Украине, а также других стран бывшего СССР, которые в своих проектах «контролируемых демократий» продолжают ограничивать свободу СМИ. В Китае правительство стремится контролировать даже Интернет, и некоторые граждане попали в тюрьму за выражение своих взглядов в средствах массовой информации.

Все вместе эти негативные тенденции сокращают уровень международной активности новостных СМИ, особенно в освещении таких тем, как сектор безопасности. Иногда ситуация кажется гротескной и напоминает холодную войну, когда большинство СМИ осторожно следовали официальной политической линии. В большинстве случаев властям даже не приходилось предпринимать каких-либо особых действий, чтобы СМИ не мешали проводить официальную политику, особенно когда на кону стояли вопросы безопасности. Обманутые патриотизмом, который означал бесспорную поддержку государственной политики, отдельные новостные организации превратились в глашатаев правительства. Как прозвучало на Fox News Channel, многие репортажи российских СМИ о войне в Чечне и некоторые репортажи американских СМИ об атаках на Ирак являются примерами такого отношения.

Решение следовать официальному курсу может быть вызвано различными причинами. У Руперта Мурдоха, например, нет причин беспокоиться о своей безопасности, если его Fox News Channel критикует кампанию Джорджа Буша. Он мог бы беспокоиться о коммерческих последствиях этого, но если его вещательная сеть попытается изобразить картину реальности не черно-белой, а более яркой и разнообразной, не привлечет ли качественный репортаж еще больше зрителей?

Однако многие журналисты до сих пор рискуют личной безопасностью во многих странах, включая страны бывшего СССР. И это происходит несмотря на то, что большинство стран подписало важные документы ООН, СЕ и ОБСЕ, гарантирующие свободу слова. Пренебрегающий недовольством, сопровождавшим парламентские и президентские выборы, Кремль под руководством президента Владимира Путина установил контроль над большинством телевизионных каналов. Некоторые из наиболее влиятельных олигархов, поддерживающих в своих интересах СМИ, критикующие власть, оказались за решеткой. Национальные лидеры на Кавказе и в Центральной Азии придерживаются позиции Москвы, и даже Киев старается держаться поближе. Тенденцию к ограничению деятельности СМИ скоро поддержат остальные страны бывшего СССР с «неконсолидированными президентскими системами».

Даже в государствах с прочными традициями журналистской автономности отношения между властями и СМИ ухудшаются. Британская ВВС, почти синоним независимого медиа-института, оказалась стесненной необходимостью парировать правительственную критику её репортажей о войне в Ираке. Даунинг-стрит так же не расположена к критической журналистике, как когда-то — к освещению ВВС Фолклендской войны в начале 1980-х годов.

Потеря конфиденциальности в СМИ

Есть несколько причин того, почему общественность за последние десятилетия стала сомневаться в способности СМИ играть особенно важную роль в надзоре за сектором безопасности. Во-первых, это события, которые последовали за падением Берлинской стены в конце 1980-х годов, и разрушение однопартийных систем в Восточной и Юго-Восточной

Европе. Многие люди по всему миру почувствовали, что свобода мысли и свобода слова в конце концов восторжествовали после многолетнего подавления. Однако позже стало очевидно, что концепция «закончившейся истории» так же несостоятельна, как и вера в окончательную победу «либерального капитализма» (которая противоречила прогнозам западных экспертов).

Большие ожидания привели к большим разочарованиям, даже к страху за будущее. Создатели данной книги показали сбалансированную картину роли СМИ в надзоре за службами безопасности и их ответственности. Они не преувеличили своих достижений, но и не умилились своей ответственности при выполнении этого задания. Их общее заключение таково, что СМИ могут осуществлять надзор за сектором безопасности и содействовать его ответственности только в благоприятной политической, экономической и социальной среде. Более того, чем лучше они это делают, тем больший вклад они вносят в развитие всеобщей политической, экономической и социальной сферы.

Вторым источником неудовлетворенности является отсутствие обещанного позитивного эффекта новых технологий и их вклада в обеспечение прозрачности и ответственности в деятельности служб безопасности, а также в надзор за деятельностью последних. Когда общество получает доступ к новым технологиям, возникают большие политические ожидания.

В период между двумя мировыми войнами прошлого столетия казалось, что радио внесет существенный вклад в демократию и мир во всем мире. Немецкий драматург Бертольт Брехт опубликовал вдохновляющее эссе о «радио как коммуникационном аппарате», которое до конца 1970-х годов будоражило воображение многих специалистов по коммуникации. В середине XX столетия телевидение, спутниковые телекоммуникации и видеотехнологии давали много пищи для фантазии (стоит только вспомнить панегирики Мак-Лухана «глобальному сообществу»). Цифровые технологии и миниатюризация побудили многих возвестить о новой эре, о «конце расстояний». Появление Интернета как дешевой и эффективной глобальной коммуникационной структуры вызвало смелые прогнозы о «золотой эре коммуникации» не только для журналистов и СМИ, но и для демократии и управления как на национальном, так и на международном уровнях.

Хотя технические инновации открыли новые политические возможности, технология сама по себе вряд ли служит фактором демократизации. Важны задачи, для выполнения которых применяются технологии. Так, дешевое и несложное использование видеокамер помогло гражданским активистам в надзоре за действиями полиции во время массовых демонстраций и подобных событий. «Демократизационный» эффект новых технологий отметили Доминик Уислер и другие создатели данной книги. Вместе с тем этот тотальный надзор видеокамер вызвал в некоторых городских районах синдром «большой-брат-следит-за-тобой».

Точно так же Интернет помешал авторитарным правительствам препятствовать доступу к информации. Сегодня большинство демократических правительств издают законы о мониторинге электронной почты. Цифровая обработка данных и сохранение информации сделали правительственный контроль гораздо более легкой задачей. Теперь государство занимает более выгодную позицию для наблюдения за коммуникациями индивидов и целых групп, чем когда-либо ранее. Мало что указывает на то, что общество контролирует использование новых технологических средств, а вместе с тем и заявленную прозрачность и ответственность государственного управления и общественных институтов.

Один из последних примеров такой системы глобальной слежки известен как Echelon. Эта система надзора, возможно, наиболее могущественная из организаций по сбору сведений во всем мире. Несколько достоверных источников заявляют о том, что Echelon может перехватывать сигналы спутника, микроволновой печи, сотового телефона или оптоволоконных коммуникаций внутри и за пределами Северной Америки. Громадное количество голосовых и информационных коммуникаций обрабатывается при помощи специальных фильтрующих технологий. Конфиденциальные телефонные разговоры уже стали абсурдом — каждая цифровая коммуникация отслеживается. Для источников, которые

иногда предоставляли журналистам деликатную информацию, при использовании такой практики увеличивается риск «утечек».

В-третьих, ощущение того, что СМИ недобросовестно выполняют свою работу, вызвано нереалистичными ожиданиями относительно эффективности СМИ как инструмента по надзору за сектором безопасности. Это, однако, не только результат того, что академический и общественный дискурсы обычно приписывают СМИ несуществующую власть и важность («четвертая власть», «сторожевой пес» и т. д.). Напротив, само собой разумеется, что вездесущность СМИ гарантирует их всемогущество. Опыт, тем не менее, отрицает такую причинно-следственную связь. Как показывают многие достоверные исследования, несмотря на возрастание количества СМИ, общественное доверие к ним падает (Castells 1997).

Более того, анализ показывает, что в середине прошлого века общество доверяло СМИ больше, чем сегодня. В то время радио и особенно телевидение идентифицировались с государством и государственными деятелями и пользовались большим доверием. Общественная власть — государство, политики, СМИ — теряет доверие. «Инфляция СМИ» срабатывает подобно денежной инфляции: она обесценивает суть. Цифровые спутниковые станции предлагают зрителям сотни каналов, так что средний потребитель теряется в этом разнообразии. Общество начинает беспокоиться об утрате культурной и национальной идентификации, социальных связей и демократии. В западных демократиях падение избирательной активности и возрастающее негативное отношение к политике подтверждает вышесказанное (Baker 2002).

В-четвертых, развлекательная индустрия создала романтическую, нереалистичную картину контроля СМИ над «власть имущими» — термин, использующийся для описания армии, полиции и разведывательных служб бывшего СССР. В своём исследовании Отвин Маренин отметил, что многие офицеры полиции США стараются следовать образу, созданному развлекательной индустрией. Это касается и работников СМИ, которые вместе с общественностью романтизируют свою деятельность. Они представляют себя как поколение энергичных и бесстрашных героев телевидения, которые готовы и способны разоблачать коррупцию политиков, действия бандитов и других врагов общества. Большинство бывалых репортеров рассказывают, что именно такие представления повлияли на их выбор профессии. Однако, как было изображено в фильме «Вся президентская рать», журналисты и СМИ редко действуют именно так. Расследовательская журналистика требует серьезных ресурсов — издателя, готового инвестировать затянувшееся расследование, журналистов, способных к таким поискам, демократично настроенных чиновников, которые готовы помогать.

В реальности, журналистские расследования — это скорее исключение, чем правило. Чаще это «Sony журналистика» — восточноевропейское выражение, используемое для описания групп журналистов, проводящих часы перед закрытыми дверями со своими диктофонами и камерами в ожидании политиков для того, чтобы получить их заявление на восемь из десяти секунд. Со времен Билли Уайлдера ежедневная жизнь журналистов превратилась в источник постоянной неудовлетворенности и стресса, она совсем не напоминает романтическую профессию правдоискателя.

Недавние исследования, проведенные в Венгрии и некоторых других «новых демократиях», показали, что многие репортеры, обычно низкооплачиваемые, готовы заниматься общественными отношениями или даже вульгарной рекламой на любую тему за щедрый гонорар. К сожалению, скромный доход не единственная причина. В Германии веб-страница www.journalismus.com содержит список из нескольких тысяч компаний, предлагающих скидки и другие привилегии журналистам. Это подобно мелкой человеческой коррупции и касается чистоты их профессиональных идеалов.

Антъе Фритц в своей главе говорит о том, что прозрачность и контроль общественных властей со стороны СМИ возможны только в таких размерах, какие позволит государство. Очевидно, что журналисты не могут прослушивать государственные телефонные переговоры, в то время как государство легально прослушивает телефоны журналистов. Сотрудники служб безопасности могут вербовать журналистов (что они охотно делают), а журналисты могут

надеяться только на то, что хранители государственных тайн допустят «утечку» конфиденциальной информации, которая может быть интересной общественности. И это далеко не все из того, что государство может делать, а журналисты не могут. Итак, СМИ — слабая сторона, которая редко может доминировать над государственными интересами.

Усиление наднационального права, особенно в странах Европейского союза и государствах, где действуют требования Совета Европы, укрепило позиции сторонников публичности. Не случайно многие дела Европейского суда по правам человека (ЕCHR) касаются ст. 10 Европейской конвенции о правах человека. Конвенция стала неотъемлемой частью национальных законодательных систем в странах СЕ. Свобода слова, журналистов и СМИ поддерживается существенными наднациональными гарантиями. Однако для того чтобы осуществлять правосудие на наднациональном уровне, сначала должны быть испробованы все национальные средства защиты права. Только после этого дело может быть рассмотрено в ЕCHR, и это значит, что до того как нарушение прав будет признано, могут пройти годы. Тем не менее прецедентное право ЕCHR уже включает в себя длинный перечень подтвержденных нарушений ст. 10 Европейской конвенции о правах человека почти во всех странах СЕ. Эти вердикты помогают сдерживать произвол властей, укрепляют права журналистов и воодушевляют СМИ действовать в соответствии с нормативными ожиданиями.

Поддержание необходимой среды для СМИ

После обозначения некоторых серьезных ограничений роли СМИ в надзоре за властями, и в частности в создании условий ответственности для сектора безопасности, следует обратиться к тому, чего СМИ могут действительно достичь в этом отношении. Так, некоторые авторы полагают, что осуществление роли новостных СМИ в надзоре за сектором безопасности должно стать динамичным процессом. Это поможет СМИ избежать заблуждений в стремлении сделать то, что им под силу. Или, используя терминологию развлекательной индустрии, вместо обещаний хэппи-энда новостными СМИ, выступающими против злодеев, анализ степени участия СМИ в общественном надзоре за сектором безопасности должен ограничиться описанием и уяснением постоянной ежедневной драмы в общественной сфере, в которой СМИ являются лишь одним из определяющих факторов.

Динамическая модель анализа деятельности СМИ должна включать как минимум 4 оценочных модели:

1. Политическая среда для деятельности СМИ.
2. Экономическая среда.
3. Журналистский профессионализм.
4. Политическая психология общества.

Восприятие обществом деятельности СМИ как динамического процесса и избежание жесткого нормативного подхода должны сократить недовольство неспособностью новостных СМИ оправдать общественные ожидания. Как отметил Росс Ховард в своей главе, идеальная ситуация представляет собой «демократическое государство с оппозиционными партиями, гражданским обществом и финансово обеспеченными, независимыми новостными СМИ».

В отличие от этой идеальной ситуации наихудшей является реальность повседневной жизни многих стран, в первую очередь в Центральной Азии и некоторых развивающихся странах. Переходный период оказывается переходом от плохого к худшему. Такова, например, ситуация в Туркменистане, чей авторитарный лидер жестче и эффективнее подавляет свободу слова, чем ранее это делали советские власти. Мир полон надменных правителей, недостаточного уважения к правам человека и бессилия журналистов предупредить общественность о тех нарушениях, которые для них очевидны.

Более того, восприятие Запада как путеводной звезды к правам человека и свободе прессы в последнее время изменилось, и не только из-за страха перед террористами. Фреймут Дьюв, бывший представитель свободы прессы от ОБСЕ, высказался по поводу отношения итальянского премьер-министра и медиа-магната Сильвио Берлускони к СМИ и демократии в целом за последние несколько лет. Дьюв отметил, что в Италии, одной из стран —

основателей ЕС, существующая политическая элита не придерживается конституционных традиций Европы. Плюрализм вещательных СМИ находится в опасности, так как исполнительная власть может законно контролировать как общественные, так и частные вещательные компании.

В начале 2003 года представитель свободы СМИ от ОБСЕ также раскритиковал Федеральное бюро расследований (FBI) и Службу иммиграции и натурализации США (INS) за использование положения Патриотического акта для наблюдения за покупателями книг и читателями (изучались данные библиотек, газетные подписки и чеки книжных магазинов). «Правительственная прерогатива используется таким способом, что может вызвать у граждан боязнь пользоваться правом самовыражения», — сказал Дьюв Постоянному совету ОБСЕ, главному органу организации.

Можно ли было представить всего лишь 5 лет назад, что правительство США подвергнется острой критике международного органа, который оно же создало в середине 1970-х годов с целью найти способ закрепить в отдельных странах международные стандарты прав человека?

Отношение властей к СМИ зависит от политических, экономических и других условий. С одной стороны, СМИ могут в некоторой степени компенсировать политические и экономические недостатки страны. Примером этому является журналистская активность во время кризисов или войн. В своей статье Даниэль Сантер описывает, как независимые новостные СМИ в Сербии сформировали основу для противостояния авторитарному режиму Слободана Милошевича. Однако ситуация существенно изменилась в последние годы режима, когда благодаря деятельности гражданских инициативных групп, оппозиционных партий и другим факторам был создан прочный фронт, предпринявший активные действия для свержения правительства. Тогда новостные СМИ были одним из факторов, приведших к изменениям. Согласно другим примерам, их влияние было чаще всего ограничено. Так, во время атаки НАТО против Сербии в 1999 году правительство объявило военное положение и наложило строгие ограничения на СМИ, не остановившись перед убийствами неподчинившихся журналистов.

Новостные СМИ достигают разных уровней деятельности в периоды конфликтов и в военное время. Существует соответствующее положение в международном праве, как минимум в Европе. В чрезвычайных ситуациях, особенно в военное время, ст. 10 и 15 Европейской конвенции о правах человека предоставляют властям широкие полномочия в ограничении свободы самовыражения, однако таким решениям могут воспрепятствовать независимые суды. Тем не менее никакая судебная защита не может помочь, если во время национального кризиса общество психологически отвергает любую критику правительства. Новостные СМИ в борьбе с действиями правительства не могут победить в условиях национальной гомогенизации и при других обстоятельствах, когда эмоции заглушают рассудок. И всё же важно, что и после сурового испытания все ещё существуют независимые служители закона, которые готовы и могут восстановить нормы права.

Следует ли реформировать журналистику?

В то время как во многих странах переходного периода делаются первые шаги по защите свободы прессы, новые требования к СМИ возникают на Западе. Согласно этой позиции, журналистика, как и другие демократические институты, должна пересмотреть свою традиционную роль и взять новый курс. Многие считают, что неудовлетворенность деятельностью СМИ во время напряженности и конфликтов, низкий уровень политически миролюбивых настроений общества, участвовавшие предостережения о влиянии коммерциализации на возможности СМИ в выполнении своей роли «четвертой власти», технологический прогресс и, как результат, абсурдно большое число новостных и развлекательных источников указывают на то, что реформирование журналистики необходимо. Это привело (главным образом в США) к появлению моделей общественной и мирной журналистики, а также к оживленным дебатам об этих моделях.

Дебаты о противоречии, которое существует между общественной и мирной журналистикой, как правило, превращаются в обсуждение вопросов этики и морали. Позволяет ли профессиональная этика журналистам и СМИ становиться активными участниками тех процессов, которые они освещают? Этично ли для журналистов использовать свои репортажи для влияния на последствия таких процессов? Моральные проблемы становятся ещё сложнее, когда журналисты освещают конфликты в зарубежных странах, что лишь поверхностно сказывается на политической среде их стран. Имеют ли журналисты право оставаться нейтральными, наблюдая за жестокими войнами, геноцидом, даже если это происходит в отдаленных и политически «бесполезных» странах? Эти вопросы рассматривает в своей статье Грегори Кент. Он утверждает, что СМИ должны избегать моральной отстраненности и четко осознавать свою ответственность за любые неприемлемые действия во время освещения конфликтов.

Дилемма исчезает, когда мы принимаем во внимание то, что нет и не может быть ничего нейтрального в полном и точном описании войны и особенно судеб жертв войны, неважно с чьей стороны. Погибли ли десятки тысяч детей, подростков и взрослых во время Второй мировой войны при бомбардировке Гамбурга и Дрездена из-за того, что они были немцами, или потому, что поддерживали нацистское правительство? Должны ли швейцарские репортеры как обозреватели из нейтральной страны придерживаться других критериев при освещении ситуации из-за своей оппозиционности нацистскому режиму? Описание последствий войны автоматически превращается в критическую журналистику, потому что исчезает разделение жертв на «наших» и «ваших». СМИ корректно (в глазах общественности) очерчивают конфликт, если рассматривают все его аспекты без установленных заранее предпочтений. Как для этики, так и для морали разрушительно, когда журналист действует как «правительственный стенограф», передавая официальные взгляды так, будто бы он или она — на стороне одной из враждующих партий, и сообщая события избирательно, с оценкой того, что хорошо, а что плохо.

Какую позицию может выражать «преданный журналист», кроме позиции той стороны, которой он предан? Он журналист или политический активист, даже пропагандист? Есть опасный путь, который ведет от «преданной журналистики» к «внедренным журналистам». Сотни «внедренных журналистов» участвовали в атаках на Ирак в 2003 году как часть вооруженных сил США. О чем ещё может рассказать «внедренный журналист» общественности, кроме как о том, что он видел из танка, в котором передвигался?

Тот факт, что журналисты становятся всё более склонными к рефлексии и готовыми признать свою слабость, воодушевляет. Дебаты об общественной и мирной журналистике — показатель возрастающего сомнения в себе. Бесчисленные медиа-доклады, конференции и дебаты, включая данную книгу, посвященные деятельности журналистов в военное время или журналистскому надзору за сектором безопасности, подтверждают это. Далее, нужно заметить, что различные организации гражданского общества, изучающие деятельность журналистов и СМИ, всё чаще заявляют о себе. Создатели общественного мнения наконец-то привлекаются к ответственности перед обществом за то, что они делают. Новые коммуникационные технологии способствуют этому: сегодня читателям, зрителям, слушателям легче, чем когда бы то ни было, получить доступ к оригинальным репортажам СМИ и их анализу. Послать электронное письмо журналисту или редактору не составляет труда, и далее следует практически немедленная ответная реакция. Многие работники СМИ получают почти ежедневно отзывы от потребителей их продукции, и, как правило, это способствует корректировке имиджа журналистов. Возможно, поэтому они так редко указывают свои электронные адреса.

Перспективы

Глубоко продуманные и хорошо написанные книги обычно вызывают дальнейшие дискуссии. Если DCAF решит продолжить обсуждение роли СМИ в надзоре за сектором безопасности, дополнительное внимание необходимо будет уделить отношениям между

собственностью в секторе «четвертой власти» и деятельностью СМИ. Большинство авторов данной книги указали на тенденцию различных владельцев СМИ сократить расходы и увеличить доходы за счет качества журналистики. Форма собственности СМИ прямо влияет на журналистскую деятельность. Так, в 1999 году немецкие общественные вещатели предоставили в 3 или 4 раза больше эфирного времени для освещения событий в Косово, чем это сделали коммерческие СМИ. Чем больше эфирного времени выделяется на новости и освещение текущих событий, тем меньше его остается для рекламы и коммерческих программ. В то же время общественные службы вещания более критично отнеслись к попыткам правительства оправдать участие Германии в войне, например, предпринимая журналистские расследования для того, чтобы воспрепятствовать пропагандистским заявлениям министров обороны. Было бы интересно изучить уровень взаимозависимости между видом собственности и способностью СМИ критиковать власти.

Общественные вещательные службы, несмотря на их недостатки, в основном предлагают лучшие гарантии для журналистской независимости от государства и политического вмешательства. Однако общественная собственность в печатных СМИ — редкое явление. Сегодня растущее число высококачественных газет и журналов находится во владении трастов. Целью такой формы собственности является избежание опасности попадания СМИ в руки инвесторов, заинтересованных в основном в доходах и невнимательных к общественности или репутации их СМИ. В рамках некоторых дальнейших исследований предстоит выяснить, как собственность СМИ в форме трастов, или общественные вещательные службы, или другие нечастные формы влияют на журналистику, в частности касательно общественной власти и ярко выраженных коммерческих интересов.

Литература

- BAKER, C.E. 2002. *Media, Markets and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- CASTELLS, M. 1997. *The Information Age. Economy, Society and Culture Volume II: The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers.

Об авторах

Клод-Жан Бертран

Доктор Бертран — заслуженный профессор Института Français de Presse (Université de Paris-2). Специализируется в сфере СМИ и этики масс-медиа. В течение многих лет преподавал американскую цивилизацию (в частности СМИ США) в Страсбургском университете, затем в Университете Париж-10 (Нантерре). В 1985 году был приглашен для чтения лекций в Школу журналистики при Сиракузском университете. Наиболее значимые публикации — *The British Press* (1969); *Les médias aux Etats-Unis*, 5th ed. (1997, переведена на японский и испанский языки); *La television par cable en America y Europa* (1986); *Les médias américains en France* (1989); *La Déontologie des médias* (1997, переведена в США, Бразилии, Румынии, Армении и Греции), *Les médias en Grande-Bretagne* (1998) и *L’Arsenal de la démocratie* (1999).

Стивен Блэкуэл

Доктор Блэкуэл — руководитель Программы европейской безопасности в Королевском институте объединенных служб (RUSI) в Лондоне. Ранее являлся европейским редактором Jane's Sentinel Security Assessments и сотрудником Jane's Intelligence Review. Окончил Лондонскую школу экономики и Университет Уэльса. Автор ряда статей и соавтор книг о британской внешней политике и проблемах безопасности в Центральной и Восточной Европе.

Марина Капарини

Марина Капарини — старший сотрудник Центра демократического контроля над вооруженными силами (DCAF, Женева), координатор групп по гражданскому обществу и внутренним службам безопасности. Последние публикации — *Transforming Police in Central and Eastern Europe: Process and Progress* (2004) в соавторстве с Отвином Маренином и *Security Sector Reform in the Western Balkans, SIPRI Handbook 2004: Armaments, Disarmament and International Security*.

Антье Фритц

Антье Фритц обладает степенью магистра в области коммуникационных исследований и анализа СМИ, восточноевропейской истории и русского языка. С 2001 года – координатор по ресурсам исследовательской информации Центра демократического контроля над вооруженными силами (DCAF, Женева). В прошлом – научный сотрудник Института коммуникационных исследований при Университете Йохана Гуттенберга в Майнце. Работала в неправительственных организациях, исследовательских институтах и организациях СМИ, таких как Центр прессы ООН (UNIC) в Бонне, «Парламентарии за глобальные действия» (PGA) в Нью-Йорке и ZDF — немецкое телевидение в Майнце. Работала как научный сотрудник в Департаменте анализа СМИ, одном из наиболее известных немецких институтов по изучению возможностей рынка. В настоящее время учится в аспирантуре, специализируется на исследованиях мира и конфликта, с акцентом на гражданско-военных отношениях и демократическом надзоре за сектором безопасности.

Грегори Кент

Доктор Кент — автор работы «Очерчивание войны и геноцида: британские новостные СМИ и правительственная политика по Боснии» (2003). В настоящее время преподает международные отношения и историю в Университете Суссекса и является членом Центра Стэнхоупа по исследованию коммуникационной политики. Работает над книгой о мусульманских обществах, СМИ и войне.

Росс Ховард

Росс Ховард — журналист и консультант, специализирующийся на роли СМИ в зонах конфликтов и на роли СМИ во время выборов. Сотрудник Института масс-медиа, политики и гражданского общества (Канада), преподаватель Колледжа Лангара (Ванкувер), писатель. В последнее время руководил оценочными и тренировочными миссиями в Камбодже, Шри-Ланке и Непале. Автор работы *Conflict-Sensitive Journalism Handbook for International Media Support* (Дания), посвященной анализу СМИ и конфликтов в Европе и Северной Америке.

Джейк Линч

Джейк Линч — международный репортер, в настоящее время работающий в BBC News (Лондон). В прошлом — независимый сиднейский корреспондент, освещал брифинги НАТО для Sky News во время кризиса в Косово. Наиболее значимые публикации — *The Peace Journalism Option; What Are Journalists For?, Reporting the World — a practical checklist for the ethical reporting of conflicts in the 21st century* и «непревзойденное» руководство *Peace Journalism — What is it? How to do it?*. Разработал и преподает годичный модуль магистерской подготовки «Миротворчество СМИ: теория и практика» в Университете Сиднея, проводит тренинги по мирной журналистике в Индонезии, Норвегии, на Кавказе, Кипре и Среднем Востоке.

Отвин Маренин

Доктор Маренин — профессор политических наук, автор программы по криминальному праву в Государственном университете Вашингтона, где преподает криминальное право, сравнительную политику и курс «Война против наркотиков». Ранее работал на должности профессора в университетах Аляски, Колорадо, Дэнвера, Балтимора и др. Наиболее значимые статьи — *Policing Change, Changing Police: International Perspectives* (1996), *United States Police Assistance to Emerging Democracies* (1998), *Transforming Police in Central and Eastern Europe: Process and Progress* (2004) и *Global Cops: The Dynamics of Transnational Policing* (в печати).

Эрик Миллер

Эрик Миллер — старший следователь по обороне в Проекте правительственного надзора (POGO — это внепартийный, некоммерческий правительственный «сторожевой пес» в Вашингтоне). Ранее, до сентября 2000 года, более чем 20 лет работал как репортер и редактор в различных издательствах, включая Dallas Morning News, Dallas Times Herald, Arizona Republic, Tampa Tribune, Santa Fe New Mexican и D Magazine в Далласе. Выступал по разным вопросам, касающимся Парламентского подкомитета по национальной безопасности и программы «Расследование военных структур», на Первой ежегодной конференции в Вашингтоне «Военные репортеры и редакторы».

Монро Е. Прайс

Доктор Прайс — профессор и директор Программы Скуадрона по праву, СМИ и обществу Школы права им. Бенжамина Н. Кардозо при Университете Йесхива, основатель Программы сравнительного права СМИ и политики Центра социоправовых исследований при Оксфордском университете. Был членом Школы социальных наук при Институте специальных исследований (2000—2001). На протяжении 16 лет был профессором Школы права в Лос-Анджелесе при Калифорнийском университете. Вел активную гражданскую жизнь, был членом State Board of Community Colleges, работал заместителем директора Калифорнийской индийской юридической службы.

Душан Рельик

Душан Рельик с 1996 года — старший исследователь Европейского института СМИ (Дюссельдорф) в Берлине. С 2001 года — также старший научный сотрудник Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP, Берлин). Работал больше 10 лет в югославском агентстве новостей Tanjug, с 1991 года – зарубежный редактор белградского журнала новостей *Vreme*. Был одним из основателей Белградской прес-службы Beta (1993), позже стал старшим редактором радио «Свободная Европа» в Мюнхене (до 1996).

Даниэль Сантер

Даниэль Сантер — сербский руководитель проектов Института военной и мирной журналистики, неправительственной организации, призванной служить повышению стандартов и укреплению местной журналистики в конфликтных зонах. Тренируя репортеров, развивая диалог и предоставляя достоверную информацию, Институт служит миру, демократии и развитию обществ в период кризисов и перемен.

Филипп М. Тэйлор

Филипп М. Тэйлор — профессор международных коммуникаций в Университете Лидса. Читал лекции для военных учреждений, среди которых Королевский колледж оборонных исследований, Совместный объединенный колледж по подготовке офицерского состава, НАТО, Школа обороны, разведывательных служб и служб безопасности, Военный колледж армии США и Школа специальных операций военно-воздушных сил США. Автор 10 книг, включая *Munitions of the Mind: a history of propaganda from the ancient world to the present era* (новое издание, 2003).

Стивен Уорд

Стивен Уорд — адъюнкт-профессор Высшей школы журналистики при Университете Британской Колумбии. Стаж работы в качестве зарубежного корреспондента, редактора и менеджера новостей – 15 лет. Возглавлял ванкуверский отдел Канадской прессы (CP) с 1995 по 1998 год, а также был специальным корреспондентом CP в Европе с 1990 по 1994 годы. Обосновавшись в Лондоне, освещал такие события, как война в Персидском заливе, конфликт в Боснии и Северной Ирландии. Преподает курс по этике СМИ и праву, критическому мышлению в журналистике, прессе и обществу.

Айдан Уайт

Айдан Уайт — генеральный секретарь Международной федерации журналистов (IFJ) в Брюсселе. Консультант и советник институтов ЕС, СЕ и ООН по таким вопросам, как управление и политика СМИ в Европе и в мире, СМИ и право, развитие СМИ в Центральной и Восточной Европе, международная политика информации и коммуникации, социальные и демократические ценности и изменения в коммуникационных технологиях, права человека, развитие и роль СМИ. Ранее работал журналистом в британских газетах *The Guardian*, *The Sunday Times* и *The Financial Times*. Среди его публикаций — *Media Ethics and Gender* (1995), *Tolerance and Media in Eastern and Central Europe* (1997) и *Journalism, Civil Liberties and the War on Terrorism* (2002).

Доминик Уислер

Доктор Уислер — старший консультант Team Consult (ТС), консалтинговой фирмы по общественной безопасности в Женеве. В настоящее время руководит совместными проектами с полицейскими службами Боснии и Герцеговины и Мозамбика. Много лет преподавал политологию в Женевском университете и руководил проектами Швейцарского национального фонда для ученых по протестной политике, общественным отношениям и насилию. Его последняя книга *Des pavés, des matraques et des caméras*

(«Городское насилие, полиция и СМИ») была опубликована в 2003 году издательством L'Harmattan, Париж.

Научное издание

**МАСС-МЕДИА, СЕКТОР БЕЗОПАСНОСТИ И УПРАВЛЕНИЕ.
РОЛЬ НОВОСТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В
КОНТРОЛЕ И ПОДОТЧЕТНОСТИ СЕКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ**

Научное пособие

Под редакцией М. Капарини

Перевод —

Компьютерный макет —

Корректор —

Сдано в набор 00.00.2005 г. Подписано в печать 00.00.2005 г.
Формат 60X84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ № .
